

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ
В ГОД

НАУКА
МОСКВА

В НОМЕРЕ:

Русский каганат IX века

Русь и Орда после Куликовской битвы

Александр I и Аракчеев

Аграрный вопрос в Нагорной Чечне
во второй половине XIX века

Отечественное и иностранное
предпринимательство в России
XIX – начала XX века

Полковник К.И. Рябцев.
Страницы биографии

Российская эмиграция в 20–30-е годы.
К истории идеологии

Мир мнений советского человека.
1945–1948 гг. Окончание

Целинная эпопея:
первая хрущевская "сверхпрограмма"

Версии и гипотезы

Тайна "заговора Тухачевского"

Дискуссии и обсуждения

"Красная смута" на "круглом столе"

июль
август

1998 * 4

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.В. ТЮТЮКИН (*главный редактор*),
А.И. АКСЕНОВ, Ю.С. БОРИСОВ, В.Я. ГРОСУЛ,
П.Н. ЗЫРЯНОВ, А.П. КОРЕЛИН, Ю.С. КУКУШКИН, В.С. ЛЕЛЬЧУК,
Л.Н. НЕЖИНСКИЙ, Ю.А. ПЕТРОВ, Е.И. ПИВОВАР,
Ю.А. ПОЛЯКОВ, М.А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
А.Н. САХАРОВ, С.С. СЕКИРИНСКИЙ, В.А. ФЕДОРОВ,
К.Ф. ШАЦИЛЛО, Я.Н. ЩАПОВ

Адрес редакции:

117036, Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 123-90-10; 123-90-41

Ответственный секретарь Ю.В. Мочалова
Тел. 123-90-10

EDITORIAL BOARD

S.V. TIUTIUKIN (Editor-in chief),
A.I. AKSIONOV, Yu.S. BORISOV, V.Ya. GROSUL,
P.N. ZYRIANOV, A.P. KORELIN, Yu.S. KUKUSHKIN, V.S. LEL'CHOUK,
L.N. NEZHINSKII, Yu.A. PETROV, E.I. PIVOVAR,
Yu.A. POLYAKOV, M.A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in chief*),
A.N. SAKHAROV, S.S. SEKIRINSKII, V.A. FEDOROV, K.F. SHATSILLO, Ya.N. SCHAPOV

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia, Tel. 123-90-10; 123-90-41

Managing Editor Yu.V. Mochalova
Tel. 123-90-10

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ЧЕТЫРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 2-х АВТОРСКИХ ЛИСТОВ (48 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ТРИ ЭКЗЕМПЛЯРА, ОДИН ОСТАЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ

РУССКИЙ КАГНАТ IX ВЕКА

Информация о русах, содержащаяся в произведениях византийских и арабских авторов IX–XII вв., обычно рассматривается исследователями суммарно, без попыток выделения отдельных исторических периодов. Фрагментарность и некоторая противоречивость данных о русах в раннесредневековых источниках дали возможность историкам высказать множество различных предположений с весьма неоднозначными выводами, которые нередко прилагаются как к IX, так и к X–XI вв. Между тем современная археология располагает конкретными материалами для воссоздания исторической ситуации в Восточной Европе по отдельным хронологическим срезам. Этнокультурные карты, составленные по археологическим данным, достаточно определенно свидетельствуют, что историческая ситуация IX в. самым существенным образом отличалась от той, которая наблюдалась в следующем столетии. Поэтому прямой перенос источниковых сведений, относящихся к X–XI вв., на предшествующий период восточноевропейской истории абсолютно не правомерен.

В настоящей статье на основании исторических источников и данных археологии исследуются события, имевшие место в южной части Восточной Европы в IX в. – до 882 г., когда, как сообщает Повесть временных лет, Олег из Новгорода, собрав войско, направился в Среднее Поднепровье, овладел Киевом и бежа у него варязи и словени и прочи прозвашася русью¹.

В VIII–IX вв. ведущее место в истории южных земель Восточной Европы принадлежало Хазарскому каганату². Это было довольно мощное государственное образование, сумевшее длительное время сдерживать натиск Арабского халифата на юге и подчинившее ряд воинственных кочевых племен, населявших степи Юго-Восточной Европы. Хазария занимала обширную территорию, включавшую на юге Восточное Приазовье, Кубань и предгорья Кавказа вплоть до Каспийского моря, на севере – среднее течение Дона и весь бассейн Северского Донца, на западе – Северное Приазовье и часть Крыма. Население Хазарского государства было полиэтничным, в его составе были хазары, аланы, болгары, угры, славяне, а также мелкие племенные группы. Арабские авторы сообщают о десятке городов-крепостей Хазарии, имевших мощные каменные фортификационные сооружения. Они сосредоточивались в основном на юго-востоке страны, куда через Дербентские "ворота" в первую очередь могли проникнуть войска главного противника Хазарии – Арабского халифата.

В VIII в. на очерченной территории Хазарской державы получила распространение салтово-маяцкая культура (см. рис. 1)³. Как показал М.И. Артамонов, это была культура всего населения Хазарского государства, хотя по деталям погребальной обрядности, керамическому материалу и особенностям домостроительства выявляются места проживания различных племенных групп, входивших в состав Хазарии.

В 20–30-х гг. IX в. у Хазарского государства появился новый мощный соперник. В начале 30-х гг. правители Хазарии уже не могли сдерживать натиск некоего воинственного соседа и были вынуждены направить послов в Византию с просьбой о помощи в крепостном строительстве. Византийский император Феофил (829–842 гг.) благожелательно отнесся к этой просьбе. Константин Багрянородный сообщает, что в Хазарию направилась миссия во главе с Петроной Каматиром⁴. Очевидно, в Константинополе придавали этой миссии большое значение: Каматиры принадлежали к знатым фамилиям, а Петрона приходился братом Феодоре – жене императора.

Византийская экспедиция в Хазарию состояла из двух частей. На царских судах, вышедших из Константинополя, по-видимому, находились сам Петрона, сопровождавшие его и охрана. Кроме того, по распоряжению императора в экспедиции в Хазарию участвовала группа людей из Пафлагонии – византийской фемы, расположенной на южном побережье Черного моря.

* Седов Валентин Васильевич, член-корреспондент РАН, заведующий отделом Института археологии РАН.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-01-00368).

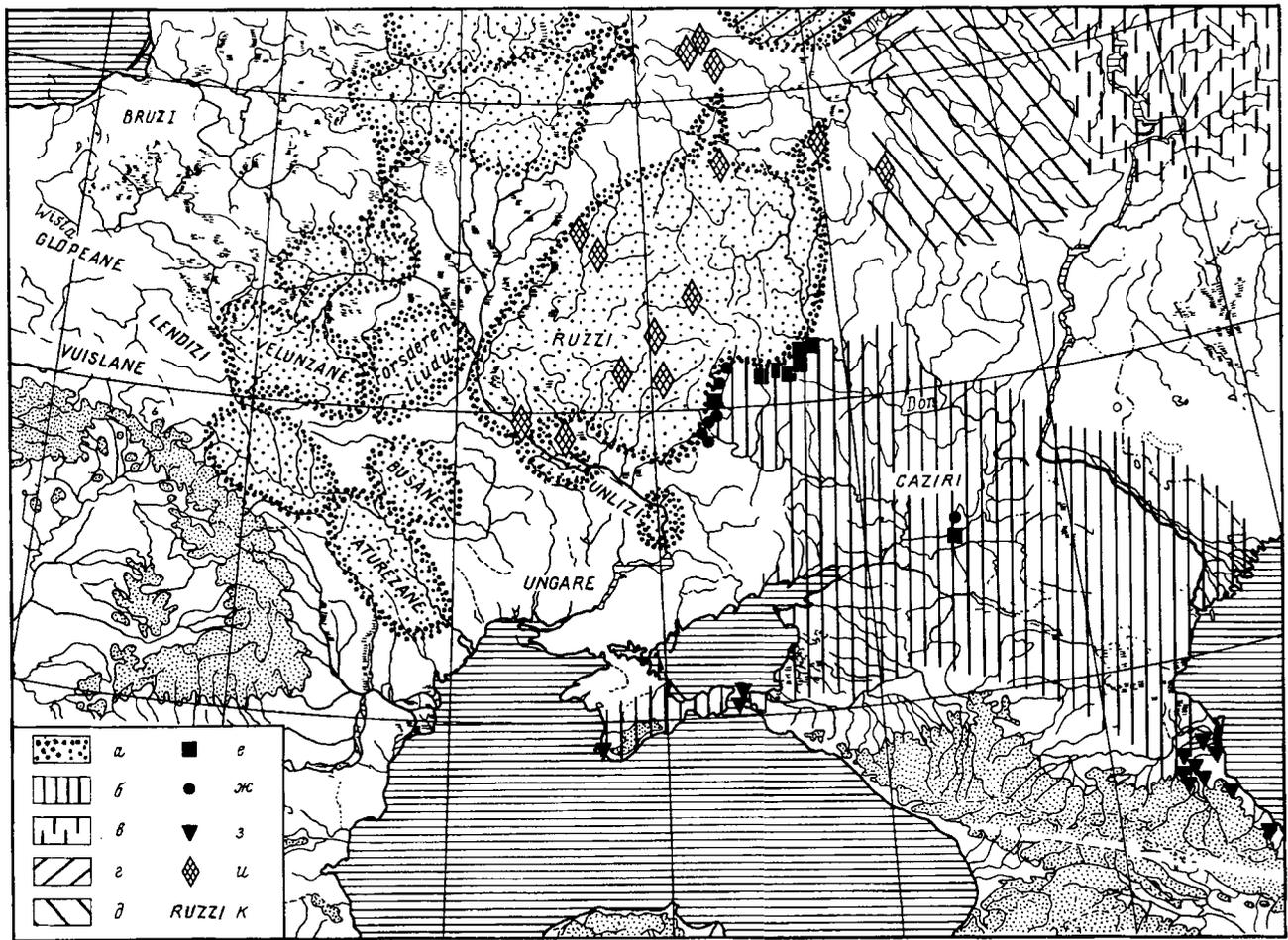

Рис. 1. Историческая ситуация в Юго-Восточной Европе в первой половине IX в.
 а – археологические ареалы славян; б – территория салтово-маяцкой культуры; в – ареал волжских болгар; г – муромы; д – мордвы; е – хазарские крепости, выстроенные византийскими мастерами в 830-х гг.; ж – хазарские городища, на которых византийскими строителями в те же годы были воздвигнуты каменные фортификации; з – прочие крепости Хазарского каганата; и – места находок пятилучевых височных колец (четвертой группы по Е.А. Шинакову); к – этнонимы "Баварского географа".

Пафлагонцы прибыли в Херсон отдельной флотилией. Скорее всего, они составляли основную часть военных инженеров и строителей, которым предстояло заниматься в Хазарии фортификационной деятельностью. Сам Петрона, как и его сестра-императрица, происходили из Пафлагонии; именно этим, нужно полагать, объясняется использование для выполнения военно-инженерных работ в Хазарии мастеров из этой фемы. При дворе Феофила было немало выходцев из восточных провинций Византийской империи, которые имели большой вес в Константинополе.

Далее Константин Багрянородный рассказывает о постройке экспедицией Петроны Саркела – мощной крепости на левом берегу Дона (в устье р. Цимла). Она имела в плане форму четырехугольника размером 193,5×133,5 м, кирпичные стены толщиной 3,75 м и башни по углам и вдоль стен⁵. Константин Багрянородный не называет точной даты возведения крепостных сооружений Саркела. Но о строительстве Саркела сообщают еще "Продолжатель Феофана" и Георгий Кедрин (исследователи полагают, что все эти сообщения восходят к единому несохранившемуся источнику IX в.). Кедрин датирует экспедицию Петроны и постройку Саркела 834 годом, "Продолжатель Феофана" помещает это событие перед известием о начале военных действий императора Феофила против арабов в 837 г.⁶

О том, что строители крепости Саркел вышли, скорее всего, из малоазийских провинций Византии, свидетельствуют и результаты археологического изучения этого памятника. Формат кирпича, технология кладки, как и исключительно геометрический план крепости, – отмечал П.А. Раппопорт, – не обнаруживают большого сходства с собственно византийской строительной традицией. Крепостные сооружения Саркела имеют особенности, сближающие их с раннесредневековой строительной техникой Кавказского региона, в частности Албании, при наличии отдельных элементов, сопоставимых с иранским строительством⁷. Такое сочетание строительных приемов свойственно было восточным провинциям Византийской империи.

По возвращении в Константинополь Петрона Каматир заявил Феофилу: "Если ты хочешь всецело и самовластно повелевать крепостью Херсоном и местностями в нем и не упускать их из своих рук, избери собственного стратига и не доверяй их протевонам и архонтам"⁸. Как известно, до 30-х гг. IX в. Крымская Готия находилась в подчинении Хазарии. Херсон с округой пользовался самоуправлением и возглавлялся местным должностным лицом – протевонам. Очевидно, в связи с военно-фортификационной помощью, оказанной Византией, Хазария вынуждена была уступить империи Крым, который превратился в новую византийскую фему. Первым стратигом ее стал Петрона Каматир, которого император Феофил направил в Херсон, "повелев тогдашнему протевону и всем [прочим] повиноваться ему. С той поры до сего дня стало правилом избирать для Херсона стратигов из здешних"⁹.

Постройка Саркела была, по-видимому, не единственной задачей византийской миссии Петроны. Исследователи не раз обращали внимание на то, что строительство одной крепости было действием, отнюдь не равноценным уступке Херсона с округой Византийской империи. Археологические изыскания показывают, что византийское военно-фортификационное строительство в Хазарии в 30-х гг. IX в. не ограничилось возведением Саркелской крепости. Византийские строители еще произвели весьма обширные работы по укреплению северо-западных рубежей Хазарского каганата – в том регионе, где территория салтово-маяцкой культуры вплотную соприкасалась с ареалом волынецкой культуры.

До 30-х гг. IX в. на северо-западном пограничье Хазарии использовались старые укрепления – городища, возникшие еще в скифское время. Они были устроены на труднодоступных мысах коренных берегов рек и воспринимались средневековым населением как естественно защищенные участки местности, способные обеспечить безопасность жителей близлежащих селений. Планировка этих городищ зависела исключительно от природных факторов. Хазары лишь усилили дерево-земляные укрепления некоторых из них.

В 830–840-х гг. на северо-западной границе Хазарского государства, по берегам р. Тихая Сосна (правый приток Дона) и в верховьях Северского Донца были воздвигнуты крепости совершенно иного типа. Они имели отчетливую геометрическую планировку, а по периметру – стены, сложенные из обработанного камня или кирпича. Природные факторы в их обороне играли второстепенную роль, естественную защиту имела лишь одна, выходящая к реке сторона крепости. Таких крепостей на салтово-волынецком пограничье было построено семь – городища Алексеевское, Верхнеольшанское, Верхнесалтовское, Колтуновское, Красное, Маяцкое и Мухоудеровское. К этому же типу укреплений принадлежит и Саркел.

Г.Е. Афанасьев, обстоятельно исследовавший укрепленные поселения Донского региона салтово-маяцкой культуры, показал, что названные крепости не имеют генетической связи с местным фортификационным строительством. Их планировка и использованные строительные

приемы, несомненно, восходят к традициям византийской крепостной архитектуры. Исследователь, выявляя различия между каменными крепостями Донского региона и синхронными хазарскими фортификациями Дагестана, Прикубанья и Крыма, приходит к заключению, что возведение крепостей на северо-западных рубежах Хазарии не связано с ними и могло быть осуществлено только при участии мастеров из Византийской империи, имевших опыт в строительстве фортификационных сооружений такого характера (к сожалению, автор не уточняет, выходцами из какого региона империи были эти мастера). Аналогичные крепостные постройки, выполненные в технике панцирной кладки – из отесанных каменных блоков с забутовкой из рваного камня и щебня, как отмечает Г.Е. Афанасьев, имеются среди памятников Первого Болгарского царства. Но и там техника фортификационного строительства, согласно данным болгарских исследователей, связана с византийской традицией¹⁰.

Одновременно со строительством новых крепостей на северо-западных рубежах Хазарского государства существенно реконструируются некоторые старые укрепленные пункты. Один из них – Дмитриевское городище – исследован С.А. Плетневой. Материалы раскопок позволили утверждать, что в 830–840-х гг. в этом поселении, занимавшем площадь 20 м × 40–100 м, по периметру были сооружены мощные "двухпанцирные" стены из белого камня. Исследователь отмечает, что традиции возведения каменных фортификаций в лесостепном Подонье не существовало. В строительстве крепости на Дмитриевском городище, несомненно, участвовали пришедшие мастера: в руинах каменной стены при раскопках был обнаружен глиняный сосуд, не свойственный лесостепному региону салтово-маяцкой культуры¹¹.

Возведение каменных крепостных стен, подобных укреплениям Дмитриевского городища, зафиксировано археологами еще в четырех пограничных хазарских поселениях того же региона: Кабаново, Коробовы Хутора, Мохнач, Сухая Гомольша¹².

Местоположение каменных крепостей Хазарии, выстроенных в византийской фортификационной традиции, свидетельствует, что все они предназначались для охраны северо-западных рубежей Хазарского каганата. Западнее и севернее этого государства простиралась земля одного из крупных диалектно-племенных образований раннесредневековых славян, которое археологически представлено волынцевской культурой (см. рис. 1). Очевидно, что эта большая группировка славян и стала в 30-х гг. IX в. угрозой для Хазарского каганата. Другого крупного соперника в Восточной Европе у Хазарии в это время просто не было.

Скандинавы-варяги в первой половине IX в. никак не могли представлять угрозу Хазарскому государству. Их культурные следы фиксируются только в низовьях Волхова. В Ладоге выходцы из Скандинавии появились около 750 г. До 860-х гг. она была небольшим поселением, в котором проживали также славяне и местные приладожские финны. Судя по вещевым и керамическим находкам, Ладога являлась в это время не военным, а торговым или торговом-ремесленным селением¹³.

Две находки скандинавского происхождения, датируемые VIII – первой половиной IX в., обнаружены еще в Сарском городище близ Ростова Ярославского – в предполагаемом центре летописной мери¹⁴. Связаны ли эти находки с первым проникновением скандинавов в земли Волго-Окского междуречья или же они являются результатом торговых контактов, сказать трудно.

Основание всех других поселений и могильников, в которых археология фиксирует присутствие скандинавских культурных или этнических элементов (Новгородское городище, именуемое обычно Рюриковым; Гнездовский археологический комплекс и курганы в Новоселках близ Смоленска; курганные могильники и поселения в округе Ярославля; курганы Юго-Восточного Приладожья; Шестовицкий и Черниговский курганные могильники) относятся к более позднему времени – второй половине IX в. или к рубежу IX и X вв.¹⁵ Волжский и Днепровский водные пути, как свидетельствуют данные археологии и, в частности, карты находок кладов куфических (арабских) монет¹⁶, в IX в. еще не функционировали.

Итак, если прежде Хазарский каганат имел мощные города-крепости преимущественно на юго-востоке, там, где его потенциальным противником был Арабский халифат, то в 30-х гг. IX в. Хазария вынуждена была создать ценою территориальных уступок с помощью византийских военных инженеров и строителей на северо-западных рубежах достаточно сильную для своего времени систему обороны, способную сдерживать натиск крепнущего соседа – носителей волынцевской культуры.

Ареал этой культуры распространялся на все Днепровское левобережье. В регионе Киева волынцевские памятники известны и в правобережье (между нижними течениями рек Роси и Тетерева). На северо-востоке племена волынцевской культуры постепенно расселялись также

в бассейне Среднего Дона и на Верхней Оке. Корни волынцевской культуры обнаруживаются в Среднем Поволжье, где в IV–VII вв. существовала именьковская культура, формирование которой было обусловлено миграцией большой группы населения из черняховского ареала в связи с гуннским нашествием. В конце VII в. в результате расселения в Среднем Поволжье кочевых орд болгар основная масса славян именьковской культуры вынуждена была оставить эти земли и возвратиться в Поднепровье, где и сложилась волынцевская культура¹⁷.

Именьковская группировка раннесредневекового славянства в течение трех столетий проживала в Среднем Поволжье в изоляции от остального славянского мира. Это не могло не привести к выработке некоторых языковых особенностей диалектного характера. В этом отношении представляют интерес топонимические изыскания О.Н. Трубачева. В левобережной части Днепра и в бассейне Верхнего и Среднего Дона, включая речную систему верховьев Северского Донца (т.е. в ареале волынцевской культуры и в ближайших соседних землях, колонизованных ее носителями или прямыми их потомками), этим исследователем выявлена и описана архаическая (реликтовая) группа славянских гидронимов. Это преимущественно "гидрографические термины, характеризующие особенности воды, ее течения" с элементами специфической семантики, с реконструируемым праславянским причастием от несохранившегося в славянских языках глагола. "По всем признакам это древнейший разряд гидронимов", – подчеркивает О.Н. Трубачев. Произведенное им сравнение гидронимов левобережно-днепровского и донецко-донского ареала с другими праславянскими группами гидронимов демонстрирует обособленность (диалектность) первых¹⁸.

Имеются и другие языковые данные, свидетельствующие о диалектном своеобразии славянского населения ареала волынцевской культуры. В лингвистической литературе высказаны суждения о топооснове "колодезь" как ареально-диалектным показателем одной из групп восточного славянства¹⁹. Картографирование гидронимов "колодезь" выявляет их вполне определенную связь с территорией расселения славян, представленных волынцевской культурой.

Сведения, содержащиеся в "Описании городов и областей к северу от Дуная" – историческом источнике, условно называемом "Баварским географом", позволяют определить этноним племенного образования, представленного волынцевской культурой. Рукопись "Баварского географа" синхронна рассматриваемым событиям: по палеографическим особенностям исследователи относят этот документ к первой половине IX в. (Р. Новы и Э. Херрманн), по историческим реалиям, связанным с описаниями племен Моравского Подунавья, – ко времени около 817 г. (Л. Гавлик), в связи с характеристикой ободритов – к 840-м гг. (В. Фритце) или к периоду "вскоре после 795 г." (Л. Дралле). А.В. Назаренко, недавно прокомментировавший этот источник, склонен датировать дошедшую до нас рукопись второй половиной IX в., замечая при этом, что определить, является она оригиналом или копией более раннего документа, невозможно²⁰.

Из информации "Баварского географа" следует, что где-то рядом с хазарами (Caziri) проживали русы (Ruzzi). Их соседями, по-видимому, были Forsderen liudi (как полагают некоторые исследователи, в источнике неточно передано древневерхненемецкое Foristari liudy, т.е. "лесные жители" – от forist – "лес"), которых можно отождествить с древлянами ("зане седоша в лесех", т.е. тоже "лесные жители"), и Fresiti (согласно предположению Й. Херрманна, этноним соответствовал древневерхненемецкому Freisassen, т.е. "свободные жители")²¹. Может быть, это поляне, проживавшие в незалесенной (свободной от лесов) местности. К восточноевропейскому ареалу относятся также бужане (Busane), волынiane (Velunzane), уличи (Unlizi), угры (Ungare) и, возможно, тиверцы (Aturezane). Все эти этнонимы достаточно надежно локализируются на археологической карте юга Восточной Европы IX в. (см. рис. 1). Русам остается ареал волынцевской культуры – между Хазарией и территорией древлян. Ряд племен, названных в "Баварском географе", локализовать не удастся. Вероятно, это обусловлено тем, что речь шла о небольших племенах, входивших в крупные племенные образования (которые и упоминаются в русских летописях), подобно тому, как в составе ободритов находились вагры, варны, травяне, линияне, полабы, древане, а велеты включали племена редарей, укрян, речан, черезпенян и толленцев.

Ruzzi "Баварского географа" – одно из ранних упоминаний этноса *русь* в европейских исторических документах. А.В. Назаренко подчеркивает, что появление этого этнонима в "Баварском географе" свидетельствует о проникновении славянского *гьсь в древневерхненемецкие диалекты не позднее IX в.²² Другие данные позволили этому исследователю утверждать, что этнос *русь* был в IX в. достаточно известен в Восточной Баварии, которую в это время связывал с югом Восточной Европы торговый путь, проходивший вдоль правого берега Дуная, Верецкий перевал и область восточнославянских хорватов²³.

О том, что русы первой половины и середины IX в. действительно являлись славянами, свидетельствуют арабские авторы-современники. Абдаллах Ибн Хордадбех в сочинении "Книга путей и стран", написанном около 847 г., говорит: "Что касается до русских купцов – а они вид славян – то они вывозят бобровый мех и мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных [частей] страны славян к Румскому морю, а с них [купцов] десятину взимает царь Рума [Византии] и, если они хотят, то отправляются по реке славян и проезжают проливом столицы хазар, и десятину с них взимает их [хазар] правитель"²⁴. Передавая аналогичную информацию, восходящую, как полагают, к единому источнику, Ибн ал-Факих (830–850-е гг.) там, где Ибн Хордадбех говорит о русах, прямо пишет о славянах²⁵. Вполне очевидно, что восточные авторы IX в. русами считали какую-то часть славянского населения Восточной Европы²⁶.

В сочинении Ибн Русте, написанном в начале X в., но восходящем к середине IX в. (к Ибн Хордадбеку и ал-Джайхани), сообщается, что у русов "есть царь, называемый хахан русов"²⁷. А.П. Новосельцев отмечает, что о таком же титуле правителя русов говорит и автор "Маджмал ат-таварих" ("и падшаха русов зовут хахан русов")²⁸.

Помимо арабских авторов, о существовании в IX в. Русского каганата, независимого от хазар, сообщает и западноевропейский источник IX в. – Бертинские анналы.

Из-за скудности исторических данных мнения исследователей о местоположении этого раннегосударственного образования значительно разошлись. Одни полагали, что Русский каганат IX в. находился в Новгородской земле, а его создателями были русы-варяги (А.А. Васильев, А.А. Шахматов, Дж. Бери и др.). П.П. Смирнов и О. Прицак помещали это раннегосударственное образование на Верхней Волге, Г.В. Вернадский – в Приазовье (при этом также считая его основателями русов – выходцев из Скандинавии). Согласно А.П. Новосельцеву, Русский каганат возник где-то в северной части восточнославянского ареала, где властвовали варяги, затем сфера его влияния распространилась на юг до Среднего Поднепровья²⁹. Довольно большая группа ученых связывала Русский каганат со Средним Поднепровьем, считая его славянским военно-политическим образованием³⁰. Б.А. Рыбаков попытался аргументировать среднеднепровскую локализацию племени русь, ставшего основателем Русского каганата на среднем Днепре, распространением находок так называемых антских вещевых кладов VI–VII вв.³¹

Участие Византии в строительстве на северо-западных рубежах Хазарского государства системы каменных крепостей, которые могли быть использованы и для наступления на славянские земли, побудило кагана русов отправить в Византию в 838 г. посольскую миссию. Согласно "Бертинским анналам", весной 839 г. из Византии в Ингельгейм к франкскому императору Людовику Благочестивому прибыло посольство (принято императором 18 мая), в составе которого находились лица, утверждавшие, что их народ называется рос³², а послал их к византийскому императору в Константинополь правитель росов – хахан – с целью установления дружбы³³. В Византии, воевавшей в то время с арабами, очевидно, не пожелали портить установленные Петроной Каматиром добрососедские отношения с Хазарией и прохладно отнеслись к миссии Русского каганата. Послам пришлось вернуться ни с чем³⁴.

Такие действия Византии были расценены в Русском каганате как недружественные. В ответ русы совершают военный набег на византийский город Амастриду, расположенный на южном побережье Черного моря. Этот пункт был избран не случайно. Амастрида являлась административным центром фемы Пафлагония, а среди строителей Саркела и крепостей на хазарско-славянском пограничье большую часть составляли мастера именно из этой фемы.

О нападении "варваров росов – народа, как все знают, дикого и жестокого", на Амастриду рассказывает "Житие Георгия Амастридского", которое, согласно изысканиям В.Г. Васильевского и И. Шевченко, было написано до 842 г.³⁵ Время разорения русами центра Пафлагонии в связи с этим определяется исследователями около 840 г., т.е. сразу же после безрезультатной миссии русов в Константинополь.

Следующее нападение было совершено русами уже на византийскую столицу. В 859 г. византийские войска в борьбе с Арабским халифатом потерпели сокрушительное поражение. Едва избежав пленения, император Михаил III спешно провел подготовку к новой кампании и в начале июня 860 г. опять повел войска в поход против арабов. Этим воспользовались русы, появившиеся 18 июня 860 г. у стен Константинополя. Если бы они стали сразу штурмовать город, то, по-видимому, взяли бы его. Однако русы стали грабить окрестные монастыри и дворцы. Вскоре разразился шторм, нанесший им большой урон, они отступили, а византийский флот, высланный императором, довершил их поражение³⁶. Патриарх Фотий упоминает русов в двух проповедях, связанных с их нападением на Константинополь³⁷. В Послании восточным патриархам 867 г. Фотий так характеризует русов: "Народ(...), ставший у многих предметом

частых толков, превосходящий всех жестокостью и склонностью к убийствам, так называемый народ рос"³⁸.

Есть основания полагать, что каганат русов в середине IX в. был известным и достаточно оформленным раннегосударственным образованием. В 840–850-х гг. Арабский халифат усилил репрессии в Закавказье. После гибели в 851/852 г. арабского наместника в борьбе с армянами халиф повелел собрать большое войско во главе с Бугой Старшим. Тот сначала учинил резню среди армян, а затем захватил Тбилиси, убил эмира, разорив окрестности города и горцев Грузии, разбил абхазского царя Феодосия и обрушился на ценар (санарийцев) – жителей земель, прилегающих к Дарьяльскому ущелью. Последние упорно защищались и, как явствует из сочинения "Книга стран", написанного в 853–854 гг. арабским историком и географом ал-Йа'куби, обратились за помощью к трем известным властителям, которые были в состоянии оказать им военную поддержку против халифа: "сахиб ар-Рум" (т.е. к императору Византии), "сахиб ар-Хазар (государю хазар) и "сахиб ас-Сакалиба" (владыке славян)³⁹. Владыкой славян мог быть только каган русов: в землях славян Восточноевропейского региона другого политического образования в это время не было.

Титул кагана, несомненно, был заимствован русами у хазар. Его принятие свидетельствует прежде всего о полной независимости русов в 30–60-х гг. IX в. от Хазарского государства и вместе с тем, возможно, о подчинении их в более раннее время Хазарией. Как отмечал А.П. Новосельцев, титул кагана у кочевых народов и в государственных образованиях с оседло-кочевым населением, каким была Хазарская держава, означал правителя высокого ранга, подобного европейскому императору. Титул кагана был затем унаследован великими князьями Киевской Руси. В "Слове о законе и благодати", написанном в 30–40-х гг. XI в. священником церкви в Берестове Илларионом, киевский князь Владимир Святославич, креститель Руси, назван "великим каганом нашей земли". Этим титулом именовались еще Ярослав Мудрый и его сыновья⁴⁰. Время принятия главой русов титула кагана определить затруднительно. Г.В. Вернадский полагает, что это событие следует относить примерно к 825 г., когда Хазарское государство испытывало затруднения в связи с активизацией арабов⁴¹.

Некоторое представление о роли Русского каганата в восточноевропейской истории IX в. дают нумизматические материалы⁴². Так, оказывается, что абсолютное большинство кладов куфических монет в Восточной Европе на протяжении всего IX в. встречено не на территории Хазарского государства, а в землях Русского каганата, как они обрисовываются по археологическим данным (рис. 2).

В начале XX в. австрийский нумизмат К. Цамбауэр связывал встречающиеся в Восточной Европе находки подражаний арабским монетам дирхемам с будто бы имевшей место чеканкой монет в Хазарском каганате. Эту же мысль развивал А.А. Быков, утверждавший, что в Хазарии VIII–IX вв. чеканилась собственная монета по образцу дирхемов; чеканка велась не постоянно, а по мере надобности⁴³. А.П. Новосельцев считал, что вопрос о хазарской монете остается пока открытым⁴⁴. Картографирование находок подражаний куфическим монетам отчетливо свидетельствует, что территориально они никак не связаны с Хазарией; основная масса их обнаружена в землях Русского каганата, а также в областях бассейна Оки, колонизованных племенами волынцевской культуры и их потомками. Из этого следует, что если в IX в. в южных землях Восточно-Европейской равнины и велась чеканка монет по образцу дирхемов, то ее нужно связывать не с Хазарским, а с Русским каганатом.

Как известно, в кладах дирхемов первой трети IX в. преобладают монеты, чеканенные в африканских центрах Арабского халифата, поступавшие в Восточную Европу через Кавказ караванными путями. Волжский и Днепровский водные пути в то время, как уже отмечалось, еще не функционировали. В.Л. Янин показал, что африканские дирхемы чеканились по норме около 2,73 г и русская денежно-весовая система складывалась на основе этих монет: в гривне IX–X вв., имевшей вес 68,22 г, содержится 25 дирхемов африканской чеканки (эта гривна в то же время была равна 25 кунам). Поскольку позднее в Восточной Европе широкое хождение получили дирхемы азиатской чеканки, которые весили уже около 2,85 г, исследователь пришел к выводу, что становление русской денежно-весовой системы восходит к IX в.⁴⁵ Если это так, то начало ее становления следует относить ко времени Русского каганата. К тому же именно на территории каганата сосредоточена основная масса находок дирхемов африканской чеканки.

Завершая обзор монетных находок на территории Русского каганата, нельзя не отметить, что все восточноевропейские находки византийских монет IX в. локализируются в землях этого политического образования. Это монеты императора Михаила III (842–867 гг.), с начала царствования которого Русская земля стала известна в Византии: "...наченшо Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля", – сообщает Повесть временных лет⁴⁶.

Определить, где была столица Русского каганата, пока не представляется возможным. Не

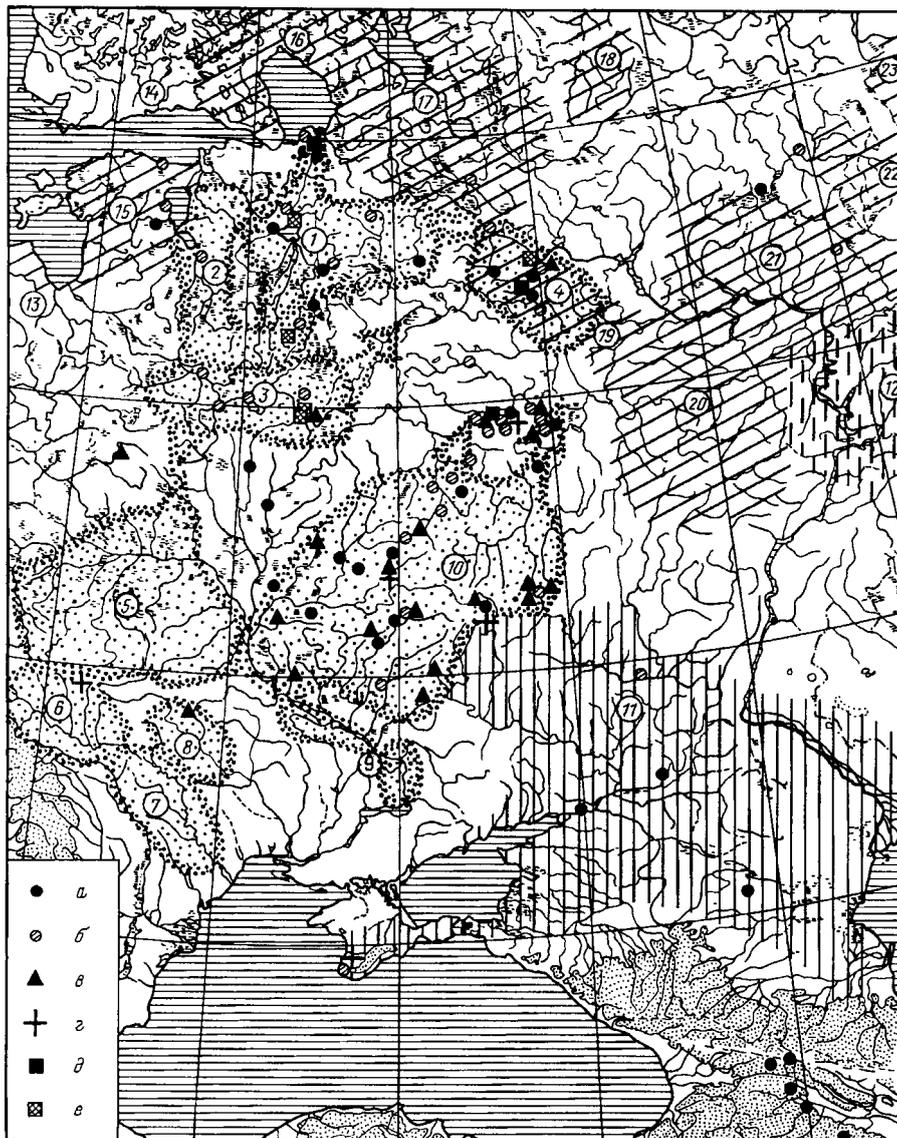

Рис. 2. Этническая ситуация в Восточной Европе в IX в.
 1–10 – ареалы славянских племенных образований: 1 – словен новгородских; 2 – кривичей псковских; 3 – кривичей смоленско-полоцких; 4 – мери; 5 – дулебов, из среды которых вышли волыняне, древляне, дреговичи и поляне; 6 – хорватов; 7 – тиверцев; 8 – бужан; 9 – уличей; 10 – русов – носителей волынцевской культуры.
 11 – территория салтово-маяцкой культуры (население Хазарского государства). 12 – область волжских болгар. 13 – область летто-литовских племен.
 14–23 – ареалы финно-угорских племен: 14 – суми и еми; 15 – эстов и ливов; 16 – корелы; 17 – веси; 18 – заволочской чуди; 19 – муромы; 20 – мордвы; 21 – мари; 22 – удмуртов; 23 – коми-пермяков.
 а – клады арабских монет первого периода (до 830 г.) их обращения в Восточной Европе (по В.Л. Янину); б – клады арабских монет 830–890 гг. (по В.Л. Янину с небольшими дополнениями); в – находки подражаний арабским дирхемам; г – клады византийских монет IX в.; д – памятники первой половины IX в. с находками скандинавских вещей; е – памятники второй половины IX в. со скандинавскими элементами.

исключено, что таковой в этом рождающемся государстве еще не сформировалось, подобно тому, как не было, например, столицы во Франкском государстве или в Восточнофранкском королевстве: резиденции властителей были разбросаны по всей территории этих государств. Вместе с тем, допустимо предположение, что стольным градом рассматриваемого государственного образования славян был Киев. Этот город рос из агломерации поселений. Древнейшее городище, устроенное на Старокиевской горе, имеет культурные отложения VIII–IX вв.; находки этого времени обнаружены также на горах Детинке, Киселевке, Щековице и на Подоле⁴⁷. В IX в. Киев был уже сравнительно крупным для своего времени торгово-ремесленным центром. Согласно летописи, Олег, задумав овладеть Киевом, выдал себя за купца и с помощью этой уловки захватил город. Очевидно, в последних десятилетиях IX в. приезд в Киев иноземных торговцев был ординарным явлением. Уже упоминалось о возможном функционировании в IX в. торгового пути из Поднепровья в Баварию. Киеву здесь должна была принадлежать важная роль. А.В. Флоровский допускал возможность существования торговых связей Киева с Галицией, а через нее с Моравией в эпоху Святополка Моравского⁴⁸.

Нет ответа и на вопрос о том, какова была судьба Русского каганата. Письменные источники ничего не сообщают о последнем периоде его истории. Вполне возможно, что захват Киева Олегом в 882 г. и объединение Руси с северными восточнославянскими землями были завершающими моментами истории каганата.

Согласно Повести временных лет, два боярина Рюрика – Аскольд и Дир – с группой варягов по пути в Царьград в 862 г. захватили Киев и стали властвовать в земле полян⁴⁹. Каковы были отношения между этим Киевским княжеством и Русским каганатом 860–870-х гг., сказать затруднительно. Остается неясной и упоминаемая летописями данническая зависимость полян, северян, вятичей и радимичей от Хазарского каганата. Не исключено, что северяне, вятичи и радимичи стали данниками хазар, тогда как полянский Киев оказался во власти варяжских правителей.

Итак, основу населения первого славянского политического образования в междуречье Днепра и Дона составляли русы – носители волынецкой культуры. Это было одно из крупных этнографических и диалектных образований славянства. Его истоки восходят к провинциально-римскому населению Северного Причерноморья, а именно к антскому формированию, которое сложилось в условиях взаимодействия части славянского населения с позднескифо-сарматским миром⁵⁰. Лингвистические изыскания О.Н. Трубачева показали, что в Причерноморье наряду с иранским этническим элементом длительное время сохранялся и индоарийский компонент, который также соприкасался с частью славянства⁵¹. К этому периоду, очевидно, и относится появление этнонима "русь"⁵². Подобно некоторым другим славянским племенным названиям ("хорваты", "сербы", "анты" и др.), "русь" – первоначально неславянский, но ославяненный этноним. Он восходит или к древнеиранской основе *gauka-/guk- "свет, блеснуть, белый" (осетин. guxs/goxs – "светлый"; персид. guxs – "сияние")⁵³, или, как и обширная однокорневая географическая номенклатура Северопричерноморских земель, произведен от местной индоарийской основы *guksa/*gu(s)sa – "светлый, белый"⁵⁴.

Историческая ситуация в Восточной Европе существеннейшим образом изменилась после 882 г. и особенно в X в., когда Древнерусское государство объединило северные и южные земли восточного славянства. Археология фиксирует значительный приток скандинавских переселенцев. Если для первой половины IX в. можно говорить лишь о двух пунктах, где встречены скандинавские находки, для второй половины IX в. о шести–семи, то в следующем столетии число таких пунктов возрастает до 70. Заметно увеличивается и число находок в каждом из этих памятников. Археологические и нумизматические материалы говорят об активном функционировании в этом столетии Ильменско-Днепровского и Волго-Балтийского водных путей. В развитии международной торговли и организации военных экспедиций, несомненно, варяги играли большую роль. Наплыв их в Киевскую Русь был весьма заметен. Известно, что Владимир Святославич вынужден был выпроводить в Византию до 6000 варягов и, вполне очевидно, что они продолжали именовать себя там "русью" ("отъ рода русьска"). Неудивительно, что в ряде исторических сочинений X в. их авторы под "русью" видят скандинавов.

Племенное образование русь зафиксировано русскими летописями под 904 годом: "... Игорь же совкупивъ во многи, варяги, русь, и поляны, словени, и кривичи, и теверьце, и печенегии наа, и тали у них поя, поиде на Греки в лодьях и на конихъ..."⁵⁵ Здесь русь – такое же племенное образование, как кривичи, новгородские словене или тиверцы. Очевидно, в Киевской Руси в середине X в. не смешивали понятия "русь" и "варяги", существовало четкое различие между ними. Термин "варяги" известен на Руси с IX в.: так называли восточные славяне выходцев из Скандинавии.

Из приведенной фразы летописи следует, что поляне были отдельным племенем, не входившим первоначально в состав племенного образования русь. И это действительно так. По данным археологии, поляне, как и воляныне, древляне и дреговичи, вышли из большого праславянского племенного образования дулебов, представленного пражско-корчакской и луки-райковецкой культурами, довольно отличными от волянцевской⁵⁶. Однако в VIII–IX вв. земли полян оказались в составе волянцевского ареала – племенной территории руси. Это, по-видимому, и отражает летописная фраза "... поляне, яже ныне зовомая русь"⁵⁷.

В IX–X вв. праславянское образование русь дифференцировалось на несколько племенных групп: северян, верхнеокскую группу вятичей, донских славян, имя которых не зафиксировано летописями⁵⁸. Каждая из них в XI–XII вв. имела свои специфические височные украшения. Параллельно с ними на всей прежней территории волянцевской культуры и в землях, освоенных ее носителями или их потомками, имели хождение височные кольца особого типа – пятилучевые с ложной зернью (см. рис. 1), выделенные Е.А. Шинаковым в четвертую группу лучевых украшений⁵⁹. Подобная картина наблюдается в то же время и в северо-западном регионе раннесредневекового славянского мира: лехитское праславянское образование, представленное в V–VII вв. единой суковско-дзедзицкой культурой, освоив широкие пространства в междуречье нижней Эльбы и Вислы, разделилось на несколько образований племенного характера, но в X–XI вв. все они имели единые височные украшения – эсовидные кольца поморского типа⁶⁰.

С племенным образованием русь следует связывать и фиксируемую летописями Русскую землю "в узком смысле"⁶¹. Б.А. Рыбаков для определения границ последней использовал и сведения летописей о древнерусских землях, не входивших в понятие "Русь" "в узком смысле", и летописные указания о принадлежности тех или иных городов к собственно Руси⁶². Принадлежность некоторых городов к Руси "в узком смысле" оспаривается В.А. Кучкиным, предложившим свой перечень таких городов, в ряде случаев также дискуссионный⁶³. Очевидно, бесспорным для определения географии Русской земли "в узком смысле" остается пока метод исключения: области, которые не входили в состав Руси "в узком смысле", называются летописью весьма достоверно. Таковыми являются Новгород и его земля, Ростово-Суздальская, Рязанская, Смоленская, Полоцкая, Владимиро-Волянская и Галичская земли, а также области древлян, тиверцев, радимичей и вятичей (кроме южных окраинных регионов). Остается только коренной ареал волянцевской культуры – племенная территория руси, которую и следует идентифицировать с Русской землей в "узком смысле". Здесь находились и города, принадлежность которых к ней не вызывает никаких сомнений.

Примечания

¹ Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 20.

² Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

³ Карты составлены по данным, опубликованным в книгах: Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956; Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967; Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982; его же. Славяне в раннем средневековье. М., 1995; Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993.

⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей (Текст, перевод, комментарий). М., 1989. С. 171–173.

⁵ Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 62. 1958. С. 7–84.

⁶ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Vol. 2. Washington, 1967. P. 154.

⁷ Раппопорт П.А. Крепостные сооружения Саркела // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 75. 1959. С. 9–39.

⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 173.

⁹ Там же.

¹⁰ Афанасьев Г.Е. Указ. соч. С. 129–141.

¹¹ Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989. С. 12–25. По мнению автора, традиция возведения каменных укреплений была привнесена в бассейн Дона в 30-х гг. IX в. из Дунайской Болгарии. Однако это

положение не находит подтверждения ни в археологических материалах, ни в письменных источниках.

¹² Афанасьев Г.Е. Указ. соч. С. 123–150.

¹³ Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 3–26.

¹⁴ Леонтьев А.Е. Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища // Скандинавский сборник. XXVI. Таллин, 1981. С. 141–149.

¹⁵ Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990; Смоленск и Гнездово (К истории древнерусского города). М., 1991; Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. М., 1963; Кочуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973; Блитель Д.І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.

¹⁶ Янин В.Л. Указ. соч. Рис. 5, 17.

¹⁷ Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. С. 186–208.

¹⁸ Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997. С. 201–206.

¹⁹ Егоров Е. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968. С. 222–229; Отин Е.С. Ареалы славянских гидронимических терминов в топонимии Подонья // Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1978. С. 9–10.

²⁰ Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. М., 1993. С. 7–51.

²¹ Херрманн Й. К вопросу об исторических и этнографических основах "Баварского географа" (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 166–168.

²² Назаренко А.В. Об имени "Русь" в немецких источниках IX–XI вв. // Вопросы языкознания. 1980. 5. С. 40–57; егоров Е. Имя "Русь" и его производные в немецких средневековых актах (IX–XIV вв.): Бавария – Австрия // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982. М., 1984. С. 86–129.

²³ Егоров Е. Южнонемецкие земли в европейских связях IX–X вв. // Средние века. Т. 53. 1990. С. 121–136.

²⁴ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 384.

²⁵ Там же. С. 385–386.

²⁶ Более раннее упоминание росов (Hros) имеется в сочинении VI в. – "Церковной истории" Псевдо-Захария. Маркварт связывал этот этноним с выходцами из Скандинавии (Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jh. Leipzig, 1903. S. 355–357, 383–385), А.П. Дьяконов и Н.В. Пигулевская отождествляли его со славянами (Дьяконов А.П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 83–90; Пигулевская Н.В. Имя "рус" в сирийском источнике VI в. н.э. // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. М., 1952. С. 42–48). С последним можно согласиться. Однако никаких географических привязок для локализации росов VI в. сирийский источник не сообщает, поэтому предлагаемые исследователями места их обитания дискуссионны.

В.Я. Петрухин пишет о возможности появления в хронике Псевдо-Захария народа Hros в связи с неточным греческим переводом Книги Иезекииля – еврейский титул наси-рош (верховный глава) был переведен как архонт Рос (Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск, 1995. С. 42–48).

²⁷ Новосельцев А.П. Восточные источники... С. 397.

²⁸ Там же. С. 406.

²⁹ Там же. С. 402–407; егоров Е. Хазарское государство... С. 207–208.

³⁰ Артамонов М.И. История хазар...; Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М., 1980; Ломьянский Х. Русь и норманны. М., 1985 и др. работы.

³¹ Рыбаков Б.А. Киевская земля и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 68–90, 284–295.

³² В "Бертинских анналах", как и в византийских исторических источниках, этноним *русь* пишется через "о" – *рос*.

³³ Annales Bertiniani. Hannoverae, 1883. P. 19–20.

³⁴ Византийский император Феофил, направляя посольство в Ингельгейм к Людовику Благочестивому, присоединил к нему и послов русов. Последние будто бы не смогли вернуться на родину, так как путь оказался перерезанным "дикими и жестокими племенами". В "Бертинских анналах" утверждается, что Людовик установил, что послы русов принадлежали к "народу свеонов". Франкский император, хорошо знавший норманнов и воевавший с ними, заподозрил в них лазутчиков-шпионов и распорядился арестовать их до полного расследования. Очевидно, что никакой связи между народом русь и Скандинавией Людовик не усмотрел.

По всей видимости, в составе посольства, направленного каганом русов в Константинополь, были наемные скандинавы. Не исключено, что собственно русы по завершении миссии вернулись в Поднепровье, а скандинавы не решились на это, боясь гнева правителя Русского каганата. Позднее варяги, представляя от имени Киевской Руси, также объявляли: "мы от рода русского".

³⁵ В а с и л ь е в с к и й В.Г. Труды. Т. III. СПб., 1915. С. 64; Š e v č e n k o I. Hagiography of the Iconoclast Period // *Iconoclasm*. Birmingham, 1977. P. 121–127.

Имеется известие о нападении русов на Сурож – византийскую Сугдею в Крыму в конце VIII в., но оно принадлежит к числу малодостоверных. В "Житии святого Стефана", составленном в XV в. в Новгороде Великом, говорится о походе князя Бравлина из Новгорода, который будто бы имел место после смерти епископа Сурожского Стефана, т.е. после 787 г. (В а с и л ь е в с к и й В.Г. Указ. соч. Т. III. С. 95–96). Археологические данные позволяют отнести основание Новгорода к середине X в.

³⁶ О кампании 860 г. см.: В у р у J. A History of the Eastern Roman Empire. London, 1912. P. 419–422; V a s i l i e v A.A. Byzance et les Arabes. Vol. 1. Bruxelles, 1937. P. 240–247.

³⁷ M a n g o C. The Homilies of Photius, Patriarch of Constantinople. Cambridge, 1958. P. 98.

³⁸ G r u m e l V. Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. 1–2. Paris, 1936. P. 88–90.

³⁹ Н о в о с е л ь ц е в А.П. Хазарское государство... С. 192.

⁴⁰ Е г о ж е. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // *История СССР*. 1982. № 4. С. 150–159.

⁴¹ В е р н а д с к и й Г.В. Древняя Русь. М., 1996. С. 292–293.

⁴² Я н и н В.Л. Указ. соч. С. 79–117.

⁴³ Б ы к о в А.А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы*. Вып. 3. М., 1974. С. 26–71.

⁴⁴ Н о в о с е л ь ц е в А.П. Хазарское государство... С. 117.

⁴⁵ См.: Я н и н В.Л. Указ. соч. С. 93–100.

⁴⁶ Повесть временных лет. Ч. I. С. 17.

⁴⁷ Т о л о ч к о П.П. Древний Киев. Киев, 1983.

⁴⁸ Ф л о р о в с к и й А.В. Чехи и восточные славяне. Прага, 1935. С. 158–182.

⁴⁹ Повесть временных лет. Ч. I. С. 18.

⁵⁰ С е д о в В.В. Славяне и иранцы в древности // *История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*. М., 1978. С. 227–240; е г о ж е. Славяне в древности. М., 1994. С. 270–279.

⁵¹ Т р у б а ч е в О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства: Индоарийцы в Северном Причерноморье // *Вопросы языкознания*. 1977. № 6. С. 13–29; е г о ж е. *Indoagica в Северном Причерноморье*. Источники. Интерпретация. Реконструкция // *Вопросы языкознания*. 1981. № 2. С. 3–21.

⁵² В исторической и филологической литературе высказано множество предположений о происхождении названия "русь", т.е. о скандинавской, славянской или иной этимологии этого этнонима. Их краткий обзор см.: Л о в м я н ь с к и й Х. Указ. соч. С. 163–203; е г о ж е. Руссы и ругии // *Вопросы истории*. 1971. № 9. С. 43–52; Г о р с к и й А.А. Проблема происхождения названия Русь в современной советской историографии // *История СССР*. 1989. № 3. С. 131–137; К о н с т а н т и н Б а г р я н о р о д н ы й. Об управлении империей. Комментарии. С. 293–307. Новейшие сторонники скандинавского происхождения этнонима "русь" полагают, что в его основе лежит древнегерманский термин гофь (гребцы), который был самоназванием приплывших на земли западных финнов скандинавов. Он стал исходным для западнофинского *guotsi/footsi*, а последний в славянской среде перешел в *русь*. При этом допускается, что в Восточной Европе первоначально термин "русь" имел этносоциальное содержание – так звались в Русском государстве представители дружинного сословия независимо от этноса. Распространение понятия "русь" на полиэтничные дружины вело к размыванию ранее четко выраженной приуроченности названия к скандинавам. На следующей стадии термин "русь" был перенесен на всех жителей Русского государства (М е л ь н и к о в а

Е.А., Петрухин В.Я. "Русь" в этнокультурной истории Древнерусского государства // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24–38).

Если с филологической точки зрения построение *rops>ruotsi/rootsi>* русь является приемлемым, то с историко-археологической никак не оправдано. Если *ruotsi/rootsi*, действительно, – западнофинское заимствование из древнегерманского, то его следует отнести ко времени до распада прибалтийско-финской этноязыковой общности, т.е. до VII–VIII вв., когда уже началось становление отдельных западнофинских языков. Между тем археология фиксирует заметное проникновение скандинавов в западнофинские земли только в эпоху викингов, поэтому оно никак не может быть отнесено к первой половине и середине I тыс. н.э. (О современном состоянии проблемы дифференциации западнофинской этноязыковой общности см.: *S e d o v V. Die erste Welle slawischer Ansiedlung im Nordwesten Osteuropas und die Ostseefinnen // Cultural Heritage of Finno-Ugrians and Slavs. Tallinn, 1992. S. 62–77; С е д о в В.В. Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация // Финно-угроведение. 1997. № 2. С. 3–16*). К тому же некоторые лингвисты считают *ruotsi/rootsi* не заимствованием, а исконно западнофинской лексемой (*M ä g i s t e J.Fi. Ruotsi, estn. Roots m.m. i de finsk-ugriska spraken // Arkiv för nordisk filologi. Bd. 73. N. 3–4. København, 1958. S. 200–209*). См. также критику представлений о скандинавском происхождении этнонима "русь" в названной выше статье А.А. Горского.

⁵³ А б а е в В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. М., 1973. С. 435–437.

⁵⁴ Т р у б а ч е в О.Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993; е г о ж е. Русь, Россия. Очерк этимологии названия // Русская словесность. 1994. № 3. С. 67–70; е г о ж е. В поисках единства... С. 184–265. Согласно построениям этого автора, первоначально этноним "рос" тяготел к побережью Черного и Азовского морей и Тавриде. Здесь предположительно существовал этнос росы, известный грекам. Взаимодействие с ним славян привело к перенесению индоарийского этнонима на юго-восточную группу славян.

⁵⁵ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 33–34.

⁵⁶ С е д о в В.В. Восточные славяне... С. 90–94.

⁵⁷ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 21.

⁵⁸ С е д о в В.В. Восточные славяне... С. 133–151.

⁵⁹ Ш и н а к о в Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // Советская археология. 1980. № 3. С. 110–127; е г о ж е. Еще раз о лучевых височных кольцах и их культурной принадлежности // Гістарычныя лёсы Верхнянга Падняпроўя. Ч. 1. Магілеў, 1995. С. 161–174.

⁶⁰ С е д о в В.В. Славяне в раннем средневековье... С. 40–67.

⁶¹ Т и х о м и р о в М.Н. Происхождение названия "Русь" и "Русская земля" // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 74–100; Н а с о н о в А.Н. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 28–68.

⁶² Р ы б а к о в Б.А. Указ. соч. С. 56–65.

⁶³ К у ч к и н В.А. "Русская земля" по летописным данным XI – первой половины XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. М., 1995. С. 74–100.

© 1998 г. А. А. ГОРСКИЙ *

МОСКОВСКО-ОРДЫНСКИЙ КОНФЛИКТ НАЧАЛА 80-х ГОДОВ XIV ВЕКА: причины, особенности, результаты

События, имевшие место в московско-ордынских отношениях в начале 80-х гг. XIV в., в историографии как бы остаются в тени Куликовской победы 1380 г. Принято считать, что успешный поход Тохтамыша на Москву (1382 г.) восстановил зависимость Северо-Восточной

---

* Горский Антон Анатольевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 97-01-00050).

Руси от Орды, ликвидированную при Мамае¹. Поскольку до разрыва вел. кн. Дмитрием Ивановичем вассальных отношений с Мамаем (в 1374 г.) зависимость от Орды существовала около 130 лет, а после похода Тохтамыша – еще без малого 100, этот последний выглядит при таком подходе по сути дела событием, сопоставимым по своим результатам с нашествием Батая. Между тем слабое внимание исследователей к конфликту 1382 г. привело к тому, что недостаточно выясненными остались два комплекса вопросов: 1) каковы были отношения русских князей с Тохтамышем до похода 1382 г. и чем была вызвана военная акция хана; 2) почему последствия поражения оказались такими мягкими для Москвы: Тохтамыш не попытался отнять у Дмитрия великое княжение владимирское (Мамай делал это трижды – в 1370, 1371 и 1375 гг. – и, сумей победить, наверняка сделал бы в четвертый раз), т.е. лишить его положения главного князя Северной Руси.

В самом конце 1380 г. только что нанесший окончательное поражение Мамаю и пришедший к власти в Орде Тохтамыш прислал послов к Дмитрию Донскому и другим русским князьям, "поведавая им свои приход и како въцарися, и како супротивника своего и их врага Мамаю победи". Зимой и весной 1381 г. русские князья, отпустив послов Тохтамыша "с честию и с дары", "отъпустиша коиждо своих киличеев (послов. – А.Г.) со многими дары ко царю Тохтамышю". В частности, Дмитрий Иванович "отпустил в Орду своих киличеев Толбугу да Мохшея к новому царю с дары и с поминки"². Свидетельствовал ли этот акт о признании Дмитрием своего вассального положения по отношению к Тохтамышу?³

Спецификой конфликта Москвы с Мамаем было то, что последний не являлся законным правителем Орды, ханом (по русской терминологии – "царем"): он правил от лица марионеточных представителей династии Чингизидов. Этот статус Мамаю как узурпатора четко осознавался на Руси⁴. Поэтому посылка новому, легитимному правителю "даров и поминков" означала констатацию факта восстановления в Орде "нормальной" ситуации и формальное признание Тохтамышя сюзереном. Но вопрос о выплате задолженности по дани ("выходу"), накопившейся за шесть лет противостояния с Мамаем, московская сторона явно не собиралась поднимать ("дары и поминки" – не "выход"). Очевидно, Дмитрий Иванович не спешил восстанавливать даннические отношения с Ордой, но в то же время не имел оснований не признать "царское" достоинство (и, следовательно, формальное верховенство) нового правителя Орды, к тому же только что покончившего с его врагом. Великий князь занял выжидательную позицию, решив посмотреть, как поведет себя хан.

Отношение московских правящих кругов к Орде в период между Куликовской битвой и столкновением с Тохтамышем отражено в договорной грамоте Дмитрия Донского с Олегом Рязанским. После поражения Мамаю Олег, опасаясь удара со стороны Москвы, бежал, и Дмитрий посадил на рязанском княжении своих наместников⁵. Но к лету 1381 г. союзнические отношения Москвы и Рязани восстановились, что было закреплено договором⁶. В нем имеется специальный пункт об отношениях с Ордой. При его сопоставлении с аналогичной статьей московско-тверского докончания 1375 г. (договор 1381 г. в целом является соглашением того же типа: Олег, как и Михаил Александрович Тверской, признает себя "молодшим братом" Дмитрия и "братом", т.е. равным его двоюродному брату Владимиру Андреевичу Серпуховскому) выявляются расхождения.

Договор 1375 г.

А с татары оже будет нам мир, по думе. А будет нам дати выход, по думе же, а будет не дати, по думе же. А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тебе с одного всем противу их. Или мы поидем на них, и тебе с нами с одного пойти на них⁷.

Договор 1381 г.

А с татары оже будет князю великому Дмитрию мир и его брату, князю Володимеру, или данье, ино и князю великому Олгу мир или данье с одного со князем с великим з Дмитреем. А будет немир князю великому Дмитрию и брату его, князю Володимеру, с татары, князю великому Олгу быти со князем с великим с Дмитрием и с его братом с одного на татар и битися с ними⁸.

Договоренность по поводу дани принципиально не различается: возможность ее выплаты допускается, но не выглядит обязательной. А вот договоренность о совместных военных действиях сформулирована в московско-рязанском договоре по-иному: не оговорены отдельно оборонительные и наступательные действия, вместо этого применена формулировка общего характера "быти... с одного... и битися с ними" (последние слова в договоре 1375 г. относились

к оборонительным действиям). Вероятно, предусматривать наступательные действия против Орды, возглавляемой законным правителем, казалось недопустимым.

Летом 1381 г. на Русь отправился посол "царевич" Акхожа с отрядом в 700 человек. Он дошел до Нижнего Новгорода "и возвратился воспясть, а на Москву не дръзнул ити"⁹.

Вряд ли миссия Акхожи имела целью вызвать русских князей в Орду¹⁰. Представляется, что наиболее естественной причиной появления посольства было стремление получить "выход" за 1380 год. Тохтамыш завладел заволжской частью Орды еще в начале 1380 г. и поэтому имел основание претендовать на дань за этот год. Однако в Нижнем к Акхоже, по-видимому, поступила информация, что Дмитрий Иванович выплачивать дань не настроен. Посол вернулся, доложив Тохтамышу о сложившейся ситуации, после чего хан и стал готовиться к военным действиям. Его поход нельзя расценивать как месть за поражение Мамаю на Куликовом поле (хотя у бывших воинов Мамаю, вошедших в войска Тохтамыша, такой мотив наверняка присутствовал), поскольку, разгромив узурпатора, Дмитрий фактически (разумеется, сам того не желая) оказал Тохтамышу услугу, облегчив ему приход к власти. Гневаться хану было не на что; только когда Тохтамыш понял, что воодушевленные Куликовской победой москвичи не собираются выполнять вассальные обязательства (при том, что формально великий князь признал хана сюзереном), он решил прибегнуть к военной силе, чтобы заставить Дмитрия соблюдать их.

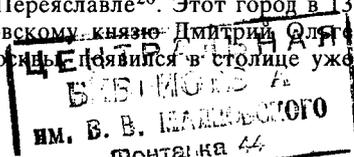
Тохтамышу удалось обеспечить внезапность нападения. Князь Дмитрий Константинович Нижегородский, узнав о приближении хана, отправил к нему своих сыновей Василия и Семена. Олег Рязанский указал Тохтамышу броды на Оке. Дмитрий Иванович покинул Москву и отправился в Кострому. Тохтамыш взял и сжег Серпухов и подошел 23 августа 1382 г. к столице. Оборону возглавлял литовский князь Остей, внук Ольгерда (он сумел прекратить беспорядки, возникшие в Москве после отъезда великого князя). После трехдневной безуспешной осады Тохтамышу удалось обманом выманить Остея из города (ханские послы поклялись, что Тохтамыш не собирается разорять Москву, его цель – найти Дмитрия; справедливость этих слов подтвердили находившиеся в войске хана суздальско-нижегородские князья), он был убит, а татары ворвались в Москву и подвергли ее разгрому. Затем Тохтамыш распустил свои отряды по московским владениям: к Звенигороду, Волоку, Можайску, Юрьеву, Дмитрову и Переяславлю. Но взять удалось только последний. Отряд, подошедший к Волоку, был разбит находившимся там Владимиром Андреевичем Серпуховским. После этого Тохтамыш покинул Москву и отправился восвояси, взяв по дороге Коломну. Переправившись через Оку, он разорил Рязанскую землю; Олег Рязанский бежал¹¹.

В трактовке событий лета 1382 г. сохраняются два спорных вопроса. Первый – относительно "розни в русских князьях" как причине поражения. Она упоминается ранее всего в так называемой Пространной повести о нашествии Тохтамыша, дошедшей в составе Новгородской Карамзинской, Новгородской IV и Софийской I летописей. Вряд ли правомерно, опираясь на это известие, говорить о распаде возглавляемой Дмитрием Донским княжеской коалиции¹². Указание на "рознь" являет собой вставку в текст более ранней Краткой повести о событиях 1382 г. (дошедшей в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи), на основе которой была создана Пространная повесть¹³. Скорее всего, перед нами попытка объяснения хода событий, появившаяся в протографе названных летописей (своде конца первой или начала второй четверти XV в.)¹⁴. Быстрота продвижения Тохтамыша исключала возможность какого-либо широкого совета князей Северо-Восточной Руси¹⁵.

Другой спорный вопрос – мотивы поведения Дмитрия Донского, точнее – оставления им столицы. Здесь мнения колеблются от признания отъезда необходимым тактическим маневром, имевшим целью сбор войск¹⁶, до объявления его позорным бегством¹⁷.

Если рассматривать действия великого князя на широком историческом фоне, так сказать, "истории осад", то его поведение оказывается типично. Известно немало случаев, когда правитель княжества в условиях неизбежного приближения осады его столицы покидал ее и пытался воздействовать на события со стороны¹⁸. Очевидно, существовало представление, что правитель должен по возможности избегать сидения в осаде – наиболее пассивного способа ведения военных действий¹⁹. Дмитрий действовал в соответствии с этими тактическими правилами. Белокаменный Московский кремль выдержал две литовские осады, и великий князь явно рассчитывал на его неприступность (собственно, расчет был верным, – штурмом татары не смогли взять город).

Есть основания полагать, что великий князь позаботился об обороне столицы. По пути из Москвы в Кострому он останавливался в Переяславле²⁰. Этот город в 1379 г. получил в держание перешедший на службу к московскому князю Дмитрий Ольгердович²¹. Внук Ольгерда Остей, возглавивший оборону Москвы, действовал в столице уже после отъезда

великого князя²². Скорее всего, он был сыном Дмитрия Ольгердовича, которому Дмитрий Донской, находясь в Переяславле, поручил организацию обороны Москвы²³ (в самой московской династии кроме великого князя имелся тогда только один взрослый князь – Владимир Андреевич, перед которым была поставлена другая задача). Возможно, факт взятия татарами именно Переяславля после овладения столицей связан с ролью Остеев в ее защите.

Но есть другая сторона вопроса – чем мотивировали отъезд Дмитрия современники после того, как его тактический план не удался, Москва была разорена и кампания проиграна.

Наиболее раннее повествование объясняет поведение великого князя следующим образом: "Князь же великий Дмитрие Иванович, то слышав, что сам царь идет на него с всею силою своею, не ста на бои противу его, ни подня руки против царя, но поеха в свои град на Кострому"²⁴. Это суждение летописца верно лишь в том смысле, что Дмитрий не стал принимать открытого генерального сражения, а не в том, что он вообще отказался от сопротивления: великий князь не поехал на поклон к хану, не пытался с ним договориться; Владимир Андреевич разбил татарский отряд у Волока; по словам того же летописца, Тохтамыш "въскоре отиде" из взятой им Москвы, "слышав, что князь великий на Костроме, а князь Володимер у Волока, поблюдашеса, чая на себе наезда"²⁵. Фактически московские князья "стали на бой" и "подняли руку" против "царя". Они отказались только от встречи с ним в генеральном сражении. Как же понимать летописное объяснение действий Дмитрия Донского?

Мнение, что данная характеристика содержит обвинение великого князя в малодушии (поскольку принадлежит, возможно, сводчику, близкому к митрополиту Киприану, который враждовал с Дмитрием)²⁶, не представляется убедительным. Весь тон летописного рассказа о нашествии Тохтамыша – сочувственный по отношению к московским князьям. Автор с симпатией говорит о победе Владимира Андреевича, о мести Дмитрия Олегу Ивановичу Рязанскому, принявшему сторону хана, даже фактически пишет о страхе Тохтамыша перед московскими князьями, заставившем его быстро уйти из Северо-Восточной Руси ("чая на себе наезда, того ради не много дней стояше у Москвы"). Сочувственно изображено и возвращение Дмитрия и Владимира в разоренную Москву ("князь великий Дмитрие Ивановича и брат его князь Володимер Андреевич с своими бояры въехаха в свою отчину в град Москву и видеша град взят и огнем пожжен, и церкви разорены, и людии мертвых бесчисленное множество лежащих, и о сем зело ждалишася, яко расплакаться има...")²⁷. Поэтому характеристику мотивов поведения Дмитрия Донского нельзя считать уничижительной. Речь может идти о том, что объяснение отказа от открытого боя нежеланием сражаться с "самим царем" было лучшим в глазах общественного мнения оправданием для князя, более предпочтительным, чем констатация несомненно имевшего место недостатка сил после тяжелых потерь в Куликовской битве²⁸. Заметим, что поход Тохтамыша был первым случаем после Батыева нашествия, когда в Северо-Восточную Русь во главе войска явился сам хан улуса Джучи. А если учесть, что Батый в известиях русских авторов-современников о его походах 1237–1241 гг. царем не назывался, то это вообще первый приход на Русь "самого царя".

Отношение русских современников событий к Тохтамышу – совсем иное, нежели к Мамаю²⁹. Последний, в отличие от прежних правителей (законных "царей"), щедро награждается уничижительными эпитетами: "поганый", "безбожный", "злочестивый"³⁰. К Тохтамышу такие эпитеты не прилагались (причем не только в рассказе Рогожского летописца и Симеоновской летописи, но и в Повести Новгородской IV – Софийской I). Очевидно, что традиционное представление об ордынском "царе" как правителе более высокого ранга, чем великий князь владимирский, как о его законном сюзерене, не исчезло после победы над узурпатором Мамаем.

Взятие столицы противника – несомненная победа. Однако факт разорения Москвы несколько заслоняет общую картину результатов конфликта. Тохтамыш не разгромил Дмитрия в открытом бою, не продиктовал ему условий из взятой Москвы, напротив, вынужден был быстро уйти из нее. Помимо столицы, татары взяли только Серпухов, Переяславль и Коломну. Если сравнить этот перечень со списком городов, ставших жертвами похода Едигея 1408 г. (тогда были взяты Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород и Городец), окажется, что масштабы разорения, причиненного Тохтамышем (если не учитывать взятия столицы), выглядят меньшими. А события, последовавшие за уходом хана из пределов Московского великого княжества, совсем слабо напоминают ситуацию, в которой одна сторона – триумфатор, а другая – униженный и приведенный в полную покорность побежденный.

Осенью того же 1382 г. Дмитрий "посла свою рать на князя Олга Рязанского, князь же Олег Рязанский не во мнозе дружине утече, а землю всю до остатка взяша и огнем пожгоша и пусту створиша, пуще ему и татарские рати"³¹. Но главной проблемой был Михаил Тверской: поражение Дмитрия позволяло ему вспомнить о претензиях на великое княжение владимирское, казальсь бы, похороненных в 1375 г.³²

Опасность союза Михаила с Тохтамышем осознавалась в Москве уже в самый момент нападения хана: вряд ли случайно Владимир Андреевич находился со своими войсками не где-нибудь, а у Волока, т.е. на пути из Москвы в тверские пределы. Скорее всего, его целью было препятствовать ордынско-тверским контактам. Серпуховский князь справился с этой задачей не полностью: подошедшие к Волоку татары были разбиты, но посол Михаила сумел добраться до Тохтамыша и возвратиться³³. После этого тверской князь выехал к хану, "ища великого княжения"³⁴, но двинулся "околицею, не прямыми и не путями"³⁵. Поскольку отправился Михаил в путь 5 сентября³⁶, вполне вероятно, что он не знал об уходе хана из Москвы и уж во всяком случае рассчитывал застать его еще в русских пределах³⁷. Однако, опасаясь москвичей, вынужденный идти окольным путем, Михаил не сумел этого сделать.

Той же осенью к Дмитрию от Тохтамыша пришел посол Карач³⁸. Целью этого посольства, несомненно, был вызов великого князя в Орду. Следовательно, Дмитрий после ухода Тохтамыша не только не поехал в Орду сам, но даже не отправил туда первым посла. Фактически это означает, что великий князь продолжал считать себя в состоянии войны с Тохтамышем и ждал, когда хан сделает шаг к примирению. Не торопился Дмитрий и после приезда Карача – только весной следующего, 1383 г., он отправил в Орду своего старшего сына Василия, "а с ним бояр старейших"³⁹.

Этот ход был политически точен. Если бы великий князь отправился сам, во-первых, его жизни угрожала бы опасность – если не со стороны хана (что, впрочем, должно было представляться вполне реальным – Михаил и Александр Тверские в 1318 и 1339 гг. были казнены за куда меньшие провинности, им и в голову не приходило воевать с "самим царем"), то со стороны бывших воинов Мамаю, желавших отомстить за позор Вожи и Куликова поля, или со стороны находившихся в Орде людей Михаила Тверского. В случае гибели Дмитрия Московское княжество попало бы в сложную ситуацию: его старшему сыну было 12 лет. В убийстве же Василия заинтересованных не было: для хана оно означало бы усугубление конфронтации с Дмитрием, для Мамаевых татар не имело смысла, так как княжич не участвовал в Куликовской битве, для тверичей означало бы навлечение на себя мести Дмитрия, от которой, как показал пример Олега Рязанского, покровительство Орды не спасает. Во-вторых, поехав в Орду лично, Дмитрий поставил бы себя вровень с Михаилом Тверским и признал бы свое полное поражение. С другой стороны, послать кого-либо рангом ниже великокняжеского сына было бы в данной ситуации чрезмерной дерзостью.

Михаил Тверской, несмотря на личную явку, великого княжения владимирского не получил, оно было оставлено за Дмитрием Ивановичем⁴⁰. В качестве причин такого решения хана назывались богатые дары, полученные от москвичей,⁴¹ и реалистическая оценка Тохтамышем соотношения сил на Руси⁴². Исходя из общих соображений подобного рода, можно еще вспомнить, что Тохтамыш уже готовился к войне с Тимуром⁴³ и ему невыгодно было иметь в тылу сильного врага.

Между тем представляется, что сложившуюся в 1383 г. ситуацию можно рассмотреть более детально, обратив должное внимание на известие Новгородской IV летописи, что "Василия Дмитриевича приа царь в 8000 сребра"⁴⁴. Что означает эта сумма? Известно, что в конце правления Дмитрия Донского дань с великого княжения (т.е. с территории собственно Московского княжества и Владимирского великого княжества) составляла 5000 руб. в год⁴⁵, в том числе с Московского княжества – 1280 руб. (960 с владений Дмитрия и 320 с удела Владимира Андреевича⁴⁶) или (если в этот расчет не входит дань с самой Москвы) несколько больше – около 1500 руб.⁴⁷ Цифра 8000 руб. близка к сумме "выхода" за два года за вычетом дани с собственно Московского княжества. Последняя была равна за этот срок 2560 руб. или около 3000, а без учета дани с удела Владимира Андреевича – 1920 или немного более 2000. Следовательно, очень вероятно, что Василий привез в Орду дань за два года с Московского княжества (может быть, за исключением удела Владимира Серпуховского, особенно пострадавшего от ордынских войск), а уже в Орде была достигнута договоренность, что Дмитрий заплатит за те же два года "выход" и с территории великого княжества Владимирского (8000 руб.)⁴⁸. Таким образом, Москва признала долг по уплате "выхода" с Московского княжества за 1381/82 и 1382/83 гг. – время правления Тохтамыша после гибели Мамаю. Выплата же задолженности "выхода" с великого княжества Владимирского была поставлена в зависимость от ханского решения о его судьбе: в случае оставления великого княжения за Дмитрием Ивановичем он гарантировал погашение долга, а если бы Тохтамыш отдал Владимир Михаилу Тверскому, Москва считала бы себя свободной от этих обязательств – выполнять их должен был новый великий князь владимирский. Тохтамыш предпочел не продолжать конфронтацию с сильнейшим из русских князей: передача ярлыка Михаилу привела бы к новому конфликту и сделала бы весьма сомнительными шансы хана получить когда-либо

долг. Настаивать на уплате "выхода" за 1380 г. и тем более за период правления в Орде Мамай Тохтамыш не стал. Таким образом, в 1383 г. был достигнут компромисс: Тохтамыш сохранил за собой позу победителя, однако Дмитрий оказался в положении достойно проигравшего.

Осенью 1383 г. во Владимире побывал "лют посол" Тохтамышша Адаш⁴⁹. Очевидно, он и привез Дмитрию ярлык на великое княжение. Михаил Тверской тогда еще находился в Орде: он вернулся 6 декабря⁵⁰, а вскоре после этого был убит Некомат Сурожанин, в 1375 г. добывший у Мамай великокняжеский ярлык тверскому князю⁵¹: "тое зимы уьбен бысть некии брех, именем Некомат, за некую крамолу бывшую и измену"⁵². Представляется, что эти два события связаны между собой: по-видимому, в Москве санкционировали устранение Некомата (из летописного известия не ясно, казнь это была или убийство) тогда, когда стало окончательно понятно, что Михаил не получил в Орде желаемого.

Впрочем, тверской князь вернулся все же не с пустыми руками. 6 мая 1382 г. умер кашинский князь Василий Михайлович⁵³, а в 1389 г. в Кашине скончался сын Михаила Тверского Александр⁵⁴; следовательно, между 1382 и 1389 гг. Кашин оказался под властью тверского князя. Это противоречило одному из пунктов договора 1375 г. между Дмитрием Ивановичем и Михаилом: "А в Кашин ти (Михаилу. – А.Г.) ся не въступати, и что потягло х Кашину, ведает то вотчичь князь Василеи. Ни выходом не надобе тебе ко Тфери Кашину тянути. А его ти не обидети. А имешь его обидети, мне его от тебе боронити"⁵⁵. В грамоте не оговорена судьба Кашина в случае бездетной смерти Василия Михайловича; но поскольку его отчина высвободалась из-под юрисдикции Твери и кашинский князь становился непосредственным вассалом Дмитрия Ивановича, в такой ситуации должно было действовать древнее право великого князя владимирского на выморочные княжества. Тем не менее Кашин достался не ему, а тверскому князю.

1399 годом датируется дошедший до нас текст dokonчания Михаила Александровича с Василием Дмитриевичем Московским⁵⁶. Здесь, в отличие от договора 1375 г., тверской князь именуется просто "братом", а не "младшим братом" московского; подтверждено обязательство тверских князей не претендовать на великое княжение владимирское, даже если в Орде будут им его "давати"⁵⁷. Поскольку дошедшая до нас грамота адресована Василием Михаилу, обязательства московских князей по отношению к тверским не сохранились. Но в договоре 30-х гг. XV в. Василия II с Борисом Александровичем Тверским (в этом случае до нас дошла, наоборот, грамота тверского князя московскому) теми же словами, какими в грамоте 1399 г. говорится об отказе тверских князей от претензий на Москву, великое княжение и Великий Новгород, декларируется отказ московских князей претендовать на "Тферь и Кашин"⁵⁸. Можно полагать, что несохранившаяся грамота 1399 г. с перечнем обязательств московских князей также содержала признание принадлежности Кашина Тверскому княжеству.

Таким образом, dokonчание 1399 г. касалось, по-видимому, обоих пунктов соглашения 1375 г., нарушенных Тверью после похода Тохтамышша. В отношении великого княжения владимирского была подтверждена договоренность 1375 г., пункт же о Кашине был сформулирован прямо противоположным образом. Кроме того, московский князь признавал независимость Твери: это выражалось в именовании Михаила Александровича "братом" и в признании за ним права самостоятельных сношений с Ордой⁵⁹. Однако можно ли считать, что урегулирование московско-тверских отношений новым договором состоялось только в 1399 г.? Есть основания для отрицательного ответа на этот вопрос.

В dokonчании 1399 г. имеется пункт: "А что есмь воевал со царем, а положит на нас в том царь виноу, и тебе, брате, в том нам не дати ничего, ни твоим детем, ни твоим внучатом, а в том нам самим ведатися"⁶⁰. У Василия Дмитриевича в XIV столетии было лишь одно столкновение с Ордой – поход его брата Юрия "на Болгары"⁶¹. Но это была война не с самим ханом, а договор 1399 г. в другом своем пункте четко разделяет вообще "рать татарскую" и рать, возглавляемую "царем": "А по грехом, поидет на нас царь ратию, или рать татарская..."⁶². А главное, этот поход на самом деле имел место в конце 1399 г.⁶³, уже после смерти Михаила Александровича (26 августа 1399 г.)⁶⁴. Очевидно, что упоминание "войны с царем" может подразумевать только события 1382 г., когда действительно "сам царь" явился с войском в Северо-Восточную Русь и московские князья, хотя и не приняли генерального сражения, оказали ему вооруженное сопротивление⁶⁵. Следовательно, пункт договора 1399 г. о возможных последствиях войны с "царем" московского князя, от лица которого исходит грамота, взят из dokonчания Михаила Александровича и Дмитрия Ивановича, заключенного после похода Тохтамышша⁶⁶. Нарушение Михаилом обязательства не претендовать на великое княжение и неясная после смерти Василия Михайловича судьба Кашина требовали обновления договора. Датировать это не дошедшее до нас московско-тверское dokonчание следует, скорее всего, 1384 годом, временем вскоре после возвращения Михаила из Орды, где Тохтамыш отказался отдать ему великое княжение

владимирское, но, очевидно, предоставил права на выморочное Кашинское княжество и дал санкцию на независимость Твери от московского князя. Михаил вынужден был подтвердить свой отказ от претензий на великое княжение, а Дмитрию пришлось признать равный статус тверского князя и его права на Кашин.

Примечательно, как в целом сказано об отношениях с Ордой в договоре 1399 г. (а, следовательно, очень вероятно, уже в 1384 г.): "А быти нам, брате, на татары, и на Литву, и на немци, и на ляхи заодин. А по грехом, поидет на нас (т.е. на московских князей. – А.Г.) царь ратию, или рать татарская, а всяду на конь сам и своею братьею, и тебе, брате, послати ко мне на помочь свои два сына да два братанича, а сына ти одного у себя оставити (...) А что есмь воевал со царем, а положит на нас в том царь вину, и тебе, брате, в том нам не дати ничего, ни твоим детем, ни твоим внучатом, а в том нам самим ведатися"⁶⁷. С одной стороны, оборонительная война с татарами, в том числе и с их "царем", воспринимается как само собой разумеющееся дело. С другой – наступательные действия (как в договоре 1375 г.) не пре-дусматриваются. При разграничении двух вариантов татарских походов (просто "рать та-тарская" и поход, возглавляемый самим "царем"), война с "царем", несмотря на ее допустимость, расценивается как провинность перед сюзереном, за которую тот вправе потребовать особую плату ("вина" в данном случае имеет смысл именно платы за вину, т.е. штрафа за совершенную провинность⁶⁸).

В 1389 г. фиксируются три новых явления, связанные с московско-ордынскими отноше-ниями. Во-первых, в докончании Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем Серпуховским (25 марта 1389 г.), а позже в духовной грамоте Дмитрия (май того же года) говорится о возможности освобождения в будущем от власти Орды: "А оже ны Бог избавит, освободит от Орды, ино мне два жеребия, а тебе треть"⁶⁹; "А переменит Бог Орду, дети мои не имуть давати выхода в Орду, и который сын мой возмет дань на своем уделе, то тому и есть"⁷⁰. Скорее всего, имеется в виду повторение ситуации, реально имевшей место в 1374–1380 гг.: новое "неустройство" в Орде должно будет повлечь за собой прекращение платежа дани. Во-вторых, Дмитрий (в отличие от отца и деда) передает своему старшему сыну Василию власть не только над Московским княжеством, но и над великим княжеством Владимирским, прерогатива распоряжения которым со времен Батыея принадлежала ордынскому хану, причем великое княжество именуется "отчиной", т.е. наследственным владением московских князей: "А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великим князем"⁷¹. Наконец, после смерти Дмитрия (19 мая 1389 г.) Василий был возведен ханским послом на великое княжение владимирское без личной явки за ярлыком в Орду, чего ранее никогда не случалось⁷². Если первое из новых явлений – следствие успешного противостояния Мамаю, то два других явно связаны с соглашением, заключенным с Тохтамышем в 1383 г.: очевидно, именно тогда хан пошел на признание владимирского великого княжения наследственным владением московского княжеского дома.

Таким образом, поход Тохтамыша, при всей тяжести пережитого Москвой удара, не был ка-тастрофой. С точки зрения общественного сознания неподчинение великого князя Дмитрия Ивановича узурпатору Мамаю еще не привело к сознательному отрицанию верховенства ордынского "царя". С приходом к власти в Орде законного правителя, правда, была предпри-нята осторожная попытка построить с ним отношения, не прибегая к уплате "выхода" (фор-мальное признание верховенства, но без фактического подчинения). Попытка оказалась неудачной, но этот факт не оставил трагического следа в общественном сознании: по сути было восстановлено "нормальное" положение – законному "царю" подчиняться и платить дань не зазорно.

Говоря же о политической стороне вопроса, следует признать, как ни парадоксально это покажется, что результаты в целом неудачного конфликта с Ордой 1381–1383 гг. оказались для Москвы более значимыми, чем последствия победы на Куликовом поле. Разгром Мамаю не вызвал коренного изменения в московско-ордынских отношениях, более того, способствовал быстрому восстановлению единства Орды под властью Тохтамыша, а понесенные русскими войсками тяжелые потери не позволили эффективно противостоять хану в 1382 г. (это, разумеется, не снижает исторического значения Куликовской битвы в целом, которое вышло далеко за рамки конкретных политических последствий). Итогом же московско-ордынского конфликта 1381–1383 гг. было фактическое признание законным, по тогдашним меркам, правителем Орды ее неспособности поколебать главенствующее положение Москвы в Северо-Восточной Руси. Великое княжество Владимирское было закреплено за московскими князьями (чего ранее не признавали ни законные ханы, ни "нелегитимный" Мамай). В результате слияния Московского княжества с великим Владимирским сложилось ядро государственной территории будущей России.

Примечания

¹ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 5. М., 1993. С. 44–45, 47, 53; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 243–244; Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М., 1980. С. 59–60; Буганов В.И. От Куликовской битвы до освобождения от ордынского ига (1380–1480 гг.) // Куликовская битва. М., 1980. С. 246–248; Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хороскевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 45.

² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 1965. Стб. 141–142 (Рогожский летописец); ср.: Т. 18. СПб., 1913. С. 130–131 (Симеоновская летопись).

³ Положительный ответ давали А.Е. Пресняков, Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин (Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. Пг., 1918. С. 325; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Указ. соч. С. 323; Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 628, 630), отрицательный – Н.М. Карамзин, А.Н. Насонов, И.Б. Греков (Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. 5. С. 47; Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 136; Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 147).

⁴ Ср. летописные характеристики: "...царь их не владеяше ничим же, но всяко старейшинство держаше Мамай" – Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 389; "Некоему убо у них худу цесарующую, но все деюще у них князю Мамаю" – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее – НПЛ). С. 376.

⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 140–141; Т. 18. С. 130.

⁶ О справедливости датировки докончания 1381 годом см.: Греков И.Б. Указ. соч. С. 144–145.

⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950 (далее – ДДГ). № 9. С. 26.

⁸ Там же. № 10. С. 30.

⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 142; Т. 18. С. 131.

¹⁰ Такое мнение высказывалось: Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. 5. С. 47; Буганов В.И. Указ. соч. С. 247.

¹¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143–146; Т. 18. С. 131–133; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 326–338 (Новгородская IV летопись); Т. 6. СПб., 1853. С. 98–103 (Софийская I летопись); Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 190–207 (текст Новгородской Карамзинской летописи).

¹² Греков И.Б. Указ. соч. С. 157–159.

¹³ См.: Салмина И.А. Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Т. 34. 1979. С. 143–144.

¹⁴ Для этого свода характерны осуждение усобиц и идея единства русских князей. См.: Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. СПб., 1994. С. 116–117.

¹⁵ Ср.: Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 634.

¹⁶ Греков И.Б. Указ. соч. С. 159; Буганов В.И. Указ. соч. С. 247.

¹⁷ Пророков Г.М. Повесть о Митяе. Л., 1978. С. 122–123.

¹⁸ См., напр.: ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 200–201; НПЛ. С. 73–74. Подобное явление (так называемые "регифугии") было распространено во всех странах Европы (см.: Дольманов И. Политика личной безопасности и военной защиты великих русских князей в средневековье. Русские аналогии некоторым европейским "регифугиям" // Etudes historiques hongroises 1985 publiées à l'occasion du XVIe Congrès international des Sciences Historiques par le Comité National des Historiens Hongrois. Band 1. Budapest, 1985).

¹⁹ В Московском княжестве вероятность применения такой тактики была закреплена в междукняжеских договорах: "Тако же и городная осада, оже ми, брате, самому сести в городе, а тебе ми послати из города, и тебе оставити своя княгини, и свои дети, и свои бояре. А будет ми тебе оставити в городе, [а самому] ехати ми из города, а мне, брате, оставити своя мати, [и свою братью] молодшою, и свои бояре" (ДДГ. № 13. С. 38 – договор Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем, 1390 г.).

²⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 328.

²¹ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 138.

²² Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2 ("... и потом приеха к ним в город некоторыи князь Литовскыи, именем Остен, внук Олгердов").

²³ Утверждение, будто Остей был приглашен в Москву городским вечем (Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь, 1996. С. 271; Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 639; Буганов В.И. Указ. соч. С. 248), опоры в источниках не имеет. В Пространной летописной повести горожане, "ставшие вечем", определены как "мятежники" и "крамольники", а про Остея сказано, что он, придя в Москву, усмирил мятеж (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 329; Т. 6. С. 99; Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. С. 194). Это ясно свидетельствует, что Остей не был заодно с вечниками.

²⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143–144; ср.: Т. 18. С. 132.

²⁵ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 146; ср.: Т. 18. С. 133.

²⁶ Б у д о в н и ц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 460.

²⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 146; ср.: Т. 18. С. 133. В Пространной повести о нашествии Тохтамыша некоторые черты позитивного изображения московских князей оказались сняты: там не говорится, что разбитые Владимиром Андреевичем ордынцы прибежали к Тохтамышу "пострашены и биты", что "царь" ушел от Москвы, "чая на себе наезда" (Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 337).

²⁸ В Пространную повесть о нашествии Тохтамыша хотя и вставлено объяснение, почему Дмитрий отказался от генерального сражения, "рознь" между русскими князьями, но при этом и прежняя мотивировка сохранена и даже усилена: "Слышав же князь великий такуюю весть, како идти на него сам царь в множестве силы своеа (...) и убояся стати в лице самого царя, и не ста на бои противу его, и не подня руки на царя" (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 328; Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. С. 192; в Софийской I летописи – "Великыи же князь Дмитрии Ивановича слыша такуюю весть, оже идти на него сам царь во множестве силы своеа (...) не хотя стати противу самого царя" – ПСРЛ. Т. 6. С. 99).

²⁹ На это обратил внимание Ч.Дж. Гальперин, особенно подчеркивающий статус Мамаю как узурпатора и лояльность Москвы в конце XIV в. законным ханам-Чингизидам (H a l p e r i n Ch.J. The Russian Land and the Russian Tsar // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 23. Berlin, 1976. S. 38–57; id e m. The Tatar Yoke. Columbus (Ohio). 1986. P. 94–136).

³⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 134, 139; Т. 18. С. 127, 129.

³¹ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 146; ср.: Т. 18. С. 133.

³² Тогда Михаил получил от Мамаю ярлык на Владимир, но Дмитрий Иванович с союзниками военной силой заставил его отказаться от великого княжения и взять на себя обязательство не претендовать на него впредь (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 109–111; ДДГ. № 9. С. 25–26).

³³ В Тверском сборнике, где помещен особый (тверской) рассказ о событиях 1382 г., говорится, что татары "хотеша ити ко Твери, и посла князь великий Михайло Гурленя; они же изымав биша, и поставиша Гурленя пред царем, и царь повеле грабеж изыскати, и отпусти его с жалованием к великому князю Михаилу, с ярлики" (ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. Стб. 442). Очевидно, Тохтамыш благосклонно отнесся к послу Михаила и отправил послание (термином "ярлык" обозначались не только ордынские жалованные грамоты, но и послания ханов нижестоящим) с приглашением тверскому князю явиться к нему лично.

³⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 339; НПЛ. С. 379.

³⁵ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 147.

³⁶ Там же. Т. 15. Стб. 442.

³⁷ Москва была взята 26 августа; для того, чтобы после этого татарские отряды достигли Звенигорода, Волока, Можайска, Юрьева, Дмитрова и Переяславля и затем все возвратились, необходимо было не менее 5–6 дней. Следовательно, Тохтамыш не мог уйти из Москвы ранее первых чисел сентября.

³⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 147; Т. 18. С. 133–134.

³⁹ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 148; Т. 18. С. 134.

⁴⁰ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 339; Т. 5. СПб., 1851. С. 238.

⁴¹ Ч е р е п н и н Л.В. Указ. соч. С. 648–650.

⁴² К л ю г Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 221.

⁴³ См.: Е г о р о в В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 218–219.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 339.

⁴⁵ ДДГ. № 12. С. 35–36 (духовная грамота Дмитрия Донского).

⁴⁶ Там же. № 11. С. 31 (договор Дмитрия с Владимиром Андреевичем).

⁴⁷ См.: П а л о в П.Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского педагогического института. Т. 13. Вып. 2. Красноярск, 1958. С. 101.

⁴⁸ Для выплаты этой дани, очевидно, брались деньги в долг у русских и мусульманских купцов (В о - д о в В. "Долгъ бесерменскыи и проторъ и русскыи долгъ" в договорной грамоте Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем Серпуховским // Russia mediaevalis. Т. III. München, 1977). Примечательно, что во время своего похода на Новгород зимой 1386/87 г. Дмитрий требовал с новгородцев за различные провинности общую сумму именно в 8000 руб. (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 345–347); по-видимому, он стремился восполнить собранную в 1383–1384 гг. с разоренной войной территории великого княжения сумму дани.

⁴⁹ П р и с е л к о в М.Д. Троицкая летопись. С. 427; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 149.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 149; Т. 18. С. 135; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 211.

⁵¹ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 109–110.

⁵² П р и с е л к о в М.Д. Троицкая летопись. С. 427; ср.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 149.

⁵³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143.

⁵⁴ Там же. Т. 15. Стб. 444.

⁵⁵ ДДГ. № 9. С. 26.

⁵⁶ О дате см.: Н а з а р о в В.Д. Дмитровский удел в конце XIV – середине XV в. // Историческая география России. XII – начало XX в. М., 1975. С. 50–51. Примеч. 27; К л ю г Э. Указ. соч. С. 230–232.

⁵⁷ ДДГ. № 15. С. 41.

⁵⁸ Ср.: Там же. № 15. С. 41 и № 37. С. 105–106.

⁵⁹ Там же. № 15. С. 41.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ По мнению А.Л. Хорошкевич, в договоре 1399 г. имелось в виду именно это событие (автор относит его к 1395 г.) (Х о р о ш к е в и ч А.Л. Політичні наслідки Куликовської битви // Український історичний журнал. 1980. № 4. С. 54).

⁶² ДДГ. № 15. С. 41.

⁶³ К а р а м з и н Н.М. Указ. соч. Т. 5. С. 75, 93–94, 286. Примеч. 176.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Стб. 389.

⁶⁵ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143–146.

⁶⁶ Повтор данного пункта в договоре Василия с Михаилом, очевидно, связан с тем, что Тохтамыш в 1399 г. пытался вернуть себе престол в Орде с помощью Витовта и вполне мог предъявить в случае успеха претензии к Василию, враждебно настроенному в этот период к великому князю литовскому. В московско-тверском договоре 30-х гг. XV в. пункт о войне с "царем" также повторен, но в "модернизированном" виде: "А что ся есте воевали со царем" (ДДГ. № 137. С. 106) – единственное число сменено на множественное. Очевидно, имелись в виду столкновения московских князей, от лица которых заключался договор (Василия Васильевича, Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного), с ханом Улуг-Мухаммедом в 1437–1439 гг. В последующих московско-тверских договорах этот пункт снят.

⁶⁷ ДДГ. № 15. С. 41. Упоминание "ляхов" следует считать вставкой 1399 г.: до польско-литовской унии 1385 г. они вряд ли могли быть упомянуты в качестве потенциальных противников.

⁶⁸ См. о значении слова "вина": Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I. М., 1988. С. 424–428.

⁶⁹ ДДГ. № 11. С. 31 (речь шла о распределении доходов с Московского княжества).

⁷⁰ Там же. № 12. С. 36.

⁷¹ Там же. С. 34.

⁷² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 157; Т. 18. С. 134.

© 1998 г. А.Н. САХАРОВ*

АЛЕКСАНДР I И АРАКЧЕЕВ

Алексей Андреевич Аракчеев – исключительно масштабная и уникальная личность в российской истории по степени воздействия на определенные области общественной жизни и на жизнь общества в целом. К тому же это был человек, которому в течение всего своего царствования Александр I доверял абсолютно, и эта связь двух выдающихся людей той эпохи – государя и всесильного временщика – проливает дополнительный и яркий свет на фигуру самого императора.

В дореволюционной исторической литературе Аракчеев удостоивался безусловно отрицательных оценок, которые восходили либо к либеральным и революционным дворянским кругам первой половины XIX в., но особенно ко времени правления Александра I (именно тогда появился термин "аракчеевщина" как синоним всего косного, реакционного, отсталого, жестокого), либо к раздраженным пассажирам представителей придворной титулованной знати, которая ненавидела всесильного фаворита, кажется, едва ли не более чем его либеральные и революционные недоброжелатели. Правда, в работах вел. кн. Николая Михайловича и Н.К. Шильдера об Александре I приводится немало фактов, противоречащих устоявшейся общественной и историографической традиции, хотя сама эта традиция и не опровергается.

Советская историография еще более заострила эти безусловно негативные оценки, связав имя Аракчеева со всеми мнимыми и реальными мерзостями абсолютистского режима первой четверти XIX в. Человек, возглавивший пресловутые "военные поселения", ставшие

* Сахаров Андрей Николаевич, член-корреспондент РАН, директор Института российской истории РАН.

Статья представляет собой главу из новой книги автора "Александр I".

источником тягот, страданий и унижений сотен тысяч людей, уже за одно это нес на себе печать проклятия. В этом дружном осуждающем хоре тонули отдельные замечания о полезных делах Аракчеева, о его всепроникающей государственной деятельности, наполненной идеями чести и преданности престолу, борьбы с коррупцией и беспорядками, ленью, расхлябанностью, сибаритством, со всем тем, что прямо или косвенно наносило ущерб интересам России внутри страны и за рубежом. Этого как будто бы и не существовало для советской исторической науки. Первые непредвзятые оценки деятельности Аракчеева, увы, пришли из-за рубежа. Именно там появились объективные, спокойные суждения, далекие от либеральной и революционной истерики, от все изничтожающего яда титулованных снобов, от советского идеологизированного подхода к оценке жизни и деятельности временщика, которые, однако, долгие десятилетия не были даже известны советским исследователям¹. Только недавно они стали достоянием и российской науки, нашли отражение, правда, пока еще недостаточно адекватное, в некоторых современных работах российских авторов, в которых, увы, все же традиционными остаются противопоставления Аракчеева и Сперанского, "гений добра и зла", и суждение о том, что Александр I, отказавшись от реформ, убрал Сперанского и возвысил Аракчеева².

Итак, есть ли сегодня возможность, опираясь на имеющийся обильный фактический материал, на новые подходы, переломить устоявшиеся стереотипы и сказать, наконец, правду об этом сподвижнике Александра I и тем самым приблизиться к анализу деятельности самого русского монарха, такому еще далекому от исторической беспристрастности.

Чтобы понять смысл исторического феномена Аракчеева, надо сказать о его происхождении, детских и юношеских годах. Это была безусловно драма способной и хорошо организованной личности.

Алексей Андреевич Аракчеев происходил из мелкопоместных дворян Вышневолоцкого уезда, из "сельских дворян", как их порой называли в то время. Бедность, молитва, строгий порядок, неукоснительная необходимость постоянного и кропотливого труда, начала образования, полученные у сельского дьячка, органическая близость к жизни сельского населения – с таким багажом юный Аракчеев отправился с отцом в Петербург, стремясь поступить в одно из лучших тогда учебных заведений – Артиллерийский и Инженерный кадетский корпус, который возглавлял сподвижник А.В. Суворова генерал П.И. Мелиссино, выдающийся артиллерист и человек просвещенного ума. Уже в Петербурге отец и сын выяснили, что каждый поступающий должен внести вступительный взнос в 200 руб. ассигнациями. Такими деньгами Аракчеевы не располагали. Начались поиски необходимой суммы, долги, продажа личных вещей, скитания по дешевым номерам, жизнь впроголодь, и, наконец, нищенство, долгие недели ожидания результатов прошения о приеме. Это было в июле 1783 г. На всю жизнь Аракчеев запомнил эти несколько месяцев нужды и унижений и понял, что лишь неустанным трудом, исполнительностью, рвением, мобилизацией всех своих способностей он может отстоять себя в жизни и чего-то добиться. Характеры слабые в такой обстановке ломаются, характеры сильные лишь закаляются. Аракчеев же обладал характером поистине железным. Именно в кадетском корпусе он заложил фундамент своего будущего. Дисциплинированный, усердный в учебе, собранный – таким он зарекомендовал себя уже в младших классах корпуса. Особенно учителя отмечали его успехи в военно-математических науках. В 15 лет он сержант, надзирает за отстающими и нерадивыми и проявляет себя как человек исключительно строгий, "нестерпимого зверства", но неизменно добивающийся результата. В эти годы Аракчеев четко усвоил смысл жестокой системы второй половины XVIII в. в России, при которой слабый погибал, а сильный выживал и продвигался вперед, особенно если это относилось к армии с ее рекрутчиной, жестокими порядками, неистовой муштрой и парадоманией, палочной дисциплиной, которых не могли переломить ни разумный прагматизм Румянцева, ни эскапады Суворова, ни философское спокойствие Кутузова, ни добрая пылкость Багратиона. Бездушная прусская армейская система, утвердившаяся в центральной и восточной Европе особенно после военных успехов прусского короля-воителя Фридриха II, стала стержнем армейской жизни и в России. В полной же мере она раскрылась в годы правления Павла I – адепта прусских военных порядков и фанатика регламентации и заорганизованности всей жизни в стране. И Аракчеев с его волей, недюжинным умом, высоким профессионализмом, огромными организаторскими способностями, соединенными со страстью к слепому выполнению приказов вышестоящего начальства, оказался блестящим феноменом этой системы. Не он ее выдумал, но его приниженное прошлое, от которого он стремился уйти, неукротимое честолюбие и понимание того, что только неукоснительное следование принципам этой системы способно двигать его вверх по служебной лестнице, обеспечить ему благоприятное плавание по карьерным водам. И еще одно качество выделяло его среди сверстников – абсолютная преданность своему непосредственному начальнику и покровителю

на всех этапах служебной лестницы. В условиях абсолютистского режима, при котором безапелляционная власть делегировалась по всей стране сверху вниз, такой человек был поистине неординарен. В иной, конституционной, демократической системе личность с подобными рабскими и одновременно авторитарными наклонностями возможно померкла бы и стусевалась; в России же конца XVIII – начала XIX в. она, напротив, расцвела пышным цветом. Его заметил и выделил начальник корпуса, оставив блестящего кадета у себя в качестве преподавателя сначала арифметики и геометрии, потом артиллерийского дела. Затем он же рекомендовал уже поручика Аракчеева в качестве педагога графу Н.И. Салтыкову, президенту военной коллегии и одновременно куратору воспитания великих князей Александра и Константина. Так неожиданно протянулась первая, хотя и тонкая, нить между Аракчеевым и царским двором. Салтыков остался доволен учителем сына и рекомендовал его позднее на должность адъютанта к тому же генералу Мелиссино, а тот в свою очередь назвал его имя цесаревичу Павлу Петровичу, когда тот искал для своего гатчинского войска знающего офицера-артиллериста. Очень быстро Аракчеев занял видное место в системе гатчинской армии. Павел отметил его блестящее знание артиллерийского дела, четкость и исполнительность, феноменальное усердие. Здесь же он подружился с юным Александром, который, повзрослев, все более увлекался службой в гатчинском войске. Вероятно, прав был один из биографов А.А. Аракчеева П.Н. Богданович, когда писал: "Видно неопровержимо, что в личности и характере Аракчеева было что-то подкупающее и привлекающее в такой степени, что к нему с одинаковой симпатией и доверием относились и люди пожилые, прекрасно знавшие жизнь и людей, как Мелиссино и Салтыков, так и неопытный юноша, как великий князь Александр Павлович"³. Но, добавим, Аракчеев умел нравиться в первую очередь вышестоящим лицам и нравиться истово, иступленно. Это был талант и талант немалый. Уже современный нам исследователь отмечал: "Без сильных покровителей, без знатных связей бедный провинциальный офицер сумел занять видное место в гатчинской армии Павла и при его "малом дворе"... Он ни с кем не сблизился, не искал ни дружбы, ни симпатии; все его мысли и желания были направлены лишь на то, чтобы угодить Павлу Петровичу, а угодить можно было лишь строгим и ревностным исполнением службы, что Аракчееву блестяще удавалось"⁴. По отзывам людей, знавших близко Аракчеева, он и в Гатчине проявил большой организаторский талант, страсть к порядку, строгость и требовательность к себе и к подчиненным, которая доходила "до тиранства". Но результат бывал всегда налицо.

Юный Александр в те дни старался преуспеть в новой для него военной ипостаси, стремился получить по службе поощрение требовательного и жесткого отца, переживал за неудачи и отцовские реприманды. 23-летний Аракчеев был для него не только превосходным учителем во всем, что касалось армейских порядков, но и определенным амортизатором в отношениях с Павлом. Он помогал 15-летнему великому князю, страховал его, а порой и спасал от гнева отца. Именно с тех лет Александр привык видеть в Аракчееве надежную защиту и опору. Такие отношения сохранились и после того, как Павел вззошел на престол. Прибывшего из Гатчины в Зимний Дворец Аракчеева Павел встретил словами: "Смотри, Алексей Андреевич, служи мне верно, как и прежде", а затем соединил руки Александра и Аракчеева и произнес: "Будьте друзьями и помогайте мне"⁵.

С этого дня карьера Аракчеева стремительно взмывает вверх. В ноябре 1796 г. его производят в генерал-майоры и назначают командиром батальона привилегированного гвардейского Преображенского полка. Одновременно Аракчеева утверждают петербургским комендантом, а в начале 1797 г. он получает должность начальника свиты его императорского величества и звание генерал-квартирмейстера, т.е. фактически становится начальником Главного штаба империи. Его награждают баронским титулом и орденом Александра Невского.

Все эти милости пролились на Аракчеева не случайно. В начавшемся при Павле I переустройстве русской жизни, и в первую очередь армии, умный, требовательный генерал играл ведущую роль.

К концу царствования Екатерины II, по свидетельству современников, верхушка русской армии, в особенности гвардейское офицерство, совершенно разложилась. Манкирование службой, светские утехи, сепаратизм и своеволие командующих соединениями разъедали армейский организм. "Образ жизни гвардейских офицеров совершенно изменился, – писал один из очевидцев. – При императрице мы думали только о том, чтобы ездить в театры, в общество, ходили во фраке"⁶. Обычной стала картина, когда офицер на смену караула ехал позади взвода в возке, закутанный в шубу и муфту⁷. Павел, круто изменив жизнь чиновничества государственных учреждений, взялся и за армию. Тот же источник с грустью констатирует: "А теперь с утра до вечера на полковом дворе, и учили нас всех как рекрутов"⁸. Аракчеев стал

главной ударной силой павловских преобразований в армии. Он жесточайшими мерами восстановил порядок и дисциплину в разложившихся гвардейских частях, подтянул офицерский корпус, добрался и до солдатских казарм, требуя наведения в них порядка. Штабных офицеров он засадил за чертежные доски и заставлял их тренироваться в составлении планов и карт. Как комендант Петербурга он стремился утвердить порядок и чистоту в городе, как генерал-квартирмейстер и инспектор армии проверил состояние крепостей и их вооружений и во всех сферах деятельности добился перелома к лучшему: город преобразался, казармы сияли чистотой, питание и обмундирование солдат улучшились, состояние и вооружение крепостей значительно усовершенствовалось, самоуправство офицеров вплоть до беспричинных телесных наказаний солдат было пресечено. И все это с жестоким давлением, мрачными придирками, отборной руганью. Офицеры стонали, жаловались. В армейской верхушке росло недовольство круглыми павловскими мерами. Думается, что героическому в военное время русскому офицерству при мирной жизни невыносимы были эти прусские нравы, в основе которых, однако, лежали четкая организация, порядок, дисциплина, высокая боевая готовность. Именно к этому стремился Павел, а Аракчеев сурово внедрял эти принципы в армии. Регламентация всей жизни, в том числе и армейской, неумолимо оказалась русскому человеку, и это, как мы уже говорили, было одной из причин недовольства реформами Павла I, заговора против него и последующей гибели. Аракчеев светил лишь отраженным светом, но уже на этом этапе своей жизни снискал прочную ненависть тех, кого он заставлял делать положенное по службе. При этом он был требователен и взыскателен к себе и абсолютно честен и бескорыстен, чем удивлял российского чиновника и армейского командира и вызывал еще большее негодование и осуждение. По-видимому, во многом усилившиеся при Аракчееве тяготы по службе и стали причиной многочисленных мемуарных стонов российского офицерства той поры.

Вызвав чем-то минутную ярость Павла и отправленный в отставку, Аракчеев вскоре был приглашен обратно (не без усилий Александра Павловича), осыпан наградами, получил титул графа и был назначен инспектором всей артиллерии. Именно при Павле он начал реформы российской артиллерии, имея к тому же в виду, что на Западе восходила блестящая звезда молодого артиллерийского офицера, ставшего уже лидером Франции Наполеона Бонапарта, чье артиллерийское искусство и новаторство не раз оказывалось решающим обстоятельством в победе французских войск над устаревшими армиями остальной Европы.

После восшествия на престол Павел поручил своему старшему сыну-наследнику ряд ответственных постов: император считал, что Александр должен постепенно и основательно приуготовлять себя к высокой государственной миссии в будущем. Александр был назначен военным губернатором Петербурга, шефом лейб-гвардии Семеновского полка, инспектором гвардейской дивизии, а позднее и председателем Военной коллегии – и это при том, что ему не было еще и двадцати лет. Исполнять все эти сложные обязанности, не имея опыта и знаний, было тяжело и утомительно; отец требовал полной отдачи по службе, сам же Александр таким фанатичным рвением не отличался, и здесь Аракчеев в качестве его советника, помощника, а по столичным делам и как непосредственно подчиненное лицо, был крайне необходим. Александр почти ежедневно встречался с Аракчеевым, тот готовил для него каждодневный рапорт о состоянии дел в столице, который Александр утром представлял отцу. Одновременно он муштровал гвардейские части, вверенные Александру, готовил их к платц-парадам, до которых так охоч был император. В эти годы, как и прежде в Гатчине, Аракчеев нередко заслонял Александра от Павла I, а наследник порой инстинктивно, а чаще с холодным расчетом пользовался услугами Аракчеева, укрываясь за его могучей спиной⁹.

Но уже в это время в отношениях и с Павлом I, и с Александром Павловичем все более выявляется характерная черта молодого генерала – его необычайное честолюбие, стремление получить за свою столь необходимую службу нечто большее, чем чины, звания, ордена, деньги, земли, к которым он был весьма равнодушен, – признание царственных особ. Именно это выделяло его из сонма придворных, титулованных особ. Он, мелкопоместный дворянин, добившийся всего собственным трудом, никогда не мог сравниться с ними по части породы, богатств, но благодаря близости к императору, к цесаревичу, благодаря их поддержке и признанию он становился сразу же на десять голов выше их всех. Для него это была самая большая плата, и это прекрасно понимали Павел, а позднее и Александр.

За полтора года до убийства Павла I Аракчеев попадает в опалу за якобы сокрытие неких непорядков в Арсенале. Павел вновь отставляет его со всех постов и отправляет в имение Грузино (подаренное ему императором прежде), где Аракчеев остается вплоть до 1803 г. Существует мнение, что опала Аракчеева в 1799 г. была организована участниками заговора против императора, которые не имели бы шансов на успех в случае, если бы он оставался в столице. Любопытно, что Павел вспомнил об Аракчееве в самый канун переворота,

почувствовав близкую измену, и вызвал его в столицу, но военный губернатор Петербурга, один из вдохновителей заговора граф Пален приказал задержать Аракчеева на заставах, и тот не прибыл в назначенный срок.

Через два года уже новый император Александр I вызывает его из Грузии коротким письмом: "Алексей Андреевич! Имея нужду видеться с вами, прошу вас приехать в Петербург"¹⁰.

Аракчеев в своем имении не терял времени, он превратил его в блестящее хозяйство. И здесь он проявил высокую организованность, широкий кругозор, прагматизм и вновь отменные требовательность и жестокость. Строгая документация, разработка полезных инструкций, жесткая регламентация жизни крестьян – с этого он начал свое хозяйствование, которому придавал предпринимательский характер. Хлебопашество, но прежде всего животноводство, продажа леса, сена с пойменных лугов – таковы главные статьи дохода как самого хозяина, так и его крестьян, в основном находившихся на оброке. В имении применялся и наемный труд. Для развития хозяйства Аракчеев учредил Заемный банк, которым пользовались прежде всего крестьяне его владений. Отсюда они получали ссуды на постройку домов, покупку скота, помощь в случае стихийных бедствий, на предпринимательские инициативы. Аракчеев весьма гордился тем, что все государственные повинности его крестьяне уплачивали за счет процентов с капитала, который он, помещик, разместил в Государственном банке. А вот программа самого Аракчеева в отношении своих крестьян: "В понятии моем помещик или владелец обязан, по праву человечества, наблюдать главные правила: 1) не мыслить о своем обогащении, а более заботиться о благосостоянии крестьян, вверенных Богом и правительством его попечению; 2) доходы, с них получаемые и составляемые всегда ценою пота и крови их, обращать главнейше на улучшение их положения"¹¹.

Часть средств, полученных за счет казенных подрядов, выполняемых его крестьянами, Аракчеев направлял в Заемный банк, откуда шла помощь крестьянам. Но при всем этом аракчеевские предписания и правила тяжелым гнетом давили на крестьян, не привыкших к интенсивной и инициативной работе. Для них это было подлинное "мучительство и тиранство", которое не компенсировалось никакими благами. Чем выше рос материальный достаток крестьян, тем больше ненавидели они своего неугомонного, порядливого и строгого барина. А сам Аракчеев был убежден: заставить крестьян работать добросовестно ради самих себя можно лишь строгостью и, в случае сопротивления, наказаниями. Такова была грустная цивилизационная проза жизни рачительного хозяина и его подданных в начале XIX в. И все же, думается, эта близость Аракчеева к нуждам деревни, его знание сельского хозяйства подвигли его к концу второго десятилетия века подать императору один из самых прогрессивных для того времени проектов отмены крепостного состояния крестьян в России.

Через несколько дней после получения письма Александра Аракчеев уже был в Петербурге. Так начинается новый, уже непрерываемый виток его карьеры. Он вновь призывается на службу в прежней должности инспектора всей артиллерии. К этому времени Александр уже упрочил свое положение на троне, сумел устранить заговорщиков – убийц отца, пытавшихся связать его узами аристократической конституции и сделать игрушкой в своих руках. Он всерьез думал о реформах, призвал к высоким должностям М.М. Сперанского, но одновременно его заботило состояние русской армии в преддверии противоборства с наполеоновской Францией, и здесь Аракчеев был, конечно, незаменим.

Общепризнанно, что умный, изворотливый и дальновидный властитель Александр I, опираясь в своей деятельности, с одной стороны, на либерала Сперанского, а с другой – на реакционера Аракчеева, умело балансировал в тогдашнем обществе, получая поддержку широких слоев и в первую очередь верхушки дворянства, придворных и армейских кругов, которые не были едины в подходе к решению вопросов внутренней и внешней политики России. Эта точка зрения нашла отражение в одной из последних работ, в которой автор – В.А. Федоров, как бы подытоживая все, что было написано на эту тему в советские годы, пишет: "Александр искусно лавировал между сторонниками реформ и приверженцами жесткой линии. Таким образом, в одно и то же время были приближены к императору и возвышены две совершенно различные, но крайне необходимые в данный момент императору личности – Аракчеев и Сперанский. На первого было возложено военное дело, на второго – гражданское управление и проведение реформ".

Либеральный курс Александра I ассоциируется здесь с именем Сперанского, реакционный, к которому император обратился в послевоенный период, – с именем Аракчеева, бывшего реакционным мечом Александра¹². Но истоки этой точки зрения восходят еще к дореволюционным оценкам. Они слышатся в работах Н.К. Шильдера; биограф Александра I вел. кн. Николай Михайлович даже отмечал, что если Сперанский был лицом, которым

увлекался Александр и которое на него воздействовало, то Аракчеев был необходимым тормозом против всякого рода увлечений. Думается, что подобные оценки являются отражением тех десятилетиями складывающихся до и после революции идеологических стереотипов, которые имеют мало общего с реальной исторической действительностью. Во всяком случае, первые годы деятельности Аракчеева на военном поприще отнюдь не подтверждают подобного вывода.

Александр в армии нужен был человек, который продолжил бы суровые начинания Павла I и не только в преддверии схватки с Наполеоном, о котором Александр отзывался все более резко, но и в силу тяготения самого Александра к "фрунтовым" прелестям. Конечно, Александр противостоял отцу во всем, что касалось давления лично на него и его близких – жену, друзей, – но прав был, видимо, английский историк М. Дженкинс, когда заметил такую черту Александра, которая с годами все более доминировала в его характере, – отцовскую властность, скрываемую под внешней мягкостью, неприятие критики, болезненное отношение к ущемлению собственной власти, чем так отличался и Павел I, а также чисто отцовское увлечение внешним порядком, четкостью, парадоманией. Сущностные формы абсолютизма, сочетаемые с его внешними показными формами, пронизывали натуру Александра, воспитанную и на непререкаемом авторитете бабки Екатерины II, и на гигантских экзерсисах Павла Петровича. И никакие гуманистические влияния Лагарпа и идей французских просветителей, ни личная врожденная деликатность, скромность и непритязательность, ни позднейшие религиозные влияния не смогли переломить в нем стержень, на котором держалось все его существо, и здесь Аракчеев был также незаменим. Порядок, воля, дисциплина, слепое повиновение – именно эти качества привлекали Александра, истинного сына своего отца, к Аракчееву. "В начале царствования, – пишет М. Дженкинс, – казалось, что Александр будет настроен против всего образа жизни Павла и его методов управления, но он бессознательно вбирал в себя многие из черт характера своего отца, и это становилось все более и более очевидным по мере того, как продолжалось его правление"¹³. "Ключ к карьере Аракчеева лежит в его отношениях с Александром I"¹⁴, – отмечает М. Дженкинс.

Поэтому, когда мы говорим о длительной и прочной связи Александра и Аракчеева, нет смысла говорить об Аракчееве, как антипододе либеральных устремлений в обществе, как лидере и оплоте реакционных сил. Правильнее и честнее было бы отметить различные и противоречивые стороны в характере самого Александра и то, что Аракчеев привлекался императором именно в те области общественной жизни, которые утверждали абсолютистскую ипостась натуры и деятельности Александра. Остальное доделывал характер, преданность царю, бульдожья хватка "железного графа", как его называли современники. Армия, конечно, была оселком Александра и по объективным обстоятельствам русской внешней политики, и по его субъективным побуждениям. В этой области Аракчеев и проявил себя наиболее ярко, истово, временами жестоко, честно и неподкупно исполняя порученное ему дело, внося в это исполнение организаторский талант, ум, фантазию, масштабы и одновременно суровую педантичность, умение любыми средствами добиться результата, что было крайне не популярно в тогдашней ленивой, рутинной и расхлябанной России, отравленной ядом крепостного права и абсолютизма, разлагавшего и низшие, и высшие слои общества. В этой своей деятельности Аракчеев не отражал абсолютно никакой политической тенденции и ориентации, кроме воли и желания императора. Кроме того, необходимо понимать и еще одну характерную черту Александра I, претворенную в деятельности Аракчеева: император стремился не брать на себя меры непопулярные, могущие осложнить его отношение с двором, верхушкой армии, гвардейским офицерством. Меч возмездия, заговор, убийство витали над ним так же, как над дедом и отцом, всю жизнь и поэтому он нуждался в щите, принимавшем на себя все критические стрелы общества, все проклятия различных социальных групп и слоев и даже всеобщую ненависть. Аракчеев и был таким щитом Александра I. Но при этом он являлся сильным и решительным человеком, беспепелляционно проводившим в жизнь планы Александра, некоторые из которых были крайне не популярны, хотя, безусловно, полезны для России, и чем выше он поднимался, тем активнее, упорнее, беспощаднее проводил линию своего сюзерена. Александр – обворожительный, интеллигентный, блестяще образованный – мог совершенно свободно рисовать на российском государственном полотне с милой улыбкой и врожденной деликатностью и вежливостью любые политические узоры, потому что у него был Аракчеев. Александр говорил: "Я знаю, что Аракчеев груб, невежествен, необразован. Однако он имеет большую практическую сметку, мужество и инициативу и наделен огромной работоспособностью. Он также глубоко вникает в детали. Он соединяет в себе редкую неподкупность с презрением к почестям и материальным благам. И он обладает негибкой волей и фанатичной страстью командовать людьми. Я не мог бы сделать что-либо без него"¹⁵.

Поистине Александр прекрасно понимал натуру своего помощника и использовал его с максимальной для себя пользой.

Кроме того, необходимо помнить, что Александр испытывал сильнейшие комплексы перед памятью убитого в ходе переворота 1801 г. отца. К Аракчеву император тянулся не только как к человеку, с которым он дружно и полезно работал в годы правления Павла I, но и как к личности безупречной в отношении к покойному императору и не запятнанной какой-либо закулисной интригой. С ним, как и со старым другом А.Н. Голицыным, верным П.М. Волконским, он чувствовал себя легко и свободно. Единственное, на что претендовал Аракчев, это на признание своего особого положения при императоре; это была, повторимся, плата за его преданность, верность и рвение. Для Аракчева она стоила много, если не все. Для Александра при его вежливости и обходительности, при определенной тактике, рассчитанной лично на Аракчева, эта плата не стоила ничего. И все недоразумения между Александром и Аракчевым возникали не на почве расхождений во взглядах или в политике, а исключительно из-за обид фаворита на то, что он недостаточно оценен, либо обойден личным вниманием императора.

Первые же действия призванного вновь на службу генерала показали, что Александр в нем не ошибся. Пять лет (1803–1808 гг.) провел Аракчев на посту инспектора артиллерии, и за эти годы он практически внес решающий вклад в переустройство русского артиллерийского дела, направив свои усилия на создание новой современной артиллерии, реорганизацию ее структуры, подготовку артиллерийских кадров. Он выделил артиллерию в самостоятельный вид войск, в основу ее структуры положил артиллерийскую батарею, входившую в состав роты. Роты сводились в артиллерийские бригады. Аракчев разработал прогрессивную для того времени систему комплектования и обучения артиллерийских кадров, особое внимание уделил подготовке грамотных "нижних чинов" и добился, чтобы туда направляли воспитанников военно-сиротских училищ. Предложил он и проведение специальных экзаменов по основным военным и математическим дисциплинам при производстве в чины артиллерийских офицеров. Разработал также порядок проведения полевых артиллерийских учений¹⁶. Эти меры были одобрены Александром. Многие сделал новый инспектор артиллерии для материально-технического обеспечения артиллерии: настоял на введении новых типов колес для гарнизонной и полевой артиллерии, мобильных зарядных ящиков, усовершенствовании изготовления и испытания орудий, создании их новых типов. Вот что пишет по этому поводу В.А. Федоров: "В результате этих мер в сравнительно короткий срок была полностью реорганизована вся артиллерия, что существенно подняло ее боеспособность. На вооружение поступили новые образцы крепостной, осадной и полевой артиллерии; введен, например, новый калибр полевых орудий, что увеличило их подвижность и маневренность. Разработана новая тактика боевых действий артиллерии, улучшено ее взаимодействие с пехотой и кавалерией"¹⁷. Добавим, что Аракчев вскоре внедрил в русскую армию идею так называемой конной артиллерии – легких маневренных артиллерийских соединений, которые блестяще зарекомендовали себя в годы войны. Во всей этой работе Аракчев, особенно после битвы под Аустерлицем, в которой Наполеон наголову разбил русско-австрийскую армию, имел в виду, что России противостоит не только военный гений, но гигант артиллерийского дела, и бороться с ним можно лишь в том случае, если удастся превзойти его, или по крайней мере сравняться именно в этой излюбленной им области военного дела. Уже в битве под Прейсиш-Эйлау в 1807 г. обновленная русская артиллерия отняла у Наполеона, казалось бы, уже безоговорочную победу: 23-летний генерал Кутайсов, ученик Аракчева, во главе соединения новой конной артиллерии, включающего 36 орудий, совершил стремительный рейд против французов там, где решался исход боя, и расстрелял картечью французскую пехоту, вышедшую наперерез отступающей русской армии. После этой кампании Александр направил Аракчеву письмо, в котором говорилось: "Господин Генерал-Лейтенант Граф Аракчев! Доведение до превосходного состояния артиллерии и успешное действие оной в продолжении сей войны, также исправное снабжение оной всем нужным, обязывает меня сделать достойное воздаяние заслугам вашим; посему приказом моим, вчерашнего дня, произведены вы в генералы от артиллерии. Примите сие знаком моей признательности и особенного моего благоволения, с коим пребываю вам благосклонный Александр"¹⁸.

В 1808 г. А.А. Аракчев назначается военным министром и инспектором всей пехоты и артиллерии. Теперь Александр полностью отдает армию на его попечение.

К этому времени война 1805–1807 гг. обнажила все язвы старой, еще екатерининских времен, русской армии, искоренение которых было заблокировано после убийства Павла, и изживание которых лишь началось с реорганизации артиллерии. В армии царил хищение, казнокрадство, коррупция, злоупотребление командиров соединений, издевательства над сол-

датами. Аракчеев уже в роли военного министра бескомпромиссно, с присущими ему решительными мерами, повел борьбу со злоупотреблениями и разложением армейского начальства и офицерства. Начались судебные процессы над казнокрадами, в армии, восстанавливалась строгая дисциплина, причем в одинаковой степени и для офицеров, и для солдат. Первых за всякого рода нарушения безжалостно разжаловали, сажали под арест, увольняли со службы, солдат же воспитывали при помощи розог, палок, шпицрутенов, совершенно по-русски. Это были типично аракчеевские методы наведения порядка.

Провел Аракчеев ряд преобразований в области комплектования, управления и внутреннего устройства армии. Он преобразовал ее хозяйственную часть, улучшил обмундирование, снабжение, усовершенствовал обучение резервистов. Поразительны его наставления по части обучения рекрутов, которые он выполнял неукоснительно: "а) чтобы не изнурять людей и отнюдь за ученье не наказывать, ибо ошибки в ученьях зависят больше от понятия, которое не у всякого человека равно, следовательно, чтобы довести рекрута до желаемого совершенства, надобно употреблять время и старания, дабы не побоями, а благоразумным истолкованием и ласковостью дойти до того; б) напротив, ленивых рекрутов в штрафе заставляя чаще учиться; в) отличных рекрутов в поведении и ученье иметь всегда на замечании и впредь пред другими давать им преимущества..."¹⁹ Что можно возразить против этого разумного подхода. А что касается характера "штрафов", так их придумал не Аракчеев... рекрутов начали пороть еще при Петре, продолжали бить в течение всего XVIII столетия, особенно ужесточились наказания при Павле. Так продолжалось вплоть до великих реформ 60-х гг. Аракчеев, как истовый исполнитель указов императора и своих собственных, лишь скрупулезно следовал общим правилам. И эта дотошность и скрупулезность в рамках системы выглядела особенно устрашающе.

Он следил, чтобы армия во время походов и военных действий не причиняла урона мирным жителям, жестоко преследовал мародерство, старался, чтобы в каждом полку была библиотека для офицерского состава.

Блестяще показал себя А.А. Аракчеев во время русско-шведской войны, в результате которой Финляндия – бывшая шведская провинция – отошла к России. Именно он сумел реализовать план Александра I – осуществить атаку шведской территории с выходом на Стокгольм в зимние месяцы 1808/1809 г. по льду Ботнического залива. Ни нерешительный командующий армией граф Буксгевден, ни сменивший его генерал Кнорринг не проявили рвения в реализации этого рискованного, но смелого плана. Сомневался и Барклай-де-Толли, командовавший одним из стратегических направлений. Заколебался и сам Александр под влиянием осторожных генералов. И лишь резкое вмешательство Аракчеева переломило ситуацию. Прибыв в войска в феврале 1809 г., военный министр сумел убедить Кнорринга и Барклая-де-Толли в необходимости скорейшего наступления. Его поддержал Багратион. А главное, Аракчеев в короткое время сумел обеспечить войска всем необходимым: провизией, боеприпасами, резервами. В начале марта части Барклая-де-Толли при 15-градусном морозе прошли 100 км по льду залива и ударили на прибрежный город Умео; колонна Багратиона по льду же ударила на Аландские острова и захватила их, а генерал Кульнев с кавалерией двинулся на Стокгольм, пройдя в течение восьми часов торосистые льды Аландского пролива и появившись в пригородах шведской столицы. Части графа Шувалова захватили Торнео. Вскоре Швеция запросила мира, а Аракчеев, не поминая про нерешительность и возражения со стороны Барклая-де-Толли, писал ему: "На сей раз я желал бы быть не министром, а на вашем месте, ибо министров много, а переход Провидение предоставляет одному Барклаю-де-Толли"²⁰. Так написать мог человек лишь с большим душевным диапазоном и незаурядным государственным тактом. С этих дней, видимо, завязываются дружеские отношения между генералом Багратионом и Аракчеевым. Позднее именно ему писал генерал в период отступления русской армии перед превосходящими силами Наполеона летом 1812 г., горько сетуя на выжидательную тактику Барклая-де-Толли.

Характерно и то, что Аракчеев отклонил награждение высшим орденом империи – Андреем Первозванным, которым его отметил Александр I по результатам военной кампании 1808/1809 гг., мотивируя это тем, что он не принимал непосредственного участия в военных действиях, а потому такой высокой награды не заслуживает. Однако Аракчеев был вне себя, когда на исходе 1809 г. с ним не посоветовались при подготовке проекта учреждения Государственного Совета в рамках реформ Сперанского. И дело вовсе не в том, что он был против переустройства государственной системы России, как это иногда утверждалось (хотя свидетельств этому нет), а в личной обиде на то, что его обошли вниманием в этом важном вопросе. В канун Рождества он отправил императору прошение об отставке с должности министра, чем вызвал раздражение Александра. В конце концов, царь удовлетворил просьбу

обидчивого графа, но предложил ему выбрать себе преемника, и Аракчеев указал на Баркляе-де-Толли.

Размолвка императора и Аракчеева была кратковременной, и вскоре генерал получает формально еще более высокую должность – начальника Департамента военных дел во вновь созданном Государственном Совете. Теперь в его ведении была вся армия, все военные дела империи, ему же подчинялся по должности и новый военный министр.

Наступал 1810 год, Россия после Тильзита на всех парах шла к противоборству с Францией, с Наполеоном, и именно Аракчеев, по мнению и выбору Александра I, был способен лучше, чем кто-либо иной, подготовить русскую армию к этому противоборству.

Еще в 1809 г. Аракчеев начал создавать дивизии новой формации. Они состояли из трех бригад; третья бригада включала в себя только стрелковые полки. Сами полки были укомплектованы тремя батальонами. Таким образом, шестиполковая дивизия имела 12 батальонов, это делало ее более подвижной, маневренной, удобоуправляемой и боеспособной. Они были сведены в двухдивизионные корпуса. К началу Отечественной войны 1812 г. в русской армии имелось 11 армейских и 5 кавалерийских корпусов: во внекорпусной организации оставались 14 пехотных дивизий и гвардейская кавалерия. Организация русской армии той поры стала превосходить наполеоновскую с ее огромными многодивизионными корпусами и громоздкими дивизиями, насчитывающими по 16–17 батальонов. Специалист в области военного дела писал по этому поводу: "Аракчеев брал французскую идею корпуса и дивизий, но осуществлял ее в рамках другой системы и техники, создавая определенные и законченные организмы тактического и стратегического характера; и аракчеевские двухдивизионные корпуса просуществовали более ста лет не только у нас – в России, но и во всех больших армиях"²¹.

Продолжалось и совершенствование русской артиллерии – любимого детища "железного графа". Накануне войны вся полевая артиллерия была переформирована в артиллерийские бригады, появилась, как уже отмечалось, конная артиллерия. Каждая бригада состояла из двух батарейных рот, двух легких, одной конной артиллерийской и одной понтонной рот. Всего в бригаде числилось 64 орудия. В 1811 г. Аракчеев создал резервные и запасные артиллерийские бригады. Для снабжения армии боеприпасами в военное время было учреждено 58 артиллерийских парков, дислоцированных в три линии (подвижные парки, запасные и основные); появились в западных приграничных губерниях продовольственные армейские магазины для снабжения воинских частей.

Несомненно, что военные реформы Аракчеева сыграли огромную роль в противостоянии с наполеоновской военной машиной. В битве при Бородино русская армия, уступая армии "двунадесяти языков" по численности, превосходила ее в части артиллерийской: 640 орудий в русской армии против 587 орудий французов, причем русская артиллерия оказалась более маневренной и лучшего качества, чем французская.

За Аракчеевым было снабжение армии боеприпасами, резервами, конным составом во время Отечественной войны и похода в Европу. С этим он также справился блестяще. Наконец, надо упомянуть о том, что именно Аракчеев уговорил Александра I, помня о печальном уроке Аустерлица, покинуть армию и доверить ее командующему. Решающим было его слово и при назначении Кутузова вместо Баркляе-де-Толли в августе 1812 г. 7 августа Багратион написал ему отчаянное письмо, где есть и такие слова: "Я лучше пойду солдатом в суме воевать, нежели быть главнокомандующим и с Барклаем. Вот я вашему сиятельству всю правду написал, яко старому министру, а ныне дежурному генералу и всегдашнему доброму приятелю. Простите. Всепокорный ваш слуга князь Багратион. На марше – село Михайловка"²².

В тот же день письмо было у Аракчеева, а на следующий день совещание в составе Председателя Государственного Совета генерал-фельдмаршала Салтыкова, Аракчеева, бывшего военного министра, а нынешнего Председателя Комитета министров Вязьмитинова, Лопухина и Кочубея – доверенных людей Александра I, предложило царю назначить главнокомандующим М.И. Кутузова.

В течение всей войны Аракчеев фактически был главной фигурой, осуществляющей общее руководство всеми военно-политико-организационными вопросами. Он постоянно был рядом с Александром и фактически стал единственным докладчиком по всем наиболее важным вопросам. Как он сам отмечал в своих записках, с середины июня 1812 г. император просил его взять на себя все военные дела "и с оно числа вся французская война шла через мои руки, все тайные донесения и собственноручные повеления государя императора"²³. Царь доверял ему безгранично, и кажется, что Аракчеев вполне оправдал это доверие.

Заметим, что во всей деятельности Аракчеева в 1803–1814 гг. трудно уловить какие-либо черты, которые характеризовали бы его как реакционера, ретрограда и т.п. Напротив, его

военные реформы были проникнуты духом современности, устремлены в будущее. Практически он выступал в той же ипостаси, что и Сперанский, – реформатора, но не государственного устройства России, а ее вооруженных сил, что было чрезвычайно важно в тогдашних международных условиях, но особенно – в преддверии надвигающейся решающей борьбы с Наполеоном.

Однако, если реформы Сперанского политически задевали дворянскую консервативную верхушку, а затем поставили под вопрос и существование традиционного абсолютизма в России (что ему не могли простить действительные реакционеры и сам Александр, почувствовавший в подходах реформатора угрозу собственным прерогативам), то военные реформы Аракчеева, затрагивая не политически, а персонально многих высокопоставленных особ, лишь укрепляли режим сам по себе, упрочивали власть Александра I внутри страны и на международной арене: мощная, сильная, современная армия была в основе укрепления российского абсолютизма. В тогдашних условиях Аракчеев проводил свои реформы теми методами, которыми располагало общество. Но он привносил в эти методы присущие ему требовательность, жесткость. Надо полагать, что, учитывая прошлую расхлябанность армии, характер русского генералитета и офицерства, среди которого к тому же значительную роль играли иностранные военные – люди зачастую безразличные к интересам России, и принимая во внимание важность поставленных задач в условиях надвигающейся военной угрозы, Аракчеев действительно прибегал к тем рычагам воздействия, которые одни давали результат, вызывая ненависть тех, кого он затрагивал своим суровым руководством. Все эти стрелы ненависти "железный граф" брал на себя, отводя их от императора. Но не следует думать, что он не понимал отведенной ему роли. Он признавался: "Меня никогда не любили в течение моей службы, потому что я требовал дисциплины". Действительно, дисциплина и Россия – понятия в течение веков, в том числе и на рубеже XVIII–XIX столетий, да и позднее, мало совместимые. И еще: "... честному человеку всегда трудно занимать важные места государства"²⁴.

Сохранив свое решающее влияние на судьбы страны в послевоенный период, Аракчеев по-прежнему оставался прежде всего исполнителем воли монарха и в этот период трудно найти какие-либо черты реакционности в его действиях, оценках, но несомненно одно: его независимость, неуязвимость в связи с его личными отношениями с императором, нежелание и неумение идти на чисто человеческие компромиссы, прямолинейность, доходящая до грубости, создали ему немало врагов в свете и при дворе, не говоря уже об армейской родовитой верхушке, задетой его отношением. Титулованные особы с громкими княжескими и графскими фамилиями говорили о нем: "тиран", "злодей", "змея" и т.п. Да, для них он таким и был – презирающим их родовитость и утверждающим свое право человека дела, профессионала над их снобизмом, интригами, клановой ненавистью. Необходимо иметь в виду, что Аракчеев никогда не забывал свое "сельское" происхождение, свое бедняцкое прошлое. Все это при его характере, амбициях, реальных заслугах оборачивалось серьезными комплексами по отношению к придворной родовитой верхушке. В.А. Федоров отмечает, что Аракчеев любил третировать и даже унижать придворных, особенно тех, кого считал "праздными и ленивыми"²⁵. Собственно и мимолетная крайне отрицательная оценка Л.Н. Толстым Аракчеева в романе "Война и мир", где он показывает холодный и высокомерный прием временщиком князя Андрея Болконского, говорит скорее в пользу Аракчеева: к нему явился баловень судьбы, родовитый, богатый молодой красавец, и "железный граф" тут же попытался поставить его на место, вовсе не вдаваясь в тонкие душевные переживания князя Андрея. На то, чтобы скрыть свое неприязненное отношение к Болконскому, ему не хватило ни воспитания, ни образования, ни желаний. Аракчеев эпатировал придворные круги своей прямоотой, откровенностью, он говорил то, что думал о каждом из них, к тому же в борьбе за привязанность императора он, как правило, выходил в течение долгих лет победителем, что не могло не усилить общую ненависть к нему столичного "боярства", как образно сказал П.Н. Богданович. В тех же случаях, когда кто-либо из них добивался успеха на этом поприще, он становился личным врагом временщика, тяжело переживавшего, если Александр с кем-то, кроме него, делил свою привязанность. А поскольку представители этого "боярства" были люди весьма влиятельные, с острым пером, они и положили начало той мемуарной, а позднее историографической традиции в отношении Аракчеева, хотя нет необходимости обелять действительную грубость, жестокость, нетерпимость "железного графа".

В связи с окончанием военной страды 1812–1814 гг. Александр I удостоил Аракчеева и Барклая-де-Толли звания фельдмаршалов. Барклай принял высокое звание, Аракчеев отказался, мотивируя это тем, как и в случае с итогами русско-шведской войны, что он лично не руководил войсками и не принимал участия в боевых операциях. Остался верен он себе и после того, как на него пролилась очередная милость императора: когда, вернувшись из-за

границы, Александр отметил заслуги Аракчеева перед Отечеством и послал ему в виде дара свой портрет, обрамленный бриллиантами, для ношения на груди, тот с благодарностью принял портрет, но бриллианты отослал в императорский кабинет. Любопытно, что такие выдающиеся деятели своего времени, как Сперанский и Карамзин вовсе не относились к нему отрицательно. Аракчеев никогда не был среди врагов Сперанского. Он попросту ревновал неудачливого реформатора к Александру I, и никакие другие мотивы нельзя найти в некоторой отдаленности, существовавшей между двумя выдающимися людьми первой половины царствования. Когда же Сперанский подвергся опале, Аракчеев отнесся к нему по меньшей мере сочувственно. Он состоял с ним в переписке, ходатайствовал за Сперанского перед императором, добился его возвращения из ссылочной глуши на службу пензенским губернатором. С благодарностью Сперанский побывал проездом в Пензу у Аракчеева в его имении Грузино. Помогал ему Аракчеев и далее. Поэтому понятно, что первым, кого посетил Сперанский, вернувшись в Петербург с поста губернатора Сибири, был Аракчеев.

А.А. Аракчеев помог и Н.М. Карамзину установить прерванные контакты с императором. Да, Карамзин поехал на прием к всевышнему временщику, что человеку с его реноме и амбициями было нелегко, но, преступив эту грань, великий наш историк обнаружил любезный прием, откровенную беседу, заверения в полной поддержке его дела с "Историей государства российского". Примечательны слова, сказанные Аракчеевым Карамзину, который признал в Аракчееве человека с умом и "хорошими правилами": "Учителем моим был дьячок: мудрено ли, что я мало знаю? Мое дело исполнить волю государеву. Если бы я был моложе, то стал бы у вас учиться, теперь уже поздно". Для закрытого, скупого на похвалы Аракчеева, эти слова были признанием. Впоследствии он на деле доказал свое доброе отношение к Карамзину, несмотря на то, что весь тогдашний действительно реакционный хор безоговорочно осудил 9-й том "Истории" с обличениями зверств Ивана Грозного. Даже Пушкин, с именем которого связывают несколько эпиграмм на Аракчеева, с горечью писал жене в 1834 г. после смерти Аракчеева: "Аракчеев ... умер. Об этом во всей России жалею я один. Не удалось мне с ним свидеться и наговориться"²⁶.

Хочется обратить внимание на точку зрения М. Дженкинса по этом вопросу. "Термин "аракчеевщина", приложимый к последнему периоду царствования Александра I, означает реакцию и притеснения. И хотя действительно это было время большого социального напряжения, и многие влиятельные люди стремились препятствовать растущим в обществе тенденциям к переменам, Аракчеев не был таким деятелем. Так, он не имел никакого отношения к университетским проблемам, пассивно проявил себя и в деле с тайными обществами, не видя интереса Александра к этому вопросу. Он и не понуждал императора к решительным действиям против будущих декабристов. Его жесткость и даже грубость, заявляя, что он "сотрет в порошок" тех, кто не исполнит его приказов, говорят лишь о его личных качествах, поддержанных временем, и изъянах собственного воспитания и образования, прусскими порядками, перенесенными на русскую почву, характерную полным отсутствием гражданских прав населения, крепостничеством, насилием одних и раболепством других".

Кроме того, необходимо помнить, что в течение десятилетий прогрессивность России того времени в исторической литературе мерилась даже не столько либеральными планами Александра I, западными конституционными увлечениями Сперанского, сколько набатными обличениями Радищева, революционным экстремизмом декабристов с их планами убийства всей императорской семьи, диктаторскими поползновениями Пестеля, выстрелом Каховского. Последствия всех этих действий, добейся декабристы успеха, в русских условиях, при общем цивилизационном отставании страны, темноте и обозленности народа, были трудно предсказуемы. Недаром умные люди того времени (а вовсе не реакционеры) говорили о том, что вначале нужно образовать народ, а затем уже предоставить ему свободу и право решать свою судьбу. В этих подходах, конечно, меркли, а то и вовсе предавались проклятиям те действительно прогрессивные мысли и действия, к которым прибегали сторонники эволюционного движения России по цивилизационному пути, а не по горящим трактам катаклизмов и потрясений. Кажется, что Аракчеев был одним из них.

Задумаемся над его твердой убежденностью в необходимости поломать уже отжившую свой век рекрутскую систему, которая и была отменена, но лишь в ходе Великих реформ 60-х гг. Так, в канун Отечественной войны 1812 г. Аракчеев предложил Александру I сократить срок солдатской службы до 8 лет, а из увольняемых в запас сформировать резерв и тем самым усилить контингент армии. Однако Александр, озабоченный предстоящим столкновением с Францией, а после войны находящийся в угаре европейской гегемонии и столкнувшийся с коварством великих европейских держав, считал, что постоянная русская полуторамиллионная армия являлась гарантом упрочения влияния России и противодействия проискам ее бывших

союзников; хотя на словах он сам призывал европейских лидеров к сокращению вооруженных сил. К тому же Александр вынашивал идею военных поселений, и предложение Аракчеева шло вразрез с этой идеей.

Весьма показательна и реакция Аракчеева на предложение Совета министров еще в межвоенный период о продаже для пополнения казны рекрутских квитанций по 2 500 руб. за каждую с тем, чтобы рекруты, уплатившие эту сумму, освобождались от воинской повинности. Аракчеев усмотрел в этом дискриминацию бедных крестьян и выступил против этой затеи. В своей записке в Государственный Совет он писал: "Сия продажа есть благодеяние правительства для богатых, не должна ли возродить сия мера большое уныние духа в бедных, когда они из онаго ясно увидят, что и само правительство печется ныне неуравнительно о всех сословиях, а открывает свои благодеяния за деньги, не заботясь о том, что состояние бедного перед богатым уже есть и без онаго тягостно"²⁷.

Сохранились многочисленные документальные подтверждения гуманных действий Аракчеева по отношению к простонародью, крестьянам, причем действий, им самим инициированных. Он вступался за получивших увечье младших офицеров и просил для них денежных вспомоществований, настаивал на повышении жалованья рабочим порохового завода по их жалобам, воспротивился взиманию с удельных крестьян Смоленской губ. данного в виде ссуды хлеба деньгами, что приводило в связи с разницей в ценах к двойному убытку крестьян. Он был недоволен обращением в 1821 г. черниговского губернатора за помощью к правительству в связи с плохими видами на урожай и нехваткой продовольствия. В своем письме Александру I он, отметив, что положение исправлено, и жители хлебом обеспечены, писал: "... а письмо графа Разумовского (черниговского губернатора – А.С.) единственно доказывает его алчность в доходах, ибо с его состоянием я бы не только прокормлял своих крестьян, но и всех прочих нуждающихся в оной губернии..."²⁸. Кстати, Аракчеев, как об этом уже шла речь, не жалел денег на поддержку своих помещичьих крестьян. Во время катастрофического наводнения в Петербурге 1824 г. граф выделил с согласия императора 1 млн. руб. в помощь пострадавшим от наводнения из средств, полученных в виде прибыли в хозяйстве военных поселений. Причем в письме Александру он отмечал, что "для сего надобны деньги, и деньги неотлагательные, для подаяния помощи беднейшим, а не богатым"²⁹.

Но наиболее поразительным стал в этом смысле проект об освобождении крестьян от крепостной зависимости, поданный Аракчеевым Александру I в связи с его просьбой в феврале 1818 г. Возглавлявший разработку проекта Аракчеев предложил поэтапный выкуп в казну помещичьих имений с наделением всех помещичьих крестьян и дворовых людей двумя десятинами на каждую ревизскую душу. Этот проект был во многом смелее некоторых декабристских планов; его идеи в дальнейшем были по существу положены в основу крестьянской реформы 1861 г., а в дворянских кругах вызвали возмущение.

И конечно, в свете сложившихся стереотипов удивляет завещание "железного графа". Не имея семьи, наследников, Аракчеев свои немалые деньги разделил следующим образом: 50 тыс. руб. он внес в Государственный заемный банк для награды автору за издание и перевод лучшей книги об истории царствования Александра I, которая должна быть выпущена к 100-летней годовщине со дня смерти императора, которая приходилась на 1925 год; 300 тыс. руб. он пожертвовал на обеспечение в Новгородском кадетском корпусе бедных дворян Новгородской и Тверской губ. Своим имением он поручил после своей кончины распорядиться государству. Так все, что он получил за свою жизнь, Аракчеев фактически отдал обратно в казну. Случай сам по себе в правительственной среде уникальный.

Естественно, важное место в понимании жизни и деятельности как Александра I, так и Аракчеева имела печальная эпопея военных поселений. Идея их опять-таки была отнюдь не доморощенной, а пришла из Европы. Такие войска существовали еще в древнем Риме, а в новое время схожая практика применялась в Германии, Швеции, Венгрии. В XVIII в. Австрия устроила на границе с Турцией подобие таких военизированных сельских поселений, состоящих на самообеспечении в условиях постоянного противоборства с Оттоманской империей. Россия тогда же ввела нечто похожее в южных пограничных районах; вынашивал эту идею и Павел I. И российские, и западные историки высказали предположение, что мысль о создании военизированных контингентов, сочетавших производственную деятельность с военным тренингом, впервые была обоснована в работе французского генерала Сервана "О военных силах на границе", ставшей предметом пристального внимания Наполеона, намеревавшегося в условиях хронического бюджетного кризиса претворить ее в жизнь; лишь постоянные войны отвлекли французского императора от этого начинания. Именно работу Сервана и имел в виду Александр, приступая к внедрению военных поселений в России.

После войны Александр вновь вернулся к идее военных поселений. Основной причиной его

интереса к этой проблеме стала нехватка средств. К 1815 г. Россия была истощена, наполеоновское нашествие повлекло за собой разрушение многих крупных городов страны, включая Москву; на месте боев оставались пожарища и развалины, казна была пуста, экономика парализована, инфляция подрывала и без того ослабленное народное хозяйство. Общие беды дополнялись злоупотреблениями властей, продолжавшейся коррупцией чиновников, пользовавшихся тем, что основное внимание правительства, в том числе и страшного для мздоимцев и казнокрадов Аракчеева, было отвлечено на Отечественную войну, а позднее на заграничные походы.

Собственно сама мысль Александра I (а по ряду свидетельств именно император был инициатором военных поселений) была недурна, но на Западе она исходила из практики существования более или менее цивилизованного общества, отсутствия крепостного состояния субъектов реформы, наличия основных гражданских прав населения. В России же эта военно-меркантильная идея неизменно накладывалась на абсолютистскую власть, бесправие населения, тяжкое крепостное состояние крестьян, подневольную 25-летнюю службу рекрутов, которую, кстати, и хотел резко сократить Аракчеев. К тому же военных поселенцев отдавали под власть больших и малых начальников, для которых насилие над людьми было нормой. Это был главный исторический просчет Александра I, в котором он показал себя верным сыном своего изобретательного по части введения новых порядков отца. Не закон, а своеволие командиров, не осознание долга гражданами и их материальный интерес, а рабское их состояние – вот что только и могло стать основанием этой системы в России. Неизвестно, по этим ли причинам, или каким-то другим, но Аракчеев выступил против организации военных поселений в России. Однако, когда Александр уже принял решение об их организации и утвердил Аракчеева начальником военных поселений, "железный граф" с присущими ему фанатизмом, решительностью и жестокостью начал вводить эту систему в жизнь. Он разработал по предложению Александра "Главные основания устройства военных поселений", в которых предлагалось в военных поселениях обратить государственных крестьян и казаков, к ним, кроме того, предполагалось размещать на постой "регулярных солдат". Военный поселенец должен был нести военную службу и одновременно вести свое хозяйство при помощи солдат.

"Общая цель – создать военные поселения, – пишет В.А. Федоров, – сблизила Александра I и Аракчеева". В своих письмах, донесениях, отчетах Аракчеев рисовал радужную картину жизни в поселениях, да и сам император, неоднократно посещая военные поселения, убеждался в их образцовом порядке. Причем это были отнюдь не потемкинские деревни...³⁰

Вообще исследования феномена военных поселений, видимо, еще впереди. Прежние исследования отражали лишь их негативное воздействие на историю страны и живописали возмущения военных поселенцев порядками, введенными Аракчеевым. И только в последние годы ученые стали обращать внимание на реальные факты развития районов, охваченных военными поселениями. Истина же, видимо, заключается в ответе на вопрос о том, каким образом в крепостной России правительство пыталось внедрить вполне цивилизованные образцы организации военизированных поселенцев, как и почему те отчаянно упирались и отказывались от заведомых благодатей чистой, материально более основательной и благоустроенной жизни. Ответ, конечно, коренится как в сущности системы, которую представляли Александр I и Аракчеев, так и в общественных параметрах русского общинного крестьянства с его традиционным укладом, обычаями, привычками, а главное, с уже сложившимся стереотипом существования с абсолютистско-крепостнической государственной машиной. Военные поселения круто ломали эту устоявшуюся, пусть и несчастливую жизнь, а для русского человека это являлось, пожалуй, наиболее трагичным, особенно в свете тех максималистских требований, которые предъявлял Аракчеев, перенесший на военных поселенцев принципы хозяйствования и порядки, заведенные им в Грузино. Аракчеев в короткое время создал в соответствии со своими "Главными основаниями" четкую систему деятельности поселений. С геометрической неумолимостью были возведены поселки с жилыми домами для поселенцев, весьма напоминающие современные постройки коттеджного типа, с дорогами, домами связи, зданиями штабов, школами, гауптвахтами, домами для офицеров, новыми церквями, плацами для экзерсисов, госпиталями, типографией. Все это было окружено ухоженными полями, четко обозначенными выгонами для скота. Исследования последних лет показали, что Аракчеев превратил военные поселения в прибыльные хозяйства. К концу царствования Александра I их капитал составлял 26 млн. руб. Созданный в поселениях Кредитный банк поддерживал поселенцев, выдавал льготные ссуды офицерам. На случай неурожая были созданы специальные хлебные

* Куда уж было ближе! Эта общая их деятельность фактически и сделала Аракчеева "управляющим России".

магазины. Аракчеев внедрял в поселениях различные агрономические новшества, развивал промыслы, торговую предприимчивость³¹.

Бывший не раз в военных поселениях Александр был от них в восторге, посетивший их М.М. Сперанский называл их "чудесными", и даже Н.М. Карамзин, относившийся к Аракчееву настороженно, писал своему другу И.Н. Дмитриеву в 1825 г.: "Поселения удивительны во многих отношениях. Там, где за восемь лет были непроходимые болота, видишь сады и города".

Однако для посетителей военных поселений за кадром оставались методы, которыми достигалось это непоказное благоденствие: тяжелый труд военных поселян, непривычных к столь интенсивной работе, связанной к тому же с военной службой, мелочная регламентация всего и вся, круглосуточный надзор за их жизнью, бытом, хозяйством, религиозными отправлениями, нравственностью, даже интимной жизнью. Казалось, у Аракчеева были разработаны инструкции на все случаи жизни, на все обстоятельства: от того, когда вставать, топить печь, идти в поле, на военные учения до порядка заключения браков, воспитания и кормления младенцев. И все это было толково, со смыслом и пользой, все было нацелено на результат, но совершенно невыносимо для обычного человека, особенно для русского с его философским взглядом на жизнь, традиционным умением не напрягаться с одинаковым рвением во все дни года, давать себе одному ему известными способами трудовые отдушины при всех, даже самых экстремальных обстоятельствах. Особенно тяжело переживали русские крестьяне запреты Аракчеева на пьянство, употребление в неурочное время алкоголя. Удивительна была эта неистребимая страсть российских руководителей XIX–XX вв. научить крестьянина жить и работать, регламентировать жизнь и такая же неистребимая гибкость и сопротивляемость русского мужика этому сумасшедшему нажиму. И Аракчеев преподавал русскому крестьянству едва ли не первый такой урок, подхваченный позднее героями продрозверстки в 1918–1921 гг., колхозного строительства в 30-е гг., кукурузной эпопеи в 50–60-е гг., и несть им числа.

Видимо, зная природу русского работника, Аракчеев и в Грузино, и в военных поселениях ввел тщательно разработанную систему наказаний и штрафов, причем некоторые из них были связаны с откровенным ущемлением человеческого достоинства. Но если в шпицрутенах, как ранее в батогах и колодках, русский крестьянин не видел чего-то особенного, то регламентация его жизни была ему совершенно непереносима, и здесь Аракчеев стал личным врагом военных поселян. Именно эта регламентация, подкрепленная системой наказаний, и вызывала прежде всего многочисленные жалобы и обращения военных поселян, а позднее и неистовые их бунты. Жалобы Аракчеев сурово пресекал, а бунты так же неистово подавлял. В Грузино жестокий аракчеевский режим усугублялся зверскими издевательствами, которым подвергала дворовых людей и крестьян экономка и сожительница Аракчеева Анастасия Федоровна Шумская (урожденная Минкина), которую граф любил беззаветно и верил ей беспрекословно. В сентябре 1825 г. Шумская была зарезана дворовыми людьми, отомстившими ей за насилие и оскорбления. Ее смерть буквально сокрушила Аракчеева. Он отказался от командования военными поселениями, не откликнулся на просьбу Александра I приехать к нему в Таганрог. И лишь в начале нового царствования, пережив еще одну утрату – потерю своего обожаемого монарха, – он несколько пришел в себя, но так до конца и не оправился от этих ударов судьбы.

И все же трудно, учитывая все сказанное, видеть в этой деятельности черты реакционности. Это была беда системы в целом, в которой действовал такой максималистский характер, каким обладал Аракчеев. Этот человек, стремившийся приносить пользу государству и действительно приносивший ее, как возможно никто другой в царствование Александра I, был закомплексован и несчастен сам и сеял несчастье людям, с которыми соприкасался. Александр же брал от этой личности лишь то, что ему требовалось, не обращая внимание на остальное.

Но в умонастроениях и деятельности Аракчеева существовала одна сторона, которая тщательно замалчивалась многими дореволюционными, западными и советскими историками и которую, конечно, не мог не учитывать хитроумный и дальновидный император. Речь идет о безусловном русском патриотизме Аракчеева, об интересах России, как их понимал "железный граф".

В своих исследованиях об Александре I и Аракчееве Н.К. Шильдер, А.А. Кизеветтер, вел кн. Николай Михайлович, М. Дженкинс, В.А. Федоров и др. основной акцент делали на том, что Аракчеев был лишь исполнителем воли обоих императоров, светил лишь их отраженным светом и не проводил своей какой-то особой политической линии (кстати, уже по одному этому, он не мог быть оплотом реакции). В основном это было так – и в этом сила и слабость Аракчеева. М. Дженкинс, например, писал, что "он не делал никаких попыток повлиять на императора в том или ином направлении, которое касалось государственной политики", что "Аракчеев верно выполнял волю императора, не поднимал глаз от ближнего горизонта на штормовые тучи, собиравшиеся над головой. Если император не был озабочен грозящим

кризисом, это не становилось и заботой Аракчеева³². Безусловно, это правильно и относилось ко многим важным направлениям жизни России того времени, за одним исключением, которое, возможно, и определило негативное место генерала в общественном сознании XIX–XX вв. – это его нескрываема ненависть к иностранным вершителям судеб страны, к лидерам различных иностранных влияний при русском дворе и в окружении самого императора.

Как известно, в конце XVIII – первой четверти XIX в. при русском дворе существовало несколько сильных иностранных влияний, оказывавших порой решающее воздействие на судьбы России. Так англофильская партия сначала вдохновлялась английским послом в Петербурге сэром Уитвортом, военным губернатором графом Паленом, генералом Бенигсеном, которые, опираясь на русских сторонников, организовали убийство Павла I и возврат России в фарватер политики английского кабинета Питта. Позднее интересы этой партии вдохновлялись фактическим министром иностранных дел России в начале века, польским аристократом и другом Александра, князем Адамом Чарторыйским. Его влияние было громадным в деле вовлечения России в антифранцузские коалиции, участие в военных кампаниях 1805–1807 гг. В ту пору Россия отказалась от предначертанной ранее В.П. Кочубеем и одобренной Александром в первые годы царствования политики нейтралитета и принялась таскать каштаны из огня в интересах Англии, Пруссии, Австрии. Лишь Аустерлиц несколько отрезвил Александра, но и позднее англофильская группировка, играя на его чувствах обиды и реванша, продолжала втягивать Россию в военные авантюры на полях Европы, поддерживая английские, австрийские, прусские интересы. С этой точки зрения противоборство с Наполеоном при Фридленде и Прейсиш-Эйлау не было вовсе обязательным для России и привело ее к Тильзитскому миру, который Александр частично сумел повернуть в пользу России, имея в виду раздел с Наполеоном Центральной и Восточной Европы на сферы влияния.

Французское влияние осуществлялось в эти же годы группой лиц, близких к М.М. Сперанскому. Падение Сперанского в 1812 г. стало одновременно и поражением французской партии при русском дворе. Теперь война с Наполеоном была уже неизбежна. Многочисленные при дворе и в армии выходцы из Германии оказывали влияние в пользу Прусского королевства; особенно сильное воздействие на Александра I имели прусский король Фридрих-Вильгельм III и его жена красавица королева Луиза, ставшая на определенное время интимным другом русского императора. Австрийское влияние шло через графа Нессельроде, вначале исполнявшего второстепенные должности в Министерстве иностранных дел, а в послевоенный период фактически возглавившего министерство. Его возвышение было связано безусловно с большим влиянием на Александра I австрийского канцлера Меттерниха в пору сокрушения Наполеона в Европе и ее последующего передела.

А.А. Аракчеев стремился противостоять всем этим иностранным эгоистическим влияниям, находя союзника в лице вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которая, несмотря на свое немецкое происхождение, ярко выражала русские интересы, продемонстрированные на рубеже XIX в. ее мужем – независимым и упрямым Павлом I. К ним же относились волевая, образованная, целеустремленная сестра императора Екатерина Павловна, брат царя Константин Павлович, генерал Багратион, председатель Государственного Совета Салтыков, председатель Комитета министров Вязьмитинов, государственный секретарь Шишков, генерал-адъютанты Балашов, Долгоруков и др. Эти государственные деятели и члены династии были против иностранного засилья в российской политике, демонстрировали патриотические взгляды, стремились уменьшить влияние "австрийской партии" во главе с Нессельроде, свести на нет при дворе англофильскую политику, нивелировать влияние сторонников французской ориентации. Аракчеев был в центре этого круга. Французский посол в Петербурге в 1823 г. доносил своему правительству: "То, что здесь называют "русская партия", во главе которой находится граф Аракчеев, старается в данный момент свалить графа Нессельроде (министр иностранных дел), который после отставки г. Гурьева (министр финансов) находится почти в полном одиночестве ... его главнейшая точка опоры – австрийский кабинет; таким образом, по своим интересам и по своим привязанностям Нессельроде остается целиком преданным Австрии"³³. "Русская партия" занимала особую позицию в период первого противоборства с Францией, была противником Тильзитского мира, стремилась избежать нового столкновения с Наполеоном, настаивала на заключении с ним скорейшего мира летом 1812 г., уже после вторжения, опасаясь дальнейших потрясений для России. Именно Аракчеев, Багратион, Салтыков и Вязьмитинов настояли на назначении популярного в армии, среди дворянства и народа Кутузова взамен Барклая-де-Толли главнокомандующим армией в августе 1812 г., а позднее вместе с Кутузовым и устами Кутузова были противниками похода в Европу, полагая, что он ничего хорошего не принесет России, а лишь усилит позиции ее потенциальных противников – Англии, Австрии и той же Франции. И на всех поворотах истории России того периода эта

группа, меняясь в своем составе, в основном придерживалась общих целей. Аракчеев был в ее центре, о чем мельком говорилось и ранее, но впервые в обнаженной форме предстало в эмигрантской литературе³⁴. Известно, что он, не умея писать и говорить по-французски, отказывался обучаться французскому языку, предпочитая и в деловой обстановке, и в быту использовать русский язык. Это знали при дворе и, скрепя сердце, с этим мирились. Понятно, что все сторонники западнофильских партий, зачастую объединившиеся, как это случилось в послевоенный период, платили Аракчееву стабильной ненавистью, которая многократно отражалась в мемуарной, а позднее и в исторической литературе, причем порой эта ненависть мотивировалась чем угодно, но основная ее причина – преданность Аракчеева интересам России – тщательно замалчивалась. Что касается Александра I, то он умело лавировал в этом политическом водовороте, среди противоречивых политических течений, имея друзей и приверженцев среди всех важных политических тенденций, опираясь на представителей разных элитных общественных группировок, внушая им иллюзию, что именно их интересы он и отражает в своей политике, а в действительности подчиняя их не только интересам страны, как он понимал их сам, но своим личным интересам и страстям, заставляя представителей всех ориентаций работать на него. Это ли не свойство глубокого государственного ума, природы одаренной, коварной и сильной! Это было высочайшее искусство управления, позволившее Александру балансировать на пике власти без малого четверть века, и Аракчееву в этом процессе, как представителю "русской группировки", отводилась важная роль.

Примечания

¹ См., напр.: Богданович П.Н. Аракчеев, граф и барон Российской империи. (1769–1834). Буэнос-Айрес, 1956; Jenkins M. Arakcheev, Grand Visier of the Russian Empire. A biography. London, 1969; Dziewanowski M.K. Alexander I Russia's Mysterious Tsar. N.Y. 1969; Hartley J.M. Alexander I. London, 1994.

² См., напр.: Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997.

³ Богданович П.Н. Указ. соч. С. 9.

⁴ Федоров В.А. Указ. соч. С. 15–16.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб., 1901. С. 292.

⁷ См.: Богданович П.Н. Указ. соч. С. 13.

⁸ Там же.

⁹ Федоров В.А. Указ. соч. С. 23; Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчеев. "Русская мысль". 1911. Т. 2. С. 8.

¹⁰ Богданович П.Н. Указ. соч. С. 24.

¹¹ Федоров В.А. Указ. соч. С. 81.

¹² См., напр.: там же. С. 8, 100, 140.

¹³ Jenkins M. Op. cit. P. 16.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Цит. по: Dziewanowski M.K. Op. cit. P. 313–314.

¹⁶ Федоров В.А. Указ. соч. С. 91–92.

¹⁷ Там же. С. 93.

¹⁸ Цит. по: Богданович П.Н. Указ. соч. С. 31–32.

¹⁹ Цит. по: Федоров В.А. Указ. соч. С. 95–96.

²⁰ Там же. С. 102.

²¹ Богданович П.Н. Указ. соч. С. 40.

²² Там же. С. 44.

²³ Русский архив. 1866. Стб. 925–926.

²⁴ Цит. по: Jenkins M. Op. cit. P. 12; Русский архив. 1866. Стб. 924.

²⁵ Федоров В.А. Указ. соч. С. 193.

²⁶ Родина. 1995, № 7. С. 44.

²⁷ Цит. по: Богданович П.Н. Указ. соч. С. 115.

²⁸ Там же. С. 117.

²⁹ Там же. С. 118.

³⁰ Федоров В.А. Указ. соч. С. 180.

³¹ Там же. С. 184–185.

³² Jenkins M. Op. cit. P. 14, 18.

³³ Цит. по: Богданович П.Н. Указ. соч. С. 125.

³⁴ Там же. С. 125–127.

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В НАГОРНОЙ ЧЕЧНЕ В ПОРЕФОРМЕННОЙ ПЕРИОД

Уровень экономического развития того или иного региона во многом определяется характером аграрных отношений. С ними связаны многие жизненно важные проблемы у народов пореформенной России, в том числе Чечни. Автор не ставит перед собой цель комплексного исследования проблемы, ограничиваясь анализом одной из важнейших ее составляющих. Задача статьи – проследить политику российского правительства в земельном вопросе, раскрыть систему арендных отношений в горных районах Чечни.

Приступая к изучению относительно малоисследованной темы, автор стремился выяснить сущность аграрной политики в Нагорной Чечне, определить основные черты крестьянской аренды, раскрыть связь массовых движений в регионе с решением аграрного вопроса. Аграрный вопрос в Чечне вызвал общественный интерес во второй половине XIX – начале XX в. в связи с массовым крестьянским движением. На страницах "Сборника сведений о кавказских горцах", "Терского сборника" и отдельных книг о социально-экономической истории народов Северного Кавказа все чаще стали появляться очерки о поземельных отношениях чеченцев, ингушей, аварцев, кумыков, балкарцев, карачаевцев и других северокавказских народов. Авторы этих работ и публикаций, рассматривавших аграрные отношения в целом у народов Северного Кавказа, констатировали прогрессирующее малоземелье местных крестьян и особенно чеченцев¹.

В дооктябрьской историографии проблема в различных ее аспектах привлекла к себе внимание исследователей разных направлений. Особенно много работ было связано с вопросами землевладения и землепользования народов Северного Кавказа. Исследователи отдавали предпочтение изучению развития частновладельческого землевладения именно после реформы 1864–1869 гг. Однако в этих исследованиях не были до конца раскрыты подлинные причины обезземеливания чеченского населения в дореформенной и пореформенный периоды. В литературе без достаточной опоры на конкретные материалы утверждалось, что земельный голод, испытываемый жителями горной Чечни пореформенного времени, являлся результатом крайне малых земельных территорий, пригодных для обработки, и роста численности местного населения. Влияние этих факторов на нехватку земли у населения нельзя отрицать, они действительно имели место. Но в дореволюционных работах осталась без внимания одна из важнейших причин обезземеливания: отчуждение на праве частной собственности значительной части земель горной Чечни в пользу социальных верхов, в безраздельную собственность войскового управления и государства. Сохранились документальные свидетельства, анализ которых позволяет воссоздать исторические реалии аграрных отношений в пореформенной Чечне.

Уже в первых работах, появившихся в 1880–1890-х гг., исследователи большое внимание уделили изучению форм землевладения в чеченской сельской общине. Так, Н.Н. Харузин² выделил следующие: частновладельческие земли с правом наследования (пахотные земли и часть покосных) и земли общинные (пастбища, леса, часть покосных земель). Существование частной формы наследственного землевладения у чеченцев в дореформенный период отметила и А.Е. Россикова³.

Видное место в кавказоведческой литературе второй половины XIX в. занимают работы Е.Д. Максимова, редактора официальной областной газеты "Терские ведомости". В своих статьях по статистико-экономическим проблемам он обстоятельно осветил хозяйственную жизнь народов Терской обл., в том числе и чеченцев. Им впервые приведены были точные цифры стоимости аренды частных земель по отдельным обществам. В целом его статьи содержат много ценных сведений о социально-экономическом развитии пореформенной Чечни, не утратившие своего значения и по сегодняшний день. Однако нельзя не отметить, что некоторые суждения Максимова по принципиальным вопросам вызвали возражение последующих исследователей. В частности, не нашел поддержки его тезис, что в XIX в. в землевладении чеченцев господствовала передельная система. Несостоятельность этого утверждения раскрыло исследование замечательного русского ученого начала XX в. Н.С. Иваненко. Будучи помощником управляющего Кубанской областной чертежной и членом

* Исаев Санд-Ахмед Ахмедович, докторант Института российской истории РАН.

Абрамовской комиссий, он собрал большой фактический материал, на основании которого убедительно доказал распространенность у чеченцев с давних пор формы частного землевладения. Если Е.Д. Максимов, Г.А. Вертепов и другие представители пореформенной историографии отдавали предпочтение рассмотрению отношений двух взаимоподдерживающих сил – правительственной власти и местных феодальных собственников земли, – то историки конца XIX – начала XX в. делали акцент на всесторонней характеристике конкретных форм землевладения. Их особенно привлекла традиционная для чеченского общества форма феодальной собственности. Среди историков этого направления выделим работы А.Г. Ардасенова, Н.Д. Гаибова, Н.С. Иваненко, Д.С. Кодзокова⁴. Отметим, что их труды носили не чисто исторический, а скорее – историко-правовой характер. Эти ученые представляли буржуазно-либеральное направление историографии проблемы.

Много внимания изучению аграрного вопроса у народов Северного Кавказа, в том числе Нагорной Чечни, уделил известный кавказовед и публицист Г.М. Цаголов. Его перу принадлежат десятки острых публицистических статей в местных и центральных изданиях. В них он, как и в монографии "Край беспросветной нужды", пытался воздействовать на кавказские власти критикой их бездеятельности для разрешения тяжелой ситуации в обеспечении земель основной массы чеченцев, ингушей, балкарцев, осетин. Более того, ученый выдвинул программу наделения землей жителей Нагорной Чечни и других национальных районов Терской обл. за счет казенного и частновладельческого фонда. Однако предложения Г.М. Цаголова, как и многих других прогрессивных деятелей того времени, не нашли поддержки.

Значительный материал о распределении земли и об аренде земельных участков жителями горных районов на равнинной части Северного Кавказа проанализировал крупный исследователь демократического толка А.Х. Цаликов⁵. Особую ценность представляют собранные им сведения о динамике роста арендных цен на землю. Но в целом автор неоправданно мало внимания уделяет вопросам аграрной политики центрального правительства, ограничиваясь общими характеристиками.

Видные общественные деятели Чечни дореволюционного периода под влиянием российских ученых все более активно прибегали к научным изысканиям. Их интерес к прошлому своего народа реализовался не только в сборе и публикации фольклорного, этнографического и исторического материалов, но и в создании трудов, не потерявших своего научного значения. Характер общественного строя Чечни стал предметом внимания в историко-этнографическом исследовании У. Лаудаева⁶, содержащем много ценных сведений о культуре, экономике и социальных отношениях. Чеченского исследователя И.Б. Саракаева привлекла актуальная проблема путей решения земельного вопроса. Известность ему принесла работа "По трупам Чечни. Жгучий и наболевший вопрос". В ней автор дал характеристику аграрной политики кавказской администрации, особо подчеркнув, что в вопросе вхождения Чечни в состав России в 1859 г. решающую роль сыграли правительственные прокламации к "Чеченскому народу". В них главнокомандующий Кавказской армией и наместник Кавказа от имени российского императора торжественно обещал вернуть чеченцам земли, отобранные у них в ходе Кавказской войны. Вывод ученого о том, что вопрос о земельном устройстве после присоединения края к России не получил разрешения, не вызывает возражений. Но нельзя принять его утверждения, что Чечня "добровольно приняла подданство России"⁷.

В целом историческая литература досоветского периода отличается повышенным вниманием к вопросам землевладения и землепользования. Хотя авторы и придерживались правительственной ориентации, тем не менее они показали и наиболее характерные черты развития аграрных отношений в отдельных районах Северного Кавказа, в том числе – Чечне. Этому в значительной мере способствовало то, что преобладающее большинство дореволюционных авторов по своему служебному положению либо были непосредственными проводниками аграрной политики правительства, либо имели широкий доступ к первичным документам, в большинстве своем до нас не дошедших.

Кроме работ И.Б. Саракаева, М.Н. Иванова, Н.С. Иваненко, А.И. Ипполитова⁸, в которых аграрные отношения рассматривались на достаточно высоком научном уровне, публиковались статьи, заметки и обзоры по общим и частным вопросам экономического развития и общественного строя.

Дореволюционные исследователи сделали в целом немало для изучения аграрного вопроса в Чечне и других регионах Северного Кавказа. Их работы, отмеченные обилием документальных первоисточников, создали основательную научную базу для историков советского времени. Однако в советской историографии собственно Чечне, одному из ведущих районов зернового товарного производства всего северокавказского региона в прошлом столетии, внимания уделялось недостаточно, в том числе и в специальной литературе по аграрно-крестьянскому

вопросу. Достаточно сказать, что в двухтомном обобщающем труде по истории народов Северного Кавказа авторы вовсе не обращаются к анализу аграрных отношений не только Нагорной Чечни, но и нагорной части всего Северного Кавказа, ограничиваясь общей фразой: "Особенно многообразными были формы землевладения и землепользования в горных районах Северного Кавказа"⁹.

Известный советский исследователь края Н.П. Гриценко в свое время призывал к более обстоятельному изучению аграрного строя. Отметив, что царская администрация на Кавказе внесла "большую путаницу в поземельные отношения горцев", он пришел к обоснованному выводу о том, что "на протяжении веков у горцев существовал обычай, по которому пастбищные угодья являлись общинной собственностью, а пахотные, усадебные и покосные земли были на правах частной собственности"¹⁰. Однако нельзя согласиться с утверждением автора, что чеченцы не практиковали аренду паевых наделов у казаков. По его мнению, главными и единственными арендаторами земель, принадлежавших казачьим поселениям, были только местные предприниматели и крестьяне-переселенцы¹¹.

Наличие условий для раннего развития наследственного землевладения и феодальных отношений у чеченцев и ингушей первым из советских исследователей установил Б.В. Скитский. По его мнению, в частном владении находились пахотные и сенокосные земли, пастбищные и лесные угодья составляли общинное владение. Но во второй половине XIX в., по наблюдению ученого, "порядок этот был изменен. Пахотные и покосные земли стали делить периодически между жителями сельских общин на подъемные пай"¹². Эту точку зрения разделяет и Б.А. Калоев¹³.

Исследователь И.М. Саидов также считает общинно-передельную систему землевладения навязанной чеченцам царской администрацией. В доказательство он приводит факты специфических форм сопротивления чеченцев вводимой властями общинно-передельной системы землевладения: под разными предлогами оттягивали срок переделов земли на 10–12 и более лет; сажали сады и возводили какие-либо сооружения на временно закрепленных за ними землях, а затем отказывались включать эти участки в состав подлежащих переделу; в ожидании "лучших времен" сохраняли старые межевые знаки и не забывали границ "своих прежних земельных участков"¹⁴. И.М. Саидов убедительно доказал наличие в частной собственности у чеченцев как в горной части Чечни, так и на равнине, пахотных земель, сенокосов, части пастбищ и лесов. Общими, или запасными, оставались в основном высокогорные пастбища, неудобные для хозяйствования земли (скалистые берега, узкие русла рек и др.) и небольшие участки леса.

Особое место среди работ по истории арендных отношений в национальных районах Северного Кавказа занимает исследование Ф.П. Тройно. Именно он выявил действительную роль аренды в горных аулах и показал широкое распространение субаренды в среде местных народов из-за активной деятельности кавказской администрации, создававшей благоприятные условия для различных злоупотреблений с земельными угодьями¹⁵. Ученый выступил и против огульного противопоставления отдельными представителями дореволюционной историографии¹⁶ всего горного населения казакам, как многоземельной, социально-однородной массе, которая обогащается за счет горцев.

Из современных исследователей большой вклад в изучение аграрных отношений народов Северного Кавказа внес В.Н. Ратушняк. В своих трудах особое внимание он уделил истории землевладения, землепользования и эволюции аграрных отношений, с уровнем развития которых он напрямую связывает степень развития капитализма у народов Кавказа. По мнению ученого, необходимо более тщательно исследовать закономерности и особенности социально-экономического прогресса народов Северного Кавказа, сосредоточив основное внимание на аграрной эволюции и учитывая многообразие этнической и сословной структуры, традиций и форм их быта¹⁷.

В целом в настоящей статье учитываются результаты всех предшествующих исследований, в которых рассматриваются общие социально-экономические условия развития землевладения и землепользования у народов Северного Кавказа. Это труды не только уже названных авторов, но и таких известных кавказоведов, как А.В. Фадеев, Н.А. Смирнов, В.П. Крикунов, Т.Х. Кумыков, Х.Х. Рамазанов, Б.П. Берозов, Б.Х. Ортабаев и др.

Источниковую базу статьи составили первичные документальные свидетельства, сохранившиеся в различных архивохранилищах, – отчеты, докладные записки министра земледелия и управляющего межевой частью Терской обл., отчеты о деятельности комиссии по поземельному устройству горцев и другие виды отчетной документации, как правило, ранее не использованные в научной литературе.

Эти материалы носят официальный характер и содержат важные сведения об аграрной

политике правительства в целом, о различных видах аренды и формах арендной платы. В них приводятся данные о крестьянской аренде, об арендных ценах на землю, о случаях сдачи казенной пахотной, сенокосной и пастбищной земель в аренду сельским обществам. Но при всем многообразии и достаточной полноте сведений приходится отметить, что воссоздание на их основе подлинной картины аграрных отношений затруднено. Сложность заключается в том, что феодальные отношения в Чечне не получили достаточно четкого проявления и скорее существовали в размытых, как бы завуалированных формах. К тому же надо принимать во внимание и подспудно вызревавшие новые производственные отношения, еще не так заметно проявляющиеся в жизни. Дело в том, что значительная часть крестьянства чеченских сельских общин сумела сохранить личную свободу и экономическую самостоятельность, и феодальной знати не удалось подчинить ее своей власти в той степени и формах, как это имело место в соседней Грузии или России. Сказанное диктует необходимость осмотрительного использования официальных источников второй половины XIX в. и особенно данных официальной литературы.

Для того, чтобы понять сущность аграрных и социальных отношений в Чечне пореформенного времени, необходимо хотя бы в самом сжатом виде рассмотреть характер общественного развития ее в дореформенный период. Каковы же условия, предопределившие специфику чеченского социального строя и незрелость классовой структуры?

Обратимся к первым документальным свидетельствам, относящимся к периоду XVI–XVII вв., когда установились контакты московских царей с северокавказскими правителями. Из этих источников видно, что Московское царство проявляло большой интерес к процессам, происходившим в Чечне. Это нашло отражение в содержании и наказах русским послам на Кавказе и "распросных речах" Посольского приказа¹⁸.

Послы Московского государства и русская администрация на Тереке осуществляли военно-политические и дипломатические сношения с Чечней, ставшие регулярными через местных князей, феодальные привилегии которых неоднократно подтверждались царскими грамотами. Одним из наиболее влиятельных не только в Чечне, но и на всем Северном Кавказе, был Ших Ишеримов (чеченский владетель), княжеская власть которого дважды подтверждалась царскими дарами и грамотами. Грамота царя Ивана Федоровича к Шиху начинается словами: "А се такова грамота от государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси к Шиху князю". Прямое обращение к чеченскому князю было продиктовано тем, что он в значительной мере определял внешнюю политику многих феодальных владетелей Чечни и Северо-Восточного Кавказа¹⁹.

Здесь следует сказать и о значении термина "землица", содержащегося в русских источниках XVII в. Им обозначались земельные владения привилегированного сословия – князей, мурз и др. Им противостояли рядовые общинники-крестьяне и др. категории зависимого населения. К сожалению, письменные источники, подтверждающие сам факт существования "землиц", не содержат даже косвенных данных о границах этих феодальных владений.

Правда, в одном из источников, описывающем поездку грузинского царевича Николая Давидовича из Тушетии в Терский город, называются три "землицы" в горной Чечне: Теремская, Чантиньская и Чинахинская. Выдержка из доклада царю о поездке гласит: "...и как я из тушинской земли поднялся и к тебе, великому государю, пошел и меня, государь, тех трех земель владельцы – Теремской, да Чантинской, да Чинахинской, дождавсь на дороге, через владения свои проехать не пустили"²⁰. Именно феодальные владельцы строили замки-крепости для защиты своих земель, возводили боевые башни, остатки которых сохранились в горной Чечне до наших дней (Итумкалинский и Шатоевский районы). Социальная структура башенных селений, разнохарактерность жилых комплексов, особенности оборонительных сооружений позволяют предположить феодальную зависимость крестьян-общинников от владельцев замков.

Наличие частной собственности на землю как господствующей формы землевладения способствовало росту феодальной поземельной собственности. Если в земледельческих обществах равнинных районов феодалы захватывали в первую очередь пахотные земли, то в нагорной, и особенно высокогорной части Чечни, объектом захвата феодализирующей знати были пастбища и сенокосные земли.

Фактически всюду шла борьба между двумя формами собственности на землю – феодальной и общинной. Захваченные у сельской общины земли феодальная верхушка рассматривала как свои наследственные владения и пользовались ими на правах частной собственности: "Захватывали лучшие земли, беспрепятственно пользовались ими и присваивали их впоследствии себе как собственность; народ же, находясь в полной зависимости от этих лиц, подчинялся этим земельным распорядам"²¹.

В XVIII в. попытки феодалов в Чечне подчинить своей власти сельскую общину ("джамаат")

и завладеть землями крестьян окончились поражением, в крае так и не сформировалось крепостное право. Более того, с начала XVIII в. чеченские феодальные владетели даже не упоминаются, их имена исчезают со страниц официальной литературы XIX в. Однако в письменных источниках XVIII в. сохранились имена чеченских землевладельцев, сведения о социальной структуре и сложных взаимоотношениях с усилившейся в это время военной властью Терека. Случайно ли это умолчание о главных событиях XVIII в. в крае? Думается, нет. Дело в том, что в 1708 и последующие годы (1732, 1757–1758, 1760, 1774, 1785–1791) происходят антифеодальные и антиправительственные восстания с участием широких народных масс²². В официальной литературе прошлого века содержатся многочисленные сообщения о том, что чеченцы изгнали "своих" и "чужих" владельцев. Авторы зачастую ограничиваются именно такими краткими сообщениями, не говоря о подробностях и мотивах событий, приведших в конечном счете к крушению княжеского управления, т.е. власти феодалов²³.

Уничтожение княжеской власти привело к установлению самоуправления сельской общины, где власть находилась в руках избираемых старшин. Жители отдельных местностей (аулов, хуторов), границы которых в большой мере определялись природно-географическими факторами и нормами обычного права, были объединены в политические союзы сельских обществ или, как их определяют исследователи, – "вольные общества". Это – чеченские общества мичиковцев, ичкеринцев, ауховцев, качкалыковцев, шатоевцев, мальхистинцев и др.²⁴. Установление самоуправления "вольных обществ" не означало, что феодальные отношения были полностью ликвидированы. Они приобрели скрытые формы, не вписывающиеся в привычный архитип социальных отношений. Это приводило многих исследователей, изучавших земельные отношения чеченцев, к ошибочному выводу об отсутствии у них в дореволюционный период частной земельной собственности вообще, феодальной – в особенности²⁵.

Действительно, в Чечне этого периода отсутствовали такие классические формы феодальных отношений, когда, с одной стороны, крестьяне полностью прикреплялись к земле феодалов, а те, с другой, владели общинными и крестьянскими землями. Но этот факт говорит скорее о специфичности чеченского социального строя, его своеобразии, а не о неразвитости. Возможно, именно в "незавершенности", слабom развитии феодализма таился источник своеобразия социального строя и стабильности экономики края.

В официальной литературе при констатации неразвитости общественных отношений в то же время нередко отмечался высокий уровень земледелия как в горной, так и в равнинной Чечне. Действительно, современники писали, что в конце XVIII – первой половине XIX в. хлеб из Чечни поставлялся не только в соседние районы Северного Кавказа, но вывозился и за границу²⁶.

Как уже отмечалось, в XVIII в. феодальная собственность на землю была серьезно подорвана в результате упорной борьбы с чеченской сельской (соседской) общиной, для которой характерным было сочетание коллективной и частной собственности. Индивидуальная или частная собственность отдельных семей распространялась на пахотные, покосные и частично пастбищные земли, а общинная включала в себя пустующие и неудобные для пользования земли²⁷. Сочетание двух форм собственности – частной и коллективной – было источником силы и слабости соседской общины.

Коллективные формы землепользования и возникающие на их базе отношения сплачивали общинников в борьбе за свободу против крепостничества. Частная же собственность расширяла устойчивость общины, так как посягала на сложившееся право коллективного владения общинной собственностью. Естественное развитие было основательно подорвано длительной Кавказской войной.

Процесс обособления наследственного землевладения особенно заметно коснулся сельских обществ нагорной Чечни. Здесь еще в раннее средневековье освоили лесные поляны и использовали их для хлебопашества. Нарушая обычаи, некоторые чеченские крестьяне-общинники становились собственниками земельных участков, которые из года в год расширялись и передавались по наследству прямым потокам. Исследователь общественного быта чеченцев подчеркивает, что у них "пахотные участки, скот, сенокосы, основные пастбища и местами леса были частной собственностью малой семьи"²⁸.

Многие лично свободные крестьяне, выйдя из общины, осваивали земельные участки и создавали хутора. Наиболее интенсивно переселялись крестьяне-земледельцы из больших селений в хутора в районе Ичкерии, расположенной в юго-восточной части Чечни. Хуторяне в том регионе, как и в других горных районах края, сочетали земледелие со скотоводством при главенствующей роли последнего. У них было больше запашки, рабочего скота, чем в крестьянских хозяйствах аулов. Некоторые из них сдавали землю в аренду и использовали

наемный труд. Об этом, в частности, свидетельствует управляющий межевой частью Терской обл.: "Вследствие неимения при аулах достаточной земли, – отмечал он, – жители в прежнее время выселялись в леса, расчищали их под пахоту и покос и вели там хуторскую жизнь. Такой порядок продолжался почти до последних 10 лет, но затем распоряжением правительства хутора были уничтожены и жители вынуждены были вернуться в аулы. Это крайне стеснило и вредно отозвалось на их хозяйстве"²⁹.

Материалы Терской сословно-поземельной комиссии содержат ценнейшие известия о земельных отношениях в крае и неопровержимо свидетельствуют о частном характере землевладения и о трудностях, связанных с введением официальной администрацией системы переделов³⁰. Претенденты на возвращение отнятых казной земель, большей частью представители феодальных слоев населения, зачастую перечисляли до десятого колена своих предков, которым данные земельные участки принадлежали на правах собственности. В записке о состоянии поземельного вопроса в Нагорном округе Чечни от 28 декабря 1865 г. майор фон Крабе подчеркивал, что права частных лиц на поземельную собственность крайне запутанны. Это было вызвано тем, что после подавления крестьянских восстаний в Ичкерии правительство основную часть земель включило в казну, и в частном владении оставались лишь те земли, которые были очищены после 1859 г.

Из имеющихся источников со всей определенностью явствует, что основанием землевладения в крае были право наследования, покупка, дарение и другие способы приобретения права собственности, "известные всем европейским законодательствам"³¹. В записках, адресованных Терской комиссии, постоянно подчеркивается невозможность введения в горной части Чечни системы переделов потому, что в большинстве случаев участки на правах частной собственности защищены нормами обычного права, "само географическое положение местности не дает возможности создавать новые порядки вещей" в поземельных отношениях, а также, поскольку все горные участки "представляли ценность лишь в руках собственников", так как "они заботятся об улучшении почвы" и только при постоянных затратах труда эти земли могут давать урожай. Начальник межевой части Терской обл. выражал опасение, что уничтожение вековых прав чеченцев на частное владение своими участками может подорвать доверие горцев к действиям правительства и к "самому началу собственности", а личные участки, по его убеждению, имели почти все чеченцы "без различия сословий и положения в обществе"³². Общинные же земли служили дополнением к индивидуальной собственности, поскольку крестьяне сообща пользовались выгонами и лесом³³.

Проследившая историческую эволюцию сельской общины, следует также отметить, что различные хозяйственные и природные условия порождали и разные ее типы. В частности, специфика чеченской общины горных районов определялась, с одной стороны, чрезвычайно большой ролью скотоводства, а с другой – трудностями ведения здесь земледельческого хозяйства. Хозяева крестьянских дворов поддерживали хозяйственные связи с жителями соседних хуторов и аулов, вместе с которыми они сообща пользовались лесными угодьями и пастбищными лугами. Отличительной особенностью хозяйственного развития чеченцев можно считать наличие достаточно высокоразвитого земледелия и отгонно-пастбищной системы скотоводства, значительно повышавшей его продуктивность. Горы, предгорная равнина и равнина с речными долинами создавали сбалансированную географическую и климатическую среду, благоприятную для хозяйственной деятельности. Домашние промыслы были не только дополнением к основным ее видам, но и служили неотъемлемым атрибутом натурального хозяйства, призванным обеспечить сельскохозяйственными орудиями, одеждой, предметами домашнего обихода, средствами передвижения³⁴. Создавались условия, облегчавшие установление более тесных связей с соседними районами – Ингушетией, Дагестаном, Грузией, Кабардой, Осетией, казачьими станицами и крепостями Терека.

В конце XVIII – начале XIX в. расширяются хозяйственные и торговые связи чеченцев с другими народами Северного Кавказа, особенно – с населением терских казачьих станиц. В 1811 г. кавказской администрацией в станицах Наурской и Лашуринской были открыты меновые дворы, предназначенные преимущественно для товарообмена с чеченцами. Для торговли с чеченцами были дополнительно открыты Червленский и Амир-Аджиуртовский меновые дворы в 1846 г.³⁵ Подверглись значительным изменениям традиционные формы земельных и социальных отношений чеченского общества. Причем социальная структура чеченского общества отличалась неоднородностью. В общине уживались различные социальные группы: князья-владельцы, почетные и влиятельные старшины, знатные уздени, мусульманское духовенство; им противостояли свободные крестьяне, работные люди, холопы, ясыри, лаи (слуги) и др.³⁶.

После присоединения к России равнинной Чечни было положено начало подчинению и ее

горной части. Конкретно это было связано с реализацией плана начальника левого фланга Кавказского линейного войска генерала Евдокимова. В соответствии с ним в 1859 г. в горной Чечне в имевших важное стратегическое значение местах пересечения дорог и ущелий были построены военные укрепления и крепости (с сильными гарнизонами и мощной артиллерией – Ведено, Шатой, Эрсеной, Евдокимовское (названа в честь генерала), Кишен-Аух (предгорье)³⁷ и др. Вблизи них вскоре появились с аналогичными названиями и поселки для отставных солдат, которые получали в свое распоряжение уже освоенные пахотные и сенокосные участки, принадлежавшие ранее местным жителям. По мнению известного у чеченцев своей жестокостью генерала Евдокимова, это был наиболее эффективный способ окончательного закрепления России в горных районах Чечни.

С включением Северо-Восточного Кавказа в общую правовую и административную систему России была создана Терская обл., в состав которой в 1860 г. вошла и Чечня. Весной этого года в высокогорной зоне края произошло знаменательное событие: были образованы два поселения из бывших беглых русских солдат – одно у высокогорного озера Кезеной-Ам, расположенного в Ичкеринском округе, а другое – в Аргунском округе в урочище Келе-Кем³⁸.

Среди материалов Генерального штаба Военного министерства в Российском военно-историческом архиве хранятся документы, которые позволяют воспроизвести обстановку, в которой принимались царскими властями решения, относившиеся к созданию этих поселений, а затем – последующему их упразднению. Примечательно, что в первой половине XIX в. центром притока беглых русских солдат на Кавказе становится горная Чечня. Сюда устремляются все, кто был недоволен крепостническими порядками в российских деревнях, скрывался от насилия и произвола атаманов казачьих станиц, наконец, сюда бежали от жестокости и несправедливости генералов и офицеров солдаты Кавказской армии.

Только в 1833 г. бежало 834, а в 1834 г. – 666 человек (сведений по другим годам не обнаружено). Правда, в январе 1844 г. генерал В.В. Нейдгард вынужден был сообщить военному министру Чернышеву, что только в ауле Ведено находится до 300, а в Дарге около 500 беглых солдат. Все они, уходя к чеченцам, тем самым выражали прежде всего свой протест против несправедливой войны. Отдельным поселком возле аула Дарго проживало 34 казачьи семьи, бежавшие сюда из казачьих станиц равнинной Чечни: Червленной, Мекенской, Калиновской, Алхан-Юртовской и др. "Были не раз примеры, – говорится в документе, – что выходили к нам из гор старые люди, бежавшие уже лет 30 и более назад"³⁹.

Русские солдаты и крестьяне, бежавшие от войны и крепостной неволи, встречали гостеприимство и радушие у чеченских горцев. Последние прекрасно понимали, кто приходит к ним с добром и желает справедливости, а кто несет насилие и произвол, хочет зла и горя. Насколько прижились они в чеченских аулах, свидетельствует сам наместник царя на Кавказе князь А.И. Барятинский. В августе 1859 г. он доносил в Петербург, что "беглые солдаты, оставаясь между горцами долгое время, освоились с их образом жизни и нравами, а некоторые женились и обзавелись хозяйством"⁴⁰.

Массовое бегство солдат, казаков и крестьян вызывало серьезные опасения кавказского командования. От имени царя издавались приказы, воззвания с призывом к бежавшим возвратиться обратно. Кавказский наместник считал, что в интересах правительства объявить амнистию всем беглецам, которые в противном случае могли укрываться в горах и продолжать совместно с чеченцами антиправительственную борьбу. Часть беглых солдат откликнулась на эти призывы и с окончанием военных действий в Чечне добровольно вернулась, все они были поселены в поселках Кезеной-Ам и Келе-Кем (заметим, что затронутая тема заслуживает специального исследования).

В конце 1850-х гг. политика властей была направлена на установление жесткого контроля над всей территорией Большой Чечни, включая и предгорный район. Наряду с созданием Терского и Сунженского казачьих войск, строительством ряда укреплений и крепостей здесь формируется 1-й линейный Владикавказский казачий полк с задачей изъять у чеченцев земли и в горной полосе. Колонизация Чечни, как видим, была начата еще до официального ее покорения в 1859 г.

Чеченцы понимали, что с возникновением крепостей и станиц у них отнималась свобода и самостоятельность, поэтому они всячески пытались помешать строительству крепостей и заселению края казаками. Но силы были неравны, и строившиеся одна за другой под энергичным руководством генерала Евдокимова станицы и крепости становились твердым оплотом российского владычества в крае.

С созданием органов административного управления краем окончательно определяется отношение царских наместников к землям Чечни как к "государственным". «Когда начальник Веденского округа объяснил мне лично, – писал исследователь Н.С. Иваненко, – что у чеченцев

нет собственности и все они общинники, я спросил его, на чем он основывает свой взгляд, он ответил вопросом: "А какие у них есть на свое право документы?"⁴¹. Этот примечательный диалог свидетельствует о том, каким беззастенчивым образом царские чиновники отнимали земли у коренного населения для передачи казачьим станицам, военным укреплениям и для образования колонизационного фонда, предназначенного переселенцам, отставным солдатам и пожалования местным социальным верхам за услуги, оказываемые царизму в период Кавказской войны и в последующие годы.

Интересные сведения, подтверждающие сказанное, приводят представители аула Цагуной Аргунского округа Андиев и Ш. Кургулов. В своей жалобе на имя главнокомандующего Кавказской армией они писали, что "при покорении края на месте расположения крепости Шатой было селение Хако. Начальник отряда, прибывший в Аргунское ущелье, – писали они, – приказал жителям Хако переселиться за реку Аргун и там основать новое поселение. Построенный нами новый аул и получил название Цагуной. На месте же бывшего аула Хако было построено укрепление Шатоевское". Так как "для пастьбы войсковых лошадей и для сенокосения, – указывали они далее, – нужна была земля, то вся округность Шатоя и часть горы Хако-Лам (гора хакоевцев – С.И.) были представлены в пользование войскового начальства. Кроме того, для нужд этого укрепления была изъята пастьбная гора соседнего аула Памятой (под названием Памятой-Лам)".

Цагуноевцы неоднократно обращались к администрации округа, области и наместнику царя на Кавказе с прошением либо о возвращении им незаконно отнятых у них земельных угодий, либо об отводе им земельного участка в другом месте из фонда казенной земли. "Ибо, – отмечали они, – жители в данное время буквально сделались нищими от малоземелья. Вся земля пахотная и сенокосная, ныне используемая нами, настолько незначительна, что подымный надел не больше $\frac{1}{4}$ десятины на дым"⁴².

Но ходатайства эти не имели последствий. Более того, управляющий межевой частью в Терской обл. князь Сидомонов-Эристов в своем отчете на имя начальника области в ноябре 1895 г. рапортовал: "Цагуноевцам мною объявлено, что они навсегда должны расстаться с мыслью о возвращении просимой земли, что земля эта останется в руках правительства, имеющего намерение увеличить здесь слободское население". Такое же разъяснение было дано и Ца-Веденцам на их просьбу о возвращении земли, прежде принадлежавшей им, но отнятой у них и отведенной под укрепление и слободу Ведено.

Жители Шатоевской слободы Щеткин, Калтыпин, Иванов и др. объясняли в 1895 г., "что с утверждением в 1871 году укрепления Шатой слободою, с наделом земли в количестве 301 дес. 2080 кв. саж., до настоящего 1895 года, землей этой пользовались жители слободы беспрепятственно, с увеличением слободского населения, а также принимая во внимание, что половинная часть этого надела не годна к обработке, означенный надел является крайне ограниченным. Кроме того, не имея точных границ надела, каждый более сильный, стремится захватить в свое владение лучшие участки". Из этого же документа узнаем, что "в слободе проживало 10 человек русских, которые, не занимаясь сами земледелием, отдают свои паи в аренду или даже продают"⁴³.

Как видим, русские жители слободы Шатой сами не занимались земледелием, а сдавали свои земельные угодия в аренду. Арендовали у них земли, притом за весьма высокую плату, прежние владельцы участков – цагуноевцы. Таким образом, жители аула Цагуной вынуждены были свою же землю брать в аренду. В 1905 г. они снова жаловались наместнику царя на Кавказе, что слобожане "сами эту землю не обрабатывают, а сдают нам в аренду, за десятину мы платим от 30 до 50 рублей"⁴⁴.

При строительстве укрепления Эрсеной здесь также была изъята земля, принадлежавшая жителям аула Эрсеной, – 300 дес. пашни и сенокосов. Со 160 дес. сенокосного участка ежегодно накашивалось до 1500 пуд. сена для 79-го пехотного Куринского полка. Полк не только заготавливал сено в окрестностях Эрсеной, но также пас свои табуны и скот на землях крестьян соседних аулов⁴⁵.

Об отводе им свободного казенного участка, находящегося близ укрепления Эрсеной, неоднократно просили начальника Терской обл. жители аула Агашпатай. В своих просьбах они указывали на свое крайне бедственное положение и отсутствие у них пахотных и сенокосных земель. Ходатайства эти в конце концов послужили основанием для изучения экономического бытия жителей аула и определения их земельной обеспеченности. Было установлено, что аул Агашпатай, состоящий из 136 дворов, имеет в своем распоряжении на крутых склонах гор не более 200 дес. земли, "неудобной ни для хлебопашества, ни для сенокоса и что обстоятельства эти вынуждают агашпатовцев нанимать для своих сельскохозяйственных надобностей угодья у смежных селений за высокую плату".

На неоднократную же просьбу жителей аула Агашпатовой об отводе им участков земли в 95 дес. начальник области ответил, что Эрсеновский и Трамковский участки составляют оброчные статьи, приносящие ежегодно по 240 руб. дохода и что "оставление этих участков в распоряжении областного управления необходимо для чрезвычайных нужд будущего времени"⁴⁶.

Приведем еще один типичный пример, характеризующий сущность политики правительства в земельном вопросе в горной Чечне. До Кавказской войны аулу Харсеной принадлежали большие земельные наделы, но затем администрация отобрала значительную часть для "награждения чинов военного ведомства, после чего жители этого аула оказались при таких условиях, что едва удовлетворяют текущие нужды"⁴⁷. Имеются также архивные документы о наделении землей офицеров и чиновников так называемых окружных военно-народных управлений. Так, например, только начальнику Аргунского округа полковнику Ипполитову, прослужившему более 20 лет в Чечне и женатому на чеченке, было пожаловано на праве частной собственности 1010 дес. 975 кв. саж. земли, ранее принадлежавшей жителям аула Харсеной.

Таким образом, российская администрация на Кавказе лишала коренное население Чечни земельных угодий, являясь непосредственным проводником аграрной политики центра, в соответствии со стратегией колониального освоения края.

Лишение землевладельцев и скотоводов их земельных угодий крайне отрицательно сказывалось на развитии их домашнего хозяйства и тормозило проникновение в экономику пореформенной Чечни элементов капиталистических отношений.

Для рассмотрения этого вопроса обратимся к материалам Абрамовской комиссии, занимавшейся исследованием земельной проблемы в нагорной полосе Терской обл., в том числе горной Чечни. Члены этой комиссии при изучении земельного вопроса производили устный опрос и планшетные съемки. Согласно планшетной съемке, считалось, что вся земля горных чеченцев составляет 222 034 дес.⁴⁸ Из пахотной – 20 073 дес., покосной – 20 857 дес., а вместе – 40 930 дес. по данным устного же опроса, пашни и сенокосы составляли всего 24 065 дес.⁴⁹, т.е. в 1,7 раза меньше. Даже если согласиться с замечанием Ф.П. Тройно, что жители приводили значительно заниженные сведения о размерах своих земель, думается, данные планшетной съемки все же значительно преувеличены⁵⁰.

По данным дореволюционного исследователя экономической истории кавказских горцев О. Маргграфа, в пореформенном горном чеченском ауле на каждые "5 семей приходилось 4 совершенно бедных". Он же подчеркивает, что "пахотные и сенокосные угодья постепенно концентрировались в руках небольшого числа сельских богачей, в зависимость которых попадало до $\frac{4}{5}$ населения"⁵¹.

В пореформенные годы наблюдается прогрессирующее ухудшение земельной обеспеченности чеченских крестьян. Сокращение наследственных крестьянских земель и земель сельской общины происходило не только из-за концентрации их в руках социальной знати и чиновников местной администрации, но и из-за отторжения угодий в пользу казны, в том числе пастбищ и лесов. Только площадь горных лесов, отобранная в казну, составляла в Терской обл. 328 166 дес., из них 196 230 дес. в горной Чечне. В результате крестьяне лишались лесных промыслов, скотогонных дорог, сенокосов на лесных полянах, утратив и возможность расширять пахотные участки путем расчистки леса и кустарника. Веками существовавший обычай выделять надел отделившимся от родителей сыновьям путем вырубки леса и очищения участка от корневищ ушел в прошлое – лес всюду стал казенным.

Сущность аграрной политики царизма в горной Чечне хорошо просматривается при изучении условий, при которых разрешалось крестьянам пользоваться лесом и вести расчистку лесных полей для пахоты. Соответствующие сведения содержат документы Управления лесного хозяйства и материалы учета лесов, бывших в ведении государственных имуществ Терской обл. По данным на 1877 г., леса, состоявшие в казенной собственности, распределялись по округам горной Чечни⁵².

В составе земельных угодий горной полосы леса занимали 41% общей площади. Распределение лесов по округам было далеко не равномерным. В Ичкеринском и Нагорном округах под лесом находилось 74 989 дес. или 15,7% общего фонда земли горной Чечни. В Аргунском округе леса занимали 69 448 дес. или 14,5% всей земли, в Чеченском – 51 793 дес. или 10,8%. Все эти лесные угодья отошли в казенную собственность.

Жителям горной Чечни в рассматриваемое время разрешалось производить рубку при наличии специальных билетов. Без надлежащей оплаты строго воспрещалось пользоваться даже хворостом. Для охраны лесов назначалась лесная стража, состоявшая из казаков и

временной милиции из местных жителей. Чиновникам кавказской администрации было дано право распоряжаться лесом по своему усмотрению. Им предлагалось установить особые расценки стоимости бревен, досок, дров и т.п. Тем самым ставилась задача использовать огромный лесной массив лесной площади с максимальной выгодой для казны. В соответствии с этим в Чечне была установлена плата за кубическую сажень строительного материала – 6 руб. Валовой доход с казенных лесов Терской области, по официальным данным, в 1876 г. составлял 20 765 руб.

Чрезвычайно широко отражался на хозяйственной деятельности горцев и сам порядок получения права на рубку леса. Для приобретения билета необходимо было прежде всего поехать в Грозный, т.е. к месту пребывания лесничего, что сопровождалось дополнительными расходами. Поэтому самые насущные проблемы, как, например, устройство кладбищенской ограды, исправление дорог и т.п., годами оставались нерешенными. Если на месте кубическая сажень бревен стоила 6 руб., то расходы для получения билета значительно превышали эту цифру. Поэтому старшины от имени жителей аулов, расположенных вокруг крепости Ведено, просили начальство лесного ведомства Терской обл. открыть пункт выдачи билетов в слободе Ведено. Доходило до того, что "при порче арбы на дороге, – по свидетельству старшины слободы Ведено, – туземец не мог вырубить тут же несколько кольщков для исправления повреждения, а должен был отправиться в Грозный для получения билета"⁵³.

Крестьянин для получения права на вырубку и вывозку одного воза сухих сучьев, стоящих 30 коп., должен был сначала съездить в город за 40 и более верст к лесничему для получения билета. Если он не успевал явиться до закрытия канцелярии (до двух часов дня), то "терял день, если был из ближнего селения, а если из дальнего, то два дня, а то и три. Отсутствие чиновника, опоздание его и тому подобное требовало еще 1–2 дня"⁵⁴.

Порядки, установленные кавказской администрацией, приводили к тому, что нередко крестьянин, чтобы избавиться от таких мытарств, как и в остальной России-матушке, платил те же 30 коп. лесной страже и получал нужный ему для отопления валежник. А если горец, сообщает в одном из документов, измотанный попытками получить билет законным путем, являлся после этого к объездчику, то кроме потери времени, туда, он терял и его благосклонность. Начинались придирки: участок для рубки предлагали лишь наиболее отдаленный и худший, на контрольных пунктах его незаслуженно обвиняли в превышении количества нарубленных дров и т.п. Жителям аула Макажой, к примеру, для получения оплаченных материалов выделили казенный участок, находящийся в двух днях пути от селения, хотя рядом был "свой" лес⁵⁵.

Выход из создавшегося нетерпимого положения находили в "незаконной" рубке леса. Судя по источникам, такая форма крестьянского протеста получила в Чечне широкое распространение: "Они (порубки – С.М.) исчисляются тысячами. Злонамеренные люди, желая произвести беспорядки в крае, пользуются этим положением и подстрекают народ к уничтожению лесных караулов и избиянию лесной стражи"⁵⁶.

С 1860 г. наместник на Кавказе князь А.И. Барятинский разрешил жителям нагорной полосы производить расчистку лесных участков. Отныне, согласно установленным правилам, участок, расчищенный и приготовленный для пашни собственными средствами крестьянина, переходил в его частную собственность⁵⁷.

Мотивом принятия такого решения стали экстраординарные обстоятельства. Во-первых, разрешение расчищать лесные участки для пашни было дано из-за огромного недостатка в горной Чечне пахотной, сенокосной и пастбищной земли, что явилось следствием аграрной политики правительства; во-вторых, оно должно было внушить чеченскому населению мысль о проявлении заботы о них и тем самым ослабить социальную напряженность в крае; в-третьих, имелось в виду ускорить формирование зажиточной прослойки среди чеченских крестьян как будущей опоры самодержавия на местах; в-четвертых, эта мера проводилась в целях военного и политического закрепления завоеванных позиций и освобождения от леса широкой полосы вдоль важнейших коммуникаций⁵⁸.

Власти на практике убедились, что сплошные лесные массивы всегда служили местом укрытия и сосредоточения повстанцев. Поэтому, считали кавказские власти, лес надо было уничтожить, притом руками самих жителей гор. Таковы были предпосылки проекта князя А.И. Барятинского. В дальнейшем по его указанию было "принято за правило допускать расчистку лесов преимущественно в окрестностях больших дорог и в таких местах, в которых расчисткою лесов могут быть открыты новые пути сообщения"⁵⁹.

Здесь надо отметить, что для подготовки под посев участка из-под леса земледелец должен был прилагать огромные усилия в течение нескольких лет. Прямые же расходы для расчистки 1 дес. доходили до 600 руб., что было не под силу бедняку⁶⁰. Более того, если крестьянин не

успевал в течение трех лет подготовить выделенный участок под посев хлеба, то, в соответствии со специальными "Правилами", надел конфисковывался. Если же он успевал все подготовить к сроку, то и тогда при получении документов, закреплявших право на личное владение данным земельным участком, горец должен был внести специальную пошлину⁶¹.

Как уже отмечалось, российская администрация стремилась создать в крае зажиточную прослойку крестьянства. Однако она не оказывала никакой финансовой и технической помощи тем, кто осваивал лесные участки. Поэтому, несмотря на наличие у государства огромных земельных массивов, политика выделения из казенных земель таких участков с правом владения не привела в рассматриваемое время к образованию широкого слоя хозяйств-предпринимателей. Сказывалось прежде всего то, что получение и освоение лесного участка было связано со значительными издержками, в то время как для подавляющего большинства крестьян даже небольшая плата была непосильной. Но несмотря на дороговизну пахотных земель, в силу острой нужды в пашне какая-то часть землевладельцев все же приобретала земли таким путем. В Ичкеринском округе, например, имелось 623 участка размером по 1 дес. каждый, 96 участков менее 2 дес., 31 участок – по 3 дес., 11 – до 4 дес. и 3 участка – в 4 дес. каждый⁶².

Таким образом, предоставление участков в частную собственность не привело к социальному расслоению чеченского крестьянства, так как, во-первых, крестьян, получивших такие земли, было немного по отношению к общему числу населения, а, во-вторых, приобретенные наделы были настолько малы, что не могли обеспечить и половины прожиточного минимума даже небольшой семьи.

Этот процесс не получил широкого распространения и не улучшил условий жизни местного крестьянства еще и потому, что из-за политических соображений Кавказская военная администрация разрешала рубить лес только у дорог стратегического назначения. Как правило, эти дороги строились в направлении военных крепостей и крупных населенных пунктов. Отдаленность подсечных пашенных участков, требовавшая от земледельцев постоянных и огромных затрат труда и времени, строгое запрещение селиться вблизи них, не способствовали проявлению хозяйственного интереса крестьян, неизбежно тормозили этот процесс.

Вместе с тем, дороги, строившиеся в военно-стратегических целях, значительно улучшили экономические и культурные контакты Чечни. Строительство шоссейных дорог, установление конно-почтовой и телеграфной связи имели весьма важное значение для укрепления экономических связей Северо-Восточного Кавказа с Россией, что в конечном счете служило интересам и местного населения.

Наглядно проследить процесс сокращения крестьянских земель в результате проводимой в крае аграрной политики возможно на основе данных о податном обложении чеченского аула. В этом отношении особый интерес представляют сведения из "Докладной записки" министра земледелия и государственных имуществ об установлении правил пользования зимними и летними пастбищами⁶³. В записке сообщается, что значительная площадь пастбищных гор, принадлежавших ранее частным лицам и сельским общинам, стала собственностью государства. Добавим, что среди народов, населявших Терскую обл. (чеченцы, ингуши, кумыки, кабардинцы, балкарцы, осетины и другие), пастбищные горы были отобраны властями Терской обл. только у чеченцев. Причиной послужило, во-первых, то обстоятельство, что во время Кавказской войны горная полоса Чечни явилась центральным театром народно-освободительной борьбы горцев Чечни и Дагестана, а, во-вторых, военно-стратегические соображения, поскольку отобранные в казну горы ранее представляли как бы естественную крепость для повстанцев. Не овладев ими, представители царской власти на Кавказе не могли рассчитывать на сколько-нибудь прочное подчинение Чечни. Конфискованные пастбища в 60-х гг. XIX в. были переданы крестьянам-чеченцам на условиях оброчного пользования (с них ежегодно взималась натуральная подать баранами). У горцев Ичкеринского и Нагорного округов были отторгнуты пастбищные горы общей площадью в 10 437 дес. У жителей Аргунского округа – более 2 501 дес.⁶⁴. В горной зоне Чеченского округа пастбища в размере 38 051 дес. распоряжением начальника главного штаба Кавказской армии от 22 марта 1862 г. также предлагалось оставить за казной "с правом отдачи участников этих во временное или постоянное пользование чеченцев за умеренную плату"⁶⁵.

Указанная пастбищная территория, как и лесистые земли, была разделена в 1868 г. по приказу наместника царя на Кавказе на три основные группы.

В первую входили горы северного склона Андийского хребта от балки Охончу до Беноя, находившиеся в Ичкеринском округе и в свою очередь разделенные на десять участков. Из второй группы горных пастбищ было образовано шесть участков в пределах Тамухских гор Нагорного округа. Третья группа состояла из девяти участков Аргунского округа⁶⁶.

Таблица

Округ	Аульное общество	Площадь в дес.	Сумма в руб.
Ичкеринский	Макажоевское	700	115
	Макхетинское	1 020	120
	Эрсеноевское и Гуноевское	570	30
	Харачоевское	1 117	90
	Соседние общества с Ведено	500	38
	Агашпатовское	470	20
	Тезен-Калинское и Ножайское	800	58
	Аллероевское	520	25
	Центроевское	800	50
	Белгатоевское	820	66
Нагорный	Беноевское	480	18
	Гендергеноевское	480	18
	Энгеноевское	480	18
	Бильтоевское	720	40,5
	Зандаковское	480	18
	Гилянское	480	18
Итого:		10 437	742,5

До 1870 г. эти пастбищные угодья были сданы их прежним хозяевам в аренду за натуральную плату. С 1870 г. натуральная плата была заменена денежной, при этом стоимость одного оброчного барана приравнивалась к полутора руб.⁶⁷. Данных о размерах натуральной ренты за 1860-е гг. нам выявить не удалось и судить о них мы можем лишь по сведениям 1870 г., т.е. со времени перевода натурального оброка в денежный.

Наглядной иллюстрацией тяжести обложения местного населения оброком за пользование выгонами и пастбищами могут служить данные таблицы.

Из таблицы видно, что за аренду пастбищной и выгонной земель в 10 437 дес. с сельских обществ было получено 742 руб. 50 коп.

В архивных материалах содержится немало свидетельств о сдаче в аренду пастбищных и сенокосных угодий отдельными участками. Так, например, управляющий межевой частью Терской обл. сообщил, что селение Макажой за недостатком сенокосных угодий "арендует у казны 80 десятин, уплачивая в год по 115 рублей"⁶⁸. Он же отмечает, что из-за недостатка пастбищных земель жители селения Хулундой арендуют у казны гору Апарой-лам за 33 руб. 80 коп. в год⁶⁹.

При сборе податей не обходилось без злоупотреблений. Жандармский офицер Прянишников вынужден был признать, что чеченцы "постоянно терпели притеснения и незаконные требования своих приставов", которые "посагали на их собственность безнаказанно...". "Даже при бдительном надзоре, – писал он, – трудно усмотреть за приставами, избранными из офицеров казачьего линейного войска: они при положительной наклонности к приобретениям, умеют так искусно вести свои дела, что и самый прозорливый начальник иногда может ошибиться в своих заключениях"⁷⁰.

Необходимо также учесть, что указанные участки нагорной части Чечни ежегодно отдавались чеченским крестьянам в оброчное пользование только на трехмесячный срок (с 10 июня по 10 сентября). В остальное же время года право пользоваться этими участками представлялось как земледельцам Чечни, так и жителям Андийского округа Дагестанской обл. С последних плата за пользование пастбищами горной Чечни не взималась⁷¹.

Кроме ограничения срока аренды пастбищных земель, были установлены также определенные нормы порядка их сдачи. Согласно этим особым правилам 1870 г., сельские общества при аренде пастбищной земли прежде всего должны были заключить контракт с окружной администрацией на каждый участок отдельно. Для этого они обязаны были сначала представить круговое обязательство о своевременной уплате оброка. Чтобы обязательство имело силу, оно должно было быть зафиксировано в общественном приговоре аула, одобренном подписями не менее 70% старших членов семейств. Затем приговор утверждался сельской администрацией и участковым начальством.

Если по какой-либо причине сельское общество не успевало внести оброк полностью за весь год к 1 июля, пастбищные земли отбирались и передавались другим аулам. Более того, с

общинников, согласно "Уставу о казенных оброчных статьях" 1859 г., за невыполнение в срок установленных договором обязательств взыскивался денежный штраф "по полпроцента в месяц со всей просроченной суммы и пени в казну полпроцента в месяц с недоплаченной суммы"⁷². На арендованной земле запрещалось возводить любые строения, а если они и сооружались, то должны были быть снесены по окончании арендного срока. В противном случае, согласно Уставу 1859 г., они переходили в собственность казны.

На основе сведений об общем фонде пастбищной земли трех округов Нагорной Чечни, экспроприированной у крестьян и передаваемой горцам в арендное пользование, можно заключить, что у крестьян было отрезано 25 пастбищных участков площадью 12 947 дес. Если добавить еще 38 035 дес. горной полосы Чеченского округа, то количество безвозмездно отчужденных земель превысит 50 тыс. дес.

Таким образом, значительная часть пастбищных угодий горцев перешла в распоряжение российской казны, государство стало здесь крупнейшим собственником земли и присваивало феодальную ренту в форме земельного налога. Крестьяне могли пользоваться своими землями только за арендную плату. Иначе говоря, крестьянство горной Чечни было превращено в безземельных и малоземельных арендаторов.

Вопросам аренды земли жителями нагорной полосы Терской обл. большое внимание уделил Г.М. Саголов. По его данным, взятым из материалов Абрамовской комиссии, народы горных районов ежегодно платили за арендованную землю частным владельцам, станичным обществам и казне: балкарцы – 65 570 руб., ингуши – 49 938 руб., осетины – 230 628 руб., салатовцы – 30 938 руб., чеченцы – 400 000 руб., а всего – 777 078 руб.⁷³

Размеры этой аренды исследователь устанавливает для каждого народа, исходя из суммы арендных платежей. Больше половины арендованной земли, если следовать этой методике, приходилось на жителей горной Чечни. Весь комплекс сведений о землевладении и землепользовании свидетельствует о том, что ни у одного горного чеченского аула не было ни пахотных, ни покосных, ни пастбищных земель в необходимом количестве. Трудно не согласиться с Г.М. Саголовым, который причины бедственного положения населения горных районов объясняет аграрной и колониальной политикой правительства. Именно земельная политика государства в национальных районах Северного Кавказа, а не абсолютное малоземелье в крае, была главной причиной аграрного кризиса северокавказских народов и особенно чеченцев. Если бы все земли нагорной полосы принадлежали местному населению, то аграрная проблема здесь была бы решена.

Политика правительства в земельном вопросе, и как ее следствие – тяжелое экономическое положение крестьян, вызывали массовое недовольство. Ядром сопротивления против официальных аграрных мероприятий была сельская община. Сельский сход, отражая интересы общины, разбирая заявление крестьян-общинников и обращаясь к самому высокому начальству, вплоть до царя, с жалобами на изъятие у них кавказскими властями исконных земель. Подавали жалобы с просьбами вернуть их земли или наделить новыми участками.

Приведем лишь некоторые из них. Так, крестьяне селения Хакмадой ходатайствовали о возвращении им их пастбищной горы Хакмадой-Лам, отобранной у них в пользу казны и входившую после административного деления частью в Терскую и частью в Дагестанскую обл. Хакмадойцы в пореформенное время вынуждены были за свои прежние земли вносить арендную плату "казенным управлениям названных областей, каждому по 200 руб. в год", или всего 400 руб.⁷⁴. Земельный массив размером в 1865 дес. сдавался в арендное пользование жителям аулов Бильты и Галайты⁷⁵. Жители аула Бакум-Кале просили вернуть им пастбищную гору Памятой. Доверенные от жителей этих селений ходатайствовали об отводе им арендованных ими угодий и пастбищной горы бильтовцев. Чубахкенроевцы требовали вернуть им пастбищную площадь под названием Саракай-Лам. Памятой-Лам просили вернуть бакумкалинцы, а доверенные от крестьян аула Ньюхой ходатайствовали об отводе ранее принадлежавшей им пастбищной горы Пешхой-Лам⁷⁶. Перечень ходатайств и жалоб горцев можно было бы продолжить, но и приводимые наглядно показывают действительное положение жителей горной Чечни. Кавказская администрация и власти Петербурга на просьбы крестьян либо отвечали отказом, либо вовсе на них не реагировали.

Как видим, политика правительства в земельном вопросе была типичной колониальной политикой захвата земельных угодий и источников сырья. Эти земли, сдаваемые в аренду горской бедноте, являлись солидной статьей дохода государства и источником наживы чиновничества Терской обл. Государство становится крупным феодальным собственником земли, а чеченские крестьяне, жившие на этой земле и платившие оброчную подать его "хозяину" – государству, оказались на положении кабальных арендаторов.

Парадокс заключался в том, что чеченцы в 1859 г. прекратили военное сопротивление и

покорились России на определенных условиях: князь Барятинский заключил с ними мир и от имени царя дал обязательство сохранить за ними все земли, обычаи, традиции, не притеснять веру. После окончания войны в Чечне правительство решило, что покорение Кавказа завершилось, и приступило к созданию в крае военно-колониального режима, совершенно при этом "забыв" о своих обязательствах. Чеченцам не только не вернули земли, ранее отнятые у них и отведенные под казачьи станицы и военные укрепления, но и вытеснили с оставшихся земель, загнав их в леса и бесплодные горы, а часть чеченского населения и вовсе изгнали с исторической родины в Турцию. Отнятыми же землями наделяли чеченских офицеров, духовенство, чиновников администрации и казачье-войсковую верхушку, помогавших подчинить непокорный край. Разоренный долголетней войной, а теперь и оставшийся без земли народ был доведен до нищеты. Он не имел возможности ни вернуться к своей довоенной хозяйственной жизни, ни перестроить ее соответственно условиям хозяйственного развития пореформенного периода.

При всем том, в социальном укладе чеченского аула происходили, хотя и медленно, прогрессивные перемены. Развитие товарного земледелия и торгового животноводства, необходимость своевременного внесения арендной платы и других различных денежных повинностей создавали базу для ростовщичества, что, в свою очередь, углубляло отмечавшееся и прежде среди горцев имущественное неравенство: с одной стороны, шло массовое обезземливание крестьянства, с другой – выделение зажиточной прослойки землевладельцев.

Примечания

¹ Га в р и л о в П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869; В е р т е п о в Г.А. Ингуши. Историко-статистический очерк // Терский сборник. Владикавказ, 1892. Вып. 2. Кн. 2; Ма к с и м о в Е.Д. Чеченцы. Историко-географический и статистико-экономический очерк // Терский сборник. Вып. 3. Владикавказ, 1893; И в а н е н к о Н.С. Горные чеченцы // Терский сборник. Вып. 7. Владикавказ, 1910; Ц а г о л о в Г.М. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). Владикавказ, 1912.

² Х а р у з и н Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. М., 1888. С. 82, 83.

³ Р о с с и к о в а А.Е. Путешествие по центральной части Горной Чечни. Тифлис, 1895. С. 14.

⁴ В-Н-Л. (А.Г. Ардасенов). Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1898; Г а и б о в Н.Д. О поземельном устройстве горских племен Терской области. Тифлис, 1905; И в а н е н к о Н.С. Указ. соч. Д.С. Кодзоков опубликовал аналитические статьи в газете "Терские ведомости".

⁵ Ц а л и к о в А.Х. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. М., 1913.

⁶ Л а у д а е в У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис, 1871.

⁷ С а р а к а е в И.-Б. По трущобам Чечни. (Жгучий и наболевший вопрос.) Владикавказ, 1913. С. 8.

⁸ Е г о ж е. Указ. соч.; И в а н о в М.Н. В горах между реками Фортантой и Аргуном // Известия Кавказского русского географического общества. Т. 19. № 1. М., 1904; И в а н е н к о Н.С. Указ. соч.; И п п о л и т о в А.И. Этнографические очерки Аргунского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1863.

⁹ История народов Северного Кавказа. Конец 1800–1917 гг. М., 1988. С. 321.

¹⁰ Г р и ц е н к о Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861–1900). Грозный, 1963. С. 47, 51.

¹¹ Е г о ж е. Горский аул и казачья станица Терка накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972. С. 32

¹² С к и т с к и й Б.В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Известия ЧИНИИ ИЯЛ. Т. 1. Вып. 1. Грозный, 1959. С. 67, 348.

¹³ См.: Народы Кавказа. М., 1960.

¹⁴ С а и д о в И.М. Общественный быт вайнахов XVIII–начала XX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1972. С. 10.

¹⁵ Т р о й н о Ф.П. Об арендных и субарендных ценах на землю у горских народов Северного Кавказа в конце XIX–начале XX в. // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX–начале XX в. (Проблемы социально-экономического развития). Ставрополь, 1980.

¹⁶ Е г о ж е. Дореволюционная историография о земельной аренде у горских народов Северного Кавказа // Проблемы аграрной политики народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Ставрополь, 1981. С. 75.

¹⁷ Р а т у ш н я к В.Н. Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое

развитие. Краснодар, 1973; его же. Аграрные отношения на Северном Кавказе в конце XIX–начале XX в. Краснодар, 1982; его же. Нерешенные вопросы социально-экономической эволюции народов Северного Кавказа в конце XIX–начале XX в. // История СССР. 1990. № 6.

¹⁸ См.: Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. 1578–1613 гг. М., 1889; Полиевктов М.А. Материалы по истории грузино-русских отношений. Тбилиси, 1937; Гербер Г.И. Описание стран и народов западного берега Каспийского моря 1728 г. // История, география и этнография Дагестана. М., 1958; Гильденштедт И.А. География и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809; Бурнашев С.Д. Описание горских народов. Курск, 1794; Гюрги М.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 2. СПб., 1779 и др.

¹⁹ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 16–17.

²⁰ Исаева Т.А. Социальные отношения чеченцев и ингушей в XVII в. // Вопросы истории классового образования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI–нач. XX в.). Грозный, 1980. С. 29.

²¹ Труды комиссии по исследованию современного положения земледелия и землепользования карачаевского народа Кубанской области. Владикавказ, 1908. С. 31.

²² Ахмадов Ш.Б. К вопросу о классовой борьбе в Чечне в XVIII в. // Вопросы истории классового образования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI–нач. XX в.). Грозный, 1980. С. 61–85.

²³ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. 1–3. СПб., 1869; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб., 1871; Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. СПб., 1897; Зиссерман А.А. Двадцать лет на Кавказе (1846–1856). СПб., 1871.

²⁴ История народов Северного Кавказа. М., 1988. С. 114.

²⁵ Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII–первая половина XIX в.). М., 1967. С. 134.

²⁶ Вроцкий Н.А. Чечня как хлебный оазис // Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. 1878. С. 270–271.

²⁷ Иваненко Н.С. Указ. соч. С. 35; Россикова А.Е. Указ. соч. С. 14.

²⁸ Саидов И.М. Землевание и землепользование у чеченцев и ингушей в XVI–XIX вв. // Известия ЧИНИИ ИЯЛ. Т. 4. Вып. 1. Грозный, 1964. С. 163–164.

²⁹ Цит. по: Исаев С.-А.А. Аграрная политика царизма в плоскостной Чечне в 50–60-е гг. XIX в. // Известия ЧИНИИ ИЯЛ. Т. IX. Вып. 1. Ч. 3. Грозный, 1974. С. 104.

³⁰ ЦГА РСФСР, ф. 256, оп. 1, д. 20, л. 34–37.

³¹ ЦГИА ГР, ф. 13, д. 1777 (Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их классовых прав), л. 4.

³² РГВИА, ф. 1300, оп. 7, д. 3, л. 37–38. – Доклад управляющего межевой частью в Терской области 1 декабря 1879 г.

³³ ЦГА РСФСР, ф. 256, оп. 1, д. 61, л. 6.

³⁴ Исаева Т.А., Исаев С.-А.А. Вопросы истории сельской общины чеченцев и ингушей (XVI–XVIII вв.) // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII–начало XX в.). Грозный, 1982. С. 52.

³⁵ Акты Кавказской археографической комиссии. Т. V. Тифлис, 1873. С. 847.

³⁶ Исаева Т.А., Исаев С.-А.А. Указ. соч. С. 52.

³⁷ РГВИА, ф. 38, оп. 7, д. 70, л. 7 об.

³⁸ Там же, д. 374, л. 9–11 об.

³⁹ Цит. по: Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 244.

⁴⁰ РГВИА, ф. 38, оп. 7, д. 374, л. 1–1 об.

⁴¹ Иваненко Н.С. Указ. соч. С. 67.

⁴² РГВИА, ф. 1300, оп. 7, д. 71, л. 2, 17 об.

⁴³ Там же, д. 3, л. 377–377 об.

⁴⁴ Там же, д. 71, л. 17 об.

⁴⁵ ЦГА РСФСР, ф. 256, д. 46, л. 10.

⁴⁶ РГИА, ф. 381, оп. 29, д. 18758, л. 2–2 об.

⁴⁷ РГИА, ф. 1300, оп. 7, д. 3, л. 382 об.

⁴⁸ РГИА, ф. 1268, оп. 14, д. 31, л. 20.

⁴⁹ См.: Иваненко Н.С. Указ. соч. С. 162.

⁵⁰ См.: Тройно Ф.П. Материалы Абрамовской комиссии как источник изучения социально-экономического положения горцев Северного Кавказа // Известия северокавказского научного центра высшей школы. Т. 4. Ростов н/Д., 1975. С. 68.

⁵¹ Маггграф С. Чеченские селения // Терские ведомости. 1887. № 47.

- ⁵² РГИА, ф. 387, оп. 3, д. 28182, л. 10.
⁵³ РГВИА, ф. 1300, оп. 7, д. 3, л. 370.
⁵⁴ Там же, д. 10, л. 192.
⁵⁵ Там же, д. 3, л. 371 об.
⁵⁶ Там же, д. 10, л. 192.
⁵⁷ Там же, д. 3, л. 77 об.
⁵⁸ Там же, ф. 400, оп. 258/908, д. 27, л. 73.
⁵⁹ Г а в р и л о в П.А. Указ. соч. С. 64.
⁶⁰ Г р и ц е н к о Н.П. Указ. соч. С. 55.
⁶¹ РГВИА, ф. 1300, оп. 7, д. 3, л. 77.
⁶² Г р и ц е н к о Н.П. Указ. соч. С. 54.
⁶³ РГВИА, ф. 1300, оп. 7, д. 46, л. 1–13.
⁶⁴ ГГИА, ф. 5, оп. 1, д. 2069, л. 134, 134 об.
⁶⁵ РГВИА, ф. 400, оп. 259/908, д. 38, л. 5–5 об.; ГГИА, ф. 53, оп. 1, д. 520, л. 28.
⁶⁶ РГВИА, ф. 1300, оп. 7, д. 46, л. 1–2 об.; ГГИА, ф. 5, оп. 1, д. 2069, л. 134.
⁶⁷ РГВИА, ф. 1300, оп. 7, д. 46, л. 3.
⁶⁸ Там же, д. 3, л. 272.
⁶⁹ Там же, ф. 38, оп. 7, д. 3, л. 272.
⁷⁰ Там же, д. 68, л. 38–38 об., 39 об.
⁷¹ ГГИА, ф. 381, оп. 29, д. 18779, л. 101.
⁷² РГВИА, ф. 1300, оп. 7, д. 46, л. 7–8.
⁷³ Ц а г о л о в Г.М. Указ. соч. С. 278–280.
⁷⁴ РГВИА, ф. 1300, оп. 7, д. 3, л. 368 об.
⁷⁵ РГИА, ф. 381, оп. 29, д. 18696, л. 4, 19.
⁷⁶ РГВИА, ф. 1300, оп. 7, д. 3, л. 372 об.

© 1998 г. К Л А У С Х Е Л Л Е Р *

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ И ИНОСТРАННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ XIX–НАЧАЛА XX ВЕКА

В современной экономической науке под предпринимателем в целом понимают того, кто самостоятельно и под свою ответственность руководит предприятием и тем самым лично принимает решения о планировании и осуществлении всех производственных процессов. Правда, с появлением акционерных обществ предпринимательские функции настолько изменились, что уже не обладание капиталом, а распоряжение им является решающим фактором в предпринимательстве. Административные рычаги находятся в руках правления акционерного общества. На передний план выступает тип служащего-предпринимателя, менеджера, который хотя и имеет, подобно самостоятельному предпринимателю, право распоряжаться средствами фирмы, но, как правило, не владеет решающей долей капитала. Таким образом, в противоположность предпринимателю-собственнику, менеджер не несет риска. Рискует только "капиталист", правда, лишь в размере его участия в капитале такого акционерного общества¹.

В XVIII–начале XIX в. для предпринимателя речь шла в первую очередь о прибыли, и он совершал операции в самых разных отраслях, там, где ожидал высокой нормы прибыли. "Предприниматели, – по наблюдению Ю. Редлиха, – могли одновременно в компании с другими одинаково успешно вести торговый дом, банк и текстильную фабрику. Коммерческая сторона на предприятиях всех видов в принципе была аналогичной, так что способный бизнесмен мог управлять любым делом". Но во второй половине XIX в. предпринимательская деятельность во всех сферах экономики усложнилась, поэтому коммерсанты стали специализироваться в определенных областях. Они становились или фабрикантами, или торговцами, или банкирами.

* Хеллер Клаус, профессор университета г. Гиссена (Германия).

В XX же веке на смену специализации вновь пришла универсализация, связанная с развитием общей системы управления, менеджмента. Бизнесмен как менеджер, "если он занимает достаточно высокий пост, является экспертом (только) в области финансирования, сбыта, производства и т.д. Поэтому он в состоянии перейти из одной отрасли в другую, но лишь в определенном качестве". Предпринимательство нового времени можно в связи с этим обозначить как ориентированное "на сделки" (XVIII в.), "на индустрию" (XIX в.) и "на положение" (XX в.)².

Но для того, чтобы такой самостоятельный предприниматель или менеджер могли действовать как субъекты экономики, необходимы социальные условия, в рамках которых может развиваться предпринимательский талант. Любой общественный строй, который не направлен на экономический прогресс и успешную деятельность его экономических субъектов, т.е. не легализует их стремление к прибыли, тем самым тормозит развитие предпринимательских талантов, вытесняет их на "серые" и "черные" рынки и потому теряет возможность путем налоговых сборов участвовать в максимизации предпринимательской прибыли. Само собой разумеется, что в таком доиндустриальном обществе у предпринимателя имеются только очень ограниченные возможности для развертывания своей деятельности в коммерческой, промышленной или финансовой области³.

В процессе индустриализации, начавшемся в Западной Европе, частное предпринимательство повсеместно играло решающую роль. Там, где ему удавалось беспрепятственно выдвигать свои требования по отношению к государству и обществу, оно раньше всего реализовывало свои экономические потенции, как это произошло в Англии⁴.

В успехе предпринимательской деятельности капитал поначалу играл подчиненную роль. Техническое обновление, проходившее при переходе от мануфактуры к системе фабрик, не требовало большого вложения капитала. Ведь машины, революционизирующие процесс промышленного производства, сначала внедрялись только в мелком производстве, так что "приток заемного капитала в конце концов оказывался более важным, чем основной фонд"⁵. "Важнейшим источником пополнения и расширения собственного фонда было самфинансирование из полученных прибылей – и так происходил процесс образования капитала в ремесле"⁶.

Более существенным фактором, по сравнению с капиталом, был рост покупательной способности населения на промышленные изделия, поскольку иначе производственный процесс в индустриальных странах не мог бы постоянно развиваться. Учитывая это обстоятельство, необходимо отказаться от часто рисуемой картины раннеиндустриального общества, как характеризующегося массовой бедностью. Такое общество было бы не в состоянии приобретать на рынке новые промышленные товары и тем самым обеспечивать предпринимателям прибыль, которую они затем снова могли бы вложить в свои предприятия. Промышленный рост в итоге был бы невозможен без уже имеющейся и постоянно возрастающей покупательной способности широких слоев населения⁷.

Насколько все эти соображения применимы к России, в XIX в. также вступившей на путь индустриализации? В данной работе нас интересует в первую очередь проблема перспектив развития частного предпринимательства.

Экономика России в первой половине XIX в. характеризовалась значительной отсталостью по сравнению с промышленно развитыми государствами Западной Европы. Действовавшие в стране предприниматели не в состоянии были настолько сократить это отставание, чтобы разрыв мог сам собой исчезнуть за короткое время, как это произошло во Франции и Германии, догнавших Англию. Следствием стало то, что, как и в XVII–XVIII вв., иностранные предприниматели снова вышли на арену, сыграв роль компенсирующего фактора. Другим фактором являлась правительственная политика: русское государство в XIX в. вынуждено было подменять отсутствие предпринимательской инициативы, что ярче всего проявилось в политике государственного капитализма С.Ю. Витте.

Слабую активность российских предпринимателей в XIX в. следует объяснять прежде всего продолжавшейся до отмены крепостного права (1861 г.) и не полностью устраненной и после этого сословной и казенной связанностью земли, капитала и труда. В традиционном общинно-крестьянском строе, сознательно законсервированном автократией, местные предпринимательские таланты могли развиваться лишь в ограниченных пределах. Это одна сторона медали. Но более весомой причиной было то, что при статичном аграрном слое, отличавшемся политическим произволом и высокой долей крестьянского натурального хозяйства и кустарных промыслов – несмотря на быстрый рост населения – не возникло массовой покупательной способности на промышленные изделия в том размере, в каком с самого начала она существовала на Западе. При более 80-процентном удельном весе сельского населения малый

спрос на продукты индустрии сдерживал предпринимательскую инициативу. Вероятно, этим нужно объяснить и недостаточную готовность предпринимателей к риску, на что часто жаловались в тогдашней России. Бизнесмены вели себя в соответствии с потребностями рынка: там, где не существует растущего спроса, нет и повышенной готовности к инвестициям. Кроме того, следует учитывать, что потребности государства, связанные с казенным сектором экономики, в значительной мере подрывали имевшуюся на селе покупательную способность⁸.

М. Казер выделяет пять главных препятствий развития частного предпринимательства в России: 1. Ограничение собственности на средства производства – в особенности до отмены крепостного права; только дворянство и особая группа купцов имели право обладать "населенной землей" и тем самым крепостной рабочей силой. 2. Привязанность крестьян к общине, а городских жителей к посаду тормозили мобильность торговцев, ремесленников и рабочих. 3. Те из крестьянских предпринимателей, которые выкупали себя из крепостной зависимости, тем самым теряли значительную часть своего капитала, получавший же деньги помещик, как правило, тратил их на потребительские нужды, равно как и кредиты, которые предоставлялись ему перед Крымской войной государственной банковской системой под залог имения. Кредитная система, которая мобилизовала капиталы для инвестиций в народное хозяйство, возникла в России только во второй половине XIX в. 4. До создания такой системы, которая снабжала кредитами торговлю и промышленность, инвестиционная активность предпринимателей была слабо выражена. 5. Поскольку готовность к предпринимательскому риску, как правило, связана с готовностью к инновациям, русские предприниматели более увлекались подражанием западной технологии, чем разработкой собственных технических новшеств⁹.

Тем не менее, учитывая эти факторы, отрицательно влиявшие на предпринимательскую инициативу, в отношении России можно констатировать, что там, где они не оказывали доминирующего воздействия, имелась необходимая готовность к риску. Убедительным примером тому является текстильная промышленность, в особенности хлопчатобумажная отрасль – один из ведущих секторов индустриализации. Несмотря на то, что и здесь доля иностранцев оставалась относительно высокой, местные предприниматели действовали достаточно успешно в этой отрасли, которая начала развиваться на исходе XVIII в. К промышленному производству ситцев приступили прежде всего крепостные крестьяне. Следует упомянуть в первую очередь село Иваново Владимирской губернии. В этом селе, принадлежавшем графу Шереметеву, крепостные владельцы мануфактур быстро разбогатели, потому что их дешевые хлопчатобумажные ткани находили сбыт в стране¹⁰. Так, например, крепостной Ефим Грачев в конце XVIII в. имел не только одну из самых значительных текстильных мануфактур, но обладал даже крупным земельным имением с крепостными, которых он мог эксплуатировать таким же образом, как и его господин – помещик. Правда, данный пример раскрывает затрудненность предпринимательской деятельности крепостных "капиталистов" при крепостном строе. Если даже такие крупные помещики, как Шереметев, из хорошо понятного собственного интереса учитывали экономические интересы своих крестьян-мануфактуристов, последние должны были постоянно считаться с угрозой произвольного вмешательства со стороны барина, что тормозило планомерное расширение их предприятий. Бесправное положение удавалось преодолеть только тогда, когда крепостной предприниматель выкупал себя на свободу и вступал в городскую купеческую гильдию. Но до 1861 г. такие случаи были достаточно редкими. Шереметевы до последнего оттягивали расставание со своими крепостными промышленниками, приносившими им высокие доходы. К тому же выкуп из крепостной зависимости часто ставил предпринимателей на грань разорения, поскольку помещик требовал так много денег, что освободившимся нередко не хватало средств для дальнейшей экономической деятельности.

Типичен в этом смысле пример Грачева, который уже в 1795 г. смог выкупить себя на волю за 135 тыс. руб. ассигнациями, но все его имущество, включая обе мануфактуры, перешло к Шереметевым. Попытки выкупить предприятия обратно не удались. Бывшему крепостному было разрешено продолжить руководить ими в качестве арендатора. Вновь попавший в кабалу к прежнему господину Грачев в конце концов разорился и оставил предпринимательскую деятельность.

Печальный финал в данном случае можно объяснить ранним выкупом. В дальнейшем крепостные предприниматели в Иваново, так же как и в других губерниях центра России, обходились уже намного меньшими суммами выкупа и, как правило, сохраняли право распоряжаться своими предприятиями. Так, Савве Морозову и Ивану Коновалову, родоначальникам московских предпринимательских семей, в 30-е и 40-е гг. XIX в. выкуп на волю обошелся гораздо дешевле, за соответственно 17 и 24 тыс. руб. ассигнациями. Крепостные

предприниматели при выкупе несли теперь значительные убытки, но не разорялись, что убедительно демонстрирует расцвет Иванова как "русского Манчестера" во второй половине XIX в.¹¹. Растущий спрос на изделия хлопчатобумажной промышленности в стране повысил норму прибыли в такой мере, что ею не только покрывалась сумма выкупа, но и обеспечивался достаточный капитал для инвестиций в собственное предприятие. В среде этого крепостного предпринимательства особую роль играли старообрядцы. Из них вышли те крупные московские текстильные фабриканты, которым позднее суждено было занять ведущее место среди российских предпринимателей.

Эта группа сформировалась в первой половине XIX в. в древней столице России Москве, где старообрядцы строили фабричные предприятия сначала вокруг своих кладбищ – Рогожского и Преображенского. Стартовый капитал они, как правило, заимствовали из общего достояния своих религиозных общин. Одновременно братья по вере составляли значительный контингент надежных рабочих. На рубеже XVIII–XIX вв. эти предприниматели стали выходить из своих старых общин и основывать собственные семейные династии¹².

В качестве прототипа здесь следует назвать упоминавшегося Савву Васильевича Морозова (1770–1860). Будучи крестьянином по происхождению, он вырос до одного из ведущих текстильных фабрикантов России. Морозов был крепостным помещика Н.Г. Рюмина в деревне Зуево (Богородский уезд). Начав с выделки шелковых лент, он вскоре стал специализироваться на производстве сукна, а затем и хлопчатобумажных тканей. Совершенно типичным было то, что он сначала занимался окраской тканей, которые по его заказу производили в деревнях Московской и окрестных губерний. На рубеже 1860–1870 гг. у Морозовых работало более 20 тыс. сельских ткачей, которые снабжались пряжей собственных прядильных производств. В конце концов семейное предприятие Саввы Морозова разрослось до семи крупных текстильных фабрик. Династия Морозовых разветвилась на четыре линии, они владели фабриками с 10 тыс. рабочих. Им удалось сохранить свое ведущее положение в хлопчатобумажной отрасли до Октябрьской революции¹³.

В целом насчитывалось около 20 семей московских промышленников, которые в течение XIX в., прежде всего благодаря своей деятельности в текстильном производстве, выросли до ведущих предпринимателей Центральной России. Процесс социальной и культурной эмансипации внутри этого верхнего слоя московского купечества начался в последнее десятилетие перед Крымской войной. Старшее поколение начало освобождаться от традиционного сословного менталитета и выходить из своей религиозной среды. Эта открытость по отношению к другим слоям, где доминировали дворянство и интеллигенция, еще более усилилась в связи с растущим "западничеством" во время реформ 1860-х–1870-х гг. Появившаяся возможность непосредственно влиять на общественную жизнь России привела к тому, что московские промышленники, у которых обозначилось социальное чувство собственного достоинства, все более эмансипированно выступали по отношению к бюрократии. Тяга к образованию сочеталась у них с активным участием в общественной деятельности. Вышедшее на арену в конце XIX в. младшее поколение этих московских промышленных семей – молодое купечество, образованное и опытное – совершенно естественно заняло свое место в обществе.

Речь шла уже не только о меценатстве в искусстве или науке, но и о выполнении социальных задач, и об участии в политической жизни. Если отцы еще находились в плену патриархального мышления, то многие из их сыновей и дочерей были теперь либерально настроены и делали ставку на свободный от влияния государства компромисс между предпринимателями и рабочими. В этом, прежде всего после революции 1905 г., они видели предпосылку будущих успехов российской промышленности на мировом рынке. Хотя именно в московском регионе и вообще в центральных губерниях еще не полностью исчез старый сословный менталитет, тем не менее уже перед Первой мировой войной именно здесь сложилась обладавшая классовым сознанием промышленная буржуазия, претендовавшая на представительство общенациональных интересов¹⁴.

В исторической литературе при характеристике иностранного предпринимательства в России чаще всего подчеркивается воздействие иностранного капитала. Однако выходцы из Западной Европы, поскольку речь идет прежде всего о них, после того, как выбирали местом жительства и экономической деятельности Россию, несмотря на связь со старой родиной и приверженность своей вере, все больше срастались с русской средой и часто принимали российское подданство, в отдельных случаях даже православную веру, как, например, А.Л. Штиглиц. В качестве иностранцев-предпринимателей должны рассматриваться все, кто привез свой капитал, а также коммерческие и технические знания в Россию, а не только те, кто прибыл сюда как представитель зарубежной фирмы, и чьи коммерческие интересы и дальше определялись из-за границы¹⁵. В начале XIX в. действовавшие в России иностранные

предприниматели были главным образом французского, британского или немецкого происхождения. Французы специализировались в основном на производстве и продаже предметов роскоши, в то время как британцы были первыми в современном фабричном производстве, в особенности в машиностроении, и кроме того были в значительной мере заняты в текстильной промышленности. Среди них следует выделить шотландца Чарльза Берда, который приехал в Россию во времена Екатерины II и ввел здесь современный способ литья шотландской фирмы Кэррон, где он ранее работал. Позднее он вместе с англичанином Морганом основал первую фабрику паровых машин в России. Скоро к этому добавилось собственное пароходное общество на Неве, а также другие предприятия. Его сын Френсис в начале 1860-х гг. был одним из крупнейших машиностроительных фабрикантов в России¹⁶.

Значительным было влияние на русскую текстильную промышленность немца Людвиг Кнопа. Сын бременского купца, он приехал в Россию как представитель английской фирмы Де Джерси в Манчестере, которая сначала снабжала русскую мануфактурную промышленность хлопчатобумажной пряжей. Завязав хорошие отношения с московскими текстильными фабрикантами, он через английскую фирму смог снабжать их кредитами, текстильными машинами и специалистами. Первые подобные сделки он заключил в 1841 г. с Саввой Морозовым. До своей смерти в 1894 г. Кноп оснастил две трети всех хлопчатобумажных предприятий России, всего около 120 фабрик. Не в последнюю очередь его заслугой было то, что текстильная промышленность России благодаря приобретению английских хлопкопрядильных машин перестала зависеть от ввоза готовой пряжи. При этом его деятельность не исчерпывалась оснащением текстильных фабрик. Он одновременно был советником по техническим и торговым вопросам, а также крупным акционером в большинстве русских фирм, которые немецкий предприниматель снабжал текстильными станками и машинами. Свое первое собственное крупное предприятие Кноп основал в 1857 г. в Кренгольме под Нарвой. Эта текстильная фабрика с 400 тыс. веретен и 2 тыс. ткацких станков была одной из крупнейших в мире. При этом он до последнего момента оставался в тесном контакте с фирмой Де Джерси. Его деловые способности вошли в русскую поговорку: "Нет церкви без попа, нет постели без клопа, нет фабрики без Кнопа". К моменту своей кончины (1894 г.), отмеченный титулом барона, он "без сомнения был одним из самых крупных промышленников России"¹⁷.

Немецкие предприниматели начинали в России главным образом как крупные торговцы, позднее они занимались также банковской деятельностью. Типичный пример – семья Штиглицев, которые начинали как торговцы, а вскоре занялись также финансовой и промышленной деятельностью. Людвиг Штиглиц начал свою карьеру на Петербургской бирже, на которой он со временем занял ведущее положение, и уже в 1803 г. основал торговый дом "Штиглиц и К^о". Вместе с тем он в течение десятилетий оставался одним из крупнейших, если вообще не самым крупным коммерсантом, его обороты в Петербургском морском порту в 1838 г. составили почти 55 млн. руб. К петербургской торговой конторе добавились такие же в Одессе, Херсоне, Таганроге, Радзивиллове, Нарве и Москве. Штиглиц был первым крупным частным банкиром в России, будучи официальным придворным банкиром. Ему принадлежали промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Следует упомянуть льняные мануфактуры и сахарные заводы. Одним из первых он начал выращивать сахарную свеклу в Южной России. Штиглицы имели большие заслуги также в разведении мериносовых овец, шерсть которых использовалась для выделки тонкого сукна. В области транспорта они уделяли внимание не только строительству железных дорог, но и судоходству, и в 1830 г. открыли пароходное сообщение между Петербургом и немецким Любеком. В том же году Людвиг Штиглиц основал одну из самых крупных хлопкопрядильных фабрик в Петербурге, а вскоре суконную и льнопрядильную в Нарве. На предприятиях Штиглицев, где трудились тысячи рабочих, царил такой здоровый производственный климат, который едва ли можно было найти где-либо в России или в Западной Европе. Велико было участие Штиглицев и в благотворительной деятельности.

Старший Штиглиц оказался пионером также в области страхового дела в России. В 1827 г. он основал "Первое русское страховое общество" с капиталом 10 млн. руб. ассигнациями. К компании страхования от огня, на которую он получил десятилетнюю монополию в Петербурге, Москве и Одессе, в 1835 г. добавилось общество страхования жизни с капиталом 4 млн. руб. ассигнациями. К моменту кончины Штиглица в 1843 г. его состояние равнялось 30 млн. руб. Таким образом старший Штиглиц, в 1826 г. получивший титул барона, был одним из богатейших людей в России.

Не меньшего успеха добился его сын Александр, который участвовал прежде всего в финансировании строительства железных дорог в России. Он поддерживал тесные контакты с Ротшильдами во Франции, а его самого называли "российским Ротшильдом". Благодаря своим

связям с немецкими и голландскими банкирами Мендельсоном и Гоппе он во время Крымской войны выхлопотал для русского правительства иностранных кредитов на 100 млн. серебряных руб. и тем самым в значительной мере способствовал сохранению платежеспособности России. После войны он принимал активное участие в Генеральном обществе русских железных дорог (Grande Société des Chemins de Fer Russes). Когда в 1860 г. в России был основан Государственный банк, Александр Штигилиц взял на себя руководство им и потому расстался со своими частными предприятиями. В 1866 г. он покинул пост управляющего Государственным банком, жил как рантье в Петербурге и после своей смерти в 1884 г. оставил состояние более 100 млн. руб.¹⁸.

Немец Иоганн Вильгельм Юнкер приехал в Петербург в 1818 г. как мастер по изготовлению футляров и открыл там галантерейный магазин. С помощью братьев, также переехавших в Россию, он развивал свое дело так успешно, что через некоторое время открыл банкирскую контору. При этом Юнкеры концентрировали свои операции главным образом в Москве. Банкирский дом "И.В. Юнкер и К^о", основанный в Москве в 1869 г., скоро превратился в "один из самых уважаемых частных банков России"¹⁹. В 1912 г. он был реорганизован в акционерный банк, в то время как торговый дом "Юнкер и К^о" специализировался на посреднических и комиссионных сделках, прежде всего на покупке и продаже сырья, в том числе сахара, хлопка и т.д. После начала Первой мировой войны родственник Юнкеров, фактический глава банка Генрих Бокельманн был интернирован как немецкий гражданин, а затем выслан в Швецию²⁰.

Примером успешной предпринимательской деятельности немцев в России может служить также Максимилиан фон Вогау, который приехал в Россию в 1827 г. и в 1840 г. вместе со своим братом Фридрихом открыл самостоятельное дело в Москве, занявшись торговлей колониальными (москательными) товарами и красками, а затем специализировался на торговле чаем. К этому добавилось участие в частных банках – в 1869 г. в Московском Учетном банке, а в 1871 г. в Русском банке для внешней торговли в Петербурге и в Коммерческом банке в Риге. С 1870 г. Вогау действовали также в русской промышленности, в т.ч. в коммунальных предприятиях (водопровод и светильный газ), текстильных фабриках, в горной и металлургической промышленности, а также в страховых обществах ("Якорь"). Когда Россия вступила в войну против Центральных держав, фирма "Вогау и К^о" располагала капиталом 51 млн. руб., контролировала 20 предприятий, имела на 11,3 млн. руб. акций, паев и облигаций (отдельные члены фирмы еще на 7,3 млн.)... Из 51 млн. капитала 36,8 млн. принадлежали пяти компаньонам-совладельцам, 14,3 млн. – вкладчикам, исключительно родственникам Вогау в России и за рубежом; по сравнению с этими цифрами владение акциями других компаний на 11,3 млн. руб. составляло относительно маленькую статью баланса. Свой промышленный концерн Вогау пришлось ликвидировать в связи с разразившейся Первой мировой войной²¹.

Значительным было участие западных предпринимателей в строительстве железных дорог в России. Пионерами здесь были сначала американцы – прежде всего Гаррисон, Иствик и Виннанс. С ними связано начало производства локомотивов и вагонов в России, для чего им в 1843 г. был передан Александровский металлический завод в Петербурге²². После Крымской войны к строительству железных дорог в России приступили прежде всего французы, которые основали и с помощью русского и иностранного капитала финансировали Главное общество русских железных дорог. Однако его деятельность завершилась неудачей²³. Затем тон в русском железнодорожном строительстве задавали немецкие и еврейские железнодорожные "короли" фон Дервиз, фон Мекк, Поляков и Блюх²⁴. Больше всего в российских железных дорогах были заинтересованы немецкие банки; Берлинская биржа вместе с Франкфуртской играла главную роль в размещении русских железнодорожных облигаций, доходы от которых гарантировались русским правительством. До 1876 г. в русские железные дороги было вложено более 900 млн. рейхсмарок²⁵.

Форсированная индустриализация России в последние два десятилетия XIX в. привела к усилению иностранного предпринимательства. Возникает вопрос об удельном весе иностранных инвестиций в экономике России. П.В. Оль полагал, что в 1880–1913 гг. около 50% всех капиталов, вложенных в промышленность России, были иностранного происхождения. Участие зарубежных капиталов между 1893 и 1900 гг. увеличилось в 4 раза, с 136 до 628 млн. руб., так что доля иностранного капитала в общих инвестициях выросла с 27 до 45%²⁶.

Некоторые историки относятся к этим цифрам скептически. Так, Ф. Карстенсен указывает, что Оль составлял свои статистические данные с политическим умыслом показать большую зависимость России от заграницы. Как правило, номинальное повышение основного капитала акционерных обществ не имело ничего общего с реальными инвестициями, а было следствием системы обложения налогом акционерных обществ. Расширение номинального капитала зачастую было результатом не новых инвестиций, а попыток уменьшить налог на прибыль²⁷.

Следует быть сугубо осторожным при подсчете нормы прибыли иностранных предпринимателей в России и прежде всего оттока этих прибылей за границу. В. Кирхнер на примере немецкого предпринимательства указывает на то, что действительная "максимизация прибылей" могла происходить только тогда, когда предприятия иностранцев интегрировались в экономику России, а они сами находили здесь свою вторую родину. Но нельзя упускать из виду тех иностранных предпринимателей, которые не добились успеха и разорились. «Не всем удалось создать доходные предприятия. Некоторые из этих фирм пошли ко дну, часто из-за неудачных спекуляций; однако другие имели успех, а некоторые принесли большие состояния своим владельцам, поселившимся в России. Так как они большей частью принимали русское (или финское) гражданство (реже и православное вероисповедание), а дети и внуки иногда "русифицировались" благодаря женитьбе, их прибыль, полученная в течение многих лет, не возвращалась в Германию, даже если сам владелец переселялся туда в преклонном возрасте. Большая часть капитала оставалась в России также благодаря наследованию и постоянному реинвестированию и тем самым тоже "русифицировалась". Таким образом, и те и другие капиталы исключаются из рассмотрения "иностранных" прибылей»²⁸.

В. Кирхнер придерживался мнения, что в отношении прибылей иностранцев в России и прежде всего в смысле ущерба, приносимого ими народному хозяйству России, было написано много необъективного. При этом он указывает на то, что, разумеется, ни один предприниматель не стал бы заниматься экономической деятельностью, если бы не рассчитывал получить прибыль. Вопрос заключается в том, были ли эти прибыли в России чрезмерно высокими, поскольку здесь риск для иностранных портфельных инвестиций был значительно выше, чем в других промышленных государствах. "Только владелец облигаций государственных, железнодорожных или других займов с хорошим доходом, если он вовремя продал их до 1914 г., мог рассчитывать на более высокие доходы по сравнению с соответствующими инвестициями в собственной стране или в другие промышленные объекты"²⁹.

Меньшими были шансы промышленных компаний, которые сами создавали в России производственные сооружения. В. Кирхнер на различных примерах показывает, "что предприятия в России вероятно были менее прибыльными, чем в других странах, будь то в Австро-Венгрии, Франции, Голландии, Скандинавии и т.д." Впрочем, не исключено, что предприниматель, благодаря удачным финансовым манипуляциям и дополнительным заработкам, все же не оставался в убытке и даже мог стать "богатым". Кирхнер приходит к выводу: "Призрак сверхприбыли иностранцев, который распространился в исторической литературе, рассеивается при проверке действительного положения дел. Возможно, российский рынок был спасением для многих немецких фирм, не столько из-за прибыли, сколько в смысле сбыта, который делал возможным сохранение производства в родной стране. Однако Россия стала также кладбищем для других фирм, которым не хватило средств, чтобы продержаться. Она являла собой прекрасное поле деятельности для банков, посредников и агентов по продаже, которые не вкладывали свой капитал на длительное время; однако не открывала радужных перспектив для предпринимателей и, вероятно, еще меньше для служащих"³⁰.

В. Кирхнер рассматривает также вопрос о том, насколько иностранные предприятия в России с течением времени "русифицировались"³¹. Русское правительство старалось относиться сдержанно к преобладанию зарубежных фирм в области внешней торговли и банковского дела. В принципе это было связано со слабостью внешней торговли России, в которой превалировал экспорт сырья и полуфабрикатов. Но что касается производственного сектора, то правительство постоянно пыталось как можно скорее передать иностранные предприятия в русские руки или по крайней мере поставить их под жесткий государственный контроль. Ситуация не изменилась и в период индустриализации России в XIX в. Самое позднее с 1880-х гг. правительство предпринимало все меры, чтобы путем привлечения капитала, правительственных заказов, покровительственных тарифов, привлечения иностранных специалистов и т.д. помочь развитию промышленности в России. К тому же к концу XIX в. российские предприниматели в плане коммерческих и технических знаний были вполне конкурентоспособны в сравнении с иностранцами. «Они, так же как западные предприниматели, были готовы пойти на риск; они использовали капиталистические методы, организовывали картели и синдикаты. Правительство считало их нужным элементом в борьбе против "засилия иностранцев" в русской экономике и... одновременно подходящим средством, чтобы выторговывать выгодные условия у иностранных концессионеров»³².

Наряду с немцами и англичанами с 80-х гг. XIX в. на передний план все больше выходили французы и бельгийцы, которые особенно активно участвовали в развитии южнорусской сталелитейной и угольной промышленности³³. Британцы и далее концентрировались на текстильной промышленности, но одновременно обратились к добыче сырья, в особенности

важную роль они сыграли в освоении кавказских нефтяных месторождений³⁴, в то время как немцы по большей части занимались созданием электрической и химической промышленности в России. Но наряду с этим их сферой были также машиностроение, сталелитейная и угольная промышленность³⁵.

Предприятия иностранных предпринимателей на рубеже XIX–XX в. действовали прежде всего в форме акционерных обществ. Иностранцы предоставляли оборудование и капитал, но менее были готовы приспособлять свой высокий технологический стандарт к промышленным потребностям самой России³⁶. Русское правительство всегда было заинтересовано в том, чтобы интегрировать иностранную предпринимательскую деятельность в экономику России и в значительной мере "русифицировать" ее, особенно во времена министра финансов С.Ю. Витте (1892–1903). Оказалось однако, что иностранная предпринимательская инвестиционная деятельность рассматривалась в первую очередь с точки зрения технического прогресса и снабжения населения недорогими промышленными товарами, без учета того, соответствовало ли это промышленному развитию самой страны, и в особенности уровню российского предпринимательства. Для привлечения иностранного капитала создавались все предпосылки. Этим объяснялось введение при Витте золотого стандарта, подготовленного его предшественником на посту министра финансов И.А. Вышнеградским³⁷.

Однако тот факт, что только применение западной технологии одновременно делало возможным и предоставление иностранного капитала, не означал, что западные предприниматели и инвесторы основной упор делали на иностранный менеджмент и использование иностранных специалистов. Не говоря уже о том, что, конечно, и русский капитал охотно использовался для инвестиций, знание обычаев русской деловой практики, "выходов" на административные органы и вообще законов и их бюрократического толкования делало уместным, по крайней мере в коммерческой области, обращение к российским менеджерам³⁸.

Если иностранное предпринимательство в России в последние десятилетия XIX в. находилось под сильным влиянием регулируемой государством экономической системы, то в еще большей мере это касалось предпринимательства отечественного. Правда, и в Западной Европе экономический либерализм в ходе индустриализации пережил только короткий период расцвета, но в России доминирование государства было еще сильнее, чем где бы то ни было, причем нередко политика "насаждения" крупной индустрии шла вразрез с экономическими потребностями страны. Во времена Витте бюрократия своим односторонним содействием тяжелой промышленности создавала дополнительные препятствия для российского предпринимательства, ориентированного более на требования рынка, чем на потребности государства. Поэтому, вероятно, нужно с известным скептицизмом отнестись к тому, что в исторической литературе снова и снова выдвигается тезис о благотворной необходимости государственной инициативы в процессе индустриализации в России, как это подчеркивал Гершенкрон³⁹. Конечно, в эпоху империализма Россия уже по причинам самосохранения империи была вынуждена развивать военную промышленность и тем самым тяжелую индустрию, но такая односторонняя поддержка одних отраслей неминуемо происходила за счет других, прежде всего легкой промышленности. Поэтому Россия однозначно находилась в невыгодном положении по сравнению с высокоразвитыми индустриальными государствами Запада, у которых уже имелась сбалансированная промышленная система.

В целом последователи Гершенкрона исходят из того, что именно индустриализация России являлась классическим примером успешной государственной интервенции внутри капиталистической системы, отмеченной сенсационными темпами промышленного роста с середины 1880-х гг.⁴⁰. Однако имевшее место, особенно в 1885–1900 гг., сильное воздействие государства на экономический рост при всем его положительном влиянии на рынок земли, товаров и труда в конце концов скорее ослабило силы рынка.

Со второй половины XIX в. в России можно выделить пять промышленных регионов: Петербург, Москва и Центральный промышленный район, Польша с Варшавой, Лодзью, Гутой Банковой и Домбровой, Прибалтика с центром в Риге, а также Южная Россия в треугольнике Харьков, Кривой Рог и Ростов-на-Дону. Во всех этих промышленных центрах России, в особенности в Польше и Прибалтике, действовали великорусские предприниматели, а также россияне других национальностей (в особенности еврейские) и иностранные – прежде всего западные. Стоит задаться вопросом, насколько этот гетерогенный деловой мир с течением времени превратился в общероссийское предпринимательство в рамках единой национальной экономики⁴¹.

Эволюция российских торговцев и промышленников – предпринимателей в западном смысле слова, как известно, сначала происходила в рамках хлопчатобумажной отрасли Центрального промышленного района и в Петербургском регионе. Мануфактурное производство старого

стиля с 40-х гг. XIX в. было заменено здесь новейшей фабричной системой с прядильными машинами и ткацкими станками, приводимыми в действие силой пара. Однако отсутствие до 1860 г. адекватной банковской системы порождало значительные трудности в деле технической модернизации производства. Впрочем, такие предприниматели, как В.А. Кокорев, И.Ф. и Н.Ф. Мамонтовы и Д.Е. Бенардаки благодаря капиталам, нажитым на производстве и продаже спиртных напитков ("винные откупа"), обладали значительными ресурсами для подобного финансирования. К тому же существовала возможность получить кредиты у старообрядцев, а также у Людвиг Кнопа благодаря его прекрасным связям с производителями текстильных машин в Великобритании. Что касается деятельности иностранных предпринимателей, то следует отметить, что благодаря участию во внешней торговле, они обладали значительными возможностями кредитования. В промышленном регионе с центром в Петербурге доступны были государственные кредиты, в особенности на создание тяжелой, оборонной промышленности и судостроение. После Крымской войны в инвестициях в судостроение, железные дороги, машиностроение, а также химическую промышленность все активнее участвовали также дворянство и высшие чиновники. Но в Московском промышленном районе современное российское предпринимательство представляли прежде всего торговцы и фабриканты из купеческого сословия, такие как Боткины (чай), Гучковы (сукна), Третьяковы (лен), Крестовниковы, Найденовы, Щукины и Морозовы (хлопчатобумажное производство) и др.⁴²

Первоначальной формой ассоциированных предприятий был торговый дом двух типов ("полное товарищество" и "товарищество на вере"), законодательно утвержденных в 1807 г. В обоих случаях каждый партнер нес ответственность за долги фирмы всем своим состоянием. Но в "товарищество на вере" могли приниматься также негласные компаньоны, вкладчики, финансовая ответственность которых за предприятие ограничивалась только их инвестициями. Полная ответственность, касающаяся личного состояния, породила ситуацию, когда только состоятельные коммерсанты отваживались заводить торговый дом и ради своей безопасности следили за тем, чтобы лишь они одни или члены их семей являлись совладельцами фирмы.

Кроме того, с 1836 г. законодательство предоставляло возможность основать акционерные общества с ограниченной ответственностью в двух формах: акционерное общество и товарищество на паях. Оба типа акционерных компаний до 1917 г. находились под строгим надзором правительства и поэтому давали бюрократии широкую возможность для вмешательства в предпринимательскую деятельность. Товариществу на паях – чисто русской форме, – дававшей возможность ограничить число пайщиков узким кругом членов семьи и знакомых, до 1917 г. отдавалось предпочтение в московском регионе, в то время как современная западная форма акционерного общества с анонимным составом участников получила распространение в Петербурге и других новых промышленных регионах⁴³.

Если сравнить предпринимательство в регионах Москвы и Петербурга, заметно, что в московском промышленном районе, где главенствующие позиции занимало русское купечество, до Крымской войны едва ли можно говорить о сложившемся типе современного предпринимателя, творческого и готового к риску. Мы не найдем здесь ни особого желания рисковать на деловом поприще, ни тяги к техническим новшествам или к улучшению импортируемых с Запада машин. Только позднее внутри предпринимательства появились отдельные новаторы, такие как В.А. Кокорев, Н.А. Новосельский и П.И. Губонин, которые, не в последнюю очередь благодаря государственной поддержке, пошли новыми путями в коммерческой, промышленной и финансовой области и концентрировали внимание на потребностях внутреннего и иностранного рынков⁴⁴.

Если в заключение бросить взгляд на индустриальное развитие России до 1914 г. и в особенности на отдельные отрасли, то можно констатировать, что российская промышленность стала интегральной составной частью мировой системы капитализма, на ней отражались все колебания конъюнктуры и кризисы этой системы⁴⁵. В 1900–1906 гг. темпы промышленного роста снизились, а затем с 1908 г. снова начался интенсивный рост. Правда, ежегодный темп прироста промышленной продукции (7,5% между 1910 и 1913 гг.) не достиг бума 1890-х гг., но тем не менее был значительным. Впрочем, это едва ли изменило механизм деятельности экономической системы в целом, определявшейся прежде всего аграрным сектором, сельское и лесное хозяйство все еще приносило более половины национального дохода, в то время как промышленность – лишь четверть. Кроме того, поскольку в деревне проживало более 80% населения империи, можно было предвидеть, что промышленное развитие, если только оно не определялось заказами со стороны государства, скоро натолкнется на пределы, которые едва ли удалось бы преодолеть без фундаментального изменения социального строя. Города, население которых росло сравнительно медленно, не в состоянии были развить такую покупательную способность, которая являлась необходимой для длительного промышленного

роста. Положение едва ли изменила и Столыпинская аграрная реформа, тем более что она до Первой мировой войны была осуществлена едва наполовину.

Ведущим сектором индустрии оставалась текстильная промышленность, в особенности хлопчатобумажная, хотя развивалось и металлургическое производство. Правда, появились значительные проблемы со сбытом, что должно было сказаться и на прибылях. Поэтому с необходимостью проявлялась тенденция к концентрации, которая дополнительно стимулировалась государством. Впрочем, это не означало, что тем самым – прежде всего в области текстильной промышленности – повышался также технологический уровень. Крупные предприятия господствовали на рынке благодаря тому, что многие акционерные общества объединялись в сбытовые синдикаты, которые непосредственно вмешивались в производство. Кроме того, особенно в области сырьевой и металлургической промышленности, установились тесные связи с крупными петербургскими банками. На московскую текстильную промышленность эти банки, напротив, влияли незначительно, поскольку та имела собственную банковскую систему и в значительной мере могла сама себя финансировать. Небольшим был здесь и удельный вес иностранного капитала. Приводимые факты свидетельствуют, что именно московская текстильная промышленность принадлежала к немногим отраслям в России, которые пользовались большим спросом на внутреннем рынке. Прежде всего это касается хлопчатобумажных изделий. Поэтому она не нуждалась в государственных заказах в той мере, как ее конкуренты в Петербурге. Московские промышленники, до конца придерживавшиеся традиции семейных предприятий, представляли в России "настоящий" тип частного предпринимателя, ориентировавшегося главным образом на требование рынка и потому без сомнения располагавшего наивысшей нормой прибыли. Поскольку московские текстильные фабриканты действительно были буржуазией и сами себя называли таковой, становится понятно, почему именно они перед 1914 г. выдвинулись на передний план в политическом, социальном и культурном отношении.

Примечания

¹ B r a u n R. Zur Einwirkung sozio-kultureller Umweltbedingungen auf das Unternehmerpotential und das Unternehmerverhalten // Wirtschafts- und sozialgeschichtliche Probleme der frühen Industrialisierung. Hrsg. von W. Fischer. Berlin, 1968. S. 247–284.

² R e d l i c h F. Unternehmertypologie // Redlich F. Der Unternehmer. Göttingen, 1964. S. 153–170.

³ B r a u n R. Zur Einwirkung sozio-kultureller Umweltbedingungen auf das Unternehmerpotential.

⁴ Подр. см.: L a n d e s D.S. Der entfesselte Prometheus. Köln, 1973.

⁵ L a n d e s D.S. Op. cit. S. 82f.

⁶ B u c h h e i m Ch. Industrielle Revolutionen. Langfristige Wirtschaftsentwicklung in Großbritannien, Europa und in Übersee. München, 1994. S. 59–61.

⁷ Ibid. S. 61–67.

⁸ См. также: N ö t z o l d J. Agrarfrage und Industrialisierung am Vorabend des Ersten Weltkrieges // Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland. Hrsg. von D. Geyer. Köln, 1975. S. 228–251.

⁹ K a s e r M.C. Russian Entrepreneurship // The Cambridge Economic History of Europe. Vol. VII. Part 2. Cambridge; London; New York; Melbourne, 1978. P. 421 и сл.

¹⁰ B l a c k w e l l W.L. The Beginnings of Russian Industrialization. 1800–1860. Princeton; New Jersey, 1968. P. 205–211.

¹¹ H i l d e r m e i e r M. Bürgertum und Stadt im Rußland 1760–1870. Rechtliche Lage und soziale Struktur. Köln; Wien, 1986. S. 505–544.

¹² См. также: B e l i a j e f f A.S. The Rise of the Old Orthodox Merchants of Moscow. Phil Diss. Syracuse University, 1975.

¹³ H i l d e r m e i e r M. Op. cit. S. 528–531.

¹⁴ R u c k m a n n J.A. The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840–1905. DeKalb; Illinois, 1984; R i e b e r A.-J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982; O w e n Th.C. Capitalism and Politics in Russia. A Social History of the Moscow Merchants, 1855–1905. Cambridge, 1981; В е с т Дж. Буржуазия и общественность в предреволюционной России // История СССР. 1992. № 1. С. 192–201.

¹⁵ См.: B l a c k w e l l W.L. Op. cit. P. 241 и сл.

¹⁶ Ibid. P. 249–261.

¹⁷ S c h u l z e - G ä v e r n i t z G. Volkswirtschaftliche Studien aus Rußland. Leipzig, 1899; C a r s t e n s e n F.V. Foreign Participation in Russian Economic Life: Notes on British Enterprise, 1865–1914 // Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union. Ed. by G. Guroff A.F.V. Garstensen. Princeton; New Jersey, 1983. P. 147 и сл.

- ¹⁸ Blackwell W.L. Op. cit. P. 253–261.
- ¹⁹ Amburger E. Der fremde Unternehmer in Rußland bis zur Oktoberrevolution im Jahre 1917 // Amburger E. Fremde und Einheimische im Wirtschafts- und Kulturleben des neuzeitlichen Rußland. Wiesbaden, 1982. S. 346 и сл.
- ²⁰ Петров Ю.А. Das Bankhaus "J.W. Junker & Co." Deutsche Unternehmer in Rußland vom 19. bis zum Anfang des 20. Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 42(1994). S. 202–216.
- ²¹ Amburger E. Das Haus Wogau & Co. in Moskau und der Wogau-Konzern. 1840–1917 // Amburger E. Fremde und Einheimische. S. 62–83.
- ²² Подр. см.: Blackwell W.L. Op. cit. P. 303–323.
- ²³ Rieber A.J. The Formation of La Grande Société des Chemins de Fer Russes // Jahrbücher für Geschichte Osteuropa 21 (1973).
- ²⁴ Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975; Westwood J.N. Die Geschichte der russischen Eisenbahnen. Zürich, 1966.
- ²⁵ Mai J. Das deutsche Kapital in Rußland 1850–1894. Berlin, 1970. S. 44–63.
- ²⁶ Оль П.В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Л., 1925. МсКау J.P. Foreign Enterprise in Russian and Soviet Industry: A Long Term Perspective // Business History Review 48 (1974). P. 340, 345.
- ²⁷ Carstensen F.V. Op. cit. P. 142–146.
- ²⁸ Kirchner W. Über "Profite" deutscher Industrieunternehmen im Rußland vor 1914 // Zeitschrift für Unternehmensgeschichte. 28 (1983). S. 83 и сл.; см. также: Kirchner W. Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Rußlands 1815–1914. St. Katharinen, 1986. S. 337–352.
- ²⁹ Kirchner W. Über "Profite". S. 90.
- ³⁰ Ibid. S. 90–97.
- ³¹ Kirchner W. Die deutsche Industrie. S. 352–372; см. также: Kirchner W. Russian Entrepreneurship and the "Russification" of Foreign Enterprise // Zeitschrift für Unternehmensgeschichte. 26 (1981). S. 79–103.
- ³² Kirchner W. Die deutsche Industrie. S. 363.
- ³³ Girault R. Emprunts Russes et Investissements Français en Russie, 1887–1914. Paris, 1973; Gris P. O. Studies in the Russian Economy before 1914. London, 1976. P. 111–188.
- ³⁴ МсКау J.P. Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization: 1885–1913. Chicago, 1970.
- ³⁵ Подр. см.: Kirchner W. Die deutsche Industrie.
- ³⁶ Подр. см.: МсКау J.P. Foreign Enterprise. P. 345–350.
- ³⁷ Ibid., P. 347; см. также: Laue Th.v. Sergei Witte and the Industrialization of Russia. N.Y., 1963.
- ³⁸ МсКау J.P. Foreign Enterprise. P. 349.
- ³⁹ Подр. см.: Гершенкрон А. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge; Mass., 1962.
- ⁴⁰ Supple B. Der Staat und die industrielle Revolution 1700–1914 // Europäische Wirtschaftsgeschichte. Hrsg. von C.M. Cipolla und K. Borchardt. Bd. 3. Stuttgart; N.Y., 1976. S. 223–228.
- ⁴¹ Blackwell W. The Russian Entrepreneur in the Tsarist Period: An Overview // Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union. P. 13–26; см. также: Армстронг J. A Socializing for Modernization in a Multiethnic Elite // Ibid. P. 84–103.
- ⁴² Owen Th.C. Entrepreneurship and the Structure of Enterprise in Russia, 1800–1880 // Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union. P. 64–66; подр. см.: Capitalism and Politics in Russia.
- ⁴³ Idem C. The Corporation under Russian Law, 1800–1917. A Study in Tsarist Economic Policy. Cambridge, 1991.
- ⁴⁴ Idem C. Entrepreneurship and the Structure of Enterprise in Russia. P. 74–83.
- ⁴⁵ Подр. см.: Хауманн Н. Kapitalismus im zaristischen Staat 1906–1917. Königstein/Ts., 1980. S. 23–71.

ПОЛКОВНИК К.И. РЯБЦЕВ. СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Имя Константина Ивановича Рябцева (1879–1919) – полковника Генерального штаба, участника Русско-японской и Первой мировой войн, командующего Московским военным округом (МВО) в октябре 1917 г. – известно прежде всего в связи с октябрьскими событиями в Москве. Его деятельность на посту командующего округом большевики – участники боев в Москве – расценивали как бескомпромиссно-антибольшевистскую. Совсем иначе позиция Рябцева воспринималась сторонниками белого движения: его винили в нерешительности, в сговоре с большевиками, в сдаче им Москвы. Подобные обвинения были предъявлены К.И. Рябцеву и контрразведкой Добровольческой армии, в которую он попал летом 1919 г. В советской исторической литературе биографические сведения о полковнике Рябцеве отсутствуют за исключением кратких и неточных статей в "Советской исторической энциклопедии" и энциклопедии "Великая Октябрьская социалистическая революция".

Каким же был этот человек, позиция которого на посту командующего МВО немало повлияла на характер борьбы в Москве в октябре 1917 г.? Настоящая работа – попытка дать частичный ответ на эти вопросы.

Основным источником для написания статьи послужили архивные документы семьи К.И. Рябцева, в настоящее время хранящиеся в ОПИ ГИМ¹. Среди этих документов аттестаты, представления к наградам, фотографии, фронтовые записные книжки, а главное, письма Рябцева за 1914–1918 гг., представляющие особый интерес. Эти ежедневные послания с фронта, адресованные жене и сыну, напоминают личный дневник². В них не только подробное – день за днем – отражение событий, бытовые детали, но и мысли, взгляды по ряду проблем. К сожалению, эти письма-дневники обрываются серединой 1915 г.; 1916, 1917 и начало 1918 г. представлены случайными письмами и открытками. Судьба остальных писем пока неизвестна. Среди других источников, использованных в данной работе, мемуары, журнальные публикации К.И. Рябцева за 1918 г., а также материалы газет разных направлений за октябрь–ноябрь 1917 г.

К.И. Рябцев родился 14 мая 1879 г. в семье священника³ в селе Гусь Парахино Касимовского уезда Рязанской губ. Учился в Рязанской духовной семинарии, однако по истечении 3 лет учебы был уволен по прошению, не закончив ее. Военную службу начал с 1900 г. во 2-ом Закаспийском стрелковом батальоне в качестве вольноопределяющегося. В 1904 г. окончил Тифлисское пехотное училище и в звании поручика участвовал в русско-японской войне, был награжден орденами Св. Анны 4 и 3 степени и Св. Станислава 3 и 2 степени. В 1906 г. Константин Иванович женился. Жена, Екатерина Алексеевна и родившийся вскоре сын Петр, как можно судить по его письмам, заняли очень большое место в его жизни. В 1912 г. Рябцев закончил Академию Генерального штаба и в звании штабс-капитана был назначен в 121-й пехотный Пензенский полк, где командовал ротой.

Наряду со службой Рябцева очень привлекали литературные занятия. На протяжении многих лет под псевдонимами "К.И." и "К.И. Киров" он сотрудничал в ряде издательств, в том числе в харьковской газете "Утро", в газетах "Вестник X армии", "Военно-исторический вестник", в журнале В.Г. Черткова "Голос Толстого и Единение".

С начала Первой мировой войны Рябцев состоял в штабе 10-го армейского корпуса Ф.В. Сиверса, а в октябре 1914 г., когда Сиверс был назначен командующим 10-й армией, Рябцев был переведен им в штаб этой армии. Вот каким запомнился Константин Иванович в начале войны А.И. Верховскому, служившему тогда в штабе 3-й Финляндской стрелковой бригады: "Рябцев был крепкий, коренастый человек... простой в обращении, отличный офицер Генерального штаба. Глаза у него были светлые, приветливые. Добродушная улыбка часто играла на его лице". Отметим Верховский также крепкую нервную систему Константина Ивановича, его устойчивость в трудную минуту и способность твердо сносить невзгоды⁴.

В декабре 1914 г. Рябцев был произведен в капитаны, в декабре 1915 г. – в подполковники. К этому времени он кавалер ордена Св. Анны 2 степени с мечами и Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом. В списках Генерального штаба на 3 января 1917 г. подполковник Рябцев числится как офицер для поручений отделения Генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии.

В январе–феврале 1915 г. 10-ю армию чуть было не постигла участь армии Самсонова в

* Журавская Ирина Львовна, старший научный сотрудник Государственного Исторического музея.

Восточной Пруссии. Военные историки отмечают особую роль III Сибирского корпуса генерала Е.А. Радкевича, который не дал продвинуться многократно превосходившему его противнику. В руководстве действиями III корпуса принимал участие и Рябцев, прикомандированный к его штабу в конце января 1915 г. По окончании операции генерал Радкевич представил его к награждению Георгиевским оружием. В представлении говорилось: "Капитан Рябцев своей самоотверженной и доблестной деятельностью, подвергаясь по месту нахождения штаба в сфере неприятельской опасности для жизни, в значительной степени способствовал достижению цели, поставленной корпусу, физически исполняя к тому же одно время должность начальника моего штаба"⁵.

По поводу своего представления К.И. Рябцев писал жене: "Меня представляют к золотому оружию, но дадут или нет – я глубоко равнодушен"⁶. Интересно отметить, что будучи кавалером нескольких орденов, Рябцев весьма негативно относился к наградам, особенно на фоне военных неудач России: "Зачем эти награды, эта куча наград и притом раздаваемых сверху. Да полно, не рано ли? Дали бы кончить дело... Высокие штабы, по-моему, не имеют права на эти самые награды, за которые в строю расплачиваются кровью..."⁷

Письма Рябцева отражают его взгляды по ряду вопросов, и отношение к наградам – один из них. Чаще всего он обращается к проблеме войны и мира, которая чрезвычайно его волновала. «Когда же кончится эта война? – писал он в феврале 1915 г. – Как гражданин, как военный я не имею права желать ее окончания ранее достижения нами успеха; как человек я желаю конца. Довольно ужаса, крови, разгрома. Ведь во что обращены те страны, где прошли кровавые волны войны! Какой сплошной ужас, сплошное безумие... Я переживаю вторую войну, и я чувствую, что мне это дорого стоит. Моя душа, все мое внутреннее "я" страдает, болит»⁸.

Сопереживание пострадавшим на войне, будь это раненые солдаты или беженцы, немцы или русские, прослеживается во многих письмах Рябцева. "Ужасно жестокое дело война", – эти слова не раз повторяются им в различных вариациях. "Люди, раз они обладают рассудком, должны искать какие угодно способы, кроме войны"⁹. Необходимо иметь в виду это четко обозначенное негативное отношение Рябцева к войне при оценке его действий в октябре 1917 г. на посту командующего МВО.

Еще один штрих к характеристике Рябцева добавляет его высказывание о порядках в армейском управлении. Безусловный патриот, офицер Генерального штаба, болеющий за честь мундира, Константин Иванович, тем не менее, с горечью констатирует: "Наше управление было безобразно"; "искусство у нас не ночевало"; "наши маньчжурские неудачи нас ничему не научили". В поисках ответа на извечный вопрос "Кто виноват?" он приходит к выводу, что "виновата система... Пока система сверху остается прежняя, то по существу будет все то же самое... Рыба гниет с головы"¹⁰.

К.И. Рябцев относился к той части российского офицерства, которая не только критически оценивала ситуацию в армии, но была способна на решительные действия в области ее реформирования. Это подметил в своих мемуарах А.И. Верховский, назвав Рябцева представителем той армейской молодежи, которую объединяло желание добиться победы России и негодование против стариков, срывающих своим малодушием и безграмотностью всякую возможность победы. "Иногда молодежи удавалось общим натиском на старшее командование добиться проведения той или другой меры, отвечавшей их взглядам на ведение войны"¹¹, – вспоминал Верховский. Не случайно позднее, находясь на должности командующего МВО, он вызвал Рябцева с фронта как своего единомышленника. Верховский надеялся использовать его деловые качества, энергию, способности на посту начальника штаба МВО в критических условиях лета–осени 1917 г.

Состоял ли Константин Иванович в какой-либо политической партии? В энциклопедиях "Советская историческая" и "Великая Октябрьская социалистическая революция" говорится о принадлежности Рябцева к партии эсеров. Однако ряд источников опровергает эти сведения. Так, бывший комиссар московского градоначальства А.Н. Вознесенский вспоминал: "Рябцев никогда в партии эсеров не состоял, кажется, он примыкал к народным социалистам"¹². А.И. Верховский, сам числившийся в партии эсеров, ничего не пишет о партийной принадлежности Рябцева, однако отмечает, что на Украине в 1918 г. К.И. Рябцев работал в меньшевистской газете¹³. Таким образом, вопрос о партийной принадлежности Рябцева остается открытым.

В июле 1917 г., получив назначение на должность начальника штаба МВО, К.И. Рябцев взялся за реорганизацию дела, подобрал людей, и штаб, по оценке А.И. Верховского, "заработал, как настоящий аппарат окружного центра"¹⁴. Заметный след в жизни К.И. Рябцева оставили события, связанные с приездом Л.Г. Корнилова в Москву в августе 1917 г. Ходили слухи о готовящемся мятеже, диктатуре, которую связывали с именем

Корнилова. В эти дни командование МВО готовило силы для борьбы против возможного переворота. Штаб округа принял решение действовать вместе с Московским Советом. "Всем командирам частей и председателям полковых комитетов Москвы были даны директивы и указан план действий на случай открытого выступления Корнилова"¹⁵, – вспоминал позднее Верховский. Два года спустя, в Харькове, когда Рябцев оказался в контрразведке Добровольческой армии, ему припомнили участие в этих событиях.

В сентябре 1917 г., после назначения А.И. Верховского военным министром в кабинете А.Ф. Керенского, К.И. Рябцев занял должность командующего МВО, на которой находился до 2 ноября. События, начавшиеся в Москве 25 октября, сыграли в судьбе Рябцева трагическую роль.

24 октября командующий МВО полковник Рябцев подписал приказ, в котором оценивал надвигающееся революционное событие: "Русские переживают тяжелые дни, и, может быть, революция и свобода не были в большей опасности, чем теперь. Но эта опасность в той анархии и погромном настроении, которое разлито и льется по стране, поддерживаемое темными силами и на благо реакции. Армия стоит на страже законности государственного порядка"¹⁶. Однако командующий военным округом заблуждался в отношении армии.

Уже на следующий день, 25 октября, после получения известий из Петрограда, силами 13-й роты 56-го запасного полка, несмотря на сопротивление офицеров, в Москве были заняты почта и телеграф. Организатором захвата был Партийный боевой центр большевиков, взявший на себя инициативу руководства до избрания Военно-революционного комитета (ВРК), которое должно было произойти несколькими часами позже на пленуме Московского совета. Накануне открытия пленума состоялось совещание бюро всех фракций Советов, на котором присутствовал и К.И. Рябцев. На совещании предлагалось создать "временный демократический орган" для "охраны революционного порядка в Москве". В его состав должны были войти представители Совета, городского и земского самоуправления, штаба округа, Всероссийского железнодорожного и Почтово-телеграфного союзов. С таким составом согласились все присутствовавшие, включая представителей большевистской фракции. Спор возник из-за того, кто будет в большинстве в этом органе – Советы или думцы. Интересно в этой связи отметить позицию Рябцева, который не исключал возможности преобладания Советов в проектируемом органе власти. Один из участников этого совещания – большевик Е.Н. Игнатов – так описал свои впечатления: "Рябцев было закачался и стал переходить на сторону советского большинства, но поборник народовластия Руднев (в то время Московский городской голова. – И.Ж.) держался непримиримо, считая, что только одна Дума может сейчас быть полномочным органом власти. Под влиянием истерических выкриков и угроз Рябцев перешел на его сторону"¹⁷.

Несмотря на разногласия, проект резолюции о создании коалиционного демократического органа был принят. Однако, когда в 6 часов вечера в Политехническом музее открылось объединенное заседание Московского совета рабочих и солдатских депутатов, большинство его участников высказалось против "согласительной" резолюции о создании коалиционного органа власти. На заседании был избран Военно-революционный комитет, в который вошли лишь большевики, меньшевики и "объединенцы".

Началось формирование вооруженных подразделений. Революционные солдаты 193-го полка были направлены в Кремль, чтобы занять важнейший стратегический объект в городе. Тогда юнкера окружили Кремль. В этой сложной ситуации командующий МВО начал переговоры с представителями ВРК с тем, чтобы ликвидировать то острое противостояние, которое нарастало в городе. Тогда же Рябцев пытался выступить перед солдатами, блокированными в Кремле, но эта попытка окончилась неудачей. «Мы постарались пустить агитацию против Рябцева, – вспоминал один из активистов октябрьского выступления, – тогда солдатская масса под влиянием нашей агитации закричала: "Какого черта с ним рассуждать. Ежели он не хочет снять блокады, рви его на части, бей его..." и, может быть, не обошлось бы без жертв, ежели не окружили бы Рябцева Ногин, Аросев, Ярославский и не начали уговаривать массу»¹⁸. Об этом инциденте вспоминали многие участники октябрьских боев в Москве¹⁹.

В результате переговоров 26 октября был найден компромисс: солдаты 193-го полка покидали Кремль, юнкера снимали оцепление. Приведем реплику еще одного свидетеля московских событий, крайне недовольного результатами переговоров Рябцева: "Командующий войсками полковник Рябцев, достойный преемник Верховского, сам заведомый большевик, приказал юнкерам выйти из Кремля в угоду солдатам 56-го полка"²⁰.

По отзывам очевидцев можно судить, что Рябцев пытался сдержать воинственный пыл не только солдат, но и юнкеров. Офицер, один из участников московских боев, свидетельствовал,

что юнкера, решившие защищать Временное правительство, обратились к Рябцеву с предложением издать приказ о занятии юнкерами Кремля (еще до прибытия туда роты 193-го полка), а также о принятии предупредительных и подготовительных мер для подавления грозившего с минуты на минуту мятежа. Ответ командующего МВО был таков: "Никаких приготовлений я первый делать не буду, так как это может дать повод к возникновению гражданской войны, а я против гражданской войны". Позиция и распоряжения Рябцева вызвали негодование его подчиненных, "офицеры и юнкера несколько раз приставляли револьвер к его груди, грозя его убить"²¹.

Другой очевидец по свежим следам событий вспоминал: "В начале выступления большевиков Симоновские пороховые склады, где имелось громадное количество патронов, были в руках верных правительству войск. Но полковник Рябцев, ведший все время политику соглашения с большевиками, не позволил юнкерам вывезти из складов необходимое количество патронов"²². В журнале Комитета общественной безопасности есть любопытная запись от 26 октября: "Юнкера утром постановили, если Рябцев не будет действовать активно, сместить его и назначить другого"²³.

Нерешительность Рябцева на посту командующего МВО в октябрьские дни, в чем многократно его упрекали противники большевиков, не согласуется с его энергичным и деятельным характером, который не раз проявлялся как на фронте в годы войны, так и в Москве в дни Корниловского мятежа. Вероятнее всего, Рябцев искренне верил в возможность компромисса и всеми средствами старался избежать кровопролития. Активные действия, направленные против восставших, в этих условиях были неуместны.

О ходе своих переговоров с ВРК Рябцев доложил на заседании Комитета общественной безопасности, которое происходило днем 26 октября в здании Городской думы. По свидетельству очевидца, Рябцев говорил с большим волнением, он рассказал об угрожающем положении на фронте, о разложении гарнизона в Москве. Закончил он свое выступление так: "В эту историческую минуту, принимая на себя всю ответственность за дальнейшее, я хотел бы, чтобы вы, собравшиеся здесь для решения судьбы Москвы, армии и России, разделили эту тяжелую ответственность за будущее России со мной, чтобы вы, сознавая и чувствуя весь ужас положения и бремя этой ответственности, сказали мне, как я должен поступить как истинный сын России, видящий ее гибель, и что я должен сделать для ее спасения. И, если вы скажете, что, не останавливаясь ни перед какими жертвами, мы обязаны выступить в защиту отечества и чести России, выступить для спасения нашей Родины, то я сделаю все, что прикажут мне долг и моя совесть... Один за другим, – отметил мемуарист, – собравшиеся голосовали за переход к военным действиям в случае, если попытка соглашения с Военно-революционным комитетом не даст никаких результатов"²⁴.

Расстановка сил в большевистском руководстве ("за" или "против" восстания), видимо, позволяла вначале надеяться на успех переговоров. Среди большевиков, как известно, не было единства в вопросе о восстании в Москве. О.А. Пятницкий вспоминал: "В Москве благодаря авторитету товарищей Рыкова и Ногина во фракциях исполкома советов до самого восстания и даже во время его сохранило свое влияние каменевское течение, которое хоть и не выступало открыто, но было против восстания"²⁵. В.П. Ногина и А.И. Рыкова поддерживали Е.Н. Игнатов, П.Г. Смидович и другие.

Наряду с линией на компромисс четко обозначилось и другое направление – на немедленные решительные действия. Пока Ногин вел переговоры с Рябцевым, из ВРК в районы были разосланы телефонограммы с прямым призывом к захвату власти: "Массы должны перейти к самочинному выступлению под руководством районных центров по пути осуществления фактической власти Советов районов"²⁶. Вслед за этим появились распоряжения ВРК, в которых предлагалось "определить, что занимать в районе (здания, помещения и т.д.), немедленно вооружаться, занимать склады оружия"²⁷. Эти распоряжения послужили для районов сигналом к переходу от выжидательной позиции к решительным действиям. В Замоскворечье сместили и арестовали участковых думских комиссаров, красногвардейские отряды заняли центральную электрическую станцию, в Симоновском районе взяли под контроль пороховые склады и т.д.

Вечером 27 октября, исчерпав возможности мирно урегулировать конфликт, Рябцев отказался от продолжения переговоров и предъявил ВРК ультиматум, в котором требовал, в частности, самороспуска Военно-революционного комитета и сдачи Кремля. Утром 28 октября он предъявил ультиматум и коменданту Кремля. Действия Рябцева вызвали недовольство штаба Верховного главнокомандующего, высказанное генерал-квартирмейстером штаба Диттерихсом по телефону 28 октября: "Позвольте вам посоветовать в уличном мятеже меньше останавливаться на ультиматумах, так как это дает время мятежникам

оправиться и устраивать новые гнезда. Уличный мятеж должен подавляться быстрыми решительными действиями по всему городу... Дело ясное – мерзавцы должны быть уничтожены, никаких договоров с ними не может быть". Один из помощников Рябцева – поручик Ровный, – ведущий переговоры по прямому проводу со штабом фронта, вынужден был оправдываться: "Позвольте ответить, командующий войсками в полном согласии с КОБ (Комитет общественной безопасности. – И.Ж.) до последней минуты хотел избежать кровопролитной гражданской войны и предотвратить события путем мирного решения"²⁸.

Действия полковника Рябцева в начале кризиса, как видим, вполне согласовывались с его взглядами на войну, которые он не раз высказывал в своих письмах-дневниках. Вывод, к которому он пришел на фронте, что "люди, раз они обладают рассудком, должны искать какие угодно способы, кроме войны", был им крепко усвоен. 28 октября, на следующий день после разрыва переговоров, в Кремле произошли события, которые в советской историографии называются "Кремлевским расстрелом", причем иногда этот так называемый расстрел связывают с именем Рябцева²⁹.

На рассвете 28 октября комендант Кремля, не имевший связи с ВРК, после получения ультиматума Рябцева открыл Троицкие ворота и впустил юнкеров, которые без единого выстрела вошли внутрь. Затем юнкера начали выводить солдат из казарм, строили их и разоружали. Описывая позже кремлевские события, солдаты отмечали тот факт, что многие из них не сдали оружия, а спрятали его в казармах³⁰.

Есть свидетельства солдат и красногвардейцев, что утром 28 октября они стали жертвами пулеметного обстрела со стороны юнкеров³¹. Некоторые из них называют это расстрелом. В 1927 г. историк Н.Е. Какурин высказал предположение, что 28 октября 1917 г. в Кремле произошел не расстрел, а перестрелка между солдатами и юнкерами. Однако эта версия осталась незамеченной в советской литературе. В 1993 г. журнал "Военная быль" опубликовал статью А.Ю. Кондратьевой, в которой категорически отрицается версия расстрела, но, к сожалению, эта позиция почти не аргументируется.

Обратимся к свидетельствам очевидцев. Из воспоминаний добровольца: "После того, как истекло установленное время, солдаты заявили о согласии сдаться и открыли Троицкие ворота. Когда юнкера вошли, и солдаты увидели, что они сдались небольшой кучке юнкеров, то начали стрелять из винтовок. Первыми выстрелами солдат было убито 4 и ранено 17 юнкеров. Тогда юнкера расступились и открыли из находившегося позади пулемета стрельбу по солдатам. Таким образом было убито и ранено около 50 солдат"³². Заметим, что о винтовочных выстрелах, предшествующих пулеметной стрельбе, вспоминают почти все очевидцы, пишущие о "расстреле". Таким образом, пулеметная стрельба юнкеров была спровоцирована. Об этом, как увидим, свидетельствовали не только противники большевиков. Интересное наблюдение записал в дневнике хранитель Оружейной палаты Ю.В. Арсеньев, следивший за всем происходившим из окон своей квартиры в Кремле. "Неожиданно на наших глазах разыгралась потрясающая картина у Троицких ворот. Пленные большевики, идущие из Арсенала в большом количестве и уже сложившие в кучи свои ружья, вздумали вдруг наступать толпою к пулеметчикам-юнкерам; те предупредили их остановиться, но безрезультатно. Тогда юнкера пустили в ход пулемет, послышалась зловещая трескотня, в стрельбе появился панический характер... Пулемет причинил много жертв ранеными и убитыми не только среди большевиков, но и юнкеров"³³. А вот как вспоминал об этом событии Страхов, один из руководителей Красной гвардии, сам попавший под пулеметный обстрел: «Я в это время был около стены, где еще солдаты были вооружены и не хотели сдаваться. Вдруг солдаты при виде юнкеров открыли залп. Юнкера в панике бросились бежать к стенам, а некоторые обратно за ворота с криками: "Измена, измена! Где Рябцев?" В это время около стены обходили броневики, и солдаты, увидя их, еще больше набрались духа, полагая, что это наши броневики и прикрывают нас от юнкеров. Солдаты стали еще сильнее и чаще открывать огонь по юнкерам... Но вдруг броневики остановились и открыли огонь по стрелявшим. Солдаты тогда прямо не знали, что и делать, но все же продолжали стрелять. Когда броневики, а также задние ряды юнкеров открыли огонь по стенке, я был ранен в голову"³⁴.

Очевидно, что обезоруженные солдаты попали под перестрелку вооруженных солдат, не желавших сдаваться, с одной стороны, и юнкеров – с другой. Свидетельства об открывших огонь солдатах, о раненых и убитых в это время юнкерах исключают, на наш взгляд, версию о расстреле. Поэтому имя Рябцева, как якобы инициатора этого мнимого расстрела, может быть совершенно реабилитировано.

С 27 октября по 2 ноября на улицах Москвы велась интенсивная стрельба. В ход были пущены не только винтовки, пулеметы, бомбометы, но даже пушки. В результате уличных боев сильно пострадали здания у Никитских ворот, на Воздвиженке, Волхонке, Остоженке,

Театральной и Лубянской площадях, серьезный ущерб нанесен Кремлю. Артиллерия, которую в ходе боев начали использовать большевики, представляла особую угрозу для жителей города.

1 ноября Рябцев обратился к москвичам с воззванием: "Призываю всех и словом убеждения, и силой оружия не допускать установки артиллерии на улицах Москвы. Она не страшна верным государству войскам, неоднократно видевшим смерть на полях сражения, но она страшна только для мирного населения, женщин и детей"³⁵. В обращении к ВРК, подписанном 2 ноября председателем Комитета общественной безопасности В.В. Рудневым, говорилось: "Артиллерийский расстрел Кремля и всей Москвы не наносит никакого вреда войскам, а разрушает лишь исторические памятники и приводит к избиению мирных жителей". Далее подчеркивалось, что в этих условиях КОБ считает необходимым остановить в Москве вооруженное противоборство и перейти к методам политической борьбы, "предоставляя будущему разрешению в общегосударственном масштабе вопроса о конструкции власти в центре и на местах"³⁶.

2 ноября К.И. Рябцев подписал приказ по войскам МВО о прекращении военных действий: "Политическая борьба внутри Москвы наносит непоправимый вред населению и самому городу; с этой целью для ее окончания по инициативе КОБ и представителей города обеими враждующими сторонами заключен и подписан договор... Приказываю впредь до окончательного решения о способах осуществления этого договора немедленно же прекратить всякие военные действия..."³⁷

К вечеру этого же дня между ВРК и КОБ был заключен договор. По его условиям юнкера и белогвардейцы (за исключением офицеров) сдавали оружие, все пленные отпускались, им гарантировалась свобода и личная безопасность. Таким образом договор не принял форму акта о сдаче, это был договор, заключенный как бы между равными сторонами³⁸.

Тем не менее победившая сторона считала подписание договора проявлением слабости противника, его неспособности к дальнейшей борьбе. Противники большевиков оценивали ситуацию иначе. Приказ Рябцева о прекращении военных действий, которому они подчинились, не исчерпав своего боевого потенциала, рассматривался ими как пособничество большевикам и даже измена.

Из воспоминаний защитника Александровского училища: "На нашей стороне была вера в правое дело, бодрость духа и крепкая дисциплина. Полковник же Рябцев, имея у себя таких солдат, не смог использовать наши силы так, как это следовало бы сделать. Был момент, когда едва не произошел случай самосуда над г. Рябцевым со стороны возмущенных офицеров"³⁹.

А.Н. Вознесенский вспоминал, что "после Октябрьского восстания в Москве со стороны офицерства на голову Рябцева сыпались обвинения в измене, да и московский обыватель-мещанин, везде видящий предательство и измену, сильно подозревал Рябцева в измене и сдаче Москвы большевикам"⁴⁰. Много лет спустя вдова Рябцева Екатерина Алексеевна припоминала об этой атмосфере травли Рябцева: "Белые писали, что Рябцев продался большевикам за двести тысяч"⁴¹.

Через неделю после победы новой власти в Москве большевики, в сговоре с которыми обвиняли Рябцева, арестовали его в г. Шуя. Газеты, сообщившие об аресте, отмечали, что бывший командующий МВО был одет в "засаленную поддевку", с ним был еще один человек в гражданской одежде. Местный совет принял его было за А.Ф. Керенского, которого повсюду разыскивали в это время после его бегства из Гатчины. Недоразумение вскоре разъяснилось: "Керенский" оказался капитаном Наумовым.

После ареста Рябцев под конвоем был доставлен в Москву и помещен в Таганскую тюрьму, где пробыл около трех недель. Освобожден он был, вероятно, благодаря хлопотам жены, которая рассказывала о своем обращении во ВЦИК, встрече с М.И. Калининным и А. Ломовым, в то время занимавшим пост наркома по делам юстиции⁴².

Выйдя из тюрьмы, К.И. Рябцев в течение зимы, весны и лета 1918 г., видимо, не имея возможности уехать в Харьков, где жила тогда его семья, находился в Москве. О его жизни в это время сохранились лишь краткие, отрывочные записи в открытках, адресованных в Харьков Екатерине Алексеевне: "Здесь делать нечего, да и ничего делать нельзя... Бываю только у Ч[ертков]ых. Отдыхаю там. Так сижу целыми днями один... Лошадь переведена к Ч[ертко]вым, ищу покупателя. Пока очень плохо с кормом... Из Москвы собираюсь. Надо устроить лошадь, надо сообразить с вещами. Самочувствие неважное... Пишу без всякой надежды на то, что письмо дойдет. Кажется, что ни почта, ни телеграф не действуют: дожили... Получил письмо... с нетерпением жду дальнейших, хочется знать, что теперь. По газетам судить трудно: слишком разноречивы. Слухов же сколько угодно... Лечу, уношусь к вам мыслью, телом же, увы, остаюсь там же, где был. Жду изменения условий... Мотаюсь по исполнению новой должности..."⁴³

Как видим, Рябцев пытался уехать из Москвы еще в декабре 1917 г., однако это удалось ему лишь в сентябре следующего года. Новая должность, о которой он пишет, связана, видимо, с журналом "Голос Толстого и Единение", издаваемым в Москве В.Г. Чертковым в 1917–1918 гг. С начала 1918 г. Рябцев являлся корреспондентом этого журнала, задача которого заключалась в "обновлении жизни при свете разума и любви" и, вероятно, отвечала тогдашним настроениям Константина Ивановича. Еще в ноябре 1917 г., находясь в Таганской тюрьме, он написал домой письмо на открытке с портретом Л.Н. Толстого и выдержкой из его дневника: "Первая стадия – за зло отомстить; вторая – зло перенести, страдая; третья – пожалеть злящегося; четвертая – помочь ему. Вот этому надо учиться". В этом письме Рябцева есть такие строки: "В дни большой нравственной муки и душевной тоски все чаще и чаще, особенно благодаря встречам с В.Гр. Чертковым, я обращаюсь к мыслям, писаниям и думам того, кто изображен на этой открытке. Я пересматриваю жизнь и подвергаю ее переоценке. И все выше передо мной образ Толстого. И все громче и громче звучит в сердце эта проповедь правды, любви и всепрощения"⁴⁴.

Выйдя из тюрьмы, Рябцев воспринял критически окружавшую его действительность. Новая власть была очень далека от его идеалов. И если в письмах домой он осторожен и ни слова не пишет о своем отношении к большевикам, то в журнальных корреспонденциях, укрывшись за одним из своих старых псевдонимов "К.И.", Рябцев дает нелицеприятную оценку нового правления. «Самодержавие свергнуто, но вместо него воцарилась диктатура с теми же приемами, с тем же насильем, с такими же потоками злодейств и крови. Все это прикрывалось громкими словами, и эти слова и "лозунги" гипнотизировали и обманывали людей»⁴⁵.

Как свидетельствовала впоследствии Е.А. Рябцева, Константин Иванович был знаком с С.М. Кировым, А.В. Луначарским, А.А. Артемом (Сергеевым). Ему, как военному специалисту, не раз предлагали поступить на службу, однако он отказался. "Войну ненавижу"⁴⁶, – такова была позиция бывшего командующего, высказанная, правда, раньше, накануне октябрьских событий в Москве.

В архиве К.И. Рябцева сохранились два любопытных документа. Первый – письмо на бланке народного комиссариата по иностранным делам заведующему иностранным подотделом Административного отдела Московского Совдепа: "Народный комиссар по иностранным делам настоятельно просит вас срочно, без всяких формальностей, выдать заграничный паспорт на Украину Константину Ивановичу Кирову". Второй документ – удостоверение на то же имя: "Предъявитель сего, Константин Иванович Киров, сотрудник В.Г. Чертова по издательству "Голос Толстого и Единение" и по распространению писаний Толстого, едет по поручению издательства, имеющего исключительно идейное значение и не преследующего никаких коммерческих целей, на Украину и обратно. Прошу не только не чинить ему никаких препятствий, но и оказывать всякое содействие". Документ подписан управляющим делами Совета народных комиссаров В.И. Бонч-Бруевичем, датирован 1 сентября 1918 г.⁴⁷ Так, в сентябре 1918 г. по документам, выданным на имя К.И. Кирова (литературный псевдоним), Рябцев уехал в Харьков.

Там, пережив бесконечные смены правительств на Украине, Рябцев сотрудничал в меньшевистских изданиях, проповедовавших нейтралитет, являлся председателем Плехановского клуба. 11(24) июня 1919 г. в Харьков вступили войска Добровольческой армии. Известно, каким репрессиям со стороны контрразведки подвергались на занятых белыми территориях те, кто был замешан в каких-либо связях с большевистской властью. Это отмечал и сам главнокомандующий Добровольческой армией А.И. Деникин, бывший не в силах что-либо изменить: "Никогда еще этот институт, – писал он о контрразведке, – не получал такого широкого применения, как в минувший период Гражданской войны... Это было какое-то поветрие, болезненная мания, созданная разлитым по стране взаимным недоверием и подозрительностью"⁴⁸.

Вскоре после вступления армии Деникина в Харьков Рябцев был арестован. "Константин Иванович не верил, что с ним учинят расправу, – вспоминала его вдова. – Он ушел совершенно спокойно. Документов на его арест не было. Пришли за ним два офицера"⁴⁹.

Рябцева обвинили в том, что он недостаточно энергично боролся с большевиками, будучи командующим войсками в дни октябрьского восстания в Москве, и в то же время проявил слишком большую энергию как начальник штаба округа в августе против корниловского выступления. 26 июня 1919 г. дело Рябцева уже находилось в следственной комиссии, через несколько дней оно должно было быть передано на решение Военно-полевого суда. Константин Иванович и его жена пытались действовать, подбирали свидетелей. Друзья, видимо, тоже не остались в стороне. Сохранилась записка присяжного поверенного А.А. Поддубного Екатерине Алексеевне, в которой он убедительно просит передать Рябцеву, чтобы он

обязательно вызвал его свидетелем в суд, где предполагает рассказать все, что он знает о деятельности Константина Ивановича как председателя Плехановского клуба, как лице, бывшем при Временном правительстве и т.д.⁵⁰

Погиб Рябцев в ночь с 30 июня на 1 июля 1919 г. В контрразведке Екатерине Алексеевне сообщили, что ее муж был убит при попытке к бегству. "Ложь, это самосуд"⁵¹, – таково было категоричное мнение вдовы Рябцева. Не она одна исключала версию побега. Вот что писал по этому поводу А.Н. Вознесенский: «В 1919 г., когда денikinские войска, оттеснив Красную армию, на некоторое время вторглись на Украину, бандой офицеров, чинивших бесчинства, как-то был захвачен живший на Украине, в Харькове Рябцев. Убедившись, что перед ними "виновник" сдачи Москвы, продавшийся большевикам изменник Рябцев, они расстреляли его под обычно практиковавшимся тогда предлогом "при попытке к бегству"»⁵². Похороны К.И. Рябцева взяла на себя редакция газеты "Южный край", в которой он последнее время сотрудничал. Похоронили его в Харькове.

Пройдя через две войны и кровавые события в Москве, К.И. Рябцев не пожелал участвовать в Гражданской войне ни на той, ни на другой стороне. Стремившийся к примирению, он погиб, оставаясь чужаком для обеих сторон.

Примечания

¹ ОПИ ГИМ, ф. 515. Архив был получен музеем в 1972 г. от вдовы К.И. Рябцева Екатерины Алексеевны. Сотрудник музея Е.И. Самгина, привезшая архив, записала также воспоминания Е.А. Рябцевой о муже.

² Сам К.И. Рябцев воспринимал их именно так. В одном из писем он сообщал жене: "Я хотел бы вести свой дневник, но у меня как-то не хватает не то умения, не то порою и времени... И вот хочу вместо записей в дневник вести эти записи в письмах. Пусть будут отрывочны, пусть будут несвязны, но зато я буду писать то, что меня занимает"(ОПИ ГИМ, ф. 515, д. 11, л. 69).

³ В Советской Исторической энциклопедии ошибочно указывается на происхождение К.И. Рябцева из крестьянской семьи.

⁴ В е р х о в с к и й А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 25. Верховский А.И. – полковник Генерального штаба, участник Первой мировой войны, в июне–августе 1917 г. командующий Московским военным округом, в сентябре–октябре 1917 г. Военный министр Временного правительства.

⁵ ОПИ ГИМ, ф. 515, оп. 1, д. 1, л. 20.

⁶ Там же, д. 15, л. 20. Представление о награждении было по каким-то причинам отклонено (там же, д. 1, л. 23).

⁷ Там же, д. 11, л. 70 об.

⁸ Там же, д. 15, л. 16–17.

⁹ Там же, д. 14, л. 84; д. 15, л. 17.

¹⁰ Там же, д. 11, л. 30, 14, 57.

¹¹ В е р х о в с к и й А.И. Указ. соч. С. 84.

¹² В о з н е с е н с к и й А.Н. Москва в 1917 г. М.; Л., 1928. С. 157.

¹³ В е р х о в с к и й А.И. Указ. соч. С. 422–423.

¹⁴ Там же. С. 271.

¹⁵ Там же. С. 303.

¹⁶ ГА РФ, ф. 1, оп. 1, д. 10, л. 1.

¹⁷ И г н а т о в Е.Н. Московский совет в октябрьские дни // Октябрьское восстание в Москве. М., 1922. С. 21.

¹⁸ Октябрьские дни в Москве и районах. М., 1922. С. 38.

¹⁹ П е ч е Я. Московская Красная гвардия // Очерки по истории Октябрьской революции в Москве. М., 1927. С. 237; М у р а л о в Н. Октябрь–ноябрь // Москва в октябре 1917 г. М., 1919. С. 55; Я р о с л а в с к и й Б.М. Как пролилась кровь // Там же. С. 51.

²⁰ Из дневника Ю.В. Арсеньева, историка, хранителя Оружейной палаты и профессора Московского археологического института (ОПИ ГИМ, ф. 43, д. 101, л. 2).

²¹ Время. 1917. 14 ноября.

²² Утро России. 1917. 12 ноября.

²³ Октябрь в Москве. М.; Л., 1932. С. 192.

²⁴ В о з н е с е н с к и й А.Н. Указ. соч. С. 160.

²⁵ П я т н и ц к и й О.А. Из истории Октябрьского восстания в Москве // Историк-марксист. 1935. № 5–6. С. 36.

²⁶ Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. Документы и материалы. М., 1957. С. 386.

- ²⁷ Цит. по: Ми н ц И.И. Великий Октябрь в Москве. М., 1947. С. 16.
- ²⁸ Красный Архив. 1933. № 6(61). С. 33.
- ²⁹ П е ч е Я. Красная гвардия в Москве в боях за Октябрь. М.; Л., 1929. С. 101; П я т н и ц к и й А.О. Московские большевики в октябрьские дни 1917 г. // Московские большевики в огне революционных боев. М., 1976. С. 103.
- ³⁰ П е ч е Я. Красная гвардия в Москве... С. 104.
- ³¹ ГА РФ, ф. 1, оп. 1, д. 4, л. 66; Н о с к о в И. Кремлевский расстрел // Москва в Октябре 1917 г. М., 1919. С. 100; П е ч е Я. Указ. соч. С. 104.
- ³² Утро России. 1917. 9 ноября.
- ³³ ОПИ ГИМ, ф. 43, оп. 1, д. 101, л. 3.
- ³⁴ Цит. по: П е ч е Я. Красная гвардия в Москве... С. 104, 105.
- ³⁵ Земля и воля. 1917. 1 ноября.
- ³⁶ ГА РФ, ф. 1, оп. 1, д. 10, л. 19.
- ³⁷ Там же, л. 18.
- ³⁸ Эту деталь отмечали и большевики – участники московских событий. См., напр.: П я т н и ц к и й О.А. Московские большевики в октябрьские дни 1917 г. С. 105.
- ³⁹ Утро России. 1917. 14 ноября.
- ⁴⁰ В о з н е с е н с к и й А.Н. Указ. соч. С. 158.
- ⁴¹ ОПИ ГИМ, дело фонда 515, л. 17 об.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же, д. 19, л. 12, 13, 15–17.
- ⁴⁴ Там же, л. 11.
- ⁴⁵ Голос Толстого и Единение. 1918. № 1(17). С. 10.
- ⁴⁶ ОПИ ГИМ, дело фонда 515, л. 17 об.
- ⁴⁷ Там же, д. 1, л. 10, 28.
- ⁴⁸ Д е н и к и н А.И. Поход на Москву. М., 1989. С. 37, 38.
- ⁴⁹ ОПИ ГИМ, дело фонда 515, л. 18 об.
- ⁵⁰ Там же, д. 19, л. 58.
- ⁵¹ Там же, дело фонда 515, л. 18.
- ⁵² В о з н е с е н с к и й А.Н. Указ. соч. С. 158.

© 1998 г. С И М Х О Н - Ё Н Г *

К ИСТОРИИ КОРЕЙСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

В условиях перехода России к рыночным отношениям и бурного развития общественных движений и партий важно обращение к истории возникновения различных общественных организаций в до- и послереволюционной России, включая и корейские.

История их все еще не получила должного отражения в российской историографии. Хотя следует отметить, что роль и место наций и этнических меньшинств в процессе "освободительного движения против империализма" и участие в строительстве национальной государственности изучены достаточно подробно¹.

В период крушения империи в России народы и нации активизировали свою деятельность не только как объект, имевший возможность выступать в качестве резервных сил содействия революции, но и как субъект, мотивировавший общенациональное движение ростом национального самосознания. Национальные движения дисперсных этносов, оставаясь по своему характеру центробежными, были попыткой перестройки империи на этнотерриториальной и культурно-автономной основах. Не были исключением в этом ряду и российские корейцы – беженцы, прибывавшие в Россию по экономическим и политическим причинам, особенно после аннексии Кореи Японией, и создававшие там свои общественные организации.

* Сим Хон-Ёнг, кандидат политических наук, Республика Корея.

По каким причинам и какие общественные корейские организации возникали в России в первой четверти XX в.? Каким образом они действовали в условиях нестабильности своего положения и отсутствия официального гражданства своих членов? Как относились к ним российские, а потом советские власти, вовлекая их в сферу общегосударственных интересов? Почему жизнь общественных корейских организаций оказалась столь короткой? Не означало ли это реализацию стратегических целей советской власти, направленных на централизацию государства?

Первые такие организации появились уже в начале XX в. Среди них заметно выделялось Кунминхве – Корейское национальное общество, организованное за пределами России, и Квонопхве – Общество развития труда, созданное в России.

Кунминхве возникло в Корее в 1904 г. и просуществовало непродолжительное время, возродившись затем в США. К концу 1909 г. в России было открыто 12 городских отделений общества, а в 1914 г. в Сибири и на Дальнем Востоке насчитывалось уже 33 его отделения, во главе которых стояло Сибирское территориальное управление общества со штаб-квартирой во Владивостоке.

Целью Корейского национального общества его устав провозгласил развитие народного образования и ремесел, регулирование свободы и равноправия народа, восстановление независимости Кореи и народного благо². Отделение Кунминхве на русском Дальнем Востоке, кроме развертывания широкой культурно-просветительной и экономической деятельности, мобилизовало корейское население на антияпонскую борьбу.

Первоначально в работе отделений Кунминхве активное участие принимали многие лидеры корейского антияпонского патриотического движения. Они установили связь с национальными организациями Кореи и Маньчжурии и работали среди местного корейского населения. Но вскоре выяснилось, что часть руководства этого общества попала под влияние американских миссионеров и, проводя в целом проамериканскую политику, стала развертывать не только антияпонскую, но и антирусскую пропаганду. Также стало известно, что общество руководствовалось указаниями пресвитерианской миссии, имевшей свое отделение в Сеуле и обладавшей огромными денежными средствами, которые расходовались на пропаганду среди корейцев антироссийских идей с целью воспитать из них людей, духовно тяготеющих к Америке³.

В связи с расширением влияния американских религиозных сил среди корейского населения, российская администрация и деятели православной церкви на Дальнем Востоке приступили к проведению мероприятий по нейтрализации действий американских миссионеров и проамерикански настроенных руководителей Кунминхве. В первую очередь они были направлены на смягчение репрессивных мер по отношению к корейским эмигрантам, послабление в позиции царских властей в вопросе о принятии корейцев в русское подданство, снятии некоторых законоположений генерал-губернатора Приамурского края П. Унтербергера об организации использования "желтых рабочих" и т.д.

Приамурский генерал-губернатор Н. Гондатти в письме к председателю Совета министров П.А. Столыпину, испрашивая его мнение, "какой политики держаться по отношению к корейскому обществу националистов под названием Кунминхве, поставившему себе главной целью духовное развитие корейского народа, восстановление самостоятельности Кореи, находящемуся под сильным влиянием Америки", полагал необходимым закрыть общество, но, вместе с тем, считал, что "чрезвычайно энергичное преследование отделений общества может произвести неблагоприятное впечатление среди корейцев, которые в общей массе питают большую симпатию к России и, надо полагать, сочувствуют деятельности общества Кунминхве главным образом потому, что она направлена против Японии"⁴.

В ноябре 1911 г. было опубликовано обращение православной церкви "Слово к корейцам", в котором их призывали не слушать пресвитерианских проповедников и не переходить в пресвитерианство⁵.

Обращение, распространенное среди корейцев России, и другие меры русских властей, направленные против попыток использовать Кунминхве в интересах США, помогли ослабить влияние общества на русском Дальнем Востоке. Многие корейцы, принявшие пресвитерианство, стали переходить в православие.

Еще одно крупное корейское национальное общество, действовавшее на Дальнем Востоке России после аннексии Кореи Японией, было Квонопхве – Общество развития труда⁶. Царская власть в Приморском крае позволила представителям корейской интеллигенции открыть это легальное общество, чтобы воспрепятствовать тайной агитации против России, проводившейся частью руководства Кунминхве, и поставить под свой контроль общественную жизнь корейцев. Среди российских чиновников считалось, что только утверждение русскими властями устава легального корейского общества, о чем корейцы неоднократно просили, смогло бы защитить

корейцев Дальнего Востока от влияния на них японцев и американцев и навсегда привлечь их к России.

Квонопхве возникло в мае 1911 г., а в ноябре того же года получило официальное разрешение на свою деятельность. 6 декабря во Владивостоке состоялось учредительное собрание, принявшее устав и избравшее руководящие органы.

Часть лидеров общества приехала в Приморье еще до Русско-японской войны, и они имели устойчивый статус русских подданных. В структуре Квонопхве они занимались практическими делами – помощью в становлении корейского предпринимательства на Дальнем Востоке, налаживании связей с русскими властями и коммерсантами. Кроме того, они пытались добиться участия корейцев в местном самоуправлении.

Некоторые из активистов Квонопхве участвовали в освободительном движении против Японии как бойцы партизанских отрядов, другие сосредоточились в своей антияпонской деятельности на культурно-просветительной работе среди корейского населения.

Согласно уставу, в члены Квонопхве могли вступать только русскоподданные корейцы. Однако в общество привлекались и корейцы, не имевшие русского подданства, бежавшие из Кореи по политическим мотивам.

Устав общества призывал своих членов к честному труду, стремился "научить его экономическим правилам, насаждать просвещение, воспитывать понятия и чувства, присущие гражданам Великой России"⁷.

Но в уставе Квонопхве имелись пункты, в значительной мере сковывавшие деятельность общества. Так, пункт 6 разрешал обществу открывать свои отделения только в пределах Приморья. В пункте 8 было записано, что учащиеся низших и средних учебных заведений и лица, состоящие на военной и военно-морской службе, не имеют права на вступление в общество. Квонопхве в любое время могло быть закрыто по распоряжению русской администрации. Несмотря на все эти ограничения, оно развернуло широкую просветительскую и экономическую деятельность.

Руководители антияпонского движения использовали Квонопхве для борьбы с японскими оккупантами. С 1913 г. одним из руководителей общества становится впервые прибывший во Владивосток Ли Дон-Хви, который вместе с Ли Джон-Хо, избранным к тому времени председателем общества, приступил к формированию новых отрядов "Ыйбён" в пограничных с Кореей районах русского Приморья и Маньчжурии. Руководители Квонопхве планировали открыть на Сучане военную школу для подготовки ополченцев-добровольцев. По их расчетам, они могли подготовить до 10 тыс. повстанцев.

В начале 1914 г. японское правительство предъявило русскому правительству материалы об антияпонской деятельности членов Квонопхве и потребовало его закрытия. 7 августа 1914 г. отделение общества было закрыто во Владивостоке, а вслед за тем закрылись и все отделения, легально существовавшие в Приморье.

Однако Квонопхве не прекратило своего существования. Оно продолжало действовать в Никольско-Уссурийском и других уездах губернии вплоть до 1917 г., а его руководство безуспешно добивалось легализации своей деятельности.

Политика России в отношении корейских переселенцев не была последовательной. Первоначально она была благожелательной, исходя из возможности использовать дешевый труд корейцев, в том числе и для освоения Дальневосточного края в целом.

Однако огромный приток корейцев в Приморье в 1870-х гг. вызвал серьезную настороженность у царской администрации. Местные власти боялись, что их численность превысит число русских переселенцев, которые начали колонизировать этот край. Поэтому последовали меры, целью которых, с одной стороны, было оттеснение корейцев из пограничных в глубинные районы, с другой – организация принятия корейцами российского подданства и обустройства их на русской земле.

Опыт, приобретенный старой администрацией, во многом оказался пригодным и в советское время, особенно в условиях Гражданской войны, когда становились дороги любые союзники.

Население Дальнего Востока в предреволюционные годы по-прежнему увеличивалось за счет корейских эмигрантов, которые вынуждены были покинуть родину из-за японского гнета. Часть эмигрантов искала свободные земли, чтобы прокормиться. Другая включилась в борьбу за освобождение угнетенной родины. Характер корейской эмиграции требовал создания корейского общенационального объединения, способного защищать интересы корейцев, не имевших гражданских прав.

Корейское население России с воодушевлением восприняло известие о победе Февральской революции, приветствуя образование Советов и поддерживая проводимые ими мероприятия. Корейское население начало организовывать свои общества в условиях уже новой России. В

мае 1917 г. в Никольско-Уссурийске прошел Всероссийский съезд корейских общественных организаций. Большинство делегатов съезда ($\frac{2}{3}$ участников, имевших право решающего голоса) были представителями зажиточных слоев русскоподданных корейцев, было также немало бывших членов Квонопхве. Съезд обсуждал вопросы о войне, об отношении корейского населения к Временному правительству, о борьбе с наследием русификации, реформе корейских школ, самоуправлении корейцев и о корейском представительстве в Учредительном собрании⁸.

Съезд, отправив приветственную телеграмму Временному правительству, поддержал его политику и решение о продолжении войны до победного конца, ходатайствовал перед правительством о предоставлении корейцам "культурной автономии" и выделении одного места представителю корейского населения в будущем Учредительном собрании. Позже это ходатайство Комитетом по выборам в Учредительное собрание было отклонено⁹. Была принята резолюция об отделении школы от церкви, но руководители съезда боялись ребром поставить вопрос о коренной реформе корейских школ, сопротивляясь попытке меньшинства ввести в корейской школе преподавание родного языка в качестве главного предмета.

"Буржуазно-националистические" элементы, представлявшие большинство на съезде, сформировали состав Всероссийского центрального исполнительного комитета корейских национальных обществ с резиденцией в Никольско-Уссурийске. Председателем этой первой центральной организации корейцев являлся Мун Чан-Бом, вице-председателем – Хан Мен-Ше и главным редактором печатного органа "Ченгу Шинбо" – Юн Хэ.

На съезде присутствовали и представители революционного течения, поддерживавшего большевиков. Не получив большинства голосов, они покинули собрание. Это показывает, что многими корейскими эмигрантскими обществами руководили националисты, а не революционеры. Почти все покинувшие съезд делегаты не были русскими подданными.

После Октябрьской революции и провозглашения советской власти на Дальнем Востоке именно эти лидеры корейских переселенцев активизировали свою деятельность. Условия жизни основной массы корейцев представляли для этого необходимую основу. С надеждой получить землю корейское население связывало осуществление лозунгов большевиков¹⁰. А идея равенства всех наций в новом государстве привлекала его вовсе не потому, что большевики выдвинули ее для мобилизации национальных меньшинств в качестве резервных сил, а потому, что она выражала насущные интересы переселенцев.

В январе 1918 г. в Хабаровске, который стал столицей Дальнего Востока, именно бывшие изгои корейского национального движения создали Собрание представителей корейских общественных организаций России. На нем обсуждались вопросы, касающиеся права на членство в организации независимо от наличия официального российского подданства. Представители Всероссийского ЦИКа корейских национальных обществ также участвовали в этом собрании и нашли с представителями различных течений общий язык в вопросе о равном статусе членов.

Компромисс между различными общественными течениями стал эпохальным явлением в истории корейского населения в России. Этому способствовало то, что японские власти считали всех корейцев, не имевших зарубежного подданства, своими гражданами. Поэтому лидеры корейского общественного движения ощущали особую тревогу перед предполагаемым японским нападением на Дальний Восток.

Участники, придерживавшиеся "буржуазно-националистических" взглядов, хотели получить поддержку от Хабаровской организации РКП(б). Эта группа стояла за обособление корейского освободительного движения от борьбы большевиков с белогвардейцами и японцами на Дальнем Востоке. Представители же левого крыла поддерживали политику большевиков.

Через 5 месяцев альянс лидеров корейского общественного движения распался. В июне 1918 г., когда в Никольско-Уссурийске проходило очередное совещание представителей корейских общественных организаций, участники Собрания обсуждали пакет главных политических вопросов. Важнейшим среди них был об отношении корейского общественного движения к советской власти на Дальнем Востоке, согласие по которому так и не было достигнуто.

После раскола левое крыло Собрания создало Союз корейских социалистов (Ханин Сахведан)¹¹. В состав руководства Союза вошли деятели из числа его основателей – Ли Дон-Хви (председатель), О Ен-Джун (вице-председатель), Рю Дон-Рель (заведующий военными делами), Ким Иб (заведующий пропагандой), Александра П. Ким (член ЦК Союза, первая коммунистка в истории корейского коммунистического движения), Пак Ай(Э), Степан Ю, Пак Бон, Ли Хан-Ен, Василий Огай, О Ха-Мук.

Следует отметить, что основатели Союза корейских социалистов не были большевиками. Их стратегической задачей было накопление на Дальнем Востоке России национальных сил,

необходимых для борьбы за освобождение Кореи, а не участие в укреплении советской власти.

Одной из важных структур Российской коммунистической партии являлась национальная секция, которая, по положению об организациях при комитетах РКП(б), могла быть создана при комитетах РКП(б) губерний и уездов. Местные национальные секции РКП(б) в основном занимались агитацией в пользу советской власти на родных языках. Их работа позволяла партийным комитетам полнее учитывать в своих целях национальные особенности местного населения. Кроме того, секции содействовали подготовке политических национальных кадров¹². Опыт национальных секций РКП(б) был использован для работы практически среди всех национальных меньшинств страны, в том числе корейцев. Корейская секция, как и все секции коммунистов восточных народов, в начале своей деятельности не представляла соответствующего национального региона, и поэтому ее работа не ограничивалась определенной территорией¹³.

Корейские секции, как и другие национальные секции при комитетах РКП(б), содействовали, с одной стороны, эффективности работы коммунистической партии, с другой – защите интересов своего народа.

В ряде мест при структурах РКП(б) создавались корейские секции, первой среди которых стала омская, возникшая в апреле 1920 г. при Сибирском областном бюро РКП(б). В июне 1920 г. она была переведена в Иркутск и далее подчинялась Восточной секции Сиббюро РКП(б) (председатель корсекции Иргубкома Цой), имевшей кроме корейской китайскую, монголо-тибетскую и японскую секции¹⁴. В Верхнеудинске, в Семипалатинске¹⁵ и в других сибирских губкомах партии тоже существовали соответствующие секции.

В то время влияние национальных секций при Восточной секции Сиббюро РКП(б) на жизнь восточных народов было вполне ощутимо. Под руководством РКП(б) и Коминтерна состоялись два корейских съезда: коммунистический – в июле 1920 г. в Иркутске, и беспартийный (Съезд корейских рабочих и революционных организаций) – в сентябре 1920 г. в Омске¹⁶.

8 июля 1920 г. по предложению Корейской секции Иркутского губкома РКП(б) в Иркутске открылся Всероссийский съезд корейских коммунистических организаций¹⁷. На съезде присутствовали с правом решающего голоса 14 делегатов, а также представители Дальбюро РКП(б). В работе участвовали представители 6 корейских коммунистических организаций.

На этом съезде, который чуть было не запретили из-за того, что "областные съезды могут созываться областным Сибирским областным центром"¹⁸, обсуждался пакет вопросов, тесно связанных с организационными проблемами корейских коммунистов. Представители Союза корейских социалистов, большинство из которых не являлось русскими подданными, выступили за сотрудничество с националистами и вступили в конфронтацию с лидерами из Омска и Иркутска. Они уже вошли в объединенный фронт с националистами, работая в рамках Временного правительства Кореи в Шанхае. Эта "шанхайская группа" не согласилась с "иркутской группой", учредившей после закрытия съезда Всероссийский ЦИК корейских коммунистических организаций (председатель – Ли Сенг, секретарь – Цай Александр).

В августе 1920 г. "шанхайская группа" организовала свою "компартию", которая учреждала свои отделения с одобрения руководства Дальневосточной республики. Однако центром революционного движения в странах Дальнего Востока стал Восточный секретариат (бюро) Коминтерна, созданный в начале 1921 г. в Иркутске. Уполномоченный Коминтерна на Дальнем Востоке Б.З. Шумяцкий считал "иркутскую группу", куда вошли почти все руководители Корейского национального совета, центром корейского коммунистического движения. Б.З. Шумяцкий приказал ликвидировать читинские отделения "шанхайской группы", вступившие в конфронтацию с Коминтерном, и инициировал арест их лидеров, обвинив в контрреволюционных акциях Пака Э, Гея Бон-У, Кима Джин, Джана До-Джона и Пака Чан-Ына.

Можно считать, что это событие отразило тенденцию подчинения всех национальных объединений единому управлению со стороны ЦК РКП(б). Этот же курс наблюдался и в отношении к действиям военных корейских формирований на территории Дальнего Востока.

Как известно, Дальбюро РКП(б) руководило всей политработой в партизанских отрядах и в армии Дальневосточной республики. Дальбюро было учреждено в марте 1920 г. по инициативе ЦК РКП(б) и его Сиббюро при "розовом" буферном государстве – ДВР. Оно являлось "ответственным за всю политику Дальневосточного правительства и осуществляло непосредственный контроль над политикой коммунистической фракции и отдельных ее членов в составе Дальневосточного правительства"¹⁹.

На территории ДВР к тому времени сложилась ситуация двоевластия, при которой Дальбюро РКП(б) в союзе с уполномоченным Коминтерна имел большую власть, чем официальное руководство республики. Каждая "корейская компартия" опиралась на поддержку

"своей" власти. Поэтому противоречия между двумя корейскими коммунистическими партиями резко проявлялись при попытках создания объединенной корейской компартии.

Неудивительно, что когда эти попытки потерпели неудачу, возникла другая тенденция, исходившая из того, что корейские эмигранты еще не были готовы к осознанию "социалистической идеи", что позволило бы им полностью подчиняться руководству советской власти. Корейская интеллигенция размежевалась. Насущной стала необходимость созыва представителей беспартийных корейцев, создания общественной организации по национальному признаку и распространение ее влияния на всех корейцев, проживающих на территории СССР²⁰.

Параллельно с процессом становления коммунистической корейской партии развивалось "внеполитическое" общественное корейское движение. 15 сентября 1920 г. в Омске – центре корейской диаспоры – состоялся Всероссийский съезд корейских рабочих и революционных организаций. Это был первый съезд корейских рабочих, организованный по инициативе советской власти. В нем участвовал и председатель Сиббюро РКП(б), первоначально назвавший съезд "конференцией, объединяющей спекулянтские мелкобуржуазные слои"²¹. В целом съезд, задуманный как объединительный, не достиг своей цели. Коммунистам, в частности, так и не удалось наладить рабочие отношения с социалистами²².

Обнаружившиеся расхождения между участниками съезда показали, что более сильной являлась группа, не принимавшая основных задач, поставленных РКП(б) перед населением страны. Эта группа вскоре после своей победы постаралась закрыть все секции Союза в Сибири и образовала Совет пропаганды и агитации в Иркутске²³.

Делегаты-коммунисты отправились в Москву, где обрисовали сложившуюся ситуацию руководству НКВД. Они получили от правительства разрешение на созыв нового съезда корейских рабочих в Москве, а Совет пропаганды и агитации в скором времени был упразднен решением НКВД²⁴.

Общественное движение корейских рабочих добилось успешных результатов в своей деятельности после долгой борьбы с националистами. Вместо прежних национальных организаций, объединявших корейское население, возникли рабочие союзы там, где имелись наиболее многочисленные корейские колонии, например, в Москве, Омске²⁵ и Мурманске²⁶.

Необходимо отметить, что Московский корейский рабочий союз, основанный в середине 1921 г., имел свой центральный исполнительный орган и проект устава²⁷, до сих пор не попавший в поле зрения исследователей. Хотя устав существовал лишь в виде проекта, он представляет интерес как первый документ корейской общины в период становления советской власти.

Во-первых, основной целью Московского корейского рабочего союза объявлялось создание независимой социалистической Корейской республики. Определение лидерами Московского корейского рабочего союза будущей формы государственности в Корее – социалистической республики – резко отличалось от общедемократической "Декларации независимости Кореи", провозглашенной 17 марта 1919 г. во Владивостоке²⁸. ("Декларация" была подготовлена Корейским национальным советом, поднявшим свой статус до уровня законодательного. Этот орган был учрежден 25 февраля 1919 г. на II Всероссийском съезде корейских национальных обществ, проходившем в Уссурийске, вместо руководящего этими обществами Всероссийского ЦИКа корейских национальных обществ²⁹.)

Для осуществления своей цели Союз хотел видеть всех "трудящихся корейцев" активными борцами корейского освободительного движения. Союз считал себя выразителем воли всего корейского населения в том, что касалось создания социалистической Кореи.

Во-вторых, Союз предполагал, что его наделят правами юридического лица, что он сможет регистрировать корейцев и выдавать своим членам удостоверения о принадлежности их к корейской национальности. (В случае реализации этого пункта устава, государственная власть могла бы контролировать корейцев-эмигрантов на своей территории через общественную национальную организацию.)

В-третьих, Союз определял свой статус как предшественника Центрального союза корейских рабочих. Московский союз был готов к передаче ему своих дел и имущества. И действительно, в начале 1922 г., когда был учрежден ЦИК корейских рабочих союзов, Московский союз передал ему свои полномочия.

В 1922 г. Московский союз провел перепись корейского населения в Москве. Выяснилось, что Московский союз корейских рабочих насчитывал 80 человек, а всего корейских жителей в Москве было 213 человек (в том числе женатых – 48 (русская жена – 33, корейская – 15), детей – 14)³⁰. Эти данные, представляющие интерес для властей, конечно же, не могли появиться у них без участия Московского корейского рабочего союза.

В-четвертых, Московский корейский рабочий союз обнародовал свою пролетарскую позицию в классовой борьбе с буржуазными националистами. В Союз могли вступить только корейские рабочие, занимающиеся общественно-производственным трудом. Эта позиция, разумеется, была закономерна в условиях советской власти и не изменялась до того времени, когда в дела Союза вмешался СНК СССР, настаивавший на создании внеклассовой организации, охватывающей всех корейцев, а не только рабочих.

Представители корейских рабочих союзов, существовавших тогда в России, в начале 1922 г. съехались в Москву на I Учредительный съезд корейских рабочих, на котором был создан единый центральный орган – ЦИК Союза корейских рабочих (далее Союз КР). В январе 1923 г. состоялся II очередной съезд, где был принят устав, достаточно полно отражавший интересы корейских рабочих.

После провала Омского съезда 1920 г. идея создания общественной корейской организации, которая распространяла бы свое влияние на всех российских корейцев, продолжала занимать лидеров корейского общественного движения. Организация Союза КР, как показала к их всеобщему сожалению практика, опять не достигла поставленной цели. Но эмигрантские лидеры в конце концов добились ее, получив одобрение правительством устава Союза корейцев, проживающих на территории СССР (далее Союз корейцев).

Устав СК был одобрен Совнаркомом СССР 10 июня 1924 г. и подписан главой советского правительства Н.И. Рыковым. "Основной целью Союза корейцев, – гласил Устав, – является защита интересов своих членов, поднятие их культурного уровня и организация взаимопомощи". Советское правительство предоставляло широкие права корейской общине, в том числе "право вхождения с ходатайствами в административные органы СССР в тех случаях, когда необходимо было содействие в реализации целей Союза"³¹.

Этот материал стал известным благодаря выходу в свет "Белой книги", которая посвящена депортации корейского населения в 30–40-е гг. Однако, к сожалению, в книге не сказано о том, почему возникла необходимость переименования "Союза корейских рабочих" в "Союз корейцев, проживающих на территории СССР", и какие проблемы появились в процессе этого преобразования.

В "Белой книге" подчеркнуто, что данный устав был первым для корейской общегосударственной организации³², однако, по нашим сведениям, это был уже второй устав корейского общества в СССР. Первый устав общественного корейского объединения был принят в январе 1923 г. на II съезде Союза КР.

Об этом свидетельствует хранящееся в ГА РФ ходатайственное письмо от 18 февраля 1924 г., направленное в Отдел Дальнего Востока Наркоминдела и в Центральное административное управление НКВД ЦИКом Союза КР. Целью этого ходатайства являлось, как указано в письме, "восстановление за нашими (корейскими – *Авт.*) союзами прежнего назначения и в предоставлении нашим союзам права создания центрального объединенного органа в лице ЦИК"³³. Учитывая просьбу руководителей Союза КР об утверждении его устава как устава корейской общественной организации, можно констатировать, что данное письмо опирается на постановление II съезда Союза КР, проходившего в январе 1923 г. Согласно этому письму ЦИК Союза, видимо, впервые "возбудил перед Отделом Дальнего Востока Наркоминдела ходатайство об утверждении устава Союза и предоставил проект устава"³⁴ сразу после съезда.

Но проект устава Союза, судя по всему, чиновники соответствующих государственных органов отложили в долгий ящик. Спустя почти год, 12 января 1924 г., ЦИК Союза КР получил, наконец, проект своего устава, скорректированный Центральным административным управлением НКВД СССР³⁵. Однако в таком виде документ не удовлетворял чаяний руководителей Союза. Потому и возникло это ходатайство.

Руководители ЦИК Союза КР мотивировали свое несогласие с изменениями, внесенными в проект устава со стороны НКВД, следующими аргументами. Во-первых, Союзы КР возникли на территории СССР после Октябрьской революции как альтернатива национальным союзам, "находившимся под руководством чуждых нам, трудящимся, элементов", т.е. представителей буржуазной корейской интеллигенции. Во-вторых, только после Учредительного съезда в начале 1922 г. Союза КР, а затем II очередного съезда этой организации в январе 1923 г. возник ее единый центральный орган в лице ЦИК, представляющий "истинно классовое лицо корейского населения", проживающего на территории СССР. В-третьих, НКВД, предлагая создать "внеклассовые" корейские союзы, толкает их тем самым "сделать шаг назад". ЦИК Союза КР отдельно остановился на международном аспекте функционирования союза: "Надеясь, что существование корейских рабочих союзов не может служить одним из препятствий на пути установления нормальных отношений СССР с Японией, [ЦИК] просит оказать содействие: 1) в восстановлении за нашими союзами прежнего назначения, 2) в

предоставлении нашим союзам права создания центрального объединенного органа в лице ЦИК³⁶.

Однако проект устава Союза КР так и не был утвержден. В феврале–марте проходила реорганизация рабочих корейских союзов в общекорейские. Почему же возникла такая ситуация? Почти 70% корейцев СССР, в числе которых были политические эмигранты и бывшие партизаны, жили без устойчивого юридического и социально-экономического статуса, часто не имея даже документов. Для них важно было обладать правами, обеспечивающими их нормальную жизнедеятельность (отнюдь не только в качестве рабочих) и гражданский статус.

Какова была демографическая картина корейского населения СССР на Дальнем Востоке, где проживало его большинство? 25 декабря 1922 г. в докладе члена ВЦИК Корейских коммунистических организаций Хана Мен-Ше, адресованном Наркомзему, говорилось, что только в Приамурье и Приморье проживает приблизительно 200 тыс. корейцев³⁷.

Согласно представленным в 1924 г. в НКВД Союзом корейцев, проживающих на территории СССР, сведениям о численности корейского населения и о его распределении по регионам СССР, в стране проживало 150 тыс. корейцев, из них в РСФСР – 147 тыс. человек: на Дальнем Востоке – 140 тыс. (из них около 70% – эмигранты, т.е. люди, не имеющие гражданства СССР), в Сибири – 3500 человек, на Урале – 2800, в Московской обл. – 500, в Ленинградской – 200 человек. Также в районах других республик – УССР, БССР, ЗСФСР – находилось еще несколько тысяч корейского населения, хотя точное количество его не выяснено из-за недостаточности сведений³⁸.

Корейское население на Дальнем Востоке в основном занималось земледелием и работало на приисках. В городах корейцы в большинстве своем были наемными работниками. По социальному составу картина представлялась таким образом: в городах – рабочих 13%, спекулянтов, контрабандистов и мелких торговцев 87%, в деревнях – батраков вместе с арендаторами – 75%, кулаков – 5%, середняков – 20%³⁹.

Советская власть после окончания японской интервенции на Дальнем Востоке в конце 1922 г. стремилась контролировать все многонациональное население региона, в том числе и корейцев, независимо от их социального положения.

Для осуществления этих целей советской власти, во-первых, требовалось создание общегосударственной организации "по национальному признаку", охватывающей всех корейцев. Во-вторых, НКВД считал, что на территории СССР невозможно создание по национальному признаку самостоятельного корейского рабочего союза, который не связан с центральным объединением профсоюзов СССР⁴⁰.

Советскому правительству необходимо было привлечь корейцев к системе надзора с помощью самой корейской организации, дав ей одобрение центральных органов СССР. Одобренная СНК СССР организация смогла послужить интересам корейского населения, наделяя правовым статусом своих членов.

Проект нового устава корейской общественной организации был одобрен Совнаркомом в июне 1924 г. в связи с созданием (вернее переименованием) новой общественной организации – Союза корейцев, проживающих на территории СССР.

Можно считать, что устав, принятый на II съезде Союза КР в декабре 1922 г., действительно является предшественником устава Союза корейцев. Потому что после утверждения устава Союза корейцев ЦИКом Союза КР был составлен акт об аннулировании печатей и штампов как ЦИКа Союза КР, так и местных отделений Союза. Было также опубликовано объявление в местной прессе о недействительности данных печатей и штампов с 12 августа 1924 г. и переименовании Союза КР в Союз корейцев⁴¹.

В объявлении о созыве (на корейском языке с использованием китайских иероглифов) III съезда корейцев, намечаемого на 1 марта 1925 г., сообщалось, что "после одобрения Совнаркомом СССР наша (корейская – Авт.) организация естественно является правовой и поэтому не только прежние местные корейские рабочие союзы, но любые органы или организации корейцев просим участвовать в III съезде и посылать своих представителей, не считаясь с недостатками прошлого, чтобы развивать нашу идею о передовом самоуправлении через настоящую общественную организацию корейцев в СССР"⁴².

Как уже говорилось, Союз корейцев имел статус организатора общественного движения советских корейцев. Однако его устав долгие годы хранился под грифом "совершенно секретно", потому что отделения этой общественной организации на местах во второй половине 1930-х гг. рассматривались НКВД СССР как базы иностранного "шпионажа и вредительства". Н.И. Рыков же, подписавший устав в качестве главы Советского правительства, попал в жернова репрессий, что подробно освещается в "Белой книге"⁴³.

Для исследователей были закрыты не только упомянутый устав, но и материалы

функционировавших тогда местных республиканских, губернских и областных отделений Союза корейцев. Доступа к этим архивным материалам, написанным не только на русском языке, но и на корейском, с использованием китайских иероглифов, не было. Теперь же благодаря таким источникам, как фонд документов ЦИКа Союза корейцев, отчеты, переписка, сводки, ожили страницы истории корейского этноса в СССР.

Практически не было известно, когда, где и в каких условиях действовал Союз корейцев, какие люди возглавляли центральные и местные органы этой организации, какова была связь между ее отделениями и центром.

Как уже отмечалось, Союз корейцев, проживающих на территории СССР, получил юридический статус и начал функционировать 10 июня 1924 г. В его состав вошли представители корейского населения независимо от их революционного прошлого и партийной принадлежности. В заявлении Союза корейцев с просьбой зарегистрировать его устав в ЦАУ НКВД СССР был дан список его руководителей. Из этого списка можно выяснить, что в состав Президиума ЦИКа Союза корейцев вошли Хон Гын-Пио (беспартийный) в должности председателя ЦИКа, Кук Л.Н. (Ким Хэ-Рионг) (член РКП(б) в должности ответственного секретаря ЦИКа), Пак Мен-Хо (член РКП(б), член ЦИКа), Им Тин-Тае (беспартийный), член ЦИКа, Цой Хюн-Мен (беспартийный), член ЦИКа; в состав кандидатов – Ли Ди-Сен (член РКП(б)), Ким Кн-Сен (беспартийный); в состав ревизионной комиссии – Тен Пен-Ку (кандидат в члены РКП(б)), Тен Хай (член РКП(б)), Ким Ир (беспартийный)⁴⁴. Эти деятели Союза корейцев могли собрать объединенное заседание в тех случаях, когда возникала необходимость разрешения важных проблем, например, обсуждение представленного устава для утверждения его в НКВД⁴⁵, или создания какой-либо специальной комиссии⁴⁶.

Согласно численному цензу Союза корейцев можно было создать его отделение в любой местности, где проживает 15 человек корейской национальности, что и было во многом реализовано⁴⁷.

ЦИК Союза корейцев разослал соответствующие письма не только своим членам в местные отделения, но и в административные отделы Губисполкомов. Кроме этого, существовала и обратная связь с властью. Местные власти должны были помогать отделениям Союза корейцев в решении их проблем. Например, 23 мая 1925 г. ЦИК Союза корейцев направил Административному отделу Саратовского Губисполкома письмо с просьбой о содействии в возобновлении деятельности местного отделения Союза корейцев⁴⁸, закрытого из-за "неопытности членов местного Союза корейцев". ЦИК Союза корейцев обещал наладить подготовку "кадров политработников". Но до того времени он просил Губисполком разрешить местной организации своими усилиями проводить работу и выдать ей изъятые штампы и печати, а также принадлежащие ей бумаги и документы⁴⁹.

По предписанию ЦИКа от 19 июня 1925 г. Пак Ин-Он был отправлен в командировку в Уральскую, Забайкальскую и Приморскую области, где требовалось наладить работу местных союзов⁵⁰. Тогда же встал и более важный организационный вопрос. Представители амурских корейцев в результате долгих обсуждений в ноябре 1924 г. приняли решение о подчинении единому руководству Союза корейцев⁵¹, что и было одобрено ЦИК Союза корейцев⁵².

Однако в июне 1925 г. в Хабаровске возникла проблема в связи с результатами переговоров между уполномоченными по корейским делам Приморья Кимом Ги-Рионгом и Амурской области К.И. Ивановым. В ходе переговоров высказывалось мнение о создании соответствующего учреждения для решения вопросов корейского населения, которое подчинялось бы губернскому исполкому, как это было в Приморье⁵³.

В отличие от Приморья, в Приамурье не было опытных работников, которых можно было разослать на места, как это предлагали уполномоченные. Амурский Союз корейцев не смог решить эту проблему самостоятельно и просил прислать работника из Центра, чтобы разобраться с дальнейшими планами работы среди корейцев⁵⁴.

Учитывая важность этого предложения, 25 июля 1925 г. ЦИК Союза корейцев продлил мандат Пака Ин-Она еще на два месяца. Задачей его поездки являлось создание "единого руководства корейскими массами"⁵⁵ на Дальнем Востоке.

В предписании предлагалось не смешивать деятельность компартии с Союзом массовых корейских организаций. Потому что "компартия только агитирует и пропагандирует, она может работать только в пролетарских слоях и примет на себя руководство только пролетарско-национальной организацией"⁵⁶.

Во время переговоров во Владивостоке Пак Ин-Он и уполномоченные по корейским делам (особенно Ким Ги-Рионг) нашли общий язык по организационному вопросу⁵⁷. 23 сентября 1925 г. в Москве после доклада Пака была принята следующая резолюция: "1) Предложить ЦИКу Союза корейцев выработать план тесного сотрудничества и живой связи

с Дальним Востоком и организациями Приморья. 2) Объединить городское корнаселение Приморья в союзы, согласно уставу Союза корейцев, действующему на территории СССР. 3) Предложить ЦИКу Союза корейцев в срочном порядке возбудить ходатайство перед ВЦИКом СССР о разрешении через Дальбюро организации в Союз корейцев корейского городского населения Приморья, не касаясь коркрестьян, имеющих свои представительства в Сельсоветах⁵⁸.

29 сентября 1925 г. в Благовещенске состоялось совещание корейских активистов Амурского отделения Союза корейцев под председательством уполномоченного Приамурской губернии. На нем был обсужден самый жгучий вопрос – о существовании "корсоюза" в Приморье. Присутствующие согласились с тем, что "разговора о ненужности корсоюза быть не может", потому что, "если в Приморье нет корсоюза, то там имеется 18 сельсоветов, в Амурской губернии этого условия нет"⁵⁹.

Другая ситуация была в Приморье, где не было ни одного отделения Союза корейцев. ЦИК Союза корейцев встретил препятствие для своей деятельности в Приморье в лице официальной власти. Уполномоченный по корейским делам при Дальревкоме, заметив намерение Союза корейцев расширяться, подал заявку в Отдел национальностей ВЦИК об упразднении Союза⁶⁰.

Сложность ситуации состояла в том, что, во-первых, ЦИК Союза корейцев считал, что накопление могучих пролетарских сил возможно только через массовую организацию, а не через структуру, просто занимающуюся бытовыми интересами корейцев, как то предписывалось институту уполномоченных. Во-вторых, существовавшая система представительств корейцев в советских органах, как считал ЦИК Союза корейцев, касалась только обрусевших корейцев. Лидеры Союза корейцев рассматривали его как возможность оформления национального объединения корейцев⁶¹.

С этой точки зрения партийные и правительственные структуры в полном согласии пытались разрешить наболевшую проблему объединения корейцев, ЦИКу Союза корейцев оставалось только получить от ВЦИК СССР поддержку в вопросе о слиянии корейских национальных объединений Приморья и создании на их базе своих отделений. Но соответствующее ходатайство ЦИК Союза корейцев от 3 октября 1925 г., до последнего времени находившееся в папке с грифом "совершенно секретно", было отклонено, о чем и сообщил в ЦИК Союза корейцев секретарь ВЦИК СССР⁶². Причину отказа сформулировал член коллегии НКВД Аралов в секретном письме заведующему Секретариатом Президиума ЦИК СССР: "По политическим соображениям, связанным с нашими взаимоотношениями с Японией, ходатайство ЦИК Союза корейцев следовало бы безусловно отклонить"⁶³.

Однако кроме этого для отклонения ходатайства ЦИК Союза корейцев была причина и внутреннего свойства. В адрес Отдела национальностей при Президиуме ЦИК СССР был направлен доклад с заключением о ходатайстве Союза корейцев и положении местных корейцев. В нем сообщалось, что 90% корейского населения было вовлечено в советское строительство. На Дальнем Востоке существовало только одно отделение Союза в г. Благовещенске "в силу оторванности корейского населения Амурской губернии от основного ядра корейской массы, населяющей южную часть Приморья. По этому поводу можно судить, что трудящаяся корейская масса никакого участия в судьбе союзов не принимает, и возникают и живут они помимо их". Кроме того, по мнению Дальревкома, "руководители Союза, воспитанные в националистическом духе, стараются искусственно оживить отмирающие союзы, но неизменно наталкиваются на рост активности корейских рабочих и крестьян, предпочитающих профессиональные союзы и советский аппарат"⁶⁴. Отсюда Дальревком делает вывод, что "совершенно лишне говорить об европейской части Советского Союза, где фактически почти нет ни рабочих, ни крестьян из корейцев, если не считать несколько сот странствующих набивальщиков папирос, в большинстве своем вырождающихся в явных спекулянтов"⁶⁵. Таким образом, приведя основания для ликвидации Союза корейцев, Дальревком добавил, что эта точка зрения разделяется и "корейскими активными работниками ДВО, вынесшими по сему вопросу определенное решение".

Ходатайство ЦИК Союза корейцев о слиянии национальных объединений Приморья и о создании на их базе отделений Союза корейцев раскручивалось в связи с идеей создания автономной единицы корейцев в Приморье. Следует вспомнить, что в 1924–25 гг. существовало мнение о необходимости создания автономии корейцев как этнического меньшинства, не имеющего пока своего представительства в центре. Этот вопрос поднимали, в основном, деятели Коминтерна (причем не только корейцы), ратовавшие за продолжение освободительной борьбы угнетенных восточных народов.

Постановка вопроса о выделении корейцам автономии вызвала резонанс среди корейцев СССР. Большая часть представителей корейских организаций Приморья воспринимала этот

факт с удовлетворением, но деятели ЦИК Союза корейцев считали разговоры о создании автономного образования препятствием на пути национального объединения корейского общества⁶⁶. Позиция Союза корейцев по отношению к автономии встретила понимание в центральных органах советской власти. Москва считала, что Союз корейцев вполне достаточно для представления интересов корейского населения СССР, и разрешить его деятельность вполне целесообразно, если он активизирует свою работу в европейской части России.

Тем более лидеры ЦИК Союза корейцев считали, что "требование корейцев об автономизации стало бы лишь требованием о вхождении в систему советской администрации. Пользование правами самоопределения можно считать просто фразой. Надо использовать практические возможности в области экономического, кооперативного и культурно-просветительского дела на пользу всех корейцев, объединенных в существующую национальную организацию"⁶⁷. По этому поводу "ЦИК Союза корейцев считал себя именно такой организацией, умеющей справиться с правовым статусом"⁶⁸.

Руководство ЦИК Союза корейцев продолжало проводить такую линию и невольно воспринималось как "посредник или агент" советского правительства. Поэтому ЦИК Союза корейцев должен был подчиниться отказу своего "регента". Ведь первоначально необходимость учреждения Союза корейцев была связана с инициативой Кремля, искавшего подходящую форму просоветского представительства корейцев.

События в Приморье, сопровождавшие в партийных и правительственных структурах вопрос о формировании корейской общественной организации, не забывались. Память о них постоянно проявлялась тогда, когда корейский вопрос становился причиной трений между деятелями корейских организаций и правительством. Но никто тогда не думал, что эти проблемы станут причиной роспуска в 1926 г. Союза корейцев, проживающих на территории СССР.

Ситуация постоянно осложнялась из-за отсутствия финансов как у центра Союза, так и у местных отделений. Не будучи частью структуры административной власти, не входя в систему ВЦСПС, Союзу корейцев пришлось с самого начала столкнуться с непреодолимыми трудностями. Острая нехватка средств была одним из главных тормозов в развитии корейского общественного объединения. В октябре 1925 г. субсидии прекратились, и "вся работа заметна пошла на убыль"⁶⁹. После отказа Бюджетного управления НКФ ЦИК Союза корейцев 20 ноября 1925 г. подал ходатайственное письмо (совершенно секретно) Генеральному секретарю ЦК РКП(б) И. Сталину, чтобы он дал заключение по вопросу финансирования корейцев⁷⁰, но все было напрасно.

23 марта 1926 г. решение о ликвидации Союза корейцев, проживающих на территории СССР, было принято СНК СССР. 9 июня того же года состоялось совместное заседание ЦИК Союза корейцев и Ревизионной комиссии, на котором обсуждался вопрос об окончательной ликвидации как центрального, так и местных отделений Союза корейцев. Работа ликвидационной комиссии началась в феврале 1926 г. Постановление о ликвидации было сообщено СНК СССР.

Однако, как нам кажется, более важный мотив для ликвидации Союза корейцев состоял в том, что центральной власти он уже не был нужен. К 1926 г. сложилась новая административная система, самодостаточная для тотального "надзора" за всеми народами, населявшими территорию СССР (в этой системе немалую роль играли профсоюзы). Финансировать же общественные объединения, полезные лишь для внутренней жизни того или иного меньшинства, властям не было смысла.

Более того, советская власть не могла не рассматривать корейский вопрос как составляющую в отношениях с Японией, все более напряженных.

Таким образом, дело защиты корейским населением своих интересов через национальную общественную организацию было обречено. С тех пор не возникло ни одного общественного корейского объединения, хотя в СНК и Совет национальностей ЦИК СССР и подавалось заявление рабочих-корейцев, проживающих в Москве, о восстановлении их общественной организации⁷¹.

Примечания

¹ М а н с в е т о в Н.В. Национально-освободительное движение в России в период Октябрьской революции. М., 1959; Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Вып. 1. М., 1964; Дь я к о в В.А. Освободительное движение в России. 1825–1861 гг. М., 1979; М а к а р о в Г.П. Из истории национально-освободительного движения в России в 1917 г.: Восточные районы. М., 1979; Актуальные проблемы российского востоковедения. М., 1994;

Национальное движение и национально-патриотические партии: опыт, уроки формирования, перспективы. Чебоксары, 1994; Российская государственность: Опыт и перспективы изучения. М., 1995; Политические партии и общественные движения России: история и современность. Ростов н/Д, 1995 и др.

² Устав Корейского национального общества (Американского), цит. по: П а к Б.Д. Корейцы в Российской империи. Изд. 2. Иркутск, 1994. С. 180.

³ Там же. С. 184.

⁴ Письмо Приамурского генерал-губернатора Н. Гондатти председателю Совета министров П.А. Столыпину от 29 мая 1911 г. – АВПРИ, фонд "Тихоокеанский стол, 1911 г.", д. 759, л. 1–2.

⁵ П а к Б.Д. Указ. соч. С. 186.

⁶ С точки зрения автора более точен был бы перевод: "Общество поощрения предпринимательства".

⁷ Устав Общества развития труда (Квонопхве). Цит. по: П а к Б.Д. Указ. соч. С. 186.

⁸ Г о ж е н с к и й Ив. Участие корейской эмиграции в революционном движении на Дальнем Востоке // Революция на Дальнем Востоке. Вып. 1. М.; П., 1923. С. 360.

⁹ Там же. С. 364–365.

¹⁰ СССР и Корея. М., 1988. С. 17. О положении корейцев Приморья см. также: Б е л и к о в а Л.Н. Борьба большевиков за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Приморье. Владивосток, 1960.

¹¹ Десятилетие Октябрьской революции и советское корейское население (на корейском яз.). Владивосток, 1927. С. 46.

¹² Ш а р а н о в Я.Ш. Национальные секции РКП(б). Казань, 1967. С. 3.

¹³ Там же. С. 91. Национальные секции восточных народов, действовавшие в национальных районах Кавказа, Средней Азии и Казахстана, в национальных районах Поволжья и Приуралья, до начала 1920-х гг. еще существовали без формирования национальной единицы.

¹⁴ Б о й к о В.С. Корейские трудящиеся в Западной Сибири в 20-е годы XX века // Источниковедение и историография стран Востока: узловые проблемы теории. Вып. 3. М., 1991. С. 124–126.

¹⁵ См. об этом: М а л ы ш е в а М.П., П о з н а н с к и й В.С. (Составители). Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск, 1995. С. 151–152.

¹⁶ ГА РФ, ф. 1235, оп. 95, д. 74, л. 235–236.

¹⁷ Дальневосточная политика Советской России. С. 104.

¹⁸ Сиббюро РКП(б) предлагало 5 июня 1920 г. запретить проведение съезда корейских коммунистов, но через 10 дней предложение было аннулировано. Государственный архив Новосибирской области (далее ГА НО), ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 49–50 (Телеграфная лента), 92: см. также: Дальневосточная политика Советской России. С. 102.

¹⁹ Тезисы Сиббюро ЦК РКП(б) о работе ДВ бюро РКП(б). ГА НО, ф. 1, оп. 1, д. 40, л. 23; См. также: Дальневосточная политика Советской России. С. 19–20.

²⁰ ГА РФ, ф. 8356, оп. 1, д. 50, л. 38.

²¹ Партийный архив Новосибирской области (далее ПА НО), ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 86; См. также: Б о й к о В.С. Указ. соч. С. 127.

²² Б о й к о В.С. Указ. соч. С. 128.

²³ ГА РФ, ф. 8356, оп. 1, д. 50, л. 9.

²⁴ Там же.

²⁵ Б о й к о В.С. Указ. соч. С. 128.

²⁶ В 1921 г. существовал Корейский революционный комитет трудящихся, состоявший из корейских рабочих, мобилизованных, видимо, советской властью на строительство порта в Мурманске. (ГА РФ, ф. 8356, оп. 1, д. 61.) В списке, составленном этим комитетом и обнаруженном автором, значилось 373 завербованных корейских рабочих; 50 из них бежали за границу.

²⁷ ГА РФ, ф. 1318, оп. 1, д. 1204, л. 2–2 об. Даты утверждения устава не указаны, но материалы дела № 1204 этого фонда датированы маем–июнем 1921 г. Поэтому можно полагать, что устав Московского корейского рабочего союза составлен в первой половине 1921 г.

²⁸ Декларация независимости Кореи. ЦГА России ДВ, ф. р-534, оп. 1, д. 662, л. 98 об.; Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Кн. 1 / Составители Ли У-Хе, Ким Ен-Ун. М., 1992. С. 41–44.

²⁹ После апрельского выступления в 1920 г. японских войск во Владивостоке и во всем Южно-Уссурийском крае, Корейский национальный совет четко определил свою политическую позицию, отказавшись от идеи нейтралитета в пользу большевиков. (См.: Г о ж е н с к и й Ив. Указ. соч. С. 372–374.) Но, к сожалению, судьба составителей "Декларации", сыгравшей заметную роль в пробуждении национального сознания корейской эмиграции не только в России, но и в Маньчжурии, оказалась драматической. В начале 1920-х гг. они были обвинены левозэкстремистскими деятелями в проявлениях национализма и соглашательства. (См.: Белая книга. С. 45–46.)

- ³⁰ ГА РФ, ф. 8356, оп. 1, д. 72, л. 1–10.
- ³¹ Белая книга. С. 32–36; ГА РФ, ф. 8356, оп. 1, д. 32, л. 147–150.
- ³² Белая книга. С. 36.
- ³³ ГА РФ, ф. 8356, оп. 1, д. 5, л. 24.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ ГА РФ, ф. 1235, оп. 1, д. 466, л. 30–31.
- ³⁸ ГА РФ, ф. 8356, оп. 1, д. 59, л. 17–18.
- ³⁹ Партийный архив Приморского крайкома КПСС (ПА ПК). Цит. по: Кузнецов А. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск, 1993. С. 32–33.
- ⁴⁰ ГА РФ, ф. 8356, оп. 1, д. 5, л. 158.
- ⁴¹ Там же, л. 77.
- ⁴² Там же, л. 93.
- ⁴³ Белая книга. С. 36–37.
- ⁴⁴ ГА РФ, ф. 8356, оп. 1, д. 5, л. 143.
- ⁴⁵ Там же, л. 158.
- ⁴⁶ Там же, д. 29, л. 9.
- ⁴⁷ Там же, д. 5, л. 35, 36, 62.
- ⁴⁸ Там же, д. 19, л. 9.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же, д. 1, л. 94–95, 97.
- ⁵¹ Там же, д. 68, л. 6–10.
- ⁵² Там же, д. 65, л. 9.
- ⁵³ Там же, д. 60, л. 28.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же, д. 1, л. 117; ГА РФ, ф. 8356, оп. 1, д. 60, л. 10.
- ⁵⁶ Там же, д. 1, л. 117 об.
- ⁵⁷ Там же, д. 74, л. 22.
- ⁵⁸ Там же, д. 75, л. 10.
- ⁵⁹ Там же, д. 68, л. 31 об.
- ⁶⁰ Там же, ф. 3316, оп. 64, д. 54, л. 2 об.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же, л. 7; ГА РФ, ф. 8356, оп. 1, д. 51, л. 16.
- ⁶³ Там же, л. 6.
- ⁶⁴ Там же, ф. 1235, оп. 140, д. 141, л. 128.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же, ф. 8356, оп. 1, д. 68, л. 9.
- ⁶⁷ Там же, д. 65, л. 9–12 (на корейском яз.).
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же, ф. 8356, оп. 1, д. 50, л. 40.
- ⁷⁰ Там же, л. 35–36 об.
- ⁷¹ Там же, ф. 1235, оп. 121, д. 32, л. 1–3.

ПОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В 20–30-е ГОДЫ

(К истории идеологии)

После революций 1917 г., во время и после Гражданской войны Россию покинули, по разным источникам, от 1,5 до 3 млн. человек¹.

Долгие годы в СССР было принято определение российской политической эмиграции как эмиграции "белой", "контрреволюционной". Считалось также, что по социальному составу эмиграция была "дворянской" и "буржуазной". Сами же эмигранты это утверждение неоднократно опровергали. Российский эмигрант, публицист А.С. Изгоев по этому поводу писал: "В основной своей массе эмиграция по социальному составу отражает ту среднюю грамотную Россию, которая лежала между миллионами безграмотных и десятками аристократов"².

Хотя русская эмиграция и включала представителей дворянства, в большинстве своем она состояла из городских разночинцев, духовенства, рабочих, крестьян, казаков. Среди эмигрантов было немало людей из семей интеллигенции. Эмигрировали представители всех социальных слоев старой России, которых объединил страх перед "красным террором" и массовое неприятие нового большевистского режима.

Среди причин, вызвавших эту массовую эмиграцию, и отечественные, и зарубежные исследователи называют:

- гибель старой российской государственности, ставшую результатом Февральской и Октябрьской революций 1917 г.;
- жесточайшую Гражданскую войну;
- разгром Белого движения и установление Советской власти.

Насколько глубоко эмиграция осознавала причины революции и Гражданской войны, какие вынесла из этих событий уроки? Ответы на эти вопросы крайне важны, если учесть, что до революции и Гражданской войны политическое сознание так называемого "образованного русского общества" развивалось слабо. Деление на политические партии проходило не четко и не глубоко – не столько по линии убеждений, сколько по настроениям. Настроения же рождались и менялись либо под влиянием моментных вспышек политических эмоций, либо под воздействием социальной среды и круга знакомств человека. Дореволюционные политические партии не были массовыми, и их величину и значимость определяло чаще не число активных постоянных членов, а количество "сочувствующих". Последние же, в свою очередь, хотя и оказывали влияние на формирование политических настроений, но не были готовы к участию в активном политическом действии.

Немногочисленны и маловлиятельны были даже так называемые "политические штабы", во главе которых стояли "политические вожди". Ко времени Февральской революции 1917 г. у русских правых партий не было ни одного вождя в подлинном смысле слова. Лишь кадеты имели лидера – П.Н. Милюкова, но и он определял лишь мнения либеральной интеллигенции, а не ее действия. Приобретший в начале революции значительную известность А.Ф. Керенский до того времени не пользовался большим влиянием у социалистов-революционеров. В.И. Ленин был действительным вождем, но вождем небольшой, замкнутой, законспирированной, в подполье выросшей и развившейся политической группы.

Подобная ситуация объясняется тем, что русские политические силы имели очень короткий отрезок времени для своей организации и развития. Фактически только с 1905 г. политические партии получили некоторую возможность легальной работы. За отведенное им историей время (1905–1917 гг.) они не смогли ни глубоко проникнуть в массы, ни создать прочные организации.

На очень короткий срок – с февраля по октябрь 1917 г. – политические партии России стали элементами политической системы слабого, конституционно не оформившегося Российского государства. А затем, в течение трех лет, они были воюющими партиями, партиями Гражданской войны, исход которой зависел не только от того, какая из них предложит лучшую социально-политическую доктрину и поведет за собой массы, чем от того, кто создаст лучшую военно-политическую и репрессивную организации государственной власти.

* Онегина Светлана Викторовна, младший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Пореволюционная (возникшая после революций 1917 г.) российская эмиграция была поначалу как по духу, так и по характеру своих устремлений слепком с дореволюционной российской ситуации.

Сложившийся к середине 20-х гг. политический спектр эмиграции П.Б. Струве описывал так: "...с одной стороны стоят доктринеры-монархисты, именующие себя легитимистами, стоящие за реставрацию и считающие законным наследником российского императорского трона великого князя Кирилла; на другом конце находятся доктринеры-республиканцы, видящие необходимость установления в России республиканского строя; эта группа делится в свою очередь на две: буржуазную с П.Н. Милюковым во главе и социалистическую во главе с А.Ф. Керенским"³.

Известный евразиец профессор Н.Н. Алексеев дал следующую классификацию политических движений эмиграции, основанную на предлагаемых эмигрантскими организациями рецептах спасения "гибнущей под большевиками России": «Если поставить в центр внимания политическую сторону дела, то лекарей можно разделить на три группы. Первая из них – это сторонники заграничных, модных на Западе средств. Россию думают они исцелить, привив к ней новейший европейский строй в демократическом стиле. Хотят, иными словами, вылечить Россию, превратив ее в демократическую республику с социалистическим уклоном, как это ныне встречается во многих государствах Европы.

Другая группа, диаметрально противоположная первой, предлагает лечить Россию средствами чисто домашними, старинными, как она думает, испытанными и национальными. Россию спасти может только монархия, – и это вытекает из глубоких национальных особенностей русского народа как преимущественно монархического...

Наконец, третья школа лекарей полагает, что излечение России возможно путем возвращения к тому политическому состоянию, которое установилось со времени первой революции (1905 г.) и завершилось февральским переворотом 1917 г. Политический строй России в названную эпоху характеризуется как дуалистическая монархия – политическая форма, известная Западу, и, не без основания, называемая "переходной"⁴.

С учетом реальных перспектив будущего политического действия А.С. Изгоев в книге "Рожденное в революционной смуте" анализирует политическую ситуацию в русской эмиграции начала 20-х. Он рассматривает всю политическую эмиграцию как состоящую из партий "правого направления" и партий "левого направления". Все они, без исключения, кажутся ему чем-то вроде "штабов без армий". "Они, – по его словам, – не только не проявляют никакой организованной политической работы. Они утратили даже и вербовочную силу. Молодежь, очутившаяся в эмиграции, а тем более выросшая в ней, в старые партии – ни в правые, ни в левые – не идет"⁵.

Эти характеристики эмигрантских политических сил свидетельствуют, что в российской эмиграции начала и середины 20-х гг. доминировали политические движения, сложившиеся в России еще в предреволюционные и революционные годы. «В "общественном" обозе Белых армий за границу ушел весь политический спектр дореволюционной России (кроме большевиков): с одной стороны, – социалисты и кадеты, то есть движущие силы Февраля; с другой – их недавние противники: монархисты, вплоть до самых крайне правых, которые, препятствуя проведению реформ, внесли свою лепту в крушение России»⁶. Подтверждением сказанному может служить и обширная отечественная историческая литература, где анализируется деятельность "непролетарских" российских политических партий в первые годы эмиграции. Почти все без исключения советские авторы констатируют факт укорененности в среде русских эмигрантов дореволюционных политических и социальных доктрин.

Но в эмиграции и не только в результате эмиграции ситуация изменилась. Дореволюционные направления политической мысли, как "правые", так и "левые", создавались в атмосфере совершенно иной, чем та, которая возникла после революции. Мировоззрение, вызвавшее к жизни русскую "революционность", не только изменилось, но и погибло. Н.А. Бердяев, остро чувствующий зарождение новых русских политических настроений и понимавший их связь с развитием мировой политической мысли, писал: "Старый интеллигентский радикализм и старый интеллигентский социализм потеряли пафос и не имеют уже никаких глубоких идеологических обоснований..."

Мы живем в эпоху крушения и банкротства всех старых политических идеологий – консервативных, монархических, национальных, буржуазно-капиталистических, либеральных, демократических, социалистических. И банкротство это связано прежде всего с крушением духовных основ дореволюционных мирозерцаний. Материализм нашел свой позорный конец в современном коммунистическом материализме. Разложился старый позитивизм, он изгоняется из самой нации, и старая рационалистическая вера кончается"⁷.

Остающиеся дореволюционными по своему миропониманию и идеологии эмигрантские политические партии действительно были обречены на гибель. Чувствуя это, идеологи, историки, философы – российские эмигранты – пытались по-новому понять причины произошедших в России грозных событий: мировая война, революции (Февральская и Октябрьская), Гражданская война, крах Белого движения, становление Советской власти.

Бывший русский офицер, в первые годы эмиграции с надеждой ожидавший "весеннего похода" на Родину, но не дождавшийся приказа: "Слушай, поход", – обзаводится семьей, подыскивает постоянную работу и пытается примириться с перспективой умереть не в России. Эмигрантский политик (монархист или эсер, не важно), понимая, что программы и способы борьбы, используемые его партией в 1917 г. или в период Белого движения, в новых условиях недействительны, начинает осознавать, что он, как политик, либо должен уйти на покой, либо во что бы то ни стало найти новые пути и способы борьбы за возвращение на Родину.

Гибель старого дореволюционного мирозерцания, идеологий и партий приводит в российской эмиграции к появлению ряда идеологических течений и организаций – "пореволюционных", провозгласивших и принявших рождение нового государства и нового мира, почувствовавших дыхание новой эпохи, не наступающей, а уже наступившей.

Так, в конце 1921 г. заявляет о себе политическое течение "сменовеховцев", название которому дал сборник статей "Смена вех", вышедший в Праге в июле 1921 г. (его авторы: Ю.В. Ключников, Н.В. Устрялов, С.С. Лукьянов, А.В. Бобрищев-Пушкин, С.С. Чахотин, Ю.Н. Потехин). Вскоре сборник был перепечатан и в Советской России.

Одним из участников сборника "Смена вех" был Николай Васильевич Устрялов – политический деятель и публицист, профессор Юридического факультета в Харбине, написавший несколько очень важных работ, фактически формирующих идеологию советского национал-большевизма.

В 1934 г. Устрялов характеризует свою политическую позицию начала 20-х как "национал-советскую", указывая, что он встал на нее в начале 1920 г., и что она воплотилась в "сменовеховском" движении⁸.

В 1920 г. в Харбине Устрялов издал книгу "В борьбе за Россию", в которой определил основные направления "сменовеховства", развитые затем в сборнике "Смена вех" и в его более поздней книге "Под знаком революции".

Основные проблемы, рассматриваемые "сменовеховцами": русская революция, ее эволюция и эволюция большевизма; национально-государственные задачи России; возвращение русской эмиграции. И Устрялов, и другие участники сборника "Смена вех", переосмысливая события недавнего прошлого, пришли к однозначному выводу: "Россия переживает не переворот, не бунт, не смуту, а именно великую революцию со всеми характерными ее особенностями"⁹.

Одним из основных положений "сменовеховства" было признание "национального характера русской революции", о чем ярко пишет в августе 1920 г. Устрялов: «...Какое глубочайшее недоразумение – считать русскую революцию не национальной!»

...Разве не началась она, революция наша, и не развивалась через типичнейший русский бунт "бессмысленный и беспощадный" с первого взгляда, но всегда таящий в себе какие-то нравственные глубины, какую-то своеобразную "правду"? Затем, разве в ней нет причудливо преломленного и осложненного духа славянофильства? Разве в ней мало от Белинского? От чаадаевского пессимизма? От печеринской (чисто русской) "патриофобии"? От герценовского революционного романтизма ("мы опередили Европу, потому что отстали от нее")? А писаревский утилитаризм? А Чернышевский? А якобинизм ткачевского "Набата" (апология "инициативного меньшинства")? Наконец, разве на каждом шагу в ней не чувствуется Достоевский, достоевщина – от Петруши Верховенского до Алеши Карамазова? Или, быть может, оба они – не русские? А марксизм 90-х гг., руководимый теми, кого мы считаем теперь носителями русской идеи, – Булгаковым, Бердяевым, Струве? А Горький? А "соловьевцы" Андрей Белый и Александр Блок?... Я мог бы органическую связь каждого из крупных русских интеллигентских течений прошлого и нынешнего века с духом великой русской революции подтвердить документально. Факт этой связи не подлежит никакому сомнению, как бы его ни оценивать, как бы к нему ни относиться¹⁰.

Признание "национального характера русской революции" в то же время не означает, по мнению "сменовеховцев", необходимости полного и безусловного принятия большевизма, полного примирения с ним. Должны лишь существенно измениться методы его преодоления: "Его не удалось победить силой оружия в Гражданской войне, – оно будет эволюционно изживать себя в атмосфере гражданского мира..."¹¹. Революционный процесс должен пойти в сторону от ортодоксального экспериментаторства к экономическому возрождению государства. Процесс этот идет не вопреки революции и против нее, а внутри нее, вместе с ней,

так как "большевики стали государственной и международной силой... старая мощь России может быть восстановлена лишь новыми силами, вышедшими из революции и поныне пребывающими в ней"¹².

Новая экономическая политика воспринималась вестниками пореволюционной идеологии как переход от революционного романтизма к будням повседневной жизни, к здравому смыслу, как поворот революционного большевизма от утопии к прозе жизни. Казалось, налицо все признаки этого поворота (Устрялов называл его ползучим "термидором"): «раньше был "немедленный коммунизм", – сейчас возрождается частная собственность, поощряется "мелкобуржуазная стихия", и о "государственном капитализме" говорится как о пределе реальных достижений. Была "немедленная мировая революция", – сейчас в порядке дня "ориентация на мировой капитализм", отказ от экстремистских методов борьбы с ним. Был боевой воинствующий атеизм, – сейчас в расцвете "компромисс с церковью". Был необузданный интернационализм, – сейчас "учет патриотических настроений" и приспособление к ним. Был праввернейший антимилитаризм, – но уже давно гордость революции – Красная Армия...»¹³.

Было ли "сменовеховство" пореволюционным течением российской политической эмиграции? Со всей категоричностью утверждать это вряд ли возможно, так как "сменовеховцы" строили свои прогнозы в русле дореволюционной социал-демократической традиции, согласно которой будущая революция в России повторит основные признаки Великой Французской революции 1789–1794 гг. "Сменовеховцы" ошиблись во временном прогнозе как "Русского термидора", так и "Русского брюмера". Послеревolutionное российское общество стало развиваться по иному сценарию. Компромисса с большевистской властью найти не удалось. Заслужить признательность в эмигрантской среде – тоже. Вместе с тем его историческая заслуга состояла в том, что оно осознало и довело до сознания русской политической эмиграции идеи о том, что Октябрьская революция 1917 г. явилась не бунтом, не заговором кучки экстремистов, а подлинной "великой русской революцией", что она имеет "глубокий национальный характер", и что большевики, вопреки своей воле, делают нужное для национальных интересов России дело (территориальное и экономическое восстановление страны).

В 1921 г. в Болгарии появляется группа евразийцев. В основном это были наследники идей Н.Я. Данилевского и П.М. Леонтьева, продолжатели той традиции русской мысли, которая отталкивалась от демократического, "мещанского" Запада и придерживалась мнения об особом пути России. Родоначальниками и интеллектуальными вождями его стали относительно молодые (им не исполнилось еще и сорока лет) ученые: филолог Н.С. Трубецкой, музыковед и публицист П.П. Сувчинский, географ и экономист П.Н. Савицкий, правоведы В.Н. Ильин и Н.Н. Алексеев, философ-богослов Г.В. Флоровский, историки М.М. Шахматов, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин. В последующие годы некоторые из них, как например, Флоровский, отошли от этого движения. Но одновременно шел постоянный приток новых людей, среди которых были Н.А. Клепинин, П. Бицилли, Н.П. Толль, В.П. Шапиловский и др.

Свою издательскую деятельность евразийцы начали с издания сборника "Исход к Востоку". Впоследствии они выпускали тематические сборники – "Евразийская хроника", "Евразийский временник", "Евразийский сборник". В 1928–1929 гг. они издавали в Париже еженедельную газету "Евразия"¹⁴. К программным документам евразийства можно отнести и манифесты "Евразийство: Опыт систематического изложения" (Париж, 1926) и "Евразийство. Формулировки 1927 г." (Париж, 1927).

Политически евразийство просуществовало до начала Второй мировой войны. Но его организационный развал начался гораздо раньше и во многом был инспирирован советскими спецслужбами. Группа интеллектуалов-теоретиков, пытавшаяся создать политические структуры и перенести работу из эмиграции в Россию, попала в орбиту операции "Трест"¹⁵. Разоблачение фиктивной якобы антисоветской и подпольной организации "Трест" нанесло удар и по движению евразийцев¹⁶.

В историографии евразийство рассматривают двояко: либо как "одну из ветвей более широкого движения, получившего название «сменовеховства»", его правый фланг, идейно смыкающийся с монархическими группировками и другими крайне правыми движениями¹⁷, либо, напротив, как совершенно отдельное от "сменовеховства" политическое течение¹⁸.

Сами же евразийцы в идейно-теоретическом плане относили себя к "пореволюционерам": "Евразийство есть российское пореволюционное политическое, идеологическое и духовное движение, утверждающее особенности культуры российско-евразийского мира"¹⁹. В политическом отношении они считали себя "непредрешенцами".

Сущность "непредрешенчества" заключается в непредрешении образа правления в "национальной России", который должен быть выбран самим русским народом. Однако, помимо формы правления, "непредрешенчество" оставляло скрытым и целый ряд других, не

менее важных вопросов: социальный строй, национальное устройство, земельные отношения и др.

Ключевую роль, по мнению евразийцев, играло содержание "идеи-правительницы", т.е. господствующей в обществе доктрины-идеологии, мысли нации, поиски которой они считали главной задачей своей деятельности. Идея становится "правительницей", а вся система власти оформляется в "идеократию". Центральная "идея-правительница", придающая тон и окраску культуре, является ее сущностью, структурирующим фактором. Вместе с тем ей принадлежит и роль изначальной основы (или архетипа) данной культуры, на обнаружение которого направляется вся культурная деятельность ("поиск истины") в ее рациональных и бессознательных формах.

Так же важна, по мнению евразийцев, сила, организующая общество в соответствии с "идеями-правительницей": "Теоретическая разработка идеологии нужна, но не в ней центр тяжести. Необходимо создать новую партию, которая являлась бы носителем этой новой идеологии и смогла занять место коммунистической"²⁰.

Мысля новую партию как преемницу большевистской, евразийцы придавали понятию "партия" новый смысл. "Она – партия особого рода, правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключая существование других таких же партий. Она – государственно-идеологический союз; но вместе с тем она раскидывает сеть своей организации по всей стране и исходит до низов, не совпадая с государственным аппаратом, и определяется не функцией управления, а идеологией. Формально нечто подобное этому представляет собой итальянский фашизм, лишенный, впрочем глубокой идеологии: но, разумеется, большую аналогию дают сами большевики..."²¹.

Не придавая важности четкому определению форм будущего государственного устройства России, евразийцы видели общую историческую тенденцию в том, что на смену старым, во многом искусственным моделям правления придет "органическая", при которой государственный строй отличается максимализмом, требует, чтобы власть была максимально сильной, но чрезвычайно близко стояла к народу²².

Евразийцы были убеждены, что "всякое современное размышление о грядущих судьбах России" должно определенным образом ориентироваться на уже сложившиеся в прошлом способы постановки русской проблемы: "славянофильской" или "народнической", с одной стороны, и "западнической" – с другой. И, добавив от себя, "большевистской", хотя сами евразийцы не очень-то верили в способность большевиков установить на длительный срок прочный идеократический государственный строй из-за ложности их "идеи-правительницы".

В период формирования концепций евразийства Н.С. Трубецкой определял место евразийской идеологии относительно "славянофильской" и "западнической" следующим образом: "Мы совмещаем славянофильское ощущение мировой значительности русской национальной стихии с западническим чувством относительной культурной примитивности России в области экономической и со стремлением устранить эту примитивность"²³. Стоит напомнить, что и лидеры русского большевизма также не были чужды подобному мировоззрению, мечтая о том, чтобы "под самый передовой общественный строй" подвести "самую передовую науку, технику, культуру".

С той же надеждой, что и большевики, на исполнение Россией великой исторической миссии евразийцы провозглашали: «Мы чтим прошлое и настоящее западно-европейской культуры, но не ее мы видим в будущем... С трепетной радостью, с дрожью боязни предаться опустошающей гордыне мы чувствуем вместе с Герценом, что ныне история толкается именно в наши ворота. Толкается не для того, чтобы породить какое-либо "зоологическое" наше "самоопределение", – но для того, чтобы в великом подвиге труда и свершения Россия так же раскрыла миру некую общечеловеческую правду, как раскрывали ее величайшие народы прошлого и настоящего»²⁴.

Проблеме исторической судьбы большевизма и его преодоления евразийцы уделяли внимание на протяжении всего периода существования своего движения. В 1922 г. в сборнике "На путях" (Берлин, 1922) была помещена весьма показательная статья Г.В. Флоровского "О патриотизме праведном и греховном". Автор утверждал: "Как бы ни относиться к программе большевиков в смысле ее соответствия реальным потребностям исторической жизни, необходимо признать верность руководящего ими инстинкта: они поняли, что нужно ломать и созидать наново"²⁵.

Приняв факт свершившейся российской революции за позитивно-закономерный (для "сменовеховцев" этот факт был скорее негативно-закономерным), евразийцы считали, что "по внутреннему заложенному в нее, но не раскрытому ею смыслу" она была не социалистической, а "евразийской"²⁶.

"Национальная" же миссия большевиков, по мнению "евразийцев", заключалась в том, что

они, изолируя Россию от Запада, "находящегося в серьезном духовном и социальном кризисе", вопреки своим политическим целям, вывели страну на самостоятельные духовные пути ("...Хоть и служа коммунистическому интернационализму, она [революция] силою вещей не может не проводить в основном евразийской внешней политики, защищая интересы того культурного целого, которое носит имя России–Евразии")²⁷.

Евразийцы были глубоко убеждены, что только система обоснованных в их учении идей может привести к разрешению и снятию основных противоречий русского революционного процесса: "Российская революция изобличает следующие, присущие ей и в ней раскрывающиеся противоречия: формально революция есть процесс религиозный – искание последней земной правды и стремление во что бы то ни стало ее осуществить; но по теоретическим учениям своим революция оказалась безрелигиозной и даже более того: противорелигиозной и богоборческой"²⁸.

Для преодоления противоречий революционного процесса евразийцы проповедовали "переключение революционной энергии" на созидательные цели и "евразийское", т.е. "национальное углубление революции". Впоследствии в других вариантах пореволюционной идеологии "национальное углубление революции" перерастет в "необходимость свершения в России новой – национальной революции".

Евразийцы первыми среди русских эмигрантов определили характер своего движения именно как "пореволюционный", ибо, считали они, "его нельзя понять, не учтя факта революции; его стремление и цели теснейшим образом связаны с развертыванием русского революционного процесса"²⁹. И несомненной их заслугой является обоснование и утверждение в русской эмиграции мысли о том, что борьба с большевиками не может вестись только вооруженным путем, что идею можно победить лишь другой идеей, что марксизму – законченному и цельному мировоззрению и идеологии – необходимо противопоставить более сильное мировоззрение и идеологию.

Тогда же, в период формирования "пореволюционного евразийства", в 1924 г. вышла в свет книга Н.А. Бердяева "Новое средневековье". Книга среди образованной части европейского общества оказалась не менее популярной, чем "Закат Европы" Освальда Шпенглера. Бердяев писал: «"Новое средневековье" было переведено на 14 языков. ...Эта маленькая книжка, в которой я пытался осмыслить нашу эпоху и ее катастрофический характер, сделала меня европейски известным. Сам я не придавал такого значения этой книжке, но в ней я действительно многое предвидел и предсказал. У меня есть острое чувство судеб истории, и для меня это противоречие, потому что я мучительно не люблю истории»³⁰.

Подтверждают оценку Бердяева и высказывания российских эмигрантов, на которых эта книга оказала действительно большое впечатление: «В те годы "Новое средневековье" явилось как раз тем, что было нужно узавлеченному эмигрантскому сердцу. Вероятно, ни одна книга не оказала такого пагубного влияния на младшие поколения эмиграции, как именно эта. Из вторых и третьих рук, через литературу евразийцев, национал-максималистов, младороссов и других пореволюционных течений, идеи "Нового средневековья" попадали в сознание даже тех эмигрантов, молодых людей, которые никогда этой книги не читали»³¹.

Что же "предвидел" и "предсказал" Бердяев в "Новом средневековье"? – "Либерализм, демократия, парламентаризм, конституционализм, юридический формализм, гуманистическая мораль, рационалистическая и эмпирическая философия – все это порождение индивидуалистического духа, гуманистического самоутверждения, и все они отживают, теряют прежнее значение. Все это отходящий день новой истории"³².

А что придет на смену? Где же завтрашний день человечества? – "Человек выходит к общности. Наступает универсалистическая, коллективистическая эпоха... Итальянский фашизм не менее, чем коммунизм, свидетельствует о кризисе и крахе старых государств... И фашизм, единственное творческое явление в политической жизни современной Европы, есть в такой же мере новое средневековье, как и коммунизм"³³.

Россия одной из первых стран мира шагнула в новую эпоху – "новое средневековье", потому что "русский народ из всех народов мира наиболее всечеловеческий, вселенский по своему духу, это принадлежит строению его национального духа. И призванием русского народа должно быть дело мирового объединения, образование единого христианского духовного космоса"³⁴. Но на пути исполнения своего призвания русский народ, по мнению Бердяева, подвергается "самым большим соблазнам и соблазнам самого противоположного характера – исключительному интернационализму, истребляющему Россию, и не менее исключительному национализму, отделяющему Россию от Европы"³⁵.

И именно в "соблазне исключительного интернационализма", проповедуемого большевиками, большинство российской эмиграции видело главную опасность, рожденную ком-

мунистической революцией и стоящую перед Россией. Причем различное отношение к этой опасности послужило причинами:

- 1) разобщенности пореволюционного движения российской эмиграции;
- 2) возникновения в пореволюционном движении российской эмиграции ряда политических организаций, называвших себя "национальными". Среди них: "Российская фашистская организация", "Российское национальное и социальное движение", "Национально-трудовой союз нового поколения", "Братство Русской правды", "Союз молодая Россия", "Российский имперский союз" и др.

В истории политической эмиграции 20–30-х гг. большой интерес представляет вопрос об идейных и исторических предпосылках национал-революционного течения русской эмиграции. Определение "национальные политические" организации, как правило, используют для обозначения характера борьбы за национальную независимость своего народа, своей страны. В российской эмиграции понятие "национальные политические" организации имело часто двойное значение:

"национальные" – "антисемитские";

"национальные" – "сторонники российского национализма".

"Исключительному интернационализму" большевиков некоторые русские эмигранты противопоставили "исключительный национализм", полагая в нем одном рецепт спасения России и русского народа. В их представлениях "Россия национальная" была в первую очередь "Россией, освобожденной от засилья еврейской власти"³⁶.

Часть пореволюционеров, признававших "глубокую органичность советской революции, ее всемирную историчность и национальную оправданность" ("сменовеховство"), менее всего боялась опасности "исключительного интернационализма" и верила, что все "антинациональное" Россией будет отторгнуто.

Другая часть верила, "что революция была необходима для дальнейшего существования нашего Отечества", что она произошла не случайно, не по недоразумению или измене, что корни ее уходят в глубь истории страны, что она готовилась веками, что она была «неизбежна и приведет через кровь и страдания к великому обновлению. Мы видим, что революция по существу своему национальна... Но мы знаем, что стихия революции была использована для чуждых народу целей марксистами-коммунистами, которые хотели воспользоваться Россией как "трамплином для своих интернациональных целей" ("национал-максималисты")³⁷». Представители этого идеологического течения считали, что российская революция является единым социально-политическим процессом, но тем не менее ее следует рассматривать в трех "основных фазисах", "трех трансформациях". Это "буржуазно-демократический", "коммунистическо-материальный", и "неминуемый третий, национал-максималистский" этапы³⁸.

Следующее направление пореволюционеров – "национал-революционное" (русские солидаристы, русские фашисты, русские национал-социалисты и ряд других), трактовавшее революцию как "результат жидо-масонского заговора" и "национальную трагедию", считало, "что русская революция являлась концентрированным, предельно актуальным, катастрофическим выражением кризиса всей современной цивилизации"³⁹. Но в результате революции, по их мнению, Россия стоит ближе к новому веку, чем Европа, "ибо кризис западноевропейской философии в русском сознании созрел раньше, чем в самой Европе. В русской жизни изжиты два крайних проявления западноевропейской философии – либерализм (февраль – октябрь 1917 г.) и коммунизм, который держится лишь механическими средствами"⁴⁰.

Национал-революционное течение менее всего считало Октябрьскую революцию национально рожденной. Понимание революции как "национальной трагедии" толкало их на радикальные действия. Полагая, что новый век России придет не через эволюцию коммунизма ("неспособного к эволюции в силу статичности конечных утверждений марксизма, неприемлемого для русской психики вообще"), а через "обретение цельности внутреннего мира личности и рождение гармонии этого мира с формами национального бытия"⁴¹, национал-революционеры заменили тезис о необходимости "национального углубления революции" призывами к "национальной революции" как жизненно необходимой для России.

Антисемитская и антимаасонская тематика поселилась в российской публицистике и исторической литературе еще задолго до Октябрьской революции. Но в российской эмиграции, особенно в первые годы ее существования, эти вопросы были одними из самых обсуждаемых как на страницах эмигрантских журналов и газет, так и на специально устраиваемых диспутах и собраниях. Конспирологические сюжеты заняли важное место в программных документах различных эмигрантских организаций.

В качестве иллюстрации приведем некоторые, наиболее расхожие суждения:

"Практическим руководителем партии большевиков является Ульянов-Ленин, которому в октябре 1917 г. лозунгами: "Долой войну", "Грабь награбленное", "Мир хижинам, война дворцам" удалось увлечь за собою вооруженные до зубов темные массы и из них создать Красную Армию, которая своей численностью раздавила Белое движение и прочно закрепила Советскую власть в СССР, признанную радикал-либералами и социал-демократами за подлинную рабоче-крестьянскую власть русского народа. Таким образом, благодаря ничемности русской интеллигенции и мировому заговору еврейства, совершенно случайно и в сравнительно короткий срок, сатанистам удалось перешагнуть на третью ступень плана о мировой революции... Жидо-масоны и руководимый ими интернациональный пролетариат гигантскими шагами приближался к конечной своей цели – порабощению человечества жидовским кагалом"⁴².

Национальный союз нового поколения (НТСНП) – русские солидаристы – основной задачей своей организации и борьбы считали следующее:

"Национальный союз нового поколения есть движение новых русских национальных сил, организующее освобождение и воссоздание России. Из этой цели, поставленной во всем ее объеме, вытекает основная задача настоящего времени: бросить все силы и средства Союза на свержение коммунистической власти революционным путем и образование Всероссийского национального правительства..."⁴³.

Попытки рассмотреть в литературе и публицистике "еврейский вопрос" были многочисленны. Считалось аксиомой, что "евреи дали непропорционально большой процент коммунистов", что "большевистские государственные и партийные учреждения переполнены евреями".

Четко формулирует эти настроения В.В. Шульгин, монархист, активный участник Белого движения и политический лидер эмиграции: "Тот, кто в условиях борьбы белых с красными не был антисемитом, тот, значит, не ощущал сущности дела, ибо он не способен был понять факта, выпиравшего совершенно явственно: организующей и направляющей силой в стане красных были евреи"⁴⁴.

По сообщениям эмигрантской печати, "в начале 20-х гг. эмигрантский антисемитизм носил прямо-таки болезненный характер – это была своего рода белая горячка. Теперь зарубежный антисемитизм несколько как будто поутих. Люди едва ли изменились; изменились, по-видимому, внешние условия жизни, несколько остыли бушевавшие страсти..."⁴⁵.

В контексте "еврейского вопроса" в эмигрантской среде активно обсуждалась проблема масонов – представителей тайных, очень могущественных в финансовом и политическом отношениях организаций, которые якобы стояли за ширмой "российской трагедии" в качестве ее подлинных сценаристов и режиссеров. При крайней скудости правдивой информации о тайных религиозных организациях Запада версия о "масонском следе" в русских событиях 1917–1920 гг. обростала фантастическими домыслами.

Так или иначе, антисемитская и антимасонская подкладка национал-революционных русских эмигрантских организаций не вызывает никаких сомнений, не являясь в то же время более оригинальной и глубокомысленной, чем у немецких, итальянских, французских и прочих воинствующих националистов.

Но именно политическая нетерпимость русской эмиграции (антикоммунизм и антисемитизм) стала причиной перерастания в пореволюционной идеологии положения "о национальном углублении революции" в четкую теорию "национальной революции" и формирования нового русского политического движения – "национал-революционного".

В вестнике Высшего монархического совета "Двуглавый Орел" была напечатана небольшая заметка "Колыбель патриотизма", рассказывающая о возникновении при Юридическом факультете г. Харбина Русского студенческого общества, а при нем – Российской фашистской организации: "Ничего нет удивительного, что сыновья героев, а некоторые и сами участники священной войны за Россию, несмотря на крайнюю бедность свою и все прочие невзгоды, время своего изгнания посвятили на то, чтобы закалить свой дух для последней решительной борьбы. Будучи объединены первоначально лишь на почве изыскания средств для учения, они вскоре же сознали необходимость связаться между собою более прочными узами для изучения причин постигших нас бед и для накопления сил для спасения России"⁴⁶.

В Югославии в конце 20-х гг. возникают первые группы Национального союза нового поколения. На допросе в московской тюрьме один из организаторов и впоследствии генеральный секретарь Союза М.А. Георгиевский⁴⁷ рассказывал: «Вначале Союз назывался "Союзом национальной молодежи" (СНМ), или как их в шутку называли среди эмиграции "нацмальчики", и входил в состав монархического Российского общевойскового союза (РОВС)⁴⁸. С момента его возникновения он возглавлялся В.М. Байдалаковым⁴⁹, бывшим корнетом

Измюнского кавалерийского полка, окончившим в Белграде университет по сельскохозяйственному факультету. В 1929 г. я встретился с Байдалаковым, инженером Занкевичем⁵⁰ и другими. В беседе они рассказали, что при РОВСе имеется "СНМ", и они являются его руководителями... Считаю РОВС организацией реакционной и методы борьбы РОВСа при Советской власти непригодными, я считал, что восстановить старую Россию невозможно, а потому поставил вопрос о создании новой организации, которая бы вела против Советской власти иную, идеологическую борьбу за создание другого государства на иной социальной основе. Я считал, что в России должна быть восстановлена не монархия, не старые социальные отношения, а новое государство, основанное на социальной справедливости»⁵¹.

Создателями и активными участниками русских национал-революционных организаций, как правило, были молодые эмигранты. Незавидной была их участь: часто нищенские условия существования, проблемы с получением высшего и специального образования, постоянные поиски жилья и работы и, конечно, униженность человека без гражданства. Небольшая часть молодых русских эмигрантов первого поколения ассимилировалась в инациональной среде, но в подавляющем большинстве они страдали мучительной ностальгией по утраченной Родине.

Поначалу эмигрантская молодежь испытывала идейное влияние представителей старшего поколения. Однако время шло, и новая смена выбиралась из этого плена с горьким чувством обманутого сына в душе. Действительно, сколько тяжких поражений, сокрушенных надежд, рухнувших иллюзий, ошибок! Неотвратимо слабел гипноз преданий, бледнели образы прошлого.

«Остатки радикальной интеллигенции – старшего поколения, очутившиеся в эмиграции, не пользовались среди молодежи никаким влиянием. Скорее наоборот. Уход молодежи от них начался еще в годы Гражданской войны. Уже тогда "правое" перестало быть символом зла и реакции, а "левое" в свете большевистского террора перестало быть притягательным и питало часто чувства горечи и отталкивания»⁵².

Немногочисленные, но активные группы кадетов, эсеров и меньшевиков в первые годы эмиграции издавали основную массу эмигрантских газет и журналов, их публицистика и дискуссии занимали авансцену эмигрантской общественной жизни. Но остатки демократической и социалистической интеллигенции не имели влияния на эмиграцию и были окружены враждой огромного большинства эмигрантов⁵³.

Вражда эта часто основывалась на убеждении, что интеллигенция "сделала" революцию и потому несет ответственность за все ее ужасы и разрушения, и именно она, ее политика привели большевиков к власти.

Этому отходу способствовал и рост религиозных настроений в российской эмиграции⁵⁴.

Вместе с разочарованием в Западе, начавшимся еще в период Гражданской войны (союзнические державы не смогли помочь уничтожить большевистскую власть!), у бесподанных и ненужных на Западе людей росло желание доказать всем, что, несмотря на терпешнее свое унижение, Россия духовно выше Европы и имеет особое, великое, мессианское призвание.

Но более характерными для молодого зарубежья были иные настроения, те самые, которые можно назвать "пореволюционными".

«Зарубежные дети хотят быть "пореволюционными" – это одно из их заветных стремлений. Они не очарованы прошлым, не ноют по милым призракам и не хотят реставрации. Они рассуждают о "синтезе" дореволюционного тезиса с революционным антитезисом. Революция для них – не срыв, не жупел, не постыдное историческое недоразумение, а громадный и осмысленный, хотя и страшный факт русской истории. Они чают плодотворного завершения революционной эпохи. Они проникнуты русским патриотизмом, но в то же время не чуждаются также интернациональных веяний нашего века, его универсалистических возможностей, подчас воспринимая их в духе вселенской идеи прежнего славянофильства. Вслед за старыми "Вехами" отцов они упорно проповедуют "примат духовного начала перед материальным" и выдвигают на первый план идею духовно-культурной миссии России. Они решительно отталкиваются от капитализма и лицемерной буржуазной демократии и достаточно равнодушны к великим принципам 1789 г. И тут снова – их своеобразное касание мира русской революции. Но, с другой стороны, и большевистский коммунизм во многом для них неприемлем. Их отделяет от него, прежде всего, марксизм – материалистический его облик. Они принимают проблематику русской революции, но отвергают ответы его текущего этапа и мечтают о "равновеликом преодолении большевизма". Они утверждают новую "конструктивную пореволюционность"»⁵⁵.

Давая характеристику пореволюционным политическим течениям, Н.В. Устрялов останавливается на одном из них, набирающем силу и популярность в среде эмигрантской молодежи: «...На очень дурной путь, к сожалению, стал единственный интересней

невозвращенец Дмитриевский – в своей проповеди "национальной революции". Худо, если он соблазнит некоторое количество малых сил, и без того склонных к соблазну.

Речь явно идет о русском Гитлере, о фашистских "национал-коммунистических" кадрах в зарубежье»⁵⁶.

В историографию рассматриваемой нами темы прочно вошел термин "пореволюционность". Какой смысл вкладывался в него в 20–30-х гг.?

Российские "фашистские", "национал-социалистические", "национал-революционные" организации, наряду с организациями "евразийцев", "устряловцев", "национал-максималистов", «неонародников ("новоградцев")», "неодемократов", "российских солидаристов (НТСНП)", "младороссов" и рядом других политических организаций получили название "пореволюционных", так как считали невозможной реставрацию дореволюционного государственного состояния России. Эти течения исходили из реально существовавшей России, какой бы она ни была, и видели свой долг в борьбе за ее внутреннее преобразование в соответствии с новыми идеалами, направленными против идеологии большевиков: "устройство нового социального уклада, одновременно антикапиталистического и антикоммунистического, на основах христианской правды"⁵⁷.

Основная причина появления "пореволюционного" движения – это поиски частью российской политической эмиграции, считавшей бывший монархический государственный строй изжившим себя, а социалистические и тем более коммунистические идеи в силу чужеродности для России и обязательного отторжения их неприемлемыми для страны, новых путей обустройства России.

Все пореволюционные течения ставили перед собой единую цель – претворение в жизнь российской исторической идеи (в разных ее преломлениях) и были солидарны в том, что проецировали эту идею на современную им советскую действительность – в качестве исходной точки для дальнейшего строительства. Что же касается путей этого строительства, то здесь имелся ряд вариантов как идеологического, так и программно-тактического характера.

Следует отметить, что термин "пореволюционный" даже сами представители этого течения понимали весьма условно, и те идеи, что было принято именовать пореволюционными, в сущности не новы. Как метко отметил орган объединения пореволюционных течений журнал "Утверждения", «...вообще на свете ничего абсолютного не бывает; все "новое" есть всегда лишь новое сочетание извечно наличествующего»⁵⁸.

Создавая "новое сочетание", представители пореволюционных политических течений искали в данной небывалой и потому новой исторической обстановке прежде всего проекцию этого нового идейного сочетания на современную социальную действительность. «Пореволюционная идеология для нас истинна не потому, что она пореволюционна, то есть возникла после революции (она для нас вечна, ибо имя ей: российская историческая идея); мы полагаем, что эта идеология потому и должна стать пореволюционной, то есть реализоваться после завершения революции, что она истинна и органически связана со всей диалектикой нашей истории. Через творчество старца Филофея и Дм. Герасимова, славянофилов, Гоголя, Тютчева, Бакунина, Леонтьева, Герцена, Данилевского, Достоевского, Федорова, Бахрушева, Бердяева – до Блока, Белого, Есенина – проходит одна и та же идея: религиозно-культурной миссии России: "в пределе раскрываемой как мессианское призвание"»⁵⁹.

Критики пореволюционных идеологических течений – в большинстве политические деятели дореволюционного периода – выдвигали против этого понятия следующие аргументы: пореволюционность есть категория временная, в ней нет определенного, со всяким послереволюционным периодом связанного, идейного содержания; так называемый пореволюционный комплекс идей не несет в себе ничего нового; в действительности он чрезвычайно дореволюционен: это – славянофильство во всех его разновидностях; так называемые пореволюционные организации и методологически и пореволюционны: "это все тот же интеллигентский утопизм в одной сфере и все та же кружковщина как метод – в другой"⁶⁰.

Идеолог "национал-максимализма" князь Ю.А. Ширинский-Шихматов предпринял попытку организации политического объединения отдельных пореволюционных групп, для чего в июле 1933 г. в Париже по его инициативе был созван съезд представителей национал-максималистов, неодемократов, "четвертороссов" и русских национал-социалистов, провозгласивший "Объединение пореволюционных течений"⁶¹.

Свои идеологические положения "Объединение пореволюционных течений" формулировало следующим образом:

"Современное (пореволюционное) понимание российской национально-исторической идеи настоятельно требует раскрытия:

а) христианской правды как правды социальной;
б) преобладания духовного начала как действенного преодоления всех форм современного поклонения материи (капитализм и коммунизм);
в) понятие истинного национализма как всенародного служения Богу и Миру на своих собственных исторических путях;
г) идеи пореволюционного государства как Союза сотрудничества и общего дела;
д) христианской этики – как основы правосознания и права – как функции долга (право функциональное);

е) смысла революции как прорыва к творчеству новых форм жизни – социальных, государственных и международных, соответствующих требованиям новой эпохи⁶².

Печатными органами "Объединения" были журналы "Утверждения", "Завтра", "Периодический бюллетень представительства Объединения пореволюционных течений на юге Франции" (все три издавались во Франции)⁶³.

Единой пореволюционной идеологии никогда не существовало, и она вряд ли могла бы возникнуть и объединить русскую "пореволюционно настроенную" эмиграцию. Можно найти и установить комплекс идей, созвучных новой "пореволюционной эпохе" и принимаемых не как отдельные звенья чьей-то программы, а как фон для различных программ, как ряд общих основ, утверждений, сближающих в общем представлении о новой России людей самых различных направлений. Поэтому трудно признать только случайностью тот факт, что почти в одно и то же время, без всяких предварительных договоренностей, зазвучали одни и те же мысли в Харбине и Софии, в Берлине и Париже, отражая в разных аспектах одну и ту же реальность: назревшую актуализацию идеи исторической миссии России.

Примечания

¹ С п и р и н Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968. С. 382–383; М у х а ч е в Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. С. 36–37.

² И з г о е в А.С. Рожденное в революционной смуте. (1917–1932). Париж, 1933. С. 3–4.

³ Возрождение. (Париж). 1926. 14 августа. С. 2.

⁴ А л е к с е е в Н.Н. На путях к будущей России. (Советский строй и его политические возможности). Париж, 1927. С. 3–7.

⁵ И з г о е в А.С. Указ. соч. С. 5.

⁶ Н а з а р о в М.В. Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 56.

⁷ Б е р д я е в Н.А. Открытое письмо к пореволюционной молодежи // Утверждения. Орган объединения пореволюционных течений. (Париж). 1931. № 1, февраль.

⁸ У с т р я л о в Н.В. Сдвиги П.Н. Милокова // Наше время. Шанхай, 1929. С. 45.

⁹ У с т р я л о в Н.В. Под знаком революции. Харбин, 1925. С. 111.

¹⁰ Новости жизни. Харбин. 13 августа 1920.

¹¹ У с т р я л о в Н.В. Интервью от 1 февраля 1920 г. // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1920.

¹² У с т р я л о в Н.В. Под знаком революции. С. 111.

¹³ Там же.

¹⁴ Н а з а р о в М.В. Указ. соч. С. 212.

¹⁵ Н и к у л и н Л.В. Мертвая зыбь. Петрозаводск, 1987. С. 269–271.

¹⁶ Н а з а р о в М.В. Указ. соч. С. 223.

¹⁷ Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 5.

¹⁸ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев. София, 1921. С. 332.

¹⁹ Пути Евразии. С. 10.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 12.

²³ Там же. С. 13.

²⁴ Исход к Востоку. С. 333.

²⁵ На путях. Утверждения евразийцев. Берлин. 1922. С. 27.

²⁶ Т р у б е ц к о й Н.С. О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Вып. 8. Париж, 1927. С. 7–8.

²⁷ Исход к Востоку. С. 313.

²⁸ На путях. Утверждения евразийцев. Берлин. 1922. С. 35.

²⁹ Евразийская библиография. 1921–1931 // Приложение к книге "Тридцатые годы". Париж, 1931. С. 285.

³⁰ Б е р д я е в Н.А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). Париж, 1949. С. 274.

³¹ В а р ш а в с к и й В. Незамеченное поколение. М., 1992. С. 46.

³² Б е р д я е в Н.А. Новое средневековье. М., 1992. С. 20.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 21.

³⁵ Там же. С. 22.

³⁶ Православный русский фашизм. [Б.м.], 1937. С. 8–15.

³⁷ Утверждения (Париж). 1932. № 3, август.

³⁸ Там же. С. 117.

³⁹ Ранние идейные поиски российских солидаристов. М. 1992. С. 72.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 57.

⁴² В а р ш а в с к и й В. Указ. соч. С. 48.

⁴³ Национальный союз нового поколения. [Б.м.], 1935. С. 40.

⁴⁴ Ш у л ь г и н В.В. Что нам в них не нравится. СПб, 1992. С. 71.

⁴⁵ Последние Новости (Париж). 29 мая 1928.

⁴⁶ Двуглавый орел (Берлин). № 7. 28 мая 1927.

⁴⁷ Михаил Александрович Георгиевский родился в 1888 г. в г. Бежица Брянской губернии. В 1907 г. закончил реальное училище в г. Выборг, в 1913 г. – историко-филологический факультет Петербургского университета и был оставлен там в качестве приват-доцента. Работал в университете до 1917 г., а затем переехал в Ростов-на-Дону, куда в 1915 г. был эвакуирован Варшавский университет. С 1919 г. находился в эмиграции в Югославии. С 1920 по 1929 г. Георгиевский – профессор древне-еврейского языка в Белградском университете, а с 1929 по 1936 г. – преподаватель древних языков в Русской гимназии Белграда. В начале 1930 гг. Георгиевский вступает в НТСНП, где активно работает по 1941 г., он один из авторов программных документов Союза, разработавший идеологическую концепцию НТСНП – "национально-трудовой солидаризм". Его программные статьи появляются практически в каждом номере печатных органов Союза: газет "За Россию!", "Борьба за Россию!", "За Родину!", выпускавшихся в 30-е гг. в Югославии и Болгарии. Георгиевский – секретарь Исполнительского бюро совета союза, активный организатор отделов НТСНП в разных странах Европы, преподаватель политических курсов для эмигрантов, вступающих в ряды организации.

Осенью 1941 г. руководство НТСНП приглашается на работу в Германию. Георгиевский от этого предложения отказывается и прекращает свою деятельность в НТСНП.

⁴⁸ Российский общевоинский союз (РОВС) – самая многочисленная эмигрантская организация монархического типа, активно действовавшая за границей до начала Великой Отечественной войны. Была создана в 1921 г. генералами Врангелем, Кутеповым и Миллером. Ее антисоветская деятельность была под контролем 2-го бюро (военной разведки) Генерального штаба французской армии. Центр РОВС находился в Париже. До 1929 г. кадры армии, объединенные в Общевоинский союз, жили надеждой на открытую вооруженную борьбу против СССР при поддержке иностранных держав.

Генерал А.П. Кутепов был одним из первых руководителей РОВСа, понявших необходимость перехода на другой путь. Организация, официально исповедующая доктрину "непредрешенчества", проникнутая психологией военной касты, действовала в двух направлениях.

Первое заключалось в установлении связи с высшими чинами Красной Армии (в эпоху генерала Кутепова многие из них являлись бывшими офицерами царской армии), в "привитии им национально-освободительной идеи" и в подготовке совместно с ними военного переворота в Москве. Избранная РОВСом тактика имела в виду наличие в верхах Красной Армии немалого количества людей, способных следовать идеям бывших белых борцов. Между тем там происходила быстрая замена довоенных офицеров новыми командирами "коммунистической выучки".

Второе представляло собой систему так называемого "среднего террора". Ударам подвергались отдельные советские учреждения. Строго разработанного плана этих ударов, однако, не было. "Средний террор" активно продолжался до начала 30-х гг., но кроме трагической гибели его участников он не приносил ничего.

РОВСу – организации, претендовавшей на руководство в борьбе с большевизмом, были присущи иерархичность, основанная на старом чиновничестве, непонимание своей собственной роли как политического фактора и отсюда – уход от политики (приказ № 82, запрещавший чинам РОВСа состоять в политических организациях), отсутствие оформленного политического мировоззрения, непонимание значения социальных вопросов. К концу 40-х гг. РОВС фактически распался.

⁴⁹ Байдалаков Виктор Михайлович (около 1900–?) русский эмигрант, по специальности инженер-химик, председатель НТСНП. До осени 1941 г. жил в Белграде, а затем выехал в Берлин.

⁵⁰ Занкевич Андрей Иванович (около 1898–?) русский эмигрант, по специальности агроном, проживал в Белграде. До 1936 г. являлся членом Исполнительного бюро НТСНП, а затем был исключен из

организации. В период Второй мировой войны находился на службе у нацистов в качестве "хозэксперта", поддерживал связь с гестапо и выдавал ему лиц, проводивших работу против немцев. В конце 1944 г. из Югославии выехал в Германию.

⁵¹ Архивно-уголовное дело М.А. Георгиевского.

⁵² В а р ш а в с к и й В.Н. Указ. соч. С. 67.

⁵³ Там же. С. 69.

⁵⁴ Там же. С. 70.

⁵⁵ Утверждения (Париж). 1932. № 3, август. С. 109.

⁵⁶ Там же. С. 113.

⁵⁷ Там же. С. 20.

⁵⁸ Там же. 1933. № 1. С. 19.

⁵⁹ Там же. С. 17.

⁶⁰ Там же. С. 49.

⁶¹ Периодический бюллетень представительства объединения пореволюционных течений на Юге Франции. Марсель, 1935. №3. С. 6.

⁶² В а р ш а в с к и й В. Указ. соч. С. 48.

⁶³ Там же. С. 49.

© 1998 г. Е.Ю. ЗУБКОВА

МИР МНЕНИЙ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА. 1945–1948 гг.*

4. Общественное мнение и власть

Первым значительным политическим событием в жизни страны после окончания войны стали состоявшиеся в феврале 1946 г. выборы в Верховный Совет СССР. Подготовка к ним широко освещалась в печати, газетные репортажи демонстрировали "морально-политическое единство" советского общества и "нерушимость блока коммунистов и беспартийных". Во всех избирательных округах шло обсуждение кандидатов в депутаты – обсуждение формальное и скорее ритуальное, поскольку эти выборы, как и довоенные, носили безальтернативный характер: по каждому избирательному округу выдвигался только один кандидат. На официальных собраниях люди, как и следовало ожидать, в своих выступлениях высказывали одобрение политике партии и в основном поддерживали выдвинутых кандидатов. Собрания проходили по заранее отработанному сценарию, и высказанные на них мнения и суждения вряд ли можно рассматривать как адекватное отражение политических настроений населения. Это, конечно, не значит, что выступавшие были сплошь неискренними: сама атмосфера выборов, прошедших как всенародный праздник, доказала, что власти пользуются не мнимым, а действительным доверием народа. В день выборов на оборотной стороне избирательных бюллетеней можно было прочесть здравицы в адрес коммунистической партии, Сталина, других советских руководителей. Даже если допустить, что часть этих надписей была организована, то стиль и орфография многих свидетельствуют об их подлинности. Другое дело, что положительные высказывания не отражали всего спектра общественных настроений. Критические мнения не публиковались, но они существовали и отслеживались наблюдателями от партийных организаций и информаторами органов госбезопасности.

В январе 1946 г. глава Наркомата внутренних дел С. Круглов докладывал в ЦК ВКП(б) об "антисоветских и хулиганских проявлениях в период подготовки к выборам в Верховный Совет Союза ССР"¹. К их числу относились: распространение листовок "антисоветского содержания" (конкретное содержание листовок при этом не раскрывалось), уничтожение агитационных плакатов и портретов руководителей страны, дебоши на избирательных участках и во время предвыборных собраний. Вот несколько типичных сообщений:

* Окончание. Начало см. "Отечественная история". 1998. № 3.

"20 декабря 1945 г. в Москве, около дома № 18 по Кривому переулку, на тротуаре и во дворе дома были обнаружены разбросанными 22 листовки антисоветского содержания. Арестован автор листовок Иванников Г.М., 1907 года рождения, демобилизованный из Красной Армии, нигде не работал [...]. Ведется следствие.

9 января на станции Волга Некоузского района Ярославской области при входе в помещение избирательного участка № 134 были обнаружены изрезанными два плаката, посвященных выборам в Верховный Совет. Виновные в этом преступлении – Максимова и Волченкова – арестованы.

Инвалид Отечественной войны Туленков И.Ф. на проходившем предвыборном собрании в деревне Безминцево Ростовского района Ярославской области [...] заявил: "Нам предлагают кандидатами людей, которых мы не знаем, смотрите, чтобы нам не выбрать таких, которые окажутся врагами народа вроде Зимина (бывший секретарь Ярославского обкома ВКП(б), арестованный в 1938 г.), будьте осторожны, а то выберем опять такое правительство, которое снова навяжет нам войну". Туленков арестован².

Опасения избирателей снова выбрать "не тех" людей ("врагов народа") были довольно распространены явлением, особенно в регионах и областях, где депутаты довоенного призыва оказались в числе репрессированных.

Наблюдавшие за ходом предвыборной кампании представители партийных органов отмечали наличие у населения "нездоровых настроений, выражающихся в хождении вредных слухов, в недовольстве отдельных лиц политикой партии и советской власти"³. Вопреки официальной пропаганде, подчеркивающей демократический характер выборов, люди справедливо видели за этой вывеской очередную фикцию и между собой говорили об этом: "Государство напрасно тратит средства на выборы, все равно оно проведет тех, кого захочет"⁴; "Все равно по-нашему не будет, они что напишут, за то и голосуют"⁵; "Предстоящие выборы нам ничего не дадут, вот если бы они проводились, как в других странах, то это было бы другое дело"⁶; "В избирательный бюллетень включают только одну кандидатуру, это нарушение демократии, так как при желании голосовать за другого все равно будет избран указанный в бюллетене"⁷.

В народе по поводу выборов распространялись разные слухи и домыслы. Агитаторы перед выборами должны были проверить наличие избирателей по спискам, составленным местными органами власти. Это была обычная формальность, однако даже на этой почве рождались фантазии. В Воронеже, например, говорили: списки избирателей проверяются для того, чтобы выявить неработающих для последующей отправки на работу в колхозы. Люди закрывали свои квартиры и уходили из дома, чтобы при визите агитаторов не попасть в избирательные списки⁸. Подобные действия представители власти расценивали как противоправные, и за них полагались соответствующие административные санкции. В высказываниях людей прочитывается прямое осуждение такого рода "палочной" демократии: "Выборы проводятся неверно, дается один кандидат на выборный район, а избирательный бюллетень контролируется каким-то особым способом. В случае нежелания голосовать за определенного кандидата [его фамилию] зачеркнуть нельзя – это будет известно НКВД, и отправят куда следует"⁹; "У нас нет никакой свободы слова, если я сегодня что-нибудь скажу о недостатках в работе советских органов, то меня завтра же посадят в тюрьму"¹⁰.

В ходе обсуждения возникали и вполне конкретные вопросы, например: что делать избирателям, если выдвинутая кандидатура не нравится; какие меры будут приняты к тем, кто откажется голосовать?¹¹ Вопросы аналогичного содержания задавались и во время подготовки выборов в Верховные Советы союзных республик, состоявшихся в 1947 г. Как свидетельствуют сводки, подготовленные на основе обобщенной информации по нескольким республикам и областям, наибольший интерес населения в связи с процедурой выборов вызывали следующие вопросы: какими избирательными правами будут пользоваться люди с ограниченным правовым статусом (репатриированные, спецпереселенцы, побывавшие в плену, а также бывшие власовцы); почему по отношению к депутатам, не оправдавшим доверие избирателей, не принимаются соответствующие меры; когда депутаты будут отчитываться перед избирателями?¹²

Довольно часто люди высказывали сомнения в целесообразности и своевременности проведения выборов, на которые затрачивались большие средства, в то время как тысячи соотечественников находились на грани голода: «О неубранном на полях хлебе не заботятся, а уже начали "звонить" о перевыборах правительства. Пользы от этого никому нет»; "Чем заниматься бездельем, они лучше накормили бы народ, а выборами не накормишь"; "Выбирают-то они хорошо, а вот хлеба в колхозах не дают"¹³.

В представлениях о власти как некоей абстрактной силе (психологическая конструкция *они*) нашел отражение процесс субъективного отчуждения от ее носителей, выражением которого становилась прогрессирующая аполитичность. "Кому нужно, тот пусть и выбирает [...], а нам и так все это надоело, выберут и без нас"; "Выбирать я не собираюсь и не буду. Я от этой власти ничего хорошего не видел. Коммунисты сами себя назначили – пусть они и выбирают"¹⁴, – такого рода суждения далеко не всегда высказывались публично, но они присутствовали в спектре общественных мнений и влияли если не на поступки, то на умонастроения окружающих.

Несмотря на известную абстрактность восприятия власти в массовом сознании, она тем не менее имела четко выраженную двухуровневую структуру и делилась на верховную и местную. Местная власть в лице директоров предприятий, председателей колхозов, руководителей местных советских и партийных органов становилась главным объектом критики со стороны населения: в своих бедах народ по традиции винил прежде всего ближнее "начальство". Вместе с тем местное руководство находилось и под критическим прицелом Центра – фокус критики народа и верховной власти в данном случае совпадал, что, естественно, рождало иллюзию совпадения их интересов. Эта иллюзия поддерживала жизнеспособность всей системы и веру в непогрешимость верховной власти, которую олицетворял Сталин. Не случайно непопулярные решения (например, повышение пайковых цен или отсрочка отмены карточной системы) населением объяснялись либо как результат "неведения" Сталина, либо оправдывались как "неизбежное зло", которое нужно просто пережить.

Когда в сентябре 1946 г. было опубликовано постановление о повышении пайковых цен (цен на товары, получаемые по карточкам), местные информаторы докладывали в ЦК ВКП(б), что основная часть населения страны встретила это известие "с пониманием". Однако, если судить по характерным высказываниям на этот счет, совершенно очевидно, что "понимание" народа основывалось не столько на осознании реальных причин пересмотра пайковых цен, сколько на вере и убеждении, что "партия и товарищ Сталин не желают зла народу"¹⁵. "Раз постановление подписал товарищ Сталин, – говорил один ленинградец, – мы верим, что это единственный, самый правильный путь. Другого пути нет"¹⁶. Судить о степени распространенности подобных суждений довольно сложно, поскольку высказывались они, как правило, в официальной обстановке, на собраниях и, возможно, были заранее подготовлены. Есть сведения, что сходные мнения звучали и в частных разговорах. "Тяжело будет для многих..., – делились между собой рабочие химвкомбината города Воскресенска, – но ведь не может быть, чтобы это без ведома товарища Сталина делалось. Значит, так надо, значит, другого выхода нет"¹⁷.

Почтительное отношение к Сталину, между тем, являлось не только фактом личных убеждений и личного выбора. Оно культивировалось всей советской идеологией и контролировалось соответствующими органами. Карались не только мнения и поступки, так или иначе направленные против вождя, но и действия, такой цели вовсе не преследовавшие. Многие люди пострадали тогда "по недоразумению": в "контрреволюционной деятельности" мог быть обвинен редактор газеты, в которой прошла обычная опечатка, или школьник, объектом шалости которого стал портрет вождя. Во время проведения партийного собрания на текстильном комбинате города Иваново докладчик в выступлении оговорился. Он сказал: "Товарищ Сталин является организатором немецкого фашизма и японского милитаризма", пропустив слово "разгрома". Тогда все обошлось почти благополучно: за "антипартийное выражение по адресу вождя нашей партии товарища Сталина И.В." оговорившийся докладчик получил только выговор по партийной линии¹⁸. Однако сам случай показателен, поскольку характеризует атмосферу времени, когда не только действительная критика, но и просто казусы, воспринимались властью как факторы, угрожающие ее стабильности. Высказывать открыто свою точку зрения, если она противоречила официально принятой, было рискованно – причем в ряде случаев не только для карьеры, но и для жизни. Тем не менее подобные мнения – пусть и единичные – все же существовали, а официальные и добровольные доносчики сообщали о них соответствующим инстанциям.

В критических высказываниях дилемма *мы – они* разрешалась следующим образом: "Чего можно ждать хорошего, когда начальство и коммунисты все себе грабят? Поэтому и жить нам так трудно"¹⁹; "Тогда жить будем хорошо, когда не будет этих правителей, они разорили всю Россию"²⁰; "Живут хорошо только те, кто работает в магазинах, да верхушка правительства"²¹. Кто-то обвинял во всех бедах советский строй: "Порядков не будет до тех пор, пока будет советская власть"²². В деревне проблема виделась несколько по-иному: "Если бы не было проклятых колхозов, то наша жизнь была бы много лучше. При советской власти живет хорошо только коммунистам"²³. "Мне кажется, что там, где нет нашего правительства, нет

колхозов, люди живут полной чашей, там всего много и все дешево. Где же появляются советская власть и колхозы, там все пропадает, все делается дорогим [...]”²⁴, – эта мысль могла бы закончить импровизированный обмен мнениями.

В подобных высказываниях власть уже не безлика – она имеет конкретных носителей, которые в свою очередь не ограничиваются кругом местного начальства. В качестве объектов критики здесь выступают "правительство" ("правители"), "советская власть" (как система, т.е. на всех уровнях), "коммунисты".

Отношение населения к коммунистам как к носителям власти представляет собой важный момент в развитии массовых политических настроений послевоенных лет. Если среди населения деревни в период войны и сразу после нее самыми популярными были слухи о роспуске колхозов, то в качестве "сопутствующих" им ходили разговоры о роспуске после войны и партии коммунистов – причем не только среди сельчан²⁵. Слухи о возможном роспуске компартии впервые возникли в 1943 г., после решения о ликвидации Коминтерна, поскольку ВКП(б) официально считалась его секцией. Часто в массовых представлениях ликвидация колхозной системы и роспуск коммунистической партии виделись как два взаимосвязанных акта, которые должны были состояться чуть ли не одновременно. Чтобы понять подобное отношение к коммунистам, необходимо знать о положении партии в первые послевоенные годы.

Перед войной в ее рядах было немногим более 4 млн. человек, а к концу войны – уже более 6 млн.²⁶. Подобная статистика создавала иллюзию, будто бы партия вышла из войны не только без потерь, но и значительно выросла численно. Однако за количественными показателями скрывалась иная картина. С начала войны прием в ВКП(б) приобрел беспрецедентные темпы: всего с 1941 по 1945 гг. в партию вступили почти 9 млн. человек²⁷. С учетом 4 млн. коммунистов довоенного призыва получалось, что компартия за годы войны потеряла в целом более половины своего состава – 7 млн. человек, т.е. военные потери превысили численность партии в 1945 г.

Форсированный рост ВКП(б) в военные годы был обусловлен в первую очередь мобилизационной программой Сталина, призванной обеспечить концентрацию всех сил и возможностей на задаче выживания. "Коммунисты, вперед!" – не просто лозунг военного времени, а повседневная практика, позволяющая командирам решать боевые задачи, руководствуясь принципами партийного призыва. В отличие от воинского или дисциплинарного устава эти принципы осуществлялись на основе добровольности, а случаи вступления в партию из эгоистических, карьерных соображений на фронте были все-таки исключением. Другое дело – в тылу или после окончания войны. Здесь необходима принципиальная оговорка: и после войны люди вступали в партию коммунистов, руководствуясь самыми лучшими побуждениями, не требуя для себя ни лишних благ, ни привилегий. Вместе с тем принадлежность к партии действительно открывала возможность их получения – члену партии было значительно легче, чем беспартийному, продвинуться по служебной лестнице (на руководящие должности назначали, как правило, исключительно коммунистов), для руководящих партийных работников существовала особая система снабжения ("пайки") и социального обеспечения (медицинское обслуживание, организация отдыха, обеспечение квартирами и дачами и т.д.). Большинству рядовых коммунистов эта система привилегий была просто недоступна и в этом смысле они мало чем отличались от своих беспартийных соотечественников. Однако для тех членов партии, которые смогли закрепиться во властных структурах – независимо от уровня служебной иерархии, – принадлежность к власти создавала условия и возможности не только для получения своей доли социальных привилегий и льгот, но и для разного рода служебных нарушений и злоупотреблений. Поэтому случаи вступления в партию из своекорыстных побуждений как до, так и после войны были не столь уж и редкими. Наличие в партии коррумпированной прослойки подрывало авторитет этой организации, а вместе с ней и авторитет власти как таковой, поскольку в массовом сознании коммунисты выступали в качестве ее носителей. С коррупцией в партии пыталась бороться и верховная власть; до войны эту функцию выполняли периодические чистки партии, а после того, как в 1939 г. чистки были официально отменены, от нежелательных членов партийные организации избавлялись путем исключений из ВКП(б).

Как свидетельствует статистика мотивов и причин исключений из партии за послевоенный период, с 1945 по 1953 гг., наибольшее число коммунистов лишилось своих партийных билетов за должностные преступления, коррупцию, хищения, "морально-бытовое разложение", пьянство и хулиганство. За первые два послевоенных года – с 1 июля 1945 по 1 июля 1947 г. – исключенные по этим причинам составили 37,8% от общего числа исключенных из ВКП(б) за этот период²⁸. На втором месте находились коммунисты, побывавшие на оккупированной

территории во время войны (29,2% от общего числа исключенных). За нарушение партийной и трудовой дисциплины были исключены из партии 9,3% всех исключенных в этот период; за срыв хозяйственно-политических кампаний, нарушение законности, очковтирательство, а также как "неоправдавшие звание коммуниста" – 4,7%. Обращает на себя внимание тот факт, что политические обвинения были предъявлены тогда меньшинству исключенных: за измену родине исключены из партии 0,5% от всего числа исключенных; за антисоветскую агитацию, связь с чуждыми элементами, сокрытие социального происхождения – 1,6%.

В мае 1946 г. ЦК ВКП(б) организовал выборочную проверку решений бюро областных и краевых комитетов партии, а также ЦК компартий союзных республик, разбирающих проступки и злоупотребления со стороны районных ответственных работников (т.е. представителей местных органов власти). В результате проверки было установлено, что с 1 июля 1945 г. по 1 мая 1946 г. по 90 областям, краям и республикам СССР, по неполным данным, к партийной ответственности было привлечено 4 080 районных работников. Среди них – 1 256 партийных работников (в том числе 1 062 секретаря райкомов), 1 156 работников районных исполнительных комитетов советов, 728 сотрудников правоохранительных органов (МГБ, МВД, суда и прокуратуры) и 940 хозяйственных работников²⁹. Из 4 080 районных работников, получивших взыскания по партийной линии, 1 158 были впоследствии сняты с должности, из них 978 человек исключены из партии. В качестве наиболее распространенных проступков, послуживших причиной для наложения партийных взысканий и исключений из партии, назывались: 1) нарушение советских законов, извращение директив партии и правительства (получившие взыскания по этой причине составили 71,2% от всех проштрафившихся районных работников); 2) пьянство и бытовое разложение (14,5%); 3) самоснабжение, незаконные поборы в колхозах (9,2%); 4) обман государства, очковтирательство (5,1%).

Интересно проследить зависимость между служебным положением ответственных лиц и характером злоупотреблений и нарушений, за которые были получены взыскания. Так, партийные и советские работники чаще других районных руководителей получали взыскания за "нарушение советских законов и извращение директив партии и правительства": на их долю приходилось соответственно 31,1% и 29,8% от всех получивших взыскания по этой линии. За самоснабжение и незаконные поборы в колхозах в основном привлекались к партийной ответственности работники районных исполнительных комитетов местных советов (они составили 35,4% от всех получивших взыскания по этой линии) и хозяйственные работники (29%), т.е. лица, служебное положение которых предоставляло больше возможностей для подобных злоупотреблений. По этой же причине на долю хозяйственников и работников райисполкомов приходилось больше всего взысканий по причине обмана государства и очковтирательства (соответственно 36,8% и 29,2%). Что касается пьянства и "морально-бытового разложения", под которым практически понималось все то же пьянство, то, судя по статистике взысканий, за эти проступки чаще штрафовались сотрудники МГБ, МВД, суда и прокуратуры: на их долю пришлось 36,7% от всех районных работников, получивших партийные взыскания по этой линии.

Разумеется, эта статистика была относительной, так как она не всегда отражала реальное содержание правонарушений, допускаемых представителями местных органов власти. Иногда они оказывались в роли "козлов отпущения", отвечающих не столько за собственные проступки, сколько за просчеты общей политики. Так, указание ЦК ВКП(б) о недопущении администрирования по отношению к рядовым колхозникам, для местных руководителей часто становилось благим пожеланием, поскольку в своей практической работе они должны были действовать прежде всего в соответствии с другим указанием ЦК о выполнении государственного плана, обязательств по хлебозаготовкам, об уплате сельскохозяйственного налога и другим повинностям. В случае невыполнения обязательств перед государством секретарю райкома выносилось партийное взыскание почти в обязательном порядке, тогда как информация об администрировании с его стороны ради выполнения очередной директивы ЦК не всегда доходила до вышестоящих инстанций, а если и доходила, то последние не всегда спешили выступать с карательными санкциями. Поэтому произвол местных работников становился обычным явлением.

Факты злоупотребления служебным положением со стороны некоторых ответственных работников и местных руководителей, их грубое обращение с людьми, стремление жить с "размахом" в то время как другие с трудом сводили концы с концами – все это не могло не вызывать неприятия окружающих. Чтобы недовольство поведением отдельных представителей власти не переросло в недовольство властью как таковой, вышестоящее руководство время от времени применяло штрафные санкции к лицам, вызывающим общественное раздражение. Это был один из способов снятия социальной напряженности и нейтрализации отрицательных

эмоций и мнений, который активно использовался режимом для блокирования нежелательного социального поведения.

Для массовых политических настроений этого периода характерно наличие конкретных претензий к властям и критика некоторых политических решений. Если судить по вопросам, которые чаще других звучали на лекциях и в беседах – на предприятиях, в колхозах, в государственных учреждениях, – большие сомнения у населения вызывала акция советского правительства по оказанию продовольственной помощи другим странам, которую действительно было трудно понять, а тем более оправдать в условиях продовольственного кризиса внутри страны. Настроения недовольства политикой помощи зарубежным странам приобрели массовый характер в 1946–1947 гг., в период наибольших затруднений на внутреннем продовольственном рынке и голода. Вот что говорили по этому поводу жители городов Свердловской области: "Что такое творится у нашего правительства – не поймешь? Хлеб отправляют за границу, а нас морят [голодом], держат на голодном пайке. Все государства будут кормить нашим хлебом, а сами все с голоду пропадем"; "Заключение с Болгарией, Югославией и другими странами договоров на поставку им зерна советским правительством сделано неверно, потому что в первую очередь необходимо накормить хлебом советский народ, а потом поставлять хлеб за границу"; "Эти сообщения [о продовольственной помощи другим странам – Е.З.] только злят. Сами голодаем, а буржуям отдаем свой хлеб"³⁰. Аналогичные настроения были отмечены и в других городах страны³¹. По этой же причине вызывал вопросы откал советского руководства от участия в плане Маршалла³².

Информация, хотя и весьма скудная, о жизни на Западе давала пищу для размышлений. Люди не могли понять, почему страна, больше других пострадавшая в ходе войны, оказывает помощь населению стран – тоже разоренных войной, но все-таки не в такой степени, как их родина. Контраст уровня благосостояния в России и на Западе, особенно сравнение с побежденной Германией, не прибавляли оптимизма. Эти размышления, не находя конструктивного объяснения, чаще всего переключались в область эмоций и нередко провоцировали чувство "попранной справедливости". Отсюда – неудовлетворенность итогами войны и обиды на союзников, которые – не без помощи советской пропаганды – превращались в главных виновников не только ухудшения общего международного климата, но и становились ответственными за внутренние трудности. Подчас возникали сомнения, была ли минувшая война доведена "до победного конца", а иногда можно было услышать и следующее: «Плохо сделали, что после взятия Берлина не разгромили "союзников". Надо было бы спустить их в Ламанш. И сейчас Америка не бряцала бы оружием»³³. Столь "простое" решение больших проблем – вполне в духе времени. Так же, как и списывание своих трудностей на происки "враждебного окружения". Долговременная обработка умов приносила свои плоды, направляя народное недовольство в нужное режиму русло. Чтобы психология "окруженной крепости" вновь, как в предвоенные годы, заработала и формировала соответствующее общественное мнение и поведение, обстановку "холодной войны" подходила как нельзя лучше. Общественное мнение было уже соответствующим образом подготовлено к восприятию военной угрозы, поэтому реакция населения на какой-либо сигнал о военной опасности прогнозировалась достаточно легко.

Этим, по-видимому, и воспользовался Сталин в 1946 г., когда решил прокомментировать речь Черчилля в Фултоне. Во всей пропагандистской кампании вокруг его речи именно Сталин нанес последний штрих: назвал выступление своего военного союзника призывом к войне против СССР³⁴. Но случилось это не сразу.

Первое сообщение о речи Черчилля в Фултоне появилось в "Правде" через два дня после этого события – 8 марта, а 11 марта в той же газете было опубликовано подробное изложение выступления британского экс-премьера. Сразу же после этих публикаций в народе начали циркулировать слухи, о которых в ЦК ВКП(б) сообщали местные информаторы. Новосибирский обком партии докладывал, например, о таком факте: секретарь комсомольской организации одного из колхозов области, будучи в районном центре, услышала по радио о речи Черчилля и немедленно передала по телефону в свой колхоз, что Черчилль призывает к войне. В селе поднялась паника³⁵. В городе Шахты Ростовской области распространился слух о том, что "не сегодня–завтра начнется война, надо продавать радиоприемники, так как все равно их отберут"³⁶. В городах Суздале, Судогде, Гусь-Хрустальном Владимирской области ходили слухи, что война, якобы, уже началась, и об этом объявит сессия Верховного Совета СССР³⁷. Панические настроения в связи с угрозой новой войны были отмечены тогда во многих районах СССР. Слухи провоцировали соответствующее поведение: население бросилось в магазины, у прилавков немедленно выросли очереди, а цены на продукты в коммерческой торговле подскочили сразу в два–три раза³⁸.

После того, как население столь однозначно отреагировало на сообщения о речи Черчилля, со своими разъяснениями по этому вопросу выступил Сталин: 14 марта в "Правде" было опубликовано его интервью с корреспондентом газеты. Сталин фактически подтвердил опасения по поводу реальности военной угрозы, но заверил соотечественников, что организаторы похода против Советского Союза "будут биты так же, как были биты в прошлом"³⁹. Последующая реакция населения была вполне показательной: вопрос о возможности новой войны активно обсуждался, но панические настроения пошли на убыль. Партийные информаторы докладывали, что после выступления Сталина панические слухи вообще рассеялись, но это было явным преувеличением. Сталин успокоил общественное мнение, но не снял проблему. Впрочем, он и не стремился это делать: народу отныне, как и в предвоенные годы, предстояло жить с ощущением военной опасности, а значит, не ждать скорых перемен к лучшему. Пропаганда легко подхватила идею вождя, призывая людей к преодолению "временных трудностей" и требуя новых жертв во имя сохранения мира.

Теперь подготовкой к войне народ объяснял самые разные решения правительства – будь то повышение пайковых цен ("перед войной всегда цены повышают") или отмена карточной системы ("чтобы народ лучше шел воевать"). Когда в сентябре 1946 г. были повышены цены на продукты питания, выдаваемые по карточкам, то люди не просто восприняли это событие как свидетельство подготовки к новой войне, но иногда домысливали, что война якобы уже началась. Такие слухи ходили не только в далеких колхозах, но и в Москве. "Я слышал, – уверял, например, рабочий одного из московских заводов в 1946 г., – что война идет уже в Китае и в Греции, куда вмешались Америка и Англия. Не сегодня–завтра нападут и на Советский Союз"⁴⁰.

Под углом зрения военной угрозы рассматривались и внешнеполитические инициативы советского руководства. Секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецов докладывал Сталину, что после публикации материалов о совещании представителей ряда компартий (сентябрь 1947 г.) в Польше "при обсуждении материалов совещания [...] высказываются опасения по поводу возможности возникновения в ближайшее время новой мировой войны"⁴¹. Конкретные вопросы, заданные при обсуждении материалов совещания, звучали следующим образом: "Правительства Америки и Англии всегда выступали против распространения коммунизма. Не приведет ли это объединение компартий к новой войне?"; "Американцы и англичане прекрасно понимают, что совещание созвано по инициативе ЦК ВКП(б). Не может ли это осложнить отношения между СССР и Америкой и ускорить третью мировую войну?"; "Принимает ли наше правительство меры по обеспечению продовольственных запасов на случай войны?"⁴².

Слухи о возможности новой войны ходили и среди интеллигенции, часть ее также была склонна рассматривать внутрисполитические события 1946–1948 гг. с этих позиций: тогда казалось, что идеологический поворот, проходивший под знаком борьбы против западного влияния, объясняется перегруппировкой сил перед началом нового противостояния мировых держав⁴³.

В сознании людей мысли о возможности нового военного конфликта были тесно связаны с пережитым во время войны прошедшей. Война вообще выстроила своеобразную систему ценностей в советском обществе. Зденек Млынарж, один из лидеров "Пражской весны", в конце 40-х – начале 50-х гг. учившийся в Московском университете, вспоминал впоследствии об одной характерной особенности мышления русских: "Основой всего было убеждение, что ценой огромных жертв, принесенных в годы войны, Советский Союз решил судьбу человечества, а потому все другие государства обязаны относиться к нему с особым уважением. Любую критику Советского Союза эти люди воспринимали как оскорбление памяти погибших. В этом они оказывались заодно с правительством, как бы критически они не относились к властям в других вопросах"⁴⁴.

Героическое восприятие войны стало достоянием общественных умонастроений несколько позднее, сразу же после войны эйфория победы быстро сменилась осознанием величины утрат. Война осталась в памяти народа как величайшее бедствие. Под влиянием пережитого в общественном сознании стал постепенно трансформироваться образ "жизни-сказки", которая должна была наступить после войны. Желания людей становились все более неприязнительными, а мечты военных лет о том, что после войны "всего будет много" и наступит счастливая жизнь, начали приземляться, девальвироваться. Набор благ, составляющий для большинства современников "предел мечтаний", оскудел настолько, что стабильная зарплата, дающая возможность прокормить себя и семью, постоянное жилье (пусть даже комната в коммунальной квартире) уже считались подарком судьбы, настоящим счастьем. Психологическую подоплеку подобной трансформации представлений о счастье описал еще З. Фрейд: "...под давлением угрожающих людям страданий, их требования счастья становятся

более умеренными; так же, как и сам принцип наслаждения трансформируется под влиянием внешнего мира в более скромный принцип реальности, так и человек, когда ему удается избежать несчастья, превозмочь страдания, когда вообще задача уклонения от страдания оттесняет на второй план задачу получения наслаждения"⁴⁵. Восприятие счастья как отсутствие не-счастья формировало у людей, переживших бедствия военного времени, особое отношение к жизни и ее проблемам. Отсюда слова-заклинания – "только бы не было войны" – и "прощение" властям всех непопулярных решений, если они оправдывались стремлением избежать нового военного столкновения.

Это настроение народа активно использовалось властью и работавшей на нее пропагандой: из недавних союзников формировался образ врага, агрессивные намерения которого якобы мешают осуществить социальные программы и оказать в полной мере помощь пострадавшему от войны народу. Вместе с тем подобную позицию властей нельзя все же считать исключительно пропагандистским трюком или примером ловкой манипуляции общественными умонастроениями. Психология враждебного окружения была частью советской ментальности, характерной чертой мышления не только народа, но и вождей. Обстановка "холодной войны", изменившая международный климат и опрокинувшая надежды на мирное сотрудничество между военными союзниками, активно "работала" на закрепление этой психологии. Гонка вооружений была не блефом, но реальностью, с которой приходилось считать и соответствующим образом корректировать планы послевоенного восстановления. Не следует забывать и о последствиях психологического шока, который испытал Сталин в момент нападения Германии на СССР: он не мог допустить снова оказаться "не готовым" в случае нового военного конфликта (даже если допустить, что возможность такого конфликта существовала только в его воображении). Поэтому и в послевоенные годы советская экономика оставалась в значительной степени милитаризованной, во всяком случае, руководство страны всегда отдавало приоритетное значение решению проблем оборонных отраслей хозяйства. По данным Н. Симонова, занимающегося историей военно-промышленного комплекса СССР, в 1950 г. удельный вес расходов советских военных организаций (по министерствам вооруженных сил, госбезопасности и внутренних дел) в национальном доходе страны составил 14,2%. С учетом бюджетных дотаций министерствам авиационной, оборонной и судостроительной промышленности, а также затрат на создание и развитие атомного проекта получается, что военные расходы отнимали до четверти национального дохода страны⁴⁶. После войны многие военные производства переключились на выпуск мирной, гражданской продукции. В течение 1946–1950 гг. темпы роста военно-промышленной продукции упали не только по сравнению с периодом войны, но и довоенным 1940 г.⁴⁷. Однако масштабы роста гражданского сектора экономики все-таки оказались недостаточными, чтобы удовлетворить даже текущие, совсем непритязательные потребности населения, тем более, что в планах экономического развития на 1953–1955 гг. предусматривалось новое существенное увеличение расходов на "оборонку"⁴⁸.

Миф о враждебном окружении дополнялся мифом о наличии "пятой колонны" внутри страны: тогда негативная энергия переключалась на "врагов" внутренних. Иллюзия совместности противостояния внешним и внутренним врагам работала на идею единства народа и власти ("*мы в одной лодке*"). Эта иллюзия, даже несмотря на наличие массовых критических настроений, не позволила им перерасти в открытый конфликт между народом и властью.

В условиях существования системы жесткого социального контроля способом выживания становилась аполитичность или показная (ритуальная) политическая активность. Власть следила за тем, чтобы население активно участвовало в различных политических кампаниях – выборах, обсуждениях партийных и правительственных решений (после того, как они уже были приняты), поддерживало преследование инакомыслящих. Все эти мероприятия должны были проходить под лозунгом "всенародного одобрения". В действительности вопросы политики всерьез интересовали лишь небольшую часть населения, остальных же занимали более простые и насущные проблемы: где достать хлеба, во что одеть детей, где взять деньги, чтобы заплатить налог и т.д.? Сводки вопросов, заданных аудиторией во время обсуждения очередного партийно-правительственного постановления, доказывают, что многие из них совсем не касались предмета обсуждения, а вновь и вновь возвращались к нуждам текущего бытия. Например, сводные данные о наиболее часто встречающихся вопросах, заданных людьми во время кампании по подготовке к выборам в Верховные Советы союзных республик (январь 1947 г.), зафиксировали такую картину: непосредственно по теме выборов в сводку было включено 14 вопросов, тогда как 34 затрагивали проблему продовольственных затруднений и вообще ситуацию на потребительском рынке, 18 касались работы коммунальных служб и городского хозяйства⁴⁹.

Другой особенностью публично выраженных политических интересов основной массы населения можно считать повышенное внимание к внешней политике по сравнению с проблемами внутренними. Обычно в сводках две трети занимали вопросы, касающиеся международного положения, ситуации в отдельных странах и внешнеполитических инициатив советского руководства. И только одна треть затрагивала положение внутри страны. Создается впечатление, что у советских граждан не было других проблем, кроме как беспокоиться о развитии ситуации в Греции или Китае, рассуждать об агрессивных планах капиталистического мира и сочувствовать народно-освободительным движениям. На самом деле все было гораздо сложнее. Интерес к проблемам международной жизни во многом объяснялся желанием получить доказательства невозможности нового военного конфликта. Отсюда – особый ракурс вопросов: о реальности агрессивных намерений других стран, способности советской дипломатии отстаивать интересы мира, устойчивости советского блока (который рассматривался в качестве гаранта мира).

Другой причиной повышенного интереса к вопросам внешней политики была невозможность открыто обсуждать внутренние проблемы. Всегда существовал круг запретных тем, говорить о которых было небезопасно: нельзя было, например, упоминать о голоде (допускалось лишь обсуждение "продовольственных затруднений"), критиковать верховную власть (это могло быть расценено как "антисоветская агитация"), даже вопрос о прожиточном минимуме в СССР считался "провокационным". По той же категории проходили вопросы сравнительного плана, например, где выше уровень жизни – в России или США?

О чем же можно было спрашивать? Обычно к таким относились вопросы местного значения (например, когда будут ликвидированы перебои с хлебом в городе, или когда будет восстановлен транспорт и начнут работать бани?). Допускались вопросы о внутренней политике, но нейтральные (например, когда будет отменена карточная система?). Между властью и народом как будто существовал негласный договор, который, впрочем, время от времени нарушался, о чем свидетельствует появление "провокационных" вопросов и "враждебных" высказываний.

Известный немецкий социолог Элизабет Ноэль-Нойман в предисловии к русскому изданию своей книги написала: "Представление, что в тоталитарных государствах нет общественного мнения, получило широкое распространение. Но это ошибка, следствие ужасного заблуждения"⁵⁰. Любой политический режим, даже диктаторский, не может существовать без поддержки общественного мнения. Сталинский режим весьма эффективно использовал различные механизмы воздействия на сознание граждан – от пропаганды до террора, – чтобы сформировать в обществе соответствующие настроения, работающие на поддержание авторитета власти и достижение консенсуса между властью и народом. Общественное мнение в стране, где преследуется любое инакомыслие, представляет собой сложный феномен, оно отличается от общественного мнения, функционирующего в обществе открытом, демократическом. Но своеобразие явления, его непохожесть на то, что считается общепринятым и устоявшимся, отнюдь не означает отсутствия самого явления. Советское общество не было ни "молчаливым", ни абсолютно "верноподданным". Оно имело свое лицо и свой мир мнений.

Примечания

¹ Сводка донесений местных органов НКВД об антисоветских и хулиганских проявлениях в период подготовки к выборам в Верховный Совет Союза ССР за декабрь 1945 – январь 1946 г. 27 января 1946 г. // *Неизвестная Россия. XX век. Часть IV. М., 1993. С. 468–475.*

² Там же. С. 468–471.

³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 420, л. 32 (Новгородская область). Аналогичные сведения приводятся в информационных сводках о настроениях населения других областей.

⁴ Там же, л. 18.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 41.

⁷ Там же.

⁸ Там же, л. 18.

⁹ Там же, л. 29.

¹⁰ Там же, л. 41.

¹¹ Там же, л. 33.

¹² Там же, оп. 122, д. 289, л. 9.

¹³ Там же, оп. 125, д. 420, л. 41.

- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же, оп. 121, д. 524, л. 56.
- ¹⁶ Там же, л. 57.
- ¹⁷ Там же, л. 62.
- ¹⁸ Там же, оп. 122, д. 131, л. 14.
- ¹⁹ Там же, оп. 125, д. 518, л. 9–10.
- ²⁰ Там же, оп. 122, д. 289, л. 37.
- ²¹ Там же, л. 60.
- ²² Там же, оп. 125, д. 518, л. 9.
- ²³ Там же, оп. 122, д. 306, л. 41.
- ²⁴ Там же, д. 289, л. 60.
- ²⁵ Информация о подобных слухах содержится в материалах различных отделов и управлений ЦК ВКП(б), напр.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 122, д. 122, л. 28; оп. 125, д. 420, л. 32.
- ²⁶ КПСС. Справочник. М., 1978. С. 243.
- ²⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 131, д. 284, л. 90.
- ²⁸ Здесь и далее данные приводятся по источнику: Справка Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) "К вопросу о работе партии в послевоенное время". 1947 г. Там же, оп. 122, д. 291, л. 131.
- ²⁹ Там же, д. 130, л. 21.
- ³⁰ Там же, д. 289, л. 36–37.
- ³¹ Там же, л. 62.
- ³² Вопрос о целесообразности отказа от плана Маршалла возникал в разных аудиториях. См., напр.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 517, л. 33–34; оп. 122, д. 289, л. 34.
- ³³ Там же, оп. 125, д. 518, л. 12.
- ³⁴ Правда. 1946. 14 марта.
- ³⁵ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 88, д. 694, л. 119.
- ³⁶ Там же, л. 119–120.
- ³⁷ Там же, л. 90.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Правда. 1946. 14 марта.
- ⁴⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 425, л. 4.
- ⁴¹ Там же, оп. 121, д. 639, л. 106.
- ⁴² Там же, л. 107.
- ⁴³ С а м о й л о в Д. Памятные записки. М., 1995. С. 160.
- ⁴⁴ М л ы н а р ж З. Мороз ударил из Кремля. М., 1992. С. 21.
- ⁴⁵ Ф р е й д З. Неудовлетворенность культурой. М., 1990. С. 17.
- ⁴⁶ С и м о н о в Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 329.
- ⁴⁷ Там же. С. 209.
- ⁴⁸ Там же. С. 210.
- ⁴⁹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 122, д. 289, л. 9–12.
- ⁵⁰ Н о э л ь - Н о й м а н Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996. С. 26.

ЦЕЛИННАЯ ЭПОПЕЯ: РАЗРАБОТКА, ПРИНЯТИЕ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ХРУЩЕВСКОЙ "СВЕРХПРОГРАММЫ"

(сентябрь 1953 – начало 60-х годов)

Освоение целинных и залежных земель – проблема не новая для советской историографии. На протяжении второй половины 50-х – 70-х гг. издавались сборники документов, многочисленные статьи и монографии, воспоминания участников тех событий, публиковались материалы научных конференций и симпозиумов. А основные этапы историографии определялись главным образом позициями и взглядами лидеров партии, непосредственно участвовавших в этих процессах (Н.С. Хрущева, а затем Л.И. Брежнева), и соответствующими "основополагающими" документами КПСС этих лет, разумеется, официальными, а не теми, которые находились в тайниках партийных архивов, куда доступ ученым был закрыт. Документы партии с приходом нового лидера нередко подвергались существенной корректировке, переоценке, иногда смене важнейших положений и оценок на противоположные, и историкам приходилось увязывать новые подходы со старыми, состыковывать то, что плохо сочетается.

Так, например, в 1962 г. в издательстве "Молодая гвардия" был опубликован сборник документов о роли молодежи в освоении новых земель (среди составителей был и автор этих строк, другие сотрудники Института истории АН СССР)¹. Первый раздел сборника "Программа великой работы" включал многочисленные выдержки из докладов и выступлений Хрущева, а последний – "Освоение целины – великий подвиг советского народа" – по существу состоял из выдержек из докладов главы партии на XXII съезде КПСС и пленумах ЦК. Да и в других разделах книги высказывания первого секретаря как бы связывали публикуемые документы, являясь своего рода "путеводной нитью". Однако, когда в 1979 г. при участии Института истории СССР АН СССР, Главного архивного управления при Совете Министров СССР и Центрального государственного архива народного хозяйства вышло в свет аналогичное научное издание объемом около 30 печ.л. о массовом освоении целинных и залежных земель², имя Хрущева там не было упомянуто ни разу, а определяющую роль играли высказывания Брежнева. Эпиграфом к сборнику стала одна из его цитат, среди документов опубликованы многочисленные выдержки из выступлений генсека на съездах и пленумах, в текстах много ссылок на его книгу о вопросах аграрной политики КПСС и освоении целинных и залежных земель в Казахстане³ и т.д.

Не приходится удивляться, что в книге Ф.Т. Моргуна (весьма ценной по вводимому в оборот конкретному материалу), как и в монографии В.И. Куликова⁴, имя Хрущева тоже не значится, хотя в последней о Брежневе говорится многократно, с особым пафосом, от ссылок на его работы рябит в глазах. Своего рода "методологическое указание" по этому вопросу дал сам Брежнев. "Иногда спрашивают, – писал он, – кто был автором идеи поднять целину? Считаю, что сам вопрос неверен, в нем кроется попытка выдающееся свершение нашей партии и народа приписать "прозрению" и воле какого-либо одного человека. Подъем целины – это великая идея Коммунистической партии..."⁵ Впрочем, собственную роль в освоении целины он отнюдь не отрицал.

Реализуя эту установку, авторы и редакторы второй книги V тома Истории КПСС пошли на прямую фальсификацию, назвав записку Хрущева в президиум ЦК КПСС "Пути решения зерновой проблемы" (22 января 1954 г.), в которой излагался и обосновывался предложенный Хрущевым план освоения целинных земель, документом ЦК партии⁶. Искушенные историки быстро сориентировались: в большой историографической статье, посвященной 20-летию освоения целины, отмечалось, что в литературе "чрезмерно преувеличивалась роль отдельных личностей в разработке программы освоения целины в 1954–1958 гг."⁷.

Все сказанное отнюдь не отрицает роли литературы 50–70-х гг. в разработке данной темы. Труды этих лет содержат немало ценного в освещении прежде всего всенародного движения за

* Зеленин Илья Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

освоение целинных и залежных земель – основной и чуть ли не единственной (если не считать вопроса о роли партии) проблемы историографии тех лет.

В последующие годы историки почти полностью утратили интерес к исследованию целинной эпопеи, да и возможностей не было: документы принципиального характера оставались недоступными вплоть до середины 90-х гг.; стенограммы июньского (1957 г.) и октябрьского (1964 г.) пленумов ЦК были опубликованы только в 1993 г.⁸, но и тогда продолжало недооцениваться значение вышедшего в свет в начале 60-х гг. восьмитомника Хрущева по вопросам сельского хозяйства⁹.

Мне представляется, что многие аспекты данной темы нужно разрабатывать заново, используя недавно рассекреченные документы, в частности, Центра хранения современной документации (ЦХСД) (стенограммы сентябрьского (1953 г.) и особенно февральско-мартовского (1954 г.) пленумов ЦК, материалы сельскохозяйственного отдела ЦК партии и др.). Опираясь на них, попытаюсь осветить проблемы, связанные с разработкой и принятием программы освоения целинных земель, началом ее осуществления и первыми результатами, ролью Н.С. Хрущева, а также Л.И. Брежнева в этих процессах; пришло, видимо, время ответить и на вопрос – были ли у хрущевской программы серьезные оппоненты.

* * *

Грандиозная программа освоения целинных и залежных земель на Востоке страны стала разрабатываться и частично осуществляться сразу же после сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС. Инициатором и основным разработчиком ее был неутомимый в своих поисках Н.С. Хрущев. Судя по всему, идея массового освоения целины родилась у него в дни заседаний сентябрьского пленума, а общий план ее осуществления он впервые изложил на встрече с делегацией Казахстана, участвовавшей в работе этого пленума, на второй день после окончания его работы. Уже в ранге первого секретаря ЦК КПСС Хрущев встретился с этой делегацией, возглавляемой первым секретарем республиканской компартии Шаяхметовым. Вот что рассказал об этом в своем выступлении на февральско-мартовском (1954 г.) пленуме ЦК КПСС сменивший Шаяхметова на посту первого секретаря ЦК компартии Казахстана П.К. Пономаренко: "После сентябрьского пленума ЦК КПСС, – сказал он, – все первые секретари обкомов вместе с руководителями республики были приняты в ЦК КПСС". Хрущев, для которого, видимо, было очень важно точно зафиксировать эту "судьбоносную дату", прервал его репликой: "Это было на второй день после Пленума" (т.е. 9 сентября 1953 г. – *И.З.*). "Тов. Хрущев, – продолжал Пономаренко, – указал на то, что в республике не обращается должного внимания на использование огромных земельных богатств, что руководство республики не развивает на этой основе сельское хозяйство. Перед Казахстанской партийной организацией была поставлена важнейшая задача значительного увеличения производства зерна путем освоения высокоплодородных целинных и залежных земель"¹⁰.

Как видим, это было не обсуждение вопроса, а указание главы партии руководителям республики развертывать работу по освоению новых земель, во всяком случае, быть готовыми к решению этой задачи в самое ближайшее время. А вскоре, 22 января 1954 г., Н.С. Хрущев направил в президиум ЦК КПСС записку "Пути решения зерновой проблемы", к которой были приложены проект постановления "Об увеличении производства зерна в 1954–1955 годах за счет освоения залежных и целинных земель", докладная записка госплана, министерств сельского хозяйства, совхозов и заготовок по этому вопросу, а также записка академика Т.Д. Лысенко по вопросу об урожайности зерновых культур на залежных и целинных землях и опубликованные в газетах статьи о практике колхозов и совхозов по освоению залежных и целинных земель¹¹. При составлении своей записки Хрущев использовал подготовленные по его поручению материалы перечисленных ведомств, авторами которых были С. Демидов, И. Бенедиктов, Л. Корниец, П. Лобанов, А. Козлов, В. Мацкевич, Т. Юркин. В частности, задания по освоению целинных и залежных земель на 1954–1955 гг. и расчеты по урожайности были им определены на основе этих материалов. В то же время их авторы в последующие годы предусматривали значительное снижение темпов распашки новых земель и необходимость сосредоточить внимание на проведении мелиоративных работ, строгом соблюдении агротехнических приемов, в том числе применении чистых паров и т.п. Подчеркивалось, что естественное плодородие целинных и залежных земель можно использовать только в течение нескольких лет после начала их освоения. Однако эти рекомендации специалистов Хрущевым не были учтены¹².

В записку о путях решения зерновой проблемы Хрущев внес существенные уточнения и дополнения в связи с оценкой ситуации в зерновой отрасли, данной им в докладе на

сентябрьском пленуме. Он руководствовался в целом тем, что "мы в общем удовлетворяем необходимые потребности страны по зерновым культурам в том смысле, что страна наша в основном обеспечена хлебом, мы имеем необходимые государственные резервы и осуществляем в определенных размерах экспортные операции по хлебу"¹³.

На первое место по отставанию, которое приобрело затяжной характер, было поставлено животноводство (2-й раздел доклада), а далее, как о "следующем неотложном вопросе" Хрущев говорил об увеличении производства и заготовок картофеля и овощей (3-й раздел). И только в конце доклада (4-й раздел) был поставлен вопрос о повышении урожайности зерна, причем речь шла и о "серьезных достижениях", в частности о том, что "мы в сравнительно короткий срок восстановили зерновое хозяйство, пострадавшее от войны", что "многие колхозы и целые районы собирают по 150–200 пудов пшеницы с гектара"¹⁴. Только один участник пленума – В.М. Молотов – напомнил о не соответствующем реальной действительности заявлении Маленкова на XIX съезде партии о решении в стране "окончательно и бесповоротно" зерновой проблемы, отметив, что "муку мы пока продаем не во всех городах"¹⁵.

В записке в президиум ЦК КПСС Хрущев выдвинул зерновую проблему на первое место среди всех задач развития сельского хозяйства, требующих неотложного решения. "Дальнейшее изучение состояния сельского хозяйства и хлебозаготовок, – так он начал свое послание, – показывает, что объявленное нами решение зерновой проблемы (явный намек на заявление Маленкова на XIX съезде ВКП(б) – *И.З.*) не соответствует фактическому положению дел в стране с обеспечением зерном". Выводы о решении зерновой проблемы, разъяснил Хрущев, делались на основе данных видовой оценки урожая, которая значительно превышала фактический сбор зерна. В этой связи приводились такие цифры: в 1952 г., по данным о видовой урожайности, в стране было собрано 8 млрд. пуд., а фактически (данные годовых отчетов колхозов и совхозов) она составила всего 5,6 млрд. пуд. Урожайность на корню (видовая), определяемая межрайонными инспекторами, корректировалась с учетом плановых заданий по заготовкам, подгонялась под заданные цифры по натуроплате. Иначе говоря, видовая урожайность была выше фактического сбора зерна не только на показатели возможных потерь урожая, но и за счет этих произвольных поправок¹⁶.

В связи с ростом городского населения и реальной заработной платы, писал Хрущев, из года в год увеличивался расход хлебопродуктов внутри страны. Возникло несоответствие между количеством зерна, поступавшего в распоряжение государства, и ростом потребностей. В 1953 г. сложилась критическая ситуация: было фактически заготовлено 1850 млн. пуд., примерно столько же, что и из урожая 1948 г. (1842 млн.), а фактически было израсходовано на снабжение населения 1926 млн. (в 1948 г. – 1298). Этот разрыв, а также расход на экспорт привели к необходимости разбронирования 160 млн. пуд. зерна из государственного резерва, что, по мнению Хрущева, "является недопустимым". В целях решения хлебной проблемы государство пошло на расширение посевных площадей пшеницы и одновременно резко сократило производство фуражных, крупяных и бобовых культур. Отсюда – неудовлетворение спроса населения на крупу и недостаток фуража. "Сейчас перед страной стоит задача, – подытоживал свои рассуждения глава партии, – изыскать возможности резкого увеличения производства зерна, с тем чтобы государство имело в своих руках в ближайшие годы по заготовкам и закупкам 2500–2600 млн. пуд. зерна продовольственных, фуражных, крупяных и зернобобовых культур"¹⁷.

А основной вывод такой: "Важным и совершенно реальным источником увеличения производства зерна является расширение в ближайшие годы посевов зерновых культур на залежных и целинных землях в Казахстане, Западной Сибири, а также частично в районах Поволжья и Северного Кавказа и проведение мероприятий по всемерному повышению урожайности во всех районах страны". В 1954–1955 гг., по мнению Хрущева, имела возможность увеличить посевы зерновых культур в районах освоения новых земель на 13 млн. га, из них в колхозах на 8,7 млн. и в совхозах – на 4,3 млн. га. Даже если, прикидывал он, принять сбор с одного гектара вновь освоенных земель только 10–11 ц, то мы получим дополнительно 800–900 млн. пуд. хлеба, из них товарного (по обязательным поставкам, натуроплате, закупкам и сдаче хлеба совхозами) – 500–600 млн. В то же время есть основания принимать в расчет сбор зерна "в размере не менее 14–15 ц с гектара", и тогда валовой сбор зерна достигнет 1100–1200 млн. пуд., а товарная часть – 800–900 млн.¹⁸. Второй вариант, основанный на совершенно нереальной урожайности, был, видимо, навеян докладной запиской Лысенко, его оптимистическими прогнозами об урожайности на целинных землях.

В целом анализ автором записки состояния зернового производства в стране в соотношении с насущными потребностями государства и населения представляется весьма глубоким, аргументированным, а предложенные пути решения зерновой проблемы, выхода из

создавшейся критической ситуации разумными, заслуживающими серьезного внимания и всестороннего обсуждения. Однако бросается в глаза явная нестыковка предложенной "сверхпрограммы" с утвержденным сентябрьским пленумом новым курсом аграрной политики, который начал энергично осуществляться. В самом деле, в постановлении пленума даже намек не было на расширение посевных площадей в том числе и в районах Юго-Востока, Казахстана, Западной Сибири, а ставилась задача "всемерно развивать зерновое хозяйство" путем "дальнейшего повышения урожайности". Иначе говоря, основой развития земледелия должны были стать факторы интенсификации. В докладе на сентябрьском пленуме Хрущев как бы сгладил, вольно или невольно обошел болевые точки зерновой отрасли, в записке же от 22 января 1954 г. он обнажил их до предела. А ведь появление документов разделяют всего 3–4 месяца.

Правда, в записке говорилось не только об освоении целинных и залежных земель на Востоке, но и о "проведении мероприятий по повышению урожайности во всех районах страны", но совершенно очевидно, что освоение новых земель на огромной территории (сначала предполагалось в 1954–1955 г. освоить не менее 13 млн. га, затем к концу 1956 г. еще не менее 15 млн., потом замахнулись на 40 и более млн.) связано с отвлечением основных средств от других сельскохозяйственных районов, в частности Нечерноземья. Некоторые историки считают даже, что решения сентябрьского пленума после принятия курса на освоение целинных земель "были по существу заблокированы"¹⁹. На мой взгляд, можно согласиться с оценкой Л.И. Брежнева – одного из активных участников целинной эпопеи, – который в своих воспоминаниях о целине заметил, что программа, разработанная на сентябрьском пленуме, не могла обеспечить немедленного успеха, особенно в решении главной задачи – производстве зерна²⁰. Иначе говоря, курс на всемерную интенсификацию, взятый сентябрьским (1953 г.) пленумом, был дополнен, а в известной степени и пересмотрен в решениях последующего пленума.

Надо сказать, что Хрущев отдавал себе полный отчет в отношении существенной и, на первый взгляд, довольно неожиданной корректировки курса предыдущего пленума. Наиболее полную аргументацию в этой связи он высказал в речи на пленуме ЦК КПСС 23 июня 1954 г., а основной аргумент – зерновую проблему нужно решать быстро и без больших затрат. "Мы должны выиграть время. Нам надо не только получить как можно больше хлеба, но и затратить на получение этого хлеба как можно меньше времени. Для того, чтобы получить нужное количество хлеба в центральных областях страны, потребуется не менее 10 лет... Надо иметь заводы, производящие в достаточном количестве минеральные удобрения... А в Казахстане, в Сибири мы получим самый дешевый хлеб... Если же пойдем по линии огромных капиталовложений в сельское хозяйство нечерноземных областей, мы не справимся с задачей, не выполним данного нами обещания – резко поднять наше сельское хозяйство"²¹. Так что никакой субъективной недооценки Нечерноземья в связи с освоением целины у Хрущева не было. Это был его осознанный выбор на основе собственных размышлений при молчаливом согласии ближайшего окружения. Для решения зерновой проблемы был выбран "восточный вариант". Мнение же "инакомыслящих" ученых и специалистов в расчет не принималось. Точно так же действовал Сталин в конце 20-х – начале 30-х гг., когда разрабатывалась и принималась инициативная им первая советская программа массового освоения целинных земель.

Остается, правда, открытым вопрос, почему Хрущеву мысль о таком видоизменении курса сентябрьского пленума пришла вскоре после его окончания. Вряд ли можно допустить, что истинное положение с зерновой проблемой в стране Хрущев уяснил только после пленума. Скорее всего, для того, чтобы поставить острейший, во многом дискуссионный вопрос о массовом освоении целины, ему надо было окончательно укрепить свое положение как главы партии, а это произошло только в последний день работы пленума. Но даже и после этого не все пошло так гладко, как он, видимо, надеялся. Первого, и наиболее серьезного оппонента своей программы Хрущев встретил в лице Шаяхметова – первого секретаря ЦК КП Казахстана – и членов бюро этого ЦК. Продолжим в этой связи цитирование выступления П.К. Пономаренко на февральско-мартовском пленуме ЦК КПСС: "Указания ЦК КПСС (Н.С. Хрущева 9 сентября 1953 г. – *И.З.*) и критика в адрес ЦК КП Казахстана не были доведены до казахстанской партийной организации. Шаяхметов на пленуме ЦК, посвященном итогам сентябрьского пленума..., ни одного слова не сказал о поставленной ЦК КПСС задаче по освоению целинных и залежных земель". Эта задача "вообще не была доведена до казахстанской парторганизации... Я думаю, что здесь проявилась известная незрелость. Товарищи оказались в плену отсталых настроений, которые в Казахстане еще среди кое-каких работников сельского хозяйства коренятся. Они говорили, что распашка целинных и залежных земель приведет к нарушению интересов коренного казахского населения, так как лишает

выпасов скот. Эта нелепая, изжившая себя вреднейшая теория была на IX пленуме ЦК и на VII съезде компартии Казахстана разоблачена и опрокинута. В настоящее время в республике развертывается работа по осуществлению заданий партии и правительства"²².

Столкнувшись с "недопониманием" своей идеи об освоении целинных земель со стороны Шаяхметова и членов бюро ЦК КП Казахстана, а затем и с открытым "саботажем" его указаний, Хрущев стал действовать старым аппаратным способом: на пленуме ЦК КП этой республики, а затем и на съезде подверг остракизму инакомыслящих, в кратчайшие сроки заменил руководителей Казахстана, причем в нарушение сложившихся канонов, не выдвинул даже на эти посты представителей коренной национальности: на должность первого и второго секретарей ЦК КП Казахстана были рекомендованы и вскоре утверждены президиумом ЦК КПСС белорус П.К. Пономаренко (первым секретарем) и сменивший И.И. Афонова украинец Л.И. Брежнев (вторым секретарем).

В конце января (по данным Брежнева, 30 января) на заседании президиума ЦК была рассмотрена записка Хрущева и, разумеется, одобрена. Хрущев спешил: смена руководства Казахстана и одобрение записки должны были произойти до начала работы пленума ЦК, назначенного на конец февраля 1954 г. Вот колоритные свидетельства Брежнева об этих событиях. "Началось все в морозный московский день 1954 года, в конце января, когда меня вызвали в ЦК КПСС... Массовый подъем целины хотят поручить именно мне. Начать его в Казахстане надо ближайшей весной, сроки самые сжатые, работа будет трудная – этого не стали скрывать. Но добавили, что нет в данный момент более ответственного задания партии, чем это. Центральный Комитет считает нужным направить туда нас с П.К. Пономаренко. Суть в том, услышал я, что дела в республике идут неважно. Тамашнее руководство работает по старинке, новые задачи ему, как видно, будут не по плечу. В связи с подъемом целины нужен иной уровень понимания всего, что нам предстоит в этих обширных степях свершить. Главное, что нам поручалось, – обеспечить подъем целины.

30 января 1954 года состоялось заседание Президиума ЦК, обсудившее положение в Казахстане и задачи, связанные с подъемом целины. Через пару дней я вылетел в Алма-Ату"²³.

В феврале 1954 г. Брежнев был избран вторым, а в августе 1955 г. первым секретарем ЦК Компартии Казахстана. Новым руководителям вскоре после приезда пришлось вести полемику с теми специалистами, которые утверждали, что в Казахстане в связи с распашкой части сенокосов и пастбищ в районах целины сократится производство животноводческих продуктов. Брежнев в феврале 1956 г. в речи на XX съезде КПСС невольно подтвердил правоту своих оппонентов: "Следует, однако, сказать, что положение с развитием животноводства в Казахстане продолжает оставаться напряженным и пока неудовлетворительным... за что Центральный Комитет КПСС совершенно справедливо подверг критику работу партийной организации Казахстана"²⁴. Об этом предупреждали вынужденные уйти со своих постов Шаяхметов и Афионов.

Итак, решать новые ответственные задачи по освоению целины, с которыми не могло справиться старое руководство, было поручено двум "варягам". Нетрудно догадаться, с кем беседовал Брежнев перед отъездом в Казахстан. Удивительно то, что все эти ответственные перемещения осуществлялись за месяц до февральско-мартовского пленума 1954 г., которому предстояло заслушать и обсудить доклад Хрущева "О дальнейшем увеличении зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель" и принять грандиозную хрущевскую "сверхпрограмму", державшую в напряжении всю страну на протяжении ряда лет. Самое удивительное и неожиданное, что практическая работа по еще неутвержденной программе широко развернулась с осени 1953 г., а за день до открытия пленума Хрущев выступил на собрании первого отряда комсомольцев Москвы и Московской области, уезжавших на освоение целины"²⁵.

В принципе ничего удивительного в таком ходе событий для советской эпохи не было, поскольку "кулуарный отсчет" рубежей целинной эпопеи начался, как уже отмечалось, значительно раньше, до "судьбоносного" пленума ЦК: первой точкой отсчета реализации не принятой еще программы явились указания Хрущева, данные им казахстанской делегации 9 сентября 1953 г., второй – его записка в президиум ЦК КПСС от 22 января 1954 г., а третьей, на этот раз публичной, – Обращение ЦК КПСС ко всем избирателям, опубликованное 11 февраля 1954 г., в котором целый абзац посвящался освоению целинных земель – назывались районы ее освоения, говорилось о большом значении этой меры, о почетном долге молодежи принять участие в этой акции. И после этого пошел поток писем добровольцев, желающих ехать на целину (за месяц до появления решения февральско-мартовского пленума!).

Кстати сказать, после окончания пленума (6 марта) было издано только его постановление,

а доклад Хрущева – спустя месяц. Стенограмма же пленума – основополагающий документ партийного форума – не опубликована и по сей день. Было что скрывать, но непонятно, почему эти "секреты" должны оберегаться до сих пор.

На пленуме новый партийный руководитель Казахстана, назначенный Хрущевым, разумеется, полностью поддержал его программу. Бывший военный, генерал-лейтенант, возглавлявший в годы войны Центральный штаб партизанского движения, по существу, взял под козырек, пообещав, не вникая в детали этой сложной проблемы, точно и в срок выполнить приказ. "Казахстан должен освоить под посевы зерновых культур, – говорил он, – 6,3 млн. га целинных и залежных земель (из 13 млн. – *И.З.*). Возможности для решения этой задачи есть". Он предложил даже Украине соревноваться с Казахстаном в деле выращивания и сдачи хлеба государству. Хрущев своей репликой поддержал это предложение, заметив, что Казахстан должен обогнать Украину, но "за вексель нужно платить"²⁶. Через 1,5 года, в августе 1955 г., П.К. Пономаренко, не выполнивший обещаний, уйдет в отставку, первым секретарем ЦК КП Казахстана станет Брежнев, сохранявший этот пост до конца 1956 г. Как и Пономаренко, он тоже не смог "заплатить по векселю".

Избавившись от своих основных оппонентов накануне судьбоносного для целины пленума, заручившись стопроцентной поддержкой новых лидеров Казахстана, где находилась основная часть осваиваемой целины, Хрущев все же не смог даже на пленуме избежать острых критических замечаний в адрес разработанной при его непосредственном участии программы, прежде всего со стороны ученых, специализирующихся по проблемам засушливого земледелия. Один из них – директор Почвенно-Агрономической станции имени В.Р. Вильямса профессор М.Г. Чижевский. Обращаясь с трибуны съезда лично к Хрущеву, он предостерег его от возможности превращения "великолепнейших земель в Сибири, Казахстане, на Урале в сплошные заросли сорняков, с которыми очень трудно бороться". "Надо учесть, – подчеркнул ученый, – печальный опыт совхозов Зернотреста, которые вели хозяйство с бессистемными посевами и привели к тому, что многие земли оказались сильно засоренными". Он рекомендовал с самого начала освоения целины внедрять паровые севообороты, многолетние травы, сочетать зерновое производство с животноводством. Полемизируя с Лысенко, он заметил: "Нельзя трафаретно пахать только на 20 см. Солончаковые земли надо пахать мельче, менять характер подготовки почвы к посевам"²⁷.

Т.С. Мальцев, исходя из опыта Урала, предложил пахать без выворачивания почвы, без отвалов, на глубину заделки семян; обрабатывать почву хотя и мелко, но культурно, что позволит получать урожаи до 20 ц; подчеркнул, что очень большое значение имеют пары; поставил вопрос об изготовлении орудий пахоты применительно к целине. А президент ВАСХНИЛ Т.Д. Лысенко, как всегда, давал некомпетентные рекомендации: пахать глубоко, хорошо переворачивая пласт, а для этого "удлинить отвалы плугов путем привинчивания двух железных пластин". Правда, обратил внимание и на Нечерноземную зону России, советовал проводить известкование подзолистых почв по разработанной им методике.

Откровенно развязным, беспардонным в отношении ученых было выступление "горячего защитника целины" начальника Томского управления сельским хозяйством Серпенинова. Он сказал буквально следующее: "Я второй раз слушаю здесь наших ученых Эдельштейна, Якушкина, Чижевского... Товарищи готовят высококвалифицированные кадры специалистов, но беда в том, что они подотстали немножко от непосредственной практики..., самое непосредственное производство подзабыли, оторвались от практических нужд. Надо их послать на производственную практику, хотя бы месяца на четыре в колхозы". Хрущев, однако, не прервал оратора, ничего не сказал о его "рекомендациях" ученым в заключительном слове. По-видимому, рад был даже такой "поддержке".

А реакция его на выступления Мальцева и Чижевского проявилась вскоре после пленума. В начале июня 1954 г. первый секретарь совершил инспекционную поездку в Казахстан, о результатах которой тотчас сообщил в записке в президиум ЦК КПСС (5 июня 1954 г.). В ряде мест, отметил он, "пахота проводится некачественно", "ибо при вспашке не достигается переворачивания пласта, что является совершенно недопустимым"²⁸. Таким образом, он отреагировал лишь на рекомендацию Лысенко.

Указания академика вскоре продублировал непосредственным исполнителям II пленум ЦК КП Казахстана (июль 1954 г.) – один из первых после назначения Пономаренко и Брежнева. Обсуждался вопрос о ходе выполнения постановлений февральско-мартовского пленума ЦК КПСС. Были даны директивы покорителям целины по вопросам агротехники: "Установить строжайший контроль за качеством вспашки земель, за правильным оборотом пласта, не допуская мелкой пахоты, пахоты без предплужников... Организовать вслед за вспашкой новых земель обязательное их дискование и боронование, обеспечивающих хорошую разработку

пласта..." Все как в дурном сне: ученые дают одни рекомендации, а политики настаивают на прямо противоположных.

В своих воспоминаниях Брежнев с горечью заметит: "есть более страшный враг для земли, чем плуг и сорняк, – это навязывание ей всевозможных рекомендаций". Но закончит на победной ноте: "Одним из многих моих дел на посту Генерального секретаря ЦК КПСС была поддержка почвозащитной системы земледелия на целине, разработанной советскими учеными во главе с А.И. Бараевым. Теперь эта система внедрена..."²⁹

Уже после пленума, 5 августа 1954 г., Чижевский обратился к Хрущеву с запиской, в которой, ссылаясь на проведенные Почвенно-Агрономической станцией опыты, сообщил, что разработанная Мальцевым для условий Курганской области система обработки почвы "заслуживает самого пристального внимания" применительно к целинному земледелию. Он полностью поддержал Мальцева в том, что промышленность должна наладить выпуск орудий для безотвальной обработки почвы³⁰. Эти предложения также были проигнорированы.

На пленуме присутствовал и министр сельского хозяйства Латвии 36-летний А.А. Никонов – будущий маститый экономист-аграрник, академик, президент ВАСХНИЛ, директор Аграрного института РАСХН. Вот его мнение о выступлении П.К. Пономаренко, оцененное уже с учетом опыта последующих лет. "Только что избранный на пост первого секретаря ЦК КП Казахстана... он обрушился с критикой на казахстанских ученых-почвоведов, обвинив их в национализме за то, что те представили такую почвенную карту, из которой следует: не все целинные земли можно пахать... Следуя бездумным командам, мы вскоре получим взрыв пыльных бурь, потеряем на огромных площадях пахотный слой и спровоцируем образование первой на европейском континенте пустыни на землях Калмыкии и Нижнего Поволжья... Процесс освоения целинных земель пошел стремительно, в него включились все структуры партии, комсомола и государства, но в этой эйфории голос ученых, к сожалению, потонул, что сыграло зловещую роль: природа всегда мстит за насилие над нею... Тогда шведские газеты писали, что на тротуарах Стокгольма лежит слой русского чернозема. А надо было просто прислушаться к почвоведом. Они землю знают лучше комсомольских и партийных работников". В то же время Никонов пришел к выводу, что "решение об освоении целинных земель не было ошибкой. Но осваивать их нужно было последовательно, закрепляя сделанное, переходя на научно обоснованную систему хозяйства, не допуская спешки и безжалостности к природе"³¹. С этим нельзя не согласиться.

Таким образом, Хрущев не только не прислушался к голосу ученых – специалистов в области засушливого земледелия, – но и по существу отверг их рекомендации, что имело самые негативные последствия. В то же время, пожалуй, главная его ошибка состояла в том, что по его команде масштабы освоения целины нарастали, как снежный ком. Едва февральско-мартовский пленум выдвинул как важнейшую государственную задачу в 1954–1955 гг. расширение посевов зерновых культур за счет освоения залежных и целинных земель не менее чем на 13 млн. га и получение с этих земель 1,1–1,2 млрд. пуд. зерна, как Н.С. Хрущев уже в июне 1954 г. в речи на пленуме ЦК КПСС, исходя из того, что ни у кого не вызывает сомнения, что 13 млн. гектаров новых земель будут вспаханы и засеяны, дал указание дополнительно освоить еще 15 млн. га. "Нужны ли нам еще 15 млн. гектаров? Да, товарищи, нужны". Хрущев не скрывал, что не все были с этим согласны: «Одни товарищи говорят: "нельзя ли обождать, так как еще 13 млн. не освоили, а уже собираемся новые 15 млн. гектаров осваивать?"; другие: "не сократит ли это поставку новой техники для районов центральных нечерноземных областей?"» И отвечал: "безусловно сократит", но "мы должны выиграть время", поэтому основные капитальные вложения, технику надо направить в Казахстан и Сибирь на освоение новых земель³².

И вот уже 13 августа 1954 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР принимают постановление о том, чтобы в 1956 г. довести посевы зерновых культур на вновь осваиваемых землях до 28–30 млн. га, а 7 января 1955 г., напутствуя комсомольцев и молодежь города Москвы, уезжавших на освоение целины, Хрущев сказал: "Я обращаю ваше внимание на цифру 30 млн. Она лучше, чем 28, потому, что больше, а стало быть и хлеба соберем больше"³³. Освоение целины велось методом штурма. Так было и в годы первой пятилетки.

Л.И. Брежнев в воспоминаниях о целине отнес всю "антипартийную группу", разоблачением которой занимался июньский пленум 1957 г., к противникам "яростным, не желавшим даже слышать о целине", подчеркнув при этом, что "лишь они" были таковыми в отличие от "заблуждавшихся, честно сомневавшихся или чрезмерно осторожных людей"³⁴. Однако в опубликованном постановлении пленума "Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М." в связи с целиной претензии были предъявлены одному Молотову, который, "проявляя консерватизм и косность, не только не понял необходимости

освоения целинных земель, но и сопротивлялся делу подъема 35 млн. га целины, которое приобрело такое огромное значение в экономике нашей страны"³⁵.

Для прояснения ситуации обратимся к теперь уже опубликованной стенограмме этого пленума. В чем же Молотова обвиняли конкретно? "Сельскохозяйственные генералы" припомнили, что говорил Молотов на заседаниях президиума ЦК КПСС, когда обсуждались проблемы целины. Вот что они сказали. **Министр совхозов СССР И.А. Бенедиктов:** Молотов говорил, что это мероприятие слишком дорогое, целесообразнее вложить деньги в районы центральной полосы; **министр заготовок Л.Р. Корнеев** (обращаясь к В.М. Молотову): вы говорили, стоит ли рисковать, оттягивая средства из районов, где мы получаем гарантированный хлеб; **министр сельского хозяйства В.В. Мацкевич:** Молотов утверждал, что наша главная линия – повышение урожайности, не хотел разобраться в этом вопросе по существу; **министр совхозов РСФСР Т.А. Юркин:** Молотов мне задавал вопрос, будет ли хлеб на целинных землях, а на мой утвердительный ответ сомнительно качал головой³⁶. "Аргумент" Юркина по существу уже исходит из принципа "каждый должен бросить камень в отступника".

А сам "оппозиционер", оправдываясь, утверждал, что не был принципиальным противником целины. Свидетельством тому тот факт, что Молотов не выступал на февральско-мартовском пленуме, да и вообще все эти претензии предъявлялись "по случаю", задним числом в связи с разоблачением "антипартийной группы" (фактически – антихрущевской). Видимо, Молотова, по классификации Брежнева, можно отнести к людям "чрезмерно осторожным", "сомневающимся" в целесообразности проведения столь быстрой и масштабной акции. Впрочем, сомнения Молотова не случайны: в апреле 1928 г. он вошел в состав комиссии Политбюро по подготовке решения пленума ЦК ВКП(б) об организации новых (зерновых) совхозов – инициированной Сталиным первой советской программы массового освоения целинных земель. Решение, разумеется, было принято, однако на заседании комиссии с серьезными критическими замечаниями и контрпредложениями выступили известные ученые-аграрники, некоторые специалисты. Их замечания и предложения не были учтены, а Сталин в докладе на XVI съезде партии назвал инакомыслящих ученых псевдоучеными. Многие из них вскоре были репрессированы. А к концу первой пятилетки стало очевидно, что программа освоения целины провалилась. И только тогда вспомнили о рекомендациях ученых и с большим опозданием приступили к их реализации³⁷. Молотов, конечно, не забыл об этих событиях, не хотел, чтобы они повторились. Однако Хрущев проигнорировал его предупреждение на заседании президиума ЦК в январе 1954 г., а в 1957 г. воспользовался этим обстоятельством, чтобы обвинить своего политического противника в антипартийных действиях.

В то же время в 1954 г. Хрущев никаких политических обвинений в адрес смещенных им руководителей Казахстана не предъявил. "Бывший первый секретарь ЦК компартии Казахстана т. Шаяхметов, – отметил он в докладе на пленуме, – я думаю, честный человек..., но для такой большой республики он был руководителем слабым... Пленум ЦК компартии Казахстана решил укрепить руководство республики..."³⁸

Остановимся на некоторых вопросах, связанных с началом освоения целинных земель в Казахстане, на долю которого приходилось более половины введенных в оборот новых земель. Ф.Т. Моргун, который, начиная с весны 1954 г., более 11 лет работал в Северном Казахстане, пройдя путь от директора целинного совхоза до секретаря обкома партии и начальника краевого управления сельского хозяйства, приводит в своей книге статистические и иные данные, свидетельства личного характера, являющиеся ценнейшим, во многом уникальным, источником.

Он отмечает, что в первые 3–4 года после начала пахоты, пока сохранялось накапливаемое веками естественное плодородие целинных земель, никаких проблем чрезвычайного характера (типа эрозии почвы, пыльных бурь, зарослей сорняков и т.п.) перед целинниками не возникало. И не случайно поэтому основная часть казахстанской целины (12,7 млн. га, по данным 5 областей Севера республики) была поднята в 1954–1955 гг., а дальше пошло резкое снижение: в 1956 г. было распаханно 0,8 млн. га, в 1957 г. – 0,4 млн., в 1958 г. – 1,3 млн. га. Но сразу стало ясно, что это зона "рискованного земледелия": после урожайности в 1954 г. 9,3 ц с га, в 1955 г. она упала до 2,8 ц, в 1956 г. – в рекордный по урожайности год – удалось получить по 11,4 ц, в 1957 г. – вновь падение до 4,3 ц³⁹.

На волне резкого спада 1955 г. пришлось оставить свой пост П.К. Пономаренко, а Л.И. Брежнев, назвавший 1955 г. "годом отчаяния", на одном из совещаний в конце этого года в присутствии Хрущева заявил, что "целина еще себя покажет". Первый секретарь резко оборвал оратора: "Из ваших обещаний пирогов не напечешь!" Но фортуна улыбнулась будущему

генсеку. "В 1956 году, – вспоминал он, – пробил звездный час целины. Урожай в казахстанских степях был выращен богатейший. И вместо обещанных 600 млн. республика сдала государству миллиард пудов зерна". Казахстан за этот миллиард был награжден орденом Ленина, а Брежнев вновь избран секретарем ЦК КПСС и отбыл в Москву⁴⁰. И как раз вовремя: в 1957 г. урожайность вновь упала до критической отметки.

В это время в связи с объявлением Хрущевым раздельной уборки зерна надежной гарантией от потерь⁴¹, местные руководители Казахстана и других республик стали требовать обязательного применения этого метода. "В Кокчетавской области, – вспоминал Ф. Моргун (здесь был расположен возглавляемый им зерновой совхоз "Толбухинский" – И.З.), – большинство массивов в этом неурожайном и засушливом году были низкорослыми и изреженными, хлебный валок не получался, он проваливался между стерней на землю, его невозможно было убрать подборщиком". Но начальство требовало. Включили в работу лафетные жатки. И тут пошли дожди, уборку пришлось остановить, только в конце августа установились солнечные дни, хлеб полностью созрел. "Его надо было убирать немедленно, мы прекратили раздельную уборку, и перешли на прямое комбайнирование, используя даже ночи". Урожай был спасен, но райком рассвирепел: "кто разрешил?" Приехала комиссия... На заседание бюро райкома вызвали директора (Моргун – И.З.)... говорили, что директор совхоза игнорирует передовой метод уборки. "Из партии не исключили, но выговор записали". А в 1958 г. ситуация изменилась: хлеб уродился неплохой, но созрел недружно, так как прошли сильные дожди. "Прямая уборка оказалась невыгодной. Но выяснилось, что вето с прямого комбайнирования было снято..., а мы продолжали раздельную уборку. И вновь повторилась старая история: распекали за то, что поздно начали сдавать хлеб"⁴².

Однако целинников подстерегала более грозная опасность: иссякало естественное плодородие земель, стала проявлять себя ветровая эрозия (выдувание верхнего, наиболее плодородного слоя распаханной земли), на полях, не знавших паровой обработки, появились сорняки (результат глубокой пахоты), с которыми очень трудно было бороться. Моргун, агроном по образованию, был переведен на работу в краевой центр – Целиноград. "По долгу службы, – писал он, – пришлось побывать в каждом районе всех пяти областей, а во многих из них и не по одному разу". И вот что он увидел: "Ветровая эрозия наблюдалась в большинстве хозяйств Павлодарской области и во многих районах Целиноградской, Кустанайской и Кокчетавской областей, повсеместное засилье овсяга, березки, курая, гречишки, а главное – редко получаемые дружные всходы во всех районах этого огромного зернового края. Беседы при встречах с руководителями, специалистами и рядовыми рабочими совхозов и колхозов все более и более убеждали в правильности позиции Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства (в Шортандах) и его руководителя академика ВАСХНИЛ А.И. Бараева о невозможности успешно вести зерновое хозяйство в районах Северного Казахстана без значительного парового клина и безотвальной обработки почвы. Это подтверждали многочисленные эксперименты института"⁴³. Напомним, что о том же говорили Мальцев и Чижевский на февральско-мартовском пленуме 1954 г.

А институт в Шортандинском районе Целиноградской области был организован в 1956 г. как крупный научный центр, специально ориентированный на создание системы земледелия для засушливых и эрозионноопасных районов. Само создание такого института в разгар целинной эпохи – свидетельство того, что Хрущев не оставался совершенно глухим к разработке таких проблем, в той или иной степени реагировал на ошибки и просчеты, допущенные при освоении целины, стремился к их исправлению. Бараев как никто другой подходил к должности директора института. Уроженец Вологодской губернии, он всецело посвятил себя созданию рациональной системы земледелия в засушливых степных районах Поволжья и Казахстана. Институт, где работал этот талантливый исследователь и прекрасный организатор, пишет А.А. Никонов, "стал своего рода Меккой для всех, кто нуждался в консультациях и помощи. Здесь каждый получал дельный совет и мог воочию убедиться в эффективности того или иного приема непосредственно на месте... Практическую школу земледелия у А.И. Бараева прошли многие тысячи специалистов и ученых"⁴⁴. Институт получал необходимые инвестиции, имел экспериментальное хозяйство площадью 60,8 тыс. га, в том числе 47 тыс. га пашни. Научно-исследовательская работа проводилась в 25 отделах и отделениях института коллективом талантливых ученых.

По указанию Хрущева в начале августа 1958 г. в Казахстане была проведена выездная сессия ВАСХНИЛ совместно с Казахстанской академией наук, посвященная системам земледелия в районах освоения целины, несколько заседаний которой проходили в институте в Шортандах. В постановлении сессии нашли отражение все основные положения по вопросам целинного

земледелия, разработанные и обоснованные сотрудниками института под руководством Бараева.

Первый вице-президент ВАСХНИЛ Д.Д. Брежнев 4 сентября 1958 г. направил в ЦК КПСС (Н.С. Хрущеву) подробную информацию об этой сессии, о принятых ею рекомендациях. Воспроизведем некоторые положения этого документа, имеющие принципиальное значение. Отмечалось, например, что в процессе работы участники сессии познакомились с работой института А.И. Бараева, его опытным хозяйством, выезжали в совхоз "Шортандинский". Академия ставила своей задачей обобщить результаты научных исследований и определить основные пути дальнейшего развития земледелия в районах освоения целинных и залежных земель. "Производственный опыт, – отмечалось в постановлении сессии, – подтвердил возможность непрерывных посевов зерновых культур по целинным землям при правильной агротехнике в течение 4–5 лет.". Однако более длительное использование этих земель под зерновые культуры "приводит к засорению полей, размножению сельскохозяйственных вредителей... На новых землях уже значительно распространились такие злостные сорняки как: вьюнок полевой, полынь, овсюг, лебеда, курай и др." И вот один из основных выводов: "Ведение устойчивого зернового хозяйства в степных районах, часто подвергающихся засухе, возможно при условии, если чистый пар будет занимать в севообороте площадь не менее 15–20%". Тем самым перечеркивались некомпетентные рекомендации о преимуществах пропашной системы земледелия, совершенно неприемлемой на целине, подтверждались права Бараева и других ученых в этом вопросе.

В районах же с супесчаными и легкосуглинистыми почвами рекомендовалось "вводить почвозащитные севообороты с посевом многолетних трав, а на очень легких песчаных почвах целесообразно применять полосное размещение зерновых культур, трав и чистого пара". Это тоже рекомендация Бараева и его единомышленников. И, пожалуй, основное заключение и рекомендация о предотвращении самой грозной опасности, нависшей над целинными землями: "Со всей серьезностью, – писал вице-президент, – на сессии отмечалось большое государственное значение мероприятий по борьбе с эрозией почв. Многочисленные данные говорят о нарастании угрозы земледелию засушливых степных районов вследствие все большего расширения масштабов проявления ветровой эрозии и пыльных бурь. Необходимо поставить под особый контроль районы, сильно подвергающиеся разрушительной силе эрозии". В этих целях, по мнению ученых, в первую очередь должна быть осуществлена вся система противоэрозийных мероприятий – проведение внутрихозяйственного землеустройства, введение почвозащитных севооборотов, увеличение площадей под травами и осуществление агрометеорологических мероприятий. Для этого "необходимо в ближайшее время провести подробное и всестороннее изучение земель, подверженных эрозии, детальные почвенные исследования с составлением крупномасштабных почвенных карт". "Районы, подверженные ветровой эрозии, необходимо обеспечить системой машин и сельскохозяйственных орудий, полностью отвечающих агротехническим требованиям ведения земледелия в их специфических условиях". При этом упор делался на безотвальную пахоту. Применение дисковых орудий на этих почвах решительно отвергалось.

Добавим к сказанному, что значительная часть названных мероприятий, в частности составление почвенных карт, должна была быть проведена до начала или в самом начале распахки целинных земель как основополагающее предварительное условие осуществления этой акции⁴⁵.

По указанию Хрущева в октябре 1959 г. Президиум АН СССР обсуждал вопрос "О мероприятиях по борьбе с водной и ветровой эрозией почв", был подготовлен проект постановления правительства по этому вопросу; в 1960 г. состоялся I Всесоюзный съезд почвоведов и т.д.⁴⁶

Разумеется, для реализации предложенной программы, разумной и назревшей, нужно было еще создать соответствующие условия, в частности, обеспечить хозяйства техникой, помогающей осуществлять противоэрозийные мероприятия, проводить широкомасштабные обследования состояния почв и т.п. Этого не было сделано.

Между тем Хрущев все больше и больше тяготел к Алтайскому институту земледелия и селекции сельскохозяйственных культур, которым руководил не обладавший талантом подлинного ученого, но хорошо усвоивший навыки угождения начальству Г.А. Наливайко. Он, например, "доказывал" (после соответствующего высказывания Хрущева) огромные преимущества пропашной системы земледелия, ратуя за ее повсеместное внедрение на целинных землях: предавал анафеме чистые пары, так необходимые для борьбы с сорняками на целине; утверждал, что оптимальными предшественниками под зерновые могут быть только пропашные культуры, в основном кукуруза и бобы; решительно возражал против посевов многолетних трав.

Эти "открытия" Наливайко, опиравшегося, как он утверждал, на опытные разработки института, очень импонировали Хрущеву, который поддерживал этого псевдоученого, нанесшего немалый ущерб целинному земледелию. Вот несколько публичных выступлений Хрущева, подтверждающих сказанное:

"С большим вниманием мы выслушали выступление директора Алтайского научно-исследовательского института сельского хозяйства Г.А. Наливайко... Таким образом, прямым напарником кукурузы являются кормовые бобы. Это интересный опыт и заслуживает широкого внедрения..." (Из речи на совещании передовиков сельского хозяйства областей, краев, автономных республик Сибири в г. Новосибирске, 8 марта 1961 г.);

"Какую систему земледелия следовало бы принять за основу?... Надо отдать должное Алтайскому научно-исследовательскому институту, директором которого работает т. Наливайко. Он придерживается паропропашной системы". (Из речи на совещании работников сельского хозяйства – делегатов XXII съезда КПСС, 2 ноября 1961 г.);

"По вопросу о чистых парах существует спор между Алтайским научно-исследовательским институтом (директор т. Наливайко Г.А.) и Научно-исследовательским институтом зернового хозяйства (директор т. Бараев А.И.). В этом споре мне приходится встать на сторону Г. Наливайко... Чем меньше чистых паров, тем лучше. Если их совсем не будет... это самое лучшее". (Из речи на совещании работников сельского хозяйства Казахстана в г. Целинограде, 22 ноября 1961 г.);

"Травопольный севооборот, как об этом убедительно говорят данные Алтайского института, по выходу продукции с одного гектара резко уступает пропашному севообороту... Выходит, что сама жизнь, практика против травополю". (Из речи на совещании работников сельского хозяйства Сибири в г. Новосибирске, 26 ноября 1961 г.);

"Для совхозов и колхозов целинных районов представляет большой интерес опыт, который накоплен Алтайским научно-исследовательским институтом..." (Из записки в президиум ЦК КПСС, 4 августа 1962 г.)⁴⁷.

Нетрудно заметить, что, солидаризируясь с Наливайко, Хрущев, как правило, противопоставлял его Бараеву, выступая своего рода арбитром в споре между двумя учеными и институтами всегда в пользу первого. В то же время он ни разу не поддержал А.И. Бараева – подлинного ученого, немало сделавшего для того чтобы приостановить разрушительную стихию на целине, вызванную непродуманными решениями и действиями некомпетентных руководителей и таких "ученых", как Наливайко. Более того, Хрущев в начале 60-х гг. даже поставил вопрос перед руководителями Целинного края о смещении с поста директора строптивого ученого. К счастью, эта рекомендация не была выполнена: Бараев, за которого заступились руководители Казахстана и Целинного края, продолжал руководить институтом еще более 20 лет⁴⁸.

В марте 1962 г. Хрущев, завершая инспирируемую им кампанию против "несостоятельной травопольной системы земледелия Вильямса", поставил этот вопрос на пленуме ЦК КПСС. Все сказанное, а также ряд других причин, объясняет, почему тяжелые последствия бездумного, некомпетентного хозяйничанья на целине преодолевались (даже уже после намеченных правильных мер) крайне медленно.

В дальнейшем, когда стало очевидно, что на основе рекомендаций Наливайко и Алтайского института проблемы целины не решить, Хрущев уточнял свои позиции, корректировал их.

В отличие от большинства его коллег, он был способен на признание (правда, не всегда публично) и исправление допущенных ошибок, в том числе и своих собственных, действуя в этой связи с присущей ему энергией и напористостью. В своих выступлениях конца 50-х – начала 60-х гг. он, будучи горячим сторонником паропропашной системы земледелия, обычно отмечал, что для Казахстана и других целинных районов необходимо сохранять чистые пары (до 15–20% в структуре пашни), стал признавать и допустимость посевов многолетних трав.

Свое крайне негативное отношение к взглядам Бараева Хрущев, судя по всему, окончательно преодолел в 1963–1964 гг. Этому предшествовало отстранение Т.Д. Лысенко в 1962 г. с поста президента ВАСХНИЛ. 31 июля 1963 г. в очередной записке в президиум ЦК КПСС он, наконец, признал, что "на целине большой ущерб наносит ветровая эрозия", что борьба с ней "заслуживает серьезного внимания", что "в целинных совхозах надо применять специальную агротехнику, проводить вспашку плоскорезами... иметь специальный комплекс орудий, а также осуществлять другие меры... надо, не затягивая, решать эти вопросы"⁴⁹.

На февральском пленуме ЦК КПСС 1964 г., посвященном проблемам интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта (это был последний пленум, проведенный под руководством Хрущева), А.И. Бараеву было

предоставлено слово для выступления в прениях. Их открыл президент ВАСХНИЛ М.А. Ольшанский, а сразу после него выступил Бараев. Выдающийся ученый, академик ВАСХНИЛ, видимо, по согласованию с Хрущевым, остановился на особенностях целинного земледелия и на способах повышения урожайности и увеличения производства зерна в Целинном крае и степных районах Сибири. Ссылаясь на опыт возглавляемого им института, он подчеркнул: "Установлено, что безотвальная обработка с сохранением стерни на поверхности поля обеспечивает наиболее надежную защиту почвы от ветровой эрозии", "наиболее надежное увлажнение почвы с гарантийными запасами влаги во всем корнеобитаемом слое в любой год обеспечивается на чистых парах". А закончил так: "Ученые-целинники не пожалеют своих сил и окажут помощь труженикам сельского хозяйства в их благородном и самоотверженном труде по повышению культуры земледелия, увеличению производства зерна (*Аплодисменты*)"⁵⁰.

Г.А. Наливайко на этом пленуме не присутствовал.

Система засушливого земледелия, в разработку которой Бараев и возглавляемый им институт внесли огромный вклад, с конца 50-х – начала 60-х гг. стала постепенно внедряться в районах освоения целинных земель. И это положительно сказалось на показателях производства.

По сведениям Ф.Т. Моргуна, урожайность зерновых культур в пяти областях Северного Казахстана, где осваивались целинные земли, постепенно стабилизировалась: в 1958–1959 гг. она составила соответственно 9,0 и 9,2 ц с 1 га, в 1960 – 8,5 ц, в неурожайных 1962 и 1963 гг. упала соответственно до 5,9 и 3,2 ц (почти до уровня 1955 г. – "рекордного" по низкой урожайности – 2,8 ц), а в 1964 г. возросла до 10,3 ц; в среднем за период 1954–1964 гг. она составила 7,3 ц. От урожайности всецело зависели валовые сборы и заготовки зерна: в 1958 и 1959 гг. было собрано 875 и 846 млн. пуд., в 1960 г. – 788 млн., в 1961 г. – 630, в 1964 г. – 996 млн. пуд.⁵¹

ЦСУ СССР подсчитало, что за период с 1954 по 1960 гг. в стране было вспахано 41 836 тыс. га целинных и залежных земель, в том числе в Казахстане – 25 484 тыс., в РСФСР – 16 352, в Сибири и на Дальнем Востоке – 11 098, на Урале – 2 925, в Поволжье – 2 329 тыс. га.

До освоения целины из районов, где она имелась, страна получала примерно 25% валового сбора зерна, после ее освоения этот показатель составил более 40%, а в закрома государства ежегодно поступало (если брать урожайные годы) от половины до 60% всего заготавливаемого зерна, а в среднем – более 40% (см. табл. 1, 2).

Таблица 1

Валовые сборы зерна в СССР до и после освоения целинных земель *

В среднем за год было собрано зерна (тыс. т)		
	в СССР	в т.ч. в районах освоения целинных земель
в 1949–1953 гг.	80 948	20 697
в 1954–1958 гг.	110 313	45 176
в 1959–1963 гг.	124 699	51 601

* Вестник статистики. 1974. № 3. С. 94–95.

Таблица 2

Удельный вес целинных районов в общих закупках зерна (в %) *

	1953 г.	1958 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.
Основные районы освоения целинных и залежных земель СССР в целом	35	58	62	45	48	37	55
из них: РСФСР	27	32	40	31	33	26	32
Казахстан	8	26	22	14	15	11	23

* Страна Советов за 50 лет. Юбилейный статистический сборник. М., 1972. С. 138–139.

На Востоке страны была создана крупнейшая база по производству зерна и продуктов животноводства, коренным образом были преобразованы огромные районы Востока. В степи возникли крупные совхозы, благоустроенные поселки, научные учреждения и учебные заведения, протянулись железные и шоссейные дороги, линии электропередач. Труд десятков тысяч людей (только по путевкам ВЛКСМ на целину выехало более 350 тыс. добровольцев) принес свои плоды, страна получила дополнительно десятки млрд. пуд. хлеба. 1 млн. 300 тыс. участников героической эпопеи были награждены медалью "За освоение целинных земель", около 100 тыс. орденами и медалями, 272 целинника удостоились звания Героя Социалистического Труда⁵².

Конечно, издержки на этом тернистом пути могли бы быть значительно меньшими, а результаты – гораздо большими. Но покорители целины, рядовые труженики тут ни при чем. Это уже претензии к политикам с их ошибками и просчетами, из которых надо извлекать уроки даже по прошествии более четырех десятков лет.

Освоенная героическим трудом российских, казахстанских, украинских хлеборобов и других представителей народов бывшего СССР, целина продолжает служить людям и в настоящее время, в том числе ставшему независимым Казахстану, который, опираясь на северные области, не только решает зерновую проблему внутри страны, но и осуществляет выгодные операции по экспорту зерна.

Примечания

- ¹ В краю просторов и подвигов. Молодежь на целине. Сборник документов М., 1962.
- ² Великий подвиг партии и народа – массовое освоение целинных и залежных земель. Сборник документов. М., 1979.
- ³ Брежнев Л.И. Вопросы аграрной политики КПСС и освоение целинных и залежных земель в Казахстане. М., 1974.
- ⁴ М о р г у н Ф.Т. Думы о целине. М., 1968; К у л и к о в В.И. Исторический опыт освоения целинных земель. М. 1979.
- ⁵ Б р е ж н е в Л.И. Воспоминания. М., 1981. С. 254–255.
- ⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. V. Кн. 2. М., 1980. С. 358.
- ⁷ История СССР. 1974. № 4. С. 83.
- ⁸ Исторический архив. 1993. № 1, 3, 6.
- ⁹ Х р у щ е в Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 1–8. М., 1962–1964.
- ¹⁰ ЦХСД, ф. 2, оп. 1, д. 89, л. 93.
- ¹¹ См. Х р у щ е в Н.С. Строительство коммунизма в СССР. Т. 1. С. 85–100; ЦХСД, ф. 5, оп. 45, д. 1, л. 1–74. В опубликованном тексте записка Хрущева воспроизведена с некоторой корректировкой и редакторской правкой; приложения опущены.
- ¹² ЦХСД, ф. 5, оп. 45, д. 1, л. 32–34.
- ¹³ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР. Т. 1. С. 10.
- ¹⁴ Там же. С. 42–43.
- ¹⁵ ЦХСД, ф. 2, оп. 1, д. 61, л. 46 об.
- ¹⁶ Х р у щ е в Н.С. Строительство коммунизма в СССР. Т. 1. С. 85, 88.
- ¹⁷ Там же. С. 85–87, 89.
- ¹⁸ Там же. С. 89–90.
- ¹⁹ История Отечества. XX век. М., 1995. С. 430.
- ²⁰ Б р е ж н е в Л.И. Воспоминания. С. 263.
- ²¹ Х р у щ е в Н.С. Строительство коммунизма в СССР. Т. 1. С. 331, 334.
- ²² ЦХСД, ф. 2, оп. 1, д. 89, л. 93 об. В докладе на февральско-мартовском пленуме Хрущев отметил, что "незрелость" проявили секретари ЦК КП Казахстана (Шаяхметов и Афонов), а также члены бюро. В то же время "члены пленума значительно острее оценили обстановку, сложившуюся в республике, чем члены бюро". "Глубокое понимание задач, стоящих перед республикой", проявили и делегаты съезда компартии Казахстана, высказавшись за "укрепление руководства республикой" (Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР. Т. 1. С. 275–276). Такое угодное Хрущеву поведение членов пленума и делегатов съезда, определялось тем, что среди них была проведена соответствующая "разъяснительная работа", секретари же ЦК и члены бюро оказались в изоляции.
- ²³ Брежнев Л.И. Воспоминания. С. 223–224.
- ²⁴ Брежнев Леонид Ильич. Краткий биографический очерк. М., 1977. С. 48; XX съезд КПСС. Стенограф. отчет. Т. I. М., 1956. С. 218.

- ²⁵ См. В краю просторов и подвигов. С. 12–14.
- ²⁶ ЦХСД, ф. 2, оп. 1, д. 89, л. 92–94.
- ²⁷ Там же, л. 24.
- ²⁸ Там же, л. 27, 55, 92; Х р у щ е в Н.С. Строительство коммунизма в СССР. Т. 1. С. 296.
- ²⁹ Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за освоение целинных и залежных земель. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1958. С. 106, 112; Б р е ж н е в Л.И. Воспоминания. С. 326, 332.
- ³⁰ ЦХСД, ф. 5, оп. 45, д. 10, л. 7–9.
- ³¹ Н и к о н о в А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995. С. 308–309, 312.
- ³² Х р у щ е в Н.С. Строительство коммунизма в СССР. Т. 1. С. 329, 331.
- ³³ Правда. 1954, 17 августа; Х р у щ е в Н.С. Строительство коммунизма в СССР. Т. 1. С. 414.
- ³⁴ Б р е ж н е в Л.И. Воспоминания. С. 261.
- ³⁵ КПСС в резолюциях... Изд. 8. Т. 7. С. 269.
- ³⁶ Исторический архив. 1993. № 3. С. 81; ЦХСД, ф. 2, оп. 1, д. 259, л. 24, 142, 146–147.
- ³⁷ См.: З е л е н и н И.Е. Первая советская программа массового освоения целинных земель (конец 20-х – 30-е годы) // Отечественная история. 1996. № 2.
- ³⁸ Х р у щ е в Н.С. Строительство коммунизма в СССР. Т. 1. С. 275–276.
- ³⁹ Моргун Ф.Т. Указ. соч. С. 62–63, 94.
- ⁴⁰ Б р е ж н е в Л.И. Воспоминания. С. 303, 308, 309.
- ⁴¹ В отчетном докладе ЦК партии на XX съезде Хрущев сказал: "Крайне важно значительно расширить производство машин для раздельной уборки урожая с тем, чтобы в основных зерновых районах в ближайшие годы перейти на раздельную уборку хлебов (Х р у щ е в Н.С. Строительство социализма в СССР. Т. 2. С. 204).
- ⁴² М о р г у н Ф.Т. Указ. соч. С. 46–48.
- ⁴³ Там же. С. 49, 52.
- ⁴⁴ Н и к о н о в А.А. Указ. соч. С. 310.
- ⁴⁵ ЦХСД, ф. 5, оп. 45, д. 216, л. 58–64.
- ⁴⁶ Там же, д. 240, л. 26–32.
- ⁴⁷ Х р у щ е в Н.С. Строительство коммунизма в СССР. Т. 5. С. 180–181; Т. 6. С. 62, 142–143, 183; Т. 7. С. 138.
- ⁴⁸ См., Н и к о н о в А.А. Указ. соч. С. 326; Пленум ЦК КПСС. 24–26 марта 1965 г. Стенограф. отчет. М., 1965. С. 105.
- ⁴⁹ Х р у щ е в Н.С. Строительство коммунизма в СССР. Т. 8. С. 86.
- ⁵⁰ Пленум ЦК КПСС, 10–15 февраля 1964 г. Стенограф. отчет. М., 1964. С. 256–262.
- ⁵¹ М о р г у н Ф.Т. Указ. соч. С. 94–95.
- ⁵² См.: Х р у щ е в Н.С. Строительство коммунизма в СССР. Т. 3. С. 157; Великий подвиг партии и народа. С. 21.

Версии и гипотезы

© 1998 г. Е.Г. ПЛИМАК, В.С. АНТОНОВ *

ТАЙНА "ЗАГОВОРА ТУХАЧЕВСКОГО"

(Невостребованное сообщение советского разведчика)

В книге бывшего советского разведчика Александра Орлова "Тайная история сталинских преступлений" есть примечательное место на которое мало кто обращал внимание. А ведь Орлов сообщает, что пока он вынужден обойти молчанием весьма важные факты: "Если в уничтожении Сталиным старых большевиков еще можно было усмотреть какую-то, пусть извращенную, логику, то теперь все недоумевали: зачем Сталину понадобилось разрушать собственную военную машину, оплот его личной власти, и уничтожать наиболее выдающихся командиров, которых он сам отбирал и назначал. Среди иностранных дипломатов в Москве получила распространение легенда о "больном человеке в Кремле". Полагали, что столь чудовищные действия мог предпринять лишь ненормальный, охваченный манией безумия. Но нет, всемогущий диктатор не был безумцем. *Когда станут известны все факты, связанные с делом Тухачевского, мир поймет: Сталин знал, что делал*"¹.

Завесу страшной тайны Сталина попытался приподнять сам же Орлов в статье, опубликованной в журнале "Life" 23 апреля 1956 г. Но если изданная на английском языке в 1953 г. его книга стала в то время бестселлером, то о журнальной статье вообще почти никто не упоминал. При этом остается неясным, то ли она просто потонула в информационной лавине после XX съезда КПСС, то ли слишком задевала интересы авторов существовавших тогда версий дела Тухачевского и влиятельных лиц в СССР и других странах. Мы остановимся на ней подробнее позже, а пока перейдем к "заговору в РККА", якобы открытому НКВД в 1937 г.

Мир потрясен сообщением из Москвы

11 июня 1937 г. в газете "Правда" под рубрикой "В Прокуратуре Союза ССР" появилось сообщение, переданное на весь мир радио Москвы. В нем говорилось, что закончено расследованием и передано в суд дело арестованных органами НКВД в разное время маршала Тухачевского М.Н., командармов Якира И.Э., Уборевича И.П., Корка А.И., комкоров Эйдемана Р.П., Фельдмана Б.М., Примакова В.М., Путны В.К., а также покончившего жизнь самоубийством еще до процесса заместителя наркома обороны СССР Гамарника Я.Б. Арестованные обвинялись в измене Родине и Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Военачальникам инкриминировались: "Антигосударственные связи с руководящими военными кругами одного из государств, ведущего недружелюбную политику в отношении к СССР", и передача этим кругам "шпионских сведений о состоянии Красной Армии"; вредительская работа по ослаблению ее мощи; подготовка "по случаю нападения на СССР поражения Красной Армии" и содействие "восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов".

Сообщалось также, что все обвиняемые "признали себя виновными полностью" и что создано призванное вершить суд Специальное судебное присутствие Союза ССР, в которое вошли маршалы В.К. Блюхер, С.М. Буденный и некоторые другие видные военачальники. Уточнялось, что дело слушается согласно закону от 1 декабря 1934 г., т.е. без участия обвинения и защиты и без права обжалования приговора, с немедленным приведением последнего в исполнение.

В день суда, 11 июня 1937 г. в республики, края и области было спущено из Москвы такое

---

* Плимак Евгений Григорьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института сравнительной политологии РАН.

Антонов Вадим Степанович, кандидат исторических наук, заведующий редакцией Отечественной истории издательства "Мысль".

указание: "Нац. ЦК, крайкомам, обкомам. В связи с предстоящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно, и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд, должно быть, будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т.е. двенадцатого июня. 11.VI.1937 г. Секретарь ЦК Сталин".

На другой день, 12 июня "Правда" сообщила, что суд состоялся, все изменники Родины лишены своих званий и приговорены к расстрелу. Под рубрикой "Шпионов и вредителей – расстрелять!" в газете публиковались резолюции собраний трудящихся и воинских частей. Если передовица "Правды" от 11 июня была озаглавлена "Крах буржуазных разведок", то передовицу от 13 июня озаглавили "Голос великого народа". В разделе же "Хроника" сообщалось главное: вчера, 12 июня, приговор приведен в исполнение.

Поток резолюций собраний "масс" занимал полосы "Правды" и других газет еще с неделю. С 20 июня их чередовали с предложениями СНК и трудящихся о выпуске займа укрепления обороны СССР, а 19–22 июня все внимание страны было уже приковано к беспосадочному перелету В. Чкалова, Г. Байдукова, А. Белякова по маршруту Москва – Северный полюс – Америка.

Страна перешла затем к очередным делам, а НКВД – к очередным арестам и расстрелам высшего состава РККА. В считанные дни после суда над Тухачевским и другими военными руководителями в застенки НКВД было брошено по тому же обвинению в "военном заговоре" около тысячи командиров, в том числе 29 комбригов, 37 комдивов, 21 комкор, 16 полковых, 17 бригадных и 7 дивизионных комиссаров. А через полтора года К.Е. Ворошилов докладывал Военному совету при наркоме обороны СССР о таких "успехах": "Весь 1937 и 1938 годы (!) мы должны были беспощадно чистить свои ряды, безжалостно отсекая зараженные части организма от живого, здорового мяса, очищая от мерзостной предательской гнили... Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше 4 десятков тысяч человек"².

Арест и уничтожение в грозные предвоенные годы в рядах комсостава собственной армии более 40 000 "шпионов и предателей" – до такого безумия не доходил ни один глава государства или его военный министр. Кстати, избивание высшего комсостава продолжалось даже в 1941 г. Если Сталин выпустил К.А. Мерецкова из бериевских застенков и направил на фронт командовать армией, то оставил там Г.М. Штерна, Я.В. Смушкевича и других. Их по его указанию Берия перевел в Куйбышев и приказал расстрелять там 28 октября 1941 г. без всякого суда.

И вот ныне, более 60 лет спустя, мы вновь возвращаемся к подробностям величайшей провокации XX века...

Сталин и Ежов стягивают кольцо вокруг военных

Папка с "уголовным делом" Тухачевского и его соратников по различным пунктам пресловутой ст. 58 с надписью на обложке "Совершенно секретно. Хранить вечно" долежала до времен хрущевской "оттепели" и горбачевской "перестройки". Но ни Военная прокуратура в лице В.А. Викторова и его подчиненных, ни комиссия политбюро ЦК КПСС под руководством А.Н. Яковлева, созданная для дополнительного изучения сталинских репрессий, не обнаружили в папке "ничего конкретного" (!) о преступной деятельности осужденных, все они были реабилитированы³.

Однако вот на чем не акцентировали внимание обе высокие инстанции – с середины 1937 г. резко изменились и содержание обвинений, выдвигаемых против арестованных, и обращение с ними. Раньше дела старых большевиков велись рутинным порядком, как он сложился вслед за злодейским убийством С.М. Кирова 1 декабря 1934 г.* От арестованных следователи ОГПУ–НКВД месяцами добивались самооговоров, а затем с клеймом "троцкист", "зиновьевец", "правый", "шпион", "агент гестапо" и т.п. их тайком репрессировали или же – в особых показательных случаях – выставляли на суд, где после изнурительных гневных

---

* Развита в книге Павла Судоплатова "Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 гг." (М., 1997) и подхваченная некоторыми газетами версия о том, что Киров пал жертвой ревности обманутого мужа Николаева, на наш взгляд, не выдерживает критики и расходится с установленными ранее фактами (освобождение НКВД захваченного у Смольного с оружием Николаева, убийство охранника Борисова и т.д.). К тому же Судоплатов обходит существенный вопрос: был или не был дневник убийцы Николаева, и что он там писал о терроризме?

допросов прокурора-инквизитора Вышинского они подтверждали свои "признания". Затем и этих отправляли на тот свет, изредка – в ссылку. Так оборвалась жизнь десятков бывших соратников Ленина. Ход показательных процессов освещался прессой.

Начались показательные процессы с открытого процесса Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и их сподвижников в 1936 г. и продолжались до 1938 г., когда состоялся суд над Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым и другими участниками "право-троцкистского блока". «Через московские публичные – и еще больше тайные – процессы, – писал бывший глава военной разведки СССР на Западе В. Кривицкий, – прошли в качестве "шпионов" и "агентов гестапо" самые выдающиеся представители старой партийной гвардии: Зиновьев, Каменев, И.Н. Смирнов, Бухарин, Рыков, Раковский и другие, лучшие экономисты и ученые Пятаков, Смилга, Пашуканис и тысячи других – перечислить их здесь нет никакой возможности». А поскольку изгнанный из СССР "главный преступник" Троцкий был когда-то создателем Красной Армии, то клеймо "троцкист" можно было без особого труда приклеить и к отдельным военачальникам. Так, под следствием в 1936 г. находились заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа В.М. Примаков и близкий друг Тухачевского, военный атташе при полпредстве СССР в Великобритании В.К. Путьна. К его делу была как бы невзначай "пристегнута" фамилия Тухачевского на процессе "антисоветского троцкистского центра" Пятакова–Радека (23–30 января 1937 г.). Люди, знавшие манеру "введения" в круг обвиняемых новых лиц – такие, как В. Кривицкий, сразу же поняли: секира занесена и над головой маршала⁴.

Готовились и какие-то массовые акции против комсостава РККА. В.В. Карпов свидетельствует, что начальник управления кадров командного состава Б.М. Фельдман в январе 1937 г. докладывал замнаркома Я.Б. Гамарнику о введении условного шифра "ОУ" (особый учет) в отношении увольняемого из РККА начсостава. Лица с таким шифром на документах тут же арестовывались органами НКВД⁵. Но кольцо вокруг Тухачевского и других военачальников медленно стягивалось еще несколько месяцев, прежде чем Сталин дал сигнал к их поспешной ликвидации.

Важным этапом в действиях Сталина было проведение февральско-мартовского пленума ЦК и публикация в "Правде" от 29 марта и 1 апреля его речи, в которой он объявил, что "троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе" и превратился в "беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц", действующих по заданиям зарубежных разведок. Эта шпионская и диверсионная деятельность, по мнению Сталина, задела "все" или "почти все" организации, причем сила вредителей-троцкистов состоит в обладании партийным билетом, а многие из них ввиду беспечности руководства проникли на "ответственные места". Из числа последних не исключалась и Красная Армия: "Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того, чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику". Правда, Ворошилов выступил на пленуме "невпопад": он объявил, что Красная Армия вредительством мало затронута. Но ему пообещал устроить особо крепкую "проверку" выступивший на пленуме Молотов, который подменял покончившего в эти дни самоубийством Г.К. Орджоникидзе и делал доклад о "вредительстве" в Наркомтяжпроме.

Происходили довольно симптоматичные преобразования и самой руководящей верхушки ВКП(б). Решением политбюро от 14 апреля 1937 г. была оформлена некая руководящая группа в составе Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова. Она получила статус постоянной комиссии, готовившей для политбюро материалы, но главное, способной принимать меры "в случае особой срочности" и самостоятельно "решать вопросы секретного характера". О том, что это была за "срочность" и "секретность", говорило включение в состав этого малого политбюро Ежова, который не был даже кандидатом в члены политбюро⁶.

Так, предвзято отдаленную еще трагедию, обстояли дела в Москве, пока их не подтолкнули события, развивавшиеся параллельно в Париже, Берлине и Праге.

Гейдрих и Гитлер включаются в игру

16 декабря 1936 г. в Париже белоэмигрантский генерал, один из руководителей Российского общевойскового союза (РОВС) Николай Скоблин, он же с 1930 г. агент ОГПУ-НКВД, он же с середины 30-х гг. агент службы безопасности (СД) Германии⁷, передал, как сообщают компетентные зарубежные авторы, немецкой стороне два сообщения. Первое: командование Красной Армии готовит заговор против Сталина во главе заговора – маршал Тухачевский.

Второе: маршал и его соратники находятся в контакте с германским генералитетом. Получение шефом СД Гейдрихом информации от двойного агента Скоблина подтверждают сотрудник германской службы СД В. Хёттль в своей книге "Секретный фронт" и англичанин Дж. Бейли, автор книги "Заговорщики". Последний отмечает также, что Скоблин "уже некоторое время от случая к случаю снабжал гестапо сведениями о русских делах"⁸.

В широком контексте роль Скоблина в "деле Тухачевского" рассматривает в своих воспоминаниях (изданы посмертно) и начальник одного из отделений СД В. Шелленберг: «Как свидетельствуют изученные мною документы, первые контакты с Красной Армией – после того, как 16 апреля 1922 г. в Раппало был подписан договор между Германией и Россией, – были установлены в 1923 г. под руководством тогдашнего министра обороны Гесслера и продолжены генерал-полковником Сектом. При помощи этих связей германское командование хотело предоставить немецким офицерам сухопутных войск, насчитывающих всего сто тысяч человек, возможность научиться на русских полигонах владеть современными видами оружия (самолеты, танки), которые по Версальскому договору рейхсверу запрещалось иметь. В свою очередь, немецкий Генеральный штаб ознакомил русскую армию со своим опытом в области тактики и стратегии. Позднее сотрудничество распространилось и на вооружения... Так, например, фирма "Юнкерс" основала филиалы в Филях и Самаре... После Секта сотрудничество с Красной Армией продолжил его преемник генерал Хейе, а позднее генералы Хаммерштейн и фон Шляйхер, а в России ту же линию проводил Сталин, сменивший Ленина». И тут Шелленберг сообщает нечто важное о стратегических планах Сталина: "Когда в Германии к власти пришли национал-социалисты, руководство германской компартии получило из Москвы указание считать врагом № 1 не НСДАП и тем самым командование вермахта, а социал-демократическую партию. В политическом руководстве НСДАП Сталин видел тогда своего рода попутчика в достижении собственных революционно-коммунистических целей в Европе: причем он рассчитывал, что в один прекрасный день Гитлер обратит свое оружие против буржуазии Запада, борьба с которой должна была истощить его силы".

Что касается Скоблина и его "миссии", то Шелленберг считал, что Скоблин мог вполне играть двойную роль по заданию русской разведки. " В любом случае необходимо было учитывать возможность того, что Скоблин передал нам планы переворота, вынашиваемого якобы Тухачевским, только по поручению Сталина... Сталин... желал, чтобы повод к устранению Тухачевского и его окружения исходил не от него самого, а из-за границы"⁹.

Мастер политических интриг Гейдрих (здесь и далее мы переходим к свидетельствам Карелла – псевдоним Шмидта – сотрудника Риббентропа и личного переводчика фюрера¹⁰) по достоинству оценил дошедшую до СД информацию: ведь если сообщение Скоблина является достоверным, то Советский Союз мог превратиться в военную диктатуру во главе с исключительно способным организатором и стратегом, что едва ли отвечало интересам гитлеровской Германии. Гейдрих связался с самим Гитлером, и вместе с фюрером они решили "позволить информации из Парижа попасть в руки Сталина и тем самым отдать наиболее способного военачальника в руки следственных органов".

С ведома Гитлера агенты Гейдриха тайно проникли в секретный архив Верховного командования вермахта (германских вооруженных сил) и изъяли досье Тухачевского из фондов "Спецотдела R" – закамouflированной организации времен сотрудничества Германии с СССР. Чтобы замести следы вторжения, молодчики из СД устроили еще и пожар в архивах германского Генштаба.

Затем Гейдрих приступил к изготовлению предназначенных для Сталина "доказательств" измены Тухачевского. В тексты его писем 1925–1928 гг., когда он, как начальник Генштаба РККА, переписывался с немцами, были включены "дополнительные фразы, появились и новые документы". Получилось досье (его иногда зовут "красная папка") с официальными бумагами, достаточное для того, чтобы "передать любого генерала в любой стране в руки военного трибунала по обвинению в государственной измене". Это досье наиболее подробно охарактеризовал в нашей стране еще в 1963 г. Лев Никулин, использовав книгу "Master Spy" (автор и выходные данные не указаны).

Служба безопасности Германии, писал Никулин, сфабриковала «подложное письмо, в котором Тухачевский и его единомышленники будто бы договаривались о том, чтобы избавиться от опеки гражданских лиц и захватить в свои руки государственную власть. В письме старались копировать не только почерк, но и характерный стиль Тухачевского. На подложном письме были подлинными штампы "абвера", "совершенно секретно", "конфиденциально", была и подлинная резолюция Гитлера – приказ организовать слежку за немецкими генералами, которые будто бы связаны с Тухачевским. Письмо было главным документом. Все досье имело

15 листов, и, кроме письма, в нем были различные документы на немецком языке, подписанные генералами вермахта (подписи были скопированы с банковских чеков)»¹¹.

Возникла и следующая проблема: как сделать так, чтобы досье попало Сталину, подлив масла в разжигаемый им огонь. Согласно Кареллу-Шмидту, Гейдрих действовал по нескольким линиям.

Первая соединяла Берлин с Прагой. Уже в конце января 1937 г. чехословацкий посланник в Берлине Мастный сообщил президенту Бенешу конфиденциальные данные: немцы поддерживают контакт с антисталинской группировкой в РККА. Эти сведения были переданы Бенешем советскому послу в Праге С. Александровскому, который немедленно вылетел в Москву.

Вторая линия Москва–Берлин–Париж была нацелена на Францию. Карелл-Шмидт полагает, что источник "сведений" был в Москве, где существовал контакт между агентами немецкой и французской разведок. Во всяком случае через несколько дней после встречи Бенеша с Александровским на дипломатическом приеме французский военный министр Даладье взял под руку советского посла В. Потемкина, отвел его в сторону и сказал, что Франция обеспокоена сведениями о "возможной перемене политического курса в Москве" вследствие сговора между командованием вермахта и командованием РККА. Естественно, в Москву полетела срочная шифровка.

Третья линия Берлин–Прага–Москва имела целью установление прямого контакта между разведслужбами Германии и СССР. В Прагу Гейдрих направил инкогнито своего представителя штандартенфюрера СС Беренса. При этом он рассуждал так: "Даже если Сталин просто хотел ввести нас в заблуждение, я снабжу дядюшку в Кремле достаточными доказательствами того, что его ложь – чистая правда". Беренс сообщил представителю Бенеша о существовании документов, "содержащих улики против Тухачевского", а Бенеш тут же информировал об этом Сталина и даже посодействовал установлению контактов немцев с представителем советского посольства Израйловичем (он же агент НКВД). Ему немцы продемонстрировали для начала два "подлинных" документа из досье Гейдриха–Гитлера, после чего в Прагу немедленно прилетели люди Ежова, выкупившие досье за 3 млн. (правда, мечеными купюрами) советских рублей.

Все линии Гейдриха не просто сообщали Сталину его же собственные сведения, но и обеспечивали ему алиби в глазах Запада, да и собственного ближайшего окружения.

Уточнения рассказа Карелла-Шмидта

В рассказ Карелла-Шмидта вносят некоторые уточнения другие авторы. Хёттль свидетельствует, что четыре месяца – по апрель 1937 г. – в немецком руководстве не было полного согласия насчет того, как ответить на пробный шар Сталина. Начальник службы контрразведки Абвера Канарис поначалу отказался участвовать в этой затее, но позже удалось поставить его подпись на "документе", содержащем благодарность Тухачевскому за "информацию". Гиммлер и Гитлер тянули с претворением в жизнь замысла Гейдриха, возможно, лишний раз проверяя лояльность своих генералов. Только в апреле 1937 г. Беренс по приказу Гейдриха приступил к изготовлению "досье" для Сталина. "Лишь в начале мая Гиммлер смог передать довольно пухлую фальшивку в руки Гитлера"¹². Шелленберг точно указывает время торга немцев с агентами Ежова: "Это было в середине мая 1937 г."¹³.

Синхронность действий Берлина и Москвы, что не всегда подчеркивается в нашей литературе, была *абсолютной*: в середине мая и разразилась гроза в СССР, где начались повальные аресты комсостава РККА.

Довольно существенные дополнения попытался внести в эту картину немецкий историк И. Пфафф. Если с "исключительной критической сдержанностью" следует относиться к версии советского происхождения интриги против Тухачевского, напоминающей ковбойскую историю, писал он, то уже полностью не достоверны сведения о "сроках и пути, по которому фальшивые документы поступили в Москву" (Пфафф исследует в основном линию Берлин–Прага–Москва). Он упоминает о сдержанности, с которой Бенеш воспринял первые данные о "перевороте", якобы грозившем России. Лишь активные действия Геринга (?), добившегося изготовления "документальных доказательств", изменили позицию чехословацкого президента. Советского посла Александровского Бенеш, оказывается, принимал четырежды (!): 22, 24, 26 апреля и 7 мая. Посол поначалу не верил президенту, но в конце концов и его убедили новые "данные". Получены последние были эмиссарами Бенеша в самой Германии и через Прагу отправлены Сталину вместе с личным посланием Бенеша от 8 мая, после чего Тухачевский был сразу же – 11 мая – снят с должности замнаркома обороны. Впрочем, еще 4 мая Кремль под надуманным предлогом отклонил его поездку в Лондон на коронацию английского короля.

Поскольку Пфафф опирается на чешские дипломатические источники, последняя часть его построений заслуживает внимания. Однако Пфафф творит свою версию, не принимая во внимание того, что в войне разведок действовали разные силы, а также то, что в руках Бенеша была лишь фотокопия пресловутого досье¹⁴. Видимо, оригинал и закупили эмиссары Ежова у немцев.

Анализирует Пфафф и мало кому доступное у нас решение политбюро ЦК ВКП(б) от 24 мая 1937 г. по вопросу о "заговоре в РККА". В этом решении, пишет он, передается содержание личного послания Бенеша Сталину, однако не уточняется, о каких приложенных к нему документах идет речь. Это навело историка на мысль, что таковые членам политбюро вообще представлены не были. Дело ограничивалось информацией об их наличии, к тому же не отчлененной от самого президентского послания. Но хотя проанализировать этот материал не представляется возможным, на основе решения политбюро можно в общих чертах установить состав обвинений, предъявленных Тухачевскому и другим "заговорщикам": "во взаимодействии" с германским генштабом и гестапо (!) они планировали свергнуть Сталина, установить в стране военную диктатуру "национального правительства", связанного с Германией, которой оно собиралось уступить часть Украины, не говоря уже о расторжении союзов Москвы с Парижем и Прагой¹⁵.

Исчезновение из поля зрения советского обвинения письма Бенеша и досье Гейдриха–Гитлера

Интересный факт: в докладе Ворошилова и выступлении Сталина на Военном совете, проходившем 1–4 июня 1937 г. в присутствии членов политбюро, имя Бенеша вообще не упоминается, как нет в них и никаких следов пресловутого досье Гейдриха–Гитлера. "Заговор в РККА" открыли, оказывается, не некие зарубежные послания и документы, а бдительный... НКВД! А стенограмме доклада К.Е. Ворошилова на собрании актива работников Наркомата обороны 9 июня 1937 г. предпослана написанная на бланке Наркомата специальная записка (видимо, инструкция Ворошилову) о том, какими словами надо открывать заседание:

"Товарищи! Органами НКВД раскрыта долгое время существовавшая и безнаказанно орудовавшая право-троцкистская, шпионская, контрреволюционная организация, состоявшая из высшего начсостава РККА. Во главе этой организации, как вы знаете из материалов, стояли Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман и др."¹⁶.

Поскольку выступавшие еще 1–4 июня на Военном совете в своих речах цитировали исключительно указанных "преступников", то можно заключить, что "материалы", предоставленные выступавшим, ограничивались одними "показаниями", т.е. самоговорами их бывших соратников. Характерно в этом отношении и выступление самого Сталина 2 июня – он опирался на "уйму показаний самих преступников" и доносы людей, "работающих на местах"¹⁷. Хотя 42 оратора, выступившие на совещании, нещадно клеймили предателей, им самим это мало помогло: 34 из них были почти сразу же арестованы.

Думаем, что фальшивки, поступившие Сталину из Праги, были использованы им исключительно для ознакомления и убеждения ближайших соратников. Недаром они вслед за ним изоцрялись в ругательствах, просматривая письма подлежащих расстрелу военачальников. Так, на письме Якира Сталин начертал: "Подлец и проститутка. И. Ст.". Ворошилов добавил: "Совершенно точное определение". Молотов просто расписался под его словами, а Каганович проявил оригинальность: "Мерзавцу, сволочи и б... одна кара – смертная казнь"¹⁸.

Разные времена – разные методы следствия и обвинения

Следователям НКВД, которых почти каждодневно инструктировал лично Сталин через Ежова и его заместителя Фриновского, было предписано выбивать в кратчайший срок из комсостава признание в "троцкизме" и не только в нем, причем наиболее стойких подследственных допрашивал сам Ежов*.

* По подсчетам О.В. Хлевнюка, Ежов в 1937 г. посетил Сталина 174 раза, проведя у него почти 528 часов и уступив пальму первенства лишь Молотову (213 посещений, 601 час)¹⁹. Этот факт, наряду с сохранившимися завизированными лично Сталиным списками подлежащих казни сотен лиц (так называемыми альбомами), документально доказывает вопреки стараниям неосталинистов, что он был подлинным режиссером террора.

Арестованный 14 мая и сломленный к 16 мая А.И. Корк "показал", что был вовлечен А.С. Енукидзе в военную организацию "правых" и что в ее штабе состояли сам Корк, а также связанный с троцкистами Тухачевский. 15 мая 1937 г. был арестован комкор Фельдман, а всего через 4 дня Ежов уже представил его "показания" с просьбой разрешить арестовать пока пребывающих на свободе Тухачевского, Якира, Эйдемана и др. Все они были арестованы 22–29 мая. В мае были добыты и "важнейшие показания" главы заговора Тухачевского. Посредством жесточайших избиений – им занимались изувер Леплевский и костолом Ушаков (Ушмирский) – были "доказаны" связи маршала как с "правыми", так и с "левыми", а также его прямые связи через некоего Ромма с самим Троцким. Тухачевский "признался" в своей шпионской деятельности в пользу немцев с 1925 г., "назвал" фамилии около сотни своих соратников – они шли в показаниях просто списками! Об обращении с Тухачевским во время допросов свидетельствуют сохранившиеся на некоторых листах его дела буро-коричневые пятна крови с характерной формой восклицательного знака – следа движения раненой головы после удара.

В дни арестов и допросов обвиняемых практиковалось сознательное сваливание в одну кучу "правых", "левых", "троцкистов", "фашистов". Это был обычный прием сталинской пропаганды и одновременно подготовка к процессу "право-троцкистского блока", военной опорой которого якобы и был Тухачевский, связанный с Троцким и Гитлером. Но Сталин не забывал о главной "вине" Тухачевского и его подчиненных, делая акцент именно на шпионаже в пользу фашистской Германии. Он говорил 2 июня о существовании гигантского антисоветского заговора, в который по гражданской линии были зачислены такие деятели, как Л.Д. Троцкий, А.И. Рыков, Н.И. Бухарин, Я.Э. Рудзутак, Л.М. Карахан, А.С. Енукидзе, Г.Г. Ягода, а по линии военно-политической – М.Н. Тухачевский, И.Э. Якир, И.П. Уборевич, А.И. Корк, Р.П. Эйдеман и Я.Б. Гамарник. На Военном совете Сталин подчеркивал: "Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, что эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера. Рейхсвер хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за это дело, но не удалось, Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны все было готово, чтобы армия перешла к вредительству (!) с тем, чтобы армия не была готова к обороне, этого хотел рейхсвер, и они это дело готовили. Это агентура, руководящее ядро военно-политического заговора в СССР, состоящее из 10 патентованных шпионов и 3 патентованных подстрекателей шпионов. Это агентура рейхсвера. Вот основное"²⁰.

Но по этому главному пункту следствие не получило ни от Сталина, ни от Ежова ни одного конкретного доказательства. Удивительно бессвязная речь Сталина от 2 июня не содержала никаких фактов. В. Карпов сделал предположение: "Видимо,... до начала заседания судьи были ознакомлены работниками НКВД с той фальшивкой, которая была подброшена гестапо"²¹. Но ни один из работников НКВД или судей в глаза не видел этой фальшивки, ибо Сталин и Ежов ее скрыли.

Получив свыше какие-то странные данные о союзе арестованных с "правыми" и приняв во внимание дошедшую с заседания 1–4 июня информацию о "союзе" Тухачевского с Троцким и через него (!) с Гитлером, а также сталинские обвинения арестованных в шпионаже в пользу Германии, следствие вынесло путаное обвинение, о котором уже комиссия, организованная Н.С. Хрущевым для проверки "дела Тухачевского", записала: «Следствие, не располагая никакими объективными доказательствами о "заговоре" в Красной Армии, сфабриковало пять противоречащих друг другу предположений об обстоятельствах возникновения "заговора". По "делу" получается, что "заговор" возник: 1) по инициативе Тухачевского в его бонапартистских целях; 2) по директиве Л.Д. Троцкого; 3) по указанию центра "правых"; 4) по решению блока троцкистско-зиновьевской и правой организаций; 5) по установкам, исходившим от Генштаба Германии. Материалы дела показывают, что все эти доказательства возникновения "заговора" от начала до конца являются вымышленными»²².

И все же "заговор" Тухачевского, видимо, действительно возник в 1936 г. и был в 1937–1938 гг. жесточайшим образом раздавлен Сталиным (не без сговора с Гитлером, получившим от этого колоссальную выгоду). По этому вопросу в нашу литературу недавно введены новые, которые сорок лет ждали своего часа.

Как и почему в 1936 г. возник "заговор" Тухачевского против Сталина?

В "Московских новостях" за 10–17 марта 1996 г. нам довелось выступить со статьей "Сталин знал, что делал (невостребованное сообщение знаменитого разведчика)". Подзаголовок статьи относился не в последнюю очередь к книге Олега Царева и Джона Костелло "Роковые

иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа", вышедшей у нас в 1995 г. (до этого она была издана на английском языке за рубежом).

Особое внимание Царев и Костелло привлек эпизод из жизни Орлова, происшедший 15 или 16 февраля 1937 г., когда к нему, лежавшему в одной из парижских клиник в гипсе после автокатастрофы, приехал его кузен и друг, ответственный сотрудник НКВД Зиновий Кацнельсон. Он привез сенсационные сведения о том, что Сталин был когда-то осведомителем охраны. "Я содрогался от ужаса на больничной койке, – вспоминал Орлов, – когда слушал историю, которую Зиновий осмелился рассказать мне...", – это место из статьи Орлова в журнале "Life" от 23 апреля 1956 г. многозначительно цитируют Царев и Костелло в своей книге об Орлове²³.

Сознательно или нет, но авторы обошли истинную причину приезда Кацнельсона в Париж. Он умолял Орлова позаботиться о судьбе своей дочери* в случае провала заговора Тухачевского, в тайну которого он был посвящен. Заговор возник в 1936 г. после того, как сотрудник НКВД Штейн, собиравший компромат на жертв открытых процессов "зиновьевцев", "троцкистов" и "правых" (он вскоре кончит жизнь самоубийством на Лубянке**), обнаружил в архивах бывшей охраны секретную "папку Виссарионова", заместителя директора Департамента полиции, свидетельствующую о том, что Сталин был провокатором, а также об его интриге против своего друга, тоже агента царской охраны Малиновского в недрах этого заведения. Сталин, как оказалось, не только поставлял регулярные доносы на партийных товарищей, но и написал в своем доверительном письме, адресованном товарищу министра внутренних дел Золотареву, что Малиновский будто бы "работал усерднее для дела большевиков, чем для дела полиции". Разъяренный таким подсиживанием Золотарев приказал Виссарионову арестовать Сталина по приезде в Петербург и сослать "ради пользы дела" подальше в Сибирь. Это и было с ним проделано в 1913 г., после чего Сталин стал посылать отчаянные письма своему "другу" Малиновскому и другим знакомым с мольбами о финансовой помощи (обнаружены писателем Юрием Трифионовым²⁴). Характерно, что легко удававшиеся прежде побеги Сталина из ссылки после 1913 г. прекратились.

Судя по рассказу Кацнельсона Орлову, "папка Виссарионова" была отдана Штейном после мучительных раздумий В. Балицкому – своему другу и главе НКВД Украины. Проверив вместе с привлеченным к экспертизе Кацнельсоном подлинность почерка Сталина, они через командующего Киевским военным округом Якира сумели передать папку Тухачевскому, а тот приступил к организации заговора с целью свержения и расстрела двурушника. "Кошмар кровавых чисток, которые тогда происходили, – писал Орлов в журнале "Life", – создавал атмосферу бедствия, морального отвращения и душевных мук, что и требовалось для заговора. Внезапное осознание того, что тиран и убийца, ответственный за нагнетание ужасов, был даже не подлинным революционером, а самозванцем, креатурой ненавистной охраны, побудило заговорщиков к проведению своей акции. Они решились поставить на карту свою жизнь ради спасения страны и избавления ее от вознесенного на трон агента-провокатора".

В те дни, когда в Париже состоялась встреча Кацнельсона с Орловым, Тухачевский и его соратники находились в состоянии "сбора сил", выработки плана переворота. Военные во главе с Тухачевским полагали, что под предлогом совещания командного состава надо было, уговорив Ворошилова, собрать в Кремле побольше сторонников заговора и одновременно двинуть туда отборные верные части РККА, чтобы блокировать войска НКВД. Затем необходимо было немедленно застрелить двурушника, после чего собрать ЦК и сообщить об истинном обличье Сталина. Гражданские лица, посвященные в заговор, например, Косиор, предполагали сначала отдать бывшего агента охраны на суд ЦК, а лишь затем расстрелять его.

Если бы Царев и Костелло обратились к нашей статье "Был ли заговор против Сталина?", опубликованной в журнале "Октябрь" № 3 за 1994 г., то они увидели бы и полный наш перевод на русский язык статьи Орлова от 23 апреля 1956 г. и доказательства того, что "докладная" Сталина Золотареву была вторым, а не первым актом его интриги против Малиновского.

Еще в 1912 г., догадавшись, что Малиновский, как и он сам, состоит на службе в охране, Сталин, как установил американский историк Э.Э. Смит (Smith), послал из Вены на домашний адрес Малиновского в Петербурге (Мытнинская, 25, кв. 10) *простой почтой* сугубо

* Она дожила до наших дней и помнит обстоятельства ареста отца.

** Этот факт, приведенный в статье Орлова в журнале "Life", подтвердил на семинаре, который вел в Институте истории международного рабочего движения АН СССР Е.Г. Плимак, знакомый семьи Штейнов В.И. Илюшенко. Родственникам Штейна сообщили в НКВД, что в кабинет Штейна на Лубянке зашел сам Ежов, "застал его там с женщиной", приказал вытащить из кобуры револьвер и застрелиться. Кровавый карлик был таким образом представлен защитником чести мундира офицера НКВД.

конспиративное письмо о текущих партийных делах. В нем он сообщал: "Друг, привет. Я все еще сижу в Вене и... пишу всякую чепуху*. Мы увидимся с тобой. Ответь, пожалуйста, на следующие вопросы: 1. Как дела с "Правдой". 2. Как у тебя дела во фракции. 3. Как группа. Как А.Ш. и Би... 5. Как Алексей. Ильич ничего не знает обо всем и тревожится... Галина говорит, что отдала Ильичу письмо, которое ты оставил для передачи, но Ильич, вероятно, забыл вернуть его. Я вскоре буду у Ильича и постараюсь взять его у него и отослать тебе. Привет Стефании и детишкам

Твой Вас.**

Как и задумывал Сталин, письмо было через три дня перехвачено специальным отделом Департамента полиции в Санкт-Петербурге. Копия письма была переправлена жандармами за исходящим № 94 182 от 25 января 1913 г. в иностранное агентство Департамента полиции при русском посольстве в Париже. Смысл письма, копия которого хранится ныне в США в коллекции Гуверовского института, по мнению Смита, прозрачен. Сталин изображал себя главным действующим лицом при "Ильиче", набивая себе цену в глазах жандармского отделения. В примечаниях к копии письма спецотдел Департамента полиции идентифицировал "Ильича" как Ленина, но не сообщил, кто же был отправителем письма Малиновскому, подписавшимся "Твой Вас.". "Вас", "Василий", что, очевидно, не требовалось разьяснять зарубежному отделу охраны, был Джугашвили, он же Коба, он же Сталин***. Характеризуя письмо как "парадигму конспираторского мрака", Э.Э. Смит все же находит у Сталина намерение "устранить таким путем Малиновского со сцены" и "быстрым и легким методом возвыситься и в перспективе завоевать большой авторитет и у большевиков, и у охраны". "По-видимому, – добавляет он, – наиболее значительным является тот факт, что сталинское письмо всплывает только сегодня. Если бы оно было в руках у Мартова в 1918 г., когда он требовал изгнать Сталина из партии, или о нем знал бы Ленин, или Троцкий мог бы использовать переписку Сталина и Малиновского, история нашего времени имела бы совершенно другой исход"²⁵.

Известен специалистам и такой факт. Когда после октября 1917 г. был сведен воедино и повторно предан гласности список 12 агентов охраны, внедренных в ряды РСДРП, то 11 из них, имена которых были раскрыты, понесли заслуженную кару. Ушел от нее только 12-ый, значившийся под партийной кличкой "Василий"²⁶. В сумятице политических бурь 1917–1918 гг. никто не догадался соотнести эту кличку со Сталиным.

Отметим и такой небезыңтересный факт: Сталин запретил в 30-х гг. публиковать и ставить на сцене булгаковскую пьесу "Батум" о его молодости. Сталин сказал В.И. Немировичу-Данченко, что пьесе "Батум" он считает очень хорошей, но что "ее нельзя ставить"²⁷. Не связано ли это запрещение с опасениями Сталина, что в Закавказье еще могли помнить о его похождениях в Батуме в 1903 г., о которых местные жандармские власти писали, обмениваясь информацией, что "деспотизм Джугашвили многих наконец возмутил и в организации произошел раскол"²⁸. Пожалуй, еще более характерно перехваченное жандармами письмо некоего Хунхуза "Старику" от 1904 г., где он относил Кобу к людям, которые "на всякие средства падки, если только эти средства оправдывают цель". "А цель, или вернее честолюбивые замыслы этих подонков нашей партии, – уточнял Хунхуз, – та, чтобы показаться народу великим человеком. А это несовместимо ведь с честной работой. Бог их не одарил нужным для этого талантом, им приходится для осуществления своих замыслов прибегнуть к интриге, лжи и тому подобным прелестям".

Заканчивалось письмо, описывающее раскольнические деяния Кобы, следующими словами: «Я думаю, что такие "грязные" личности должны получать от нас отпоры, когда они хотят внести в это великое и святое дело грязь и нечистоты. Мы должны им показать, что это дело святое, а если мы будем выслушивать их без протеста, бессознательно будем толкать их еще в большую грязь и вредить делу народа!»²⁹

Это мнение кавказского революционера-практика Хунхуза интересно сопоставить с высказываниями (декабрь 1936 г.) Ноя Жордания – патриарха грузинской социал-демократии, моральный авторитет которого был общепризнан. Жордания досконально знал все закавказские дела и участников событий. Говоря о батумском периоде в жизни Сталина, он свидетельствовал: "Внутри организации он создал собственную организацию, которая подчинялась исключительно ему... Результатом такой тайной работы была, как известно,

* Речь идет о написании по настоянию В.И. Ленина работы "Марксизм и национальный вопрос".

** Письмо дается с небольшими сокращениями в обратном переводе с английского. *Авт.*

*** Письмо хранилось в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, но не было включено в сочинения Сталина.

демонстрация рабочих перед тюрьмой и их расстрел... Иначе как провокацией назвать это было нельзя". *От объявления Сталина уже тогда провокаторм спасла... полиция, арестовавшая и выславшая его из Батума.*

Продолжая, Жордания рассказывает, что в дальнейшем, в годы Первой русской революции, у Сталина начались столкновения с Ф. Махарадзе и С. Шаумяном. После ареста Шаумяна возникло подозрение, что на него донес Сталин. "Некоторое время спустя, – вспоминал Жордания, – я лично встретил Шаумяна и спросил об этом. Тот ответил: «Я уверен, что Сталин донес полиции, имею доказательства... Адрес знал только Коба, больше никто». "Так думали о нем ближайшие товарищи по фракции", – делает вывод Жордания. Общее же его заключение о характере Сталина было таково: "Великой страстью его [Сталина] было господствовать над людьми. Он не знает личной корысти, но политически совершенно аморален. Для него не существовало неприемлемых средств. Он всегда имел наготове список товарищей, уронить влияние которых считал своевременным". Беспринципность и аморальность действий Сталина по захвату им власти Жордания образно охарактеризовал грузинской народной поговоркой: "В стране, оставшейся без собак, залаяла грузинская кошка"³⁰.

Сталин начинает играть в открытую

Но обратимся снова к 30-м годам. А. Орлов не уточняет в статье, в каком месяце 1936 г. была обнаружена чекистами "папка Виссарионова", но, видимо, в том же 1936 г. Сталин начал предпринимать свои меры, надеясь (как показали дальнейшие события, не без оснований) также и на содействие Гитлера.

Свидетельством противостояния Сталина и его ближайшего окружения с лучшими командармами еще в 1936 г. стали вырвавшиеся наружу конфликты, о которых вспоминали в июне 1937 г. на расширенном заседании Военного совета при наркомате обороны: открытые обвинения Ворошилова Тухачевским и Якиром в некомпетентности в присутствии Сталина после первомайского парада 1936 г., перенесение обсуждения этого вопроса на заседание политбюро³¹. То, что об этих разногласиях 1936 г. было известно и более широким кругам армейских командиров, подтверждает также Г.К. Жуков, рассказывая о столкновениях Тухачевского и Ворошилова при разработке нового боевого устава Красной Армии³².

На вопрос, почему же обе стороны тянули с переходом к решительным действиям, можно ответить так. Промедление Тухачевского объяснил еще Карелл-Шмидт, связав его с тем, что трудно было координировать действия офицеров Генштаба и армейских командиров, которые находились на расстоянии тысяч километров друг от друга и к тому же были под неусыпным контролем "особистов", добавим мы. Промедление Сталина было связано с раскручиванием "ежовщины", которое позволяло подобраться к прославленным полководцам, и ожиданием реакции Гитлера на сообщение Скоблина.

О каких-то слухах по поводу перемещений частей РККА и даже о якобы предупрежденном теракте против Сталина в день празднования 1 мая 1937 г. упоминает в своей статье Ю. Емельянов³³. Об этом же прямо говорил Сталин в выступлении на заседании Военного совета 2 июня 1937 г.³⁴ Но В. Кривицкий, лично присутствовавший на первомайском параде, свидетельствует о наводнении гостевых трибун агентами НКВД и рисует фигуры понурых военачальников на трибуне мавзолея, вряд ли уже способных на какое-либо активное действие против Сталина³⁵.

Характерно, что на традиционном застолье у К.Е. Ворошилова, состоявшемся после первомайского парада, Сталин высказал угрозу в адрес военных, заявив, что "враги будут разоблачены", "партия сотрет их в порошок", и поднял тост за тех, кто, "оставаясь верным, достойно займет свое место за славным столом в октябрьскую годовщину"³⁶. Как видим, к 1 мая 1937 г. Сталин был так уверен в своей победе, что играл, можно сказать, в открытую.

Когда появилась новая версия о "заговоре в РККА"?

Первым об изложенных выше событиях заговорил в нашей стране писатель Юлиан Семенов в "Ненаписанных романах", набросках своих записей и планов. "...Чекисты-дзержинцы, работавшие в архивах царской охранки, чтобы накопить "компру" на Каменева, Бухарина, Пятакова, Рыкова, нашли документы, – писал он, – свидетельствующие о неблагоприятных (?) поступках Сталина. Сообщили об этом своим единомышленникам-военным. Те начали готовить переворот, чтобы спасти страну от тирана: основания к свержению Сталина якобы были абсолютны"³⁷. Познакомил ли Семенова кто-то с содержанием статьи А. Орлова, узнал ли он о

готовящемся "перевороте" от вдовы расстрелянного командарма Белова, с которой беседовал, – сказать трудно. Важно, что писатель не прошел мимо ставших ему доступными сведений в отличие от некоторых нынешних историков, пишущих о 1937 г. и забывающих вообще упомянуть о побоище среди военачальников. Сам Семенов разработать полученные данные не успел, – жизнь его оборвалась.

Затем в 1994 г. ("Октябрь" № 3) и в 1997 г. ("Октябрь" № 2) авторы данной статьи выступили с развернутой аргументацией о заговоре Тухачевского и публикацией основных документов, относящихся к его "делу". Но тогда нам не удалось затронуть хотя бы мимоходом историографию проблемы. Мы делаем это в предлагаемой статье.

В 1996 г. данную версию, как весьма достоверную и заслуживающую самого пристального анализа, вкратце пересказал в своей книге "1937" Вадим Роговин.

На стремление Орлова разыскать спрятанные документы указывают также Олег Царев и Джон Костелло. Орлов якобы даже собирался сделать себе пластическую операцию для возвращения в СССР. Видимо с местонахождением некоторых тайников его ознакомил Кацнельсон³⁸.

Вот, пожалуй, и все, что нам известно о сторонниках нового взгляда на тайну "заговора Тухачевского". Их малочисленность не в последнюю очередь связана с тем обстоятельством, что журнал "Life" от 23 апреля 1956 г. был попросту изъят "хранителями" тайн Сталина из спецхранов главных библиотек столицы, а также с тем, что историки, понаслышке знакомые с американской литературой, пугают статью Орлова с известным "Письмом Еремина", недостоверность которого была доказана американскими историками еще в 1956 г.³⁹ Это письмо обсуждалось у нас в "Московской правде" 30 марта 1989 г. и 2 июля того же года и было признано фальшивкой большинством выступавших.

Ныне в американском архиве Ю. Фельштинский обнаружил неизвестный ранее документ – посланное из Франции В. Макарову письмо генерала А.И. Спиридовича, которое якобы говорит в пользу того, что Сталин был "агентом охраны"⁴⁰. Но на наш взгляд, новая публикация в "Известиях" существенных моментов в решение вопроса о подлинности "письма Еремина" не вносит. Ведь Спиридович высказывается лишь о "духе" документа, но ничего достоверного о его происхождении и содержании не сообщает. Нельзя забывать мнение лучшего знатока истории революционного движения в России Б.И. Николаевского, высказанное в США еще в 1956 г.: "Сейчас здесь все только и говорят о провокаторстве Сталина... Меня просили напечатать его (письмо Еремина. – *Авт.*) с комментариями, но я отказался, заявив, что «Сталин был провокатором, но документ – поддельный и только скомпрометирует разоблачение». С ним согласился и Н.В. Валентинов: "От документа, пущенного в оборот... Дон Левиным, за 10 километров несет такой фальшивку, что нужно быть слепым или дураком, чтобы ее не заметить"⁴¹.

Добавим к этому, что Олег Царев и Джон Костелло свидетельствуют: "Ясно, что Орлов лишь с презрением относился к так называемым доказательствам Исаака дон Левина, касающимся принадлежности Сталина к охране. Он рассматривает материалы, опубликованные Левиным, как грубую подделку. Материалы, о которых ему рассказывал Кацнельсон, он считает подлинными"⁴².

Взгляд современников давних событий

Первое место здесь мы отдаем небезызвестным интервью Ф. Чуева "140 бесед с Молотовым" и "Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола". Итак, слово В.М. Молотову: "...Политику партии 30-х годов я защищал и защищаю так же, как и раньше... 1937 год был необходим... Мы обязаны 1937 году тем, что у нас не было пятой колонны... Я считаю Тухачевского очень опасным военным заговорщиком, которого мы только в последний момент поймали. Если бы не поймали, было бы очень опасно".

В другой раз Молотов говорил: "Гитлер авантюрист и Троцкий авантюрист, у них есть кое-что общее. А с ним связаны правые – Бухарин и Рыков. Так они все связаны. И многие военачальники, это само собой".

Заслуживает внимания и следующий разговор Молотова с Чуевым: "Есть, однако, сведения, – говорит Чуев, – что полученная Бенешем информация была сообщена чешской полиции ОГПУ, которое хотело, чтобы Сталин получил информацию из дружественного иностранного источника". Ответ Молотова: "Не мог Сталин поверить письму буржуазного лидера... Дело в том, что мы и без Бенеша знали о заговоре, нам была даже известна дата переворота"⁴³.

А вот интервью Чуева с Л.М. Кагановичем:

"...Я спросил Кагановича, знал ли он Тухачевского?
 – Плохо знал.
 – Вы больше Якира знали? Но, наверно, между ними было много общего?
 – Нет, Тухачевский – рафинированный дворянин, красивый, грамотный, умный, способный.
 – Был ли он заговорщиком?
 – Я вполне это допускаю.
 – Сейчас пишут, что показания выбиты из них чекистами.
 – Дело не в показаниях, а в тех материалах, которые были до суда.
 – Но их подбросили немцы Сталину через Бенеша.
 – Говорят, английская разведка. Но я допускаю, что он был заговорщиком. Тогда все могло быть"⁴⁴.

В этих интервью поражает уверенность в вине Тухачевского при полном отсутствии ссылок на какие-либо достоверные доказательства.

Фальшивки в качестве документов

Перед нами творение одного из бывших руководителей 9-го управления КГБ СССР М.С. Докучаева "Москва. Кремль. Охрана". Он свято верит в то, что говорилось на знаменитых сталинских процессах 1936–1948 гг. "Люди довоенного поколения хорошо помнят процесс над военачальниками во главе с М.Н. Тухачевским. Как утверждалось в обвинительном заключении на суде, возглавляемая группа готовила государственный, «дворцовый» переворот в стране и «была связана с военной разведкой фашистской Германии». Далее идут рассуждения о групповщине, которую создал Тухачевский, о его отрицательном отношении к "царицынцам" – Ворошилову, Буденному, но главное о том, что и Тухачевский, и его друзья "побывали в Германии" и даже учились там, "встречались" с немецкими военными и к тому же имели "родственников за границей". Тройка Путна, Гамарник, Тухачевский во главе с последним "стала инициатором создания германофильской мафии внутри высшего руководства в СССР". К тому же "большая дружба связывала Тухачевского с Троцким". "Об этом затем показал на суде сам Бухарин..." Спорить с генералом, цитирующим сталинские процессы, бесполезно – о нем лишь можно сказать известными словами: "Они ничего не забыли и ничему не научились"⁴⁵.

Но вот с некоторыми "специалистами", все еще опирающимися на материалы сталинских процессов и приговоры, поспорить безусловно нужно. Мы имеем в виду генерала-историка Виктора Филатова, бывшего главного редактора "Военно-исторического журнала". В назидание подрастающему поколению он опубликовал в "Молодой гвардии" под рубрикой "XX век. Уроки истории" со своим предисловием показания самого главы "пятой колонны", полученные в застенках НКВД.

Почему написанному Тухачевским (о его связях с "правыми" и "левыми", союзе с Троцким и даже с Гитлером, передаче сведений шпионского характера германскому рейхсверу и т.п.) надо верить как "чистосердечному признанию"? – вопрошает он. Да потому, что "уровень мышления не ниже начальника Генерального штаба, никакому следователю, будь он даже семи пядей во лбу, насильно надиктовать такое своему подследственному не дано". Но мы позволим себе не согласиться с генералом-историком. Все данные о передаче Тухачевским немцам в 20-х гг. тех или иных сведений о вооружении, структуре советских дивизий и т.п. взяты, как нетрудно догадаться, из докладных, которые Тухачевский писал после контактов с союзными тогда германскими генералами и офицерами. Пришпиленный же к показаниям Тухачевского и подписанный им "План поражения" можно придумать на уровне даже не лейтенантского, а курсантского мышления. Перечислены три возможные направления удара немцев на СССР: прибалтийское, московское, украинское (что соответствует, добавим мы, расположению советских военных округов – Ленинградского, Московского, Киевского). Сказано, что немцы главный удар нанесут на Украине, так как им нужны хлеб и металл (кстати, так думал и Сталин накануне войны о планах немцев)⁴⁶.

Можно ли верить книге М. Сейерса и А. Кана "Тайная война против советской России"?

Версию о германофильстве Тухачевского как причине его заговора пытаются подкрепить кое-какими данными на Западе Джоффри Бейли в книге "Заговорщики", у нас Ю. Емельянов в своих статьях⁴⁷. Но следовало бы охарактеризовать источник, которым пользуются оба историка. Все их сведения получены из инспирированной в свое время НКВД книги Майкла

Сейерса и Альбера Кана "Тайная война против России" (впервые издана на английском языке в 1946 г.). Построена книга в основном на материалах сталинских процессов с некоторыми добавлениями из зарубежной печати и книг.

Бейли и Емельянов в один голос уверяют, что Тухачевский на приеме в советском посольстве в Париже в 1936 г. сказал, обращаясь к румынскому послу Титулеску, следующее: "Напрасно, господин министр, вы связываете свою карьеру и судьбу вашей страны с судьбами таких старых, конченных государств, как Великобритания и Франция. Мы должны ориентироваться на новую Германию. Я уверен, что Гитлер означает спасение для всех нас"⁴⁸. Эти же авторы приводят и свидетельство французской журналистки Женевьевы Табуи, которая вспомнила о том же приеме в своей книге "Меня называют Кассандрой". Она писала, что Тухачевский "рассыпался в похвалах нацистам" и, наклоняясь к ней, громко повторял: "Они уже непобедимы". Но сравнение "пособия" Сейера и Кана с книгой самой Табуи говорит о том, что воспроизведены воспоминания французской журналистки неполно, а главное – неточно: в полном своем виде они дают ключ к пониманию всех слов Тухачевского.

Табуи, присутствовавшая на двух официальных советских приемах (сначала в Москве, затем в Париже), обратила внимание на совершенно противоположное поведение Тухачевского в первом и втором случаях. На пьянке, устроенной Сталиным в Москве, он держался "сдержанно", "отстраненно" от веселья. На приеме в советском посольстве был навязчив и громко болтал, разыгрывая, как мы полагаем, спектакль, рассчитанный на запугивание гостей (в том числе и Титулеску) силой немцев (всех их Тухачевский называл "нацистами"). Недаром же один крупный дипломат проворчал на ухо Табуи, когда они покидали устроенный послом прием: "Надеюсь, что не все русские думают так!"⁴⁹.

Полную лояльность Тухачевского советским властям подчеркивают германские должностные лица, имевшие с ним дело в 30-х гг. Немецкий дипломат Густав Хильгер в книге "Кремль и мы" так передает содержание длительной беседы Тухачевского с советником Германии фон Твардовским 6 октября 1933 г. Тухачевский заявил Твардовскому: "Не забывайте, нас различает наша политика, а не наши чувства, чувства содружества Красной Армии с рейхсвером". Германия и Советский Союз "могут совместно продиктовать мир всему миру". Но в случае нападения на нас Красная Армия "сумеет показать, чему она научилась". То же самое, утверждает Хильгер, говорили в то время начштаба РККА Егоров и сам Ворошилов. В свете этого казнь 80% высшего состава РККА по обвинению в "предательстве" автор считает "полной нелепостью". Он добавляет, что "нельзя забывать, что Тухачевский одним из первых предупредил о немецкой опасности и поддержал политику Литвинова"⁵⁰.

Об антисоветских и реваншистских планах Гитлера Тухачевский предупреждал своих соотечественников в статье "Правды" от 31 мая 1935 г. "Военные планы Германии", которую не лишне было бы прочитать и Бейли, и Емельянову⁵¹.

Для уяснения вопроса о «германофильстве» Тухачевского очень важно мнение встречавшегося с ним в предвоенные годы Г.К. Жукова, полностью воспроизведенное в последнем издании "Воспоминаний" прославленного полководца⁵². "...Выступая в 1936 г. на 2-ой сессии ЦИК СССР, – писал Жуков, – М.Н. Тухачевский снова обратил внимание на нависшую серьезную опасность со стороны фашистской Германии. Свою яркую, патристическую речь он подкрепил серьезным анализом и цифрами вооружений Германии и ее агрессивной устремленности... В М.Н. Тухачевском чувствовался гигант военной мысли, звезда первой величины в плеяде выдающихся военачальников Красной Армии"*.

Если кто и страдал своеобразным германофильством, так это Сталин, который, согласно данным Кривицкого, уже в 1937 г. стал свертывать агентурную сеть в Германии и послал своего полномочного представителя Давида Канделаки для заключения экономического договора между СССР и Германией.

Совершенно справедлив вывод Шелленберга в его "Мемуарах": "Дело Тухачевского явилось первым нелегальным прологом будущего альянса Сталина с Гитлером, который после подписания договора о ненападении 23 августа 1939 г. стал событием мирового масштаба"⁵³.

---

* Это мнение лучшего маршала Второй мировой войны полярно противоположно мнениям многочисленных (скрытых и открытых) адептов сталинизма, которые, оправдывая преступления "вождя народов", стараются всячески принизить военные дарования казненного полководца. В качестве примера можно привести книгу историка А.М. Иванова, многие страницы которой посвящены развенчанию военных дарований Тухачевского и фактическому оправданию его казни (см.: И в а н о в А.М. Логика кошмара. М., 1993).

О некоторых неувязках в статье А. Орлова, опубликованной в журнале "Life"

Справедливости ради отметим, что статья А. Орлова от 23 апреля 1956 г. не во всем безупречна, и мы вообще разделили бы ее на две части, неравноценные по содержанию. В первой изложены данные А. Орлова о "заговоре Тухачевского" и его истинной подоплеке. Они заставляют в корне пересмотреть бытующие у нас описания "дела Тухачевского" и его причины: "заговор" либо признают, но толкуют его по самооговорам арестованных, либо вообще отрицают наличие какого-то "заговора", апеллируя к тем же "самооговорам". Опровергают сведения Орлова и версию о некоем "германофильстве" Тухачевского как истинной причине заговора.

Данные Орлова насчет "провокаторства" Сталина как одной из главных причин заговора военных 1936–1937 гг. весьма правдоподобны. Находясь в США и скрываясь в провинции, он вообще не мог "придумать" реальные фигуры Штейна, Балицкого и в особенности жандармских чинов – Виссарионова, Золотарева, принимавших участие в судьбе Сталина в 1913–1917 гг. Доказывают правоту версии Кацнельсона–Орлова и некоторые реальные осколки событий тех лет, подтверждение Илюшенко судьбы Штейна, существование дочери Кацнельсона, данные о расстреле Балицкого и т.д. Говорят в пользу этой версии и сведения из малоизвестной у нас фундаментальной книги Э.Э. Смита "Молодой Сталин. Ранние годы обманчивого революционера" (ее стоило бы перевести, заодно установив идентичный текст письма, направленного из Вены Сталиным Малиновскому).

Вторая часть статьи А. Орлова обосновывает его собственное предположение о том, что именно знание факта провокаторства Сталина заставило "коллективное руководство" ЦК КПСС во главе с Хрущевым заняться разоблачением Сталина на XX съезде. Авторам лишь известно, что О.Г. Шатуновская (член КПК, расследовавшая преступления Сталина) уже *после* XX съезда лично докладывала Хрущеву об агентурном прошлом "вождя", но ход этому делу дан не был.

Есть также в статье Орлова от 23 апреля и некоторые фактические ошибки. Так, он пишет, что встречался в Испании с Г.К. Жуковым, но известно, что Жуков в Испанию не приезжал, Орлов его с кем-то спутал. Орлов занижает число "ликвидированных" маршалов, генералов, офицеров в РККА до 5 тыс. человек. Он пишет, что Сталин был патологическим трусом, "который покинул Москву при приближении гитлеровских войск". На деле Сталин Москвы не покидал.

Поскольку долгие годы А. Орлова клеймили у нас как "изменника Родины", а все сведения о его реальной жизни и деятельности скрывались, мы считаем нелишним воспроизвести оценку этого знаменитого разведчика, данную в интервью "Красной звезде" руководителем группы консультантов внешней разведки В.А. Кирпиченко и начальником пресс-службы внешней разведки Ю.Г. Кобаладзе: "Судьба его во многом трагична и противоречива. Справедливо опасаясь быть репрессированным, он остался на Западе. Однако не выдал никого из тех разведчиков, которых знал. Например, знаменитую пятерку вместе с Кимом Филби"⁵⁴.

Каких-либо внутренних и внешних мотивов, заставлявших А. Орлова сфальсифицировать "дело Тухачевского", мы не находим.

* * *

Репрессии против высшего состава РККА со стороны Сталина, не пощадившего десятки тысяч командиров – маршалов, генералов, офицеров – ради спасения собственной шкуры, нанесли непоправимый ущерб боеспособности советской армии. Начальник штаба вермахта Гальдер накануне 22 июня 1941 г. считал, что офицерский корпус России производит "жалкое впечатление"⁵⁵.

В сущности такого же мнения были правительства и генеральные штабы Чехословакии, Франции, Англии. И без того трещавшая ось Москва–Прага–Париж надломилась окончательно. Ни одно из союзных с СССР государств не находило оправдания гигантской систематической чистке, которая началась в СССР и затронула и промышленность, и Красную Армию. Никто не верил в обоснованность приговоров, вынесенных десяткам тысяч военачальников.

"Высказывалось единое мнение, – писал Пфафф, – что чистка в армии нанесла тяжелый ущерб международному авторитету Советского Союза и дала повод для обоснованных сомнений в ценности франко-советского договора: если Тухачевский был виновен, то как Франция могла быть союзницей продажной России? Или: если обвинения были необоснован-

ными, то как Франция могла быть тогда союзником ужасной тирании?". Такого же мнения придерживались англичане. И Франция, и Англия стали свертывать и без того ненадежные союзнические отношения с СССР, тем более что все запросы, адресованные Литвинову, кончались простой отговоркой – ссылкой на официальную советскую позицию⁵⁶.

Маленькая Чехословакия – Бенеш получил от своей делегации в СССР тревожные сообщения о падении мощи Красной Армии (их вскоре подтвердит и советско-финская война) – пыталась хоть как-нибудь поднять боеспособность своего союзника, направляя ему самое совершенное оборудование и вооружение. Но как Чехословакия могла возместить потерю десятков тысяч офицеров и генералов? Именно гигантское ослабление военного потенциала Советского Союза сыграло в Европе роковую роль: образовавшийся дисбаланс сил способствовал тому, что и Чемберлен, и Даладьё вступили на путь Мюнхенского сговора с Германией. А в 1939 г. началась Вторая мировая война, не помешавшая Гитлеру коварно напасть на ослабленного "союзника" на Востоке. Почти полное уничтожение и пленение громадного количества частей регулярной Красной Армии в 1941–1942 гг. стало платой за чистку комсостава РККА в 1937–1941 гг.

В беседе с писателем Константином Симоновым маршал А.М. Василевский сказал: "Вы говорите, что без тридцать седьмого не было бы поражений сорок первого, а я скажу больше. Без тридцать седьмого года, возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решился начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел"⁵⁷.

Примечания

¹ Орлов Александр. Тайная история сталинских преступлений. N.Y. Русское издание 1983 by Time and We. С. 232 (курсив авт. статьи).

² Реабилитация. Политические процессы 30–50-х гг. М., 1991. С. 299–301.

³ Там же. С. 304; В и к т о р о в В.А. Без грифа "секретно". М., 1990. С. 215, 256.

⁴ См.: К р и в и ц к и й Вальтер. Я был агентом Сталина. М., 1996. С. 240–241, 189–191.

⁵ К а р п о в Владимир. Маршал Жуков, его соратники и противники в дни войны и мира. М., 1992. С. 71.

⁶ См. об этом: Р о г о в и н Вадим. Партия расстрелянных. М., 1997. С. 137–138.

⁷ О вербовках Скоблина, его роли в РОВС и дальнейшей судьбе см.: П л и м а к Е., А н т о н о в В. Накануне страшной даты. К 60-летию процесса Тухачевского // Октябрь. 1997. № 2. С. 152–153, 160.

⁸ Н о e t t l e Wilgelm. The Secret Front. N.Y., 1954. P. 77–78; В a i l y Geoffrey. The Conspirators. London, 1961. P. 190.

⁹ Ш е л л е н б е р г Вальтер. Мемуары. М., 1991. С. 40–45.

¹⁰ С a r r e l Paul. Unternehmen Barbarossa. Der Marsch nach Rußland. Fr. / М.; Berlin; Wien, 1963. P. 174–194.

¹¹ Н и к у л и н Лев. Тухачевский. М., 1963. С. 193 (курсив наш. – Авт.).

¹² Н о e t t l e W. Op. cit. P. 81–82.

¹³ Ш е л л е н б е р г В. Указ. соч. С. 45.

¹⁴ Н и к у л и н Л. Указ. соч. С. 193.

¹⁵ П ф а ф ф И. Прага и дело о военном заговоре // Военно-исторический журнал. 1988. № 11. С. 49–50. См. также начало и окончание статьи в № 10, 12.

¹⁶ РЦХИДНИ, ф. 7 (Материалы К.Е. Ворошилова), л. 1.

¹⁷ См. стенограмму его речи в кн.: К р и в и ц к и й В. Указ. соч. С. 280–281.

¹⁸ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1962. Т. 2. С. 403.

¹⁹ Х л е в н ю к О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 291.

²⁰ Реабилитация... С. 294 (курсив наш. – Авт.).

²¹ См.: К а р п о в В. Указ. соч. С. 61.

²² Реабилитация... С. 294.

²³ Ц а р е в Олег, К о с т е л л о Джон. Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа. М., 1995. С. 470.

²⁴ Т р и ф о н о в Юрий. Отблеск костра. Старик. Исчезновение. М., Московский рабочий, 1988. С. 500–563.

²⁵ S m i t h E.E. The young Stalin. The yearly years of an elusive revolutionary. Cassel; London, 1966. P. 276–290.

²⁶ См.: Большевики. М., 1918. С. IX.

²⁷ С о к о л о в Б. Энциклопедия булгаковская. Л., 1996. С. 37.

²⁸ ГА РФ, ф. 102, ДП ОО, 1898, д. 5, ч. 52, лит. В, л. 26–27.

²⁹ ГА РФ, ф. 102, ДП ОО, 1904; д. 5, с. 11–А, л. 174–175 (Два последних документа любезно предоставлены авторам Т.А. Романенко). Кличку Хунхуз в 1904 г. в единой закавказской организации РСДРП носил Н. Хомерики, ближайший соратник П. Джапаридзе и Б. Мдивани, член Имеретинско-Мингрельского комитета Кавказского союза РСДРП. Позднее он – один из лидеров грузинских меньшевиков. Революционный псевдоним Старик здесь пока не расшифрован (Н. Жордания?). Перехваченное жандармами письмо Хомерики в Союзный комитет – очевидно *первое* документированное свидетельство своеобразных особенностей характера Сталина.

³⁰ "Залаяла грузинская кошка": Ной Жордания о первых годах революционной карьеры Сталина (Публикация О. Терехова) // Независимая газета. 1997. 10 сентября. С. 8.

³¹ А н ф и л о в В.М. Дорога к трагедии 41 года. М., 1997. С. 43–44, 48.

³² С и м о н о в К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1989. С. 382–383.

³³ Е м е л ь я н о в Ю. Мифы о Сталине // Слово. 1995. № 11–12. С. 79.

³⁴ К р и в и ц к и й В. Указ. соч. С. 288.

³⁵ Там же. С. 199–201.

³⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 46–47.

³⁷ С е м е н о в Юлиан. Ненаписанные романы. М., 1989. С. 175.

³⁸ Ц а р е в О., К о с т е л л о Дж. Указ. соч. С. 437.

³⁹ См.: Т а к е р Р. Сталин. Путь к власти. История и личность. М., 1990. С. 106, 114.

⁴⁰ Ф е л ь ш т и н с к и й Юрий. Еще раз о Сталине, агенте охраны. В американском архиве обнаружен неизвестный ранее документ // Известия. 1997. 2 октября.

⁴¹ В а л е н т и н о в Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 221. Мы цитируем приложение к работе – переписку Б. Николаевского с Н. Валентиновым.

⁴² Ц а р е в О., К о с т е л л о Дж. Указ. соч. С. 477.

⁴³ Из дневника Ф. Чуева. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 428, 390, 433, 413, 401, 415, 474, 441–442.

⁴⁴ Ч у е в Ф. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 45, 46.

⁴⁵ Д о к у ч а е в М.С. Москва. Кремль. Охрана. М., 1995. С. 50 и др. См. также об этой книге: В о р о н о в В. Пенсионеры особого назначения // Новое время. 1997. 16 ноября. № 45. С. 9–12.

⁴⁶ См.: Молодая гвардия. 1994. № 9–10.

⁴⁷ В a i l y J. Op. cit.; Е м е л ь я н о в Ю. Указ. соч. С. 79.

⁴⁸ См.: С е й е р с М., К а н А. Тайная война против Советской России. М., 1947. С. 330–331.

⁴⁹ Т а б о у i G. Ils l'ont appelée Cassandre. N.Y., 1942. P. 217–218.

⁵⁰ Н i l g e r Gustav. Wir und der Kreml. Deutsch-Sovietische Beziehungen. 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Berlin, 1956. S. 259–260.

⁵¹ См.: Т у х а ч е в с к и й М.Н. Избранные произведения. М., Т. 2. 1964.

⁵² Ж у к о в Г.В. Воспоминания и размышления. Т. 1. Изд. 11-е, дополненное по рукописи автора. М., 1992. С. 189.

⁵³ Ш е л л е н б е р г В. Указ. соч. С. 45.

⁵⁴ Красная Звезда. 1993. 30 октября.

⁵⁵ Г а л ь д е р Ф. Военный дневник. Т. II. М., 1969. С. 504.

⁵⁶ П ф а ф ф И. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 61–63, 64–69 и др.

⁵⁷ С и м о н о в К.М. Указ. соч. С. 446.

Дискуссии и обсуждения

"КРАСНАЯ СМУТА" НА "КРУГЛОМ СТОЛЕ"

Само название новой книги В.П. Булдакова* носит "взрывной" характер не только по отношению к еще недавно единственно допустимой в отечественной историографии громоздкой словесной конструкции – "Великая Октябрьская социалистическая революция в России", – но и ко всем обновленческим модификациям этой формулы, предложенным за последние десять лет. Знакомство с книгой вполне подтверждает, что на "круглый стол" выносятся историографическая "бомба", предназначенная для того, чтобы подорвать фундамент традиционных интерпретаций революции, да и не ее одной. В.П. Булдаков подобных намерений отнюдь не скрывает, уже на первых страницах своего сочинения вполне своевременно предупреждая заинтригованного названием и обложкой читателя, что их совместное "погружение" "в сгущенно-хаотичную атмосферу эпохи" – "занятие не для слабо-нервных". Не уверен – не читай, одним словом. В ответ на приглашение редакции выступить за "круглым столом" все-таки откликнулось более десятка отважных "первооткрывателей" книги. Свои отзывы журналу любезно предоставили: А.С. Ахиезер (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН), О.В. Будницкий (Ростовский-на-Дону государственный педагогический университет), Ю.И. Игрицкий, В.М. Шевырин (ИНИОН РАН), В.В. Канищев (Тамбовский государственный университет), М.Д. Карпачев (Воронежский государственный университет), А.С. Кустарев (Институт русской истории при РГГУ), Т.Г. Леонтьева (Тверской государственный университет), А.Я. Лившин (МГУ им. М.В. Ломоносова), А.П. Логунов (Российский государственный гуманитарный университет), И.Б. Орлов (Государственная академия службы быта и услуг), С.А. Павлюченков (Московский государственный педагогический университет), Ю.П. Шарапов (Институт российской истории РАН), А.В. Шубин (Институт всеобщей истории РАН).

"Круглый стол" подготовил С.С. Секиринский.

О КНИГЕ В ЦЕЛОМ

ЮРИЙ ШАРАПОВ: НЫНЕ КАЖДЫЙ ВОЛЕН ПИСАТЬ ВСЕ, ЧТО ВЗДУМАЕТСЯ!

Историю 1917 года можно изучать и описывать по-разному, как и всякую историю. Можно, ориентируясь на труды и действия политиков – Ленина, Милюкова, Керенского, Сталина, Троцкого, Чернова и др. Иных исследователей больше привлекают мемуаристы – П. Сорокин, Суханов, Джон Рид, Вернадский, Коллонтай, Махно и т.п. Третьи отдают предпочтение мнимому объективизму документов – резолюциям, постановлениям, воззваниям, переписке. Большинство же пытается совместить все эти направления. В.П. Булдаков написал свой труд о 1917 годе по Фрейду.

Вот только названия глав и разделов книги "Красная смута": «Феномен "голового короля"»; "Психология масс и стрелы социального насилия"; «Неистовства "черного передела"»; "Партийные лидеры: взгляд из толпы"; "Истощение энергии хаоса и вторичные волны насилия". А теперь отдельные формулировки автора: «революционный хаос – раскрытие "варварского" человеческого естества» (с. 5); "до каких глубин оказалась покоренной психика народа" (с. 55); "это важнейший показатель психопатологического вырождения революции" (с. 122). Автор соглашается с формулировкой сиониста Пасманика: "Корни большевизма не социологические, а психологические" (с. 263) и далее продолжает: «суицидальность 20-х годов

---

* Бу л д а к о в В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с. Тир. 2000.

связана с "усталостью от убийства"» (с. 272); "причина смуты одна – психоз бунта, вызванный бытовой болезненностью ощущений несовершенства власти" (с. 284).

При этом Булдаков вынужден признать, что исследование переломных эпох по психо-социальным параметрам отнюдь не является новым ни для отечественной, ни для мировой историографии, но полагает, что России повезло меньше (с. 346). И ссылается на мнения В. Вернадского и П. Сорокина. Оба они, однако, будучи выдающимися учеными в своих областях знаний, все-таки не историки. И выступают в данном случае (с этим автор согласен) просто как современники революционных событий.

Историк же не вправе при анализе революционных эпох пройти мимо, с одной стороны, социально-экономических предпосылок революции, а с другой – объективных закономерностей революционного процесса. На этот счет у автора свое мнение: "О так называемых предпосылках революции написаны горы литературы. От них веет тоской, как от работы гробовщика, снявшего мерку с покойного" (с. 13). В данной же работе, как откровенно признается Булдаков, на передний план выступают эмоции, иллюзии, поверья, страсти (с. 9).

Разумеется, ныне каждый волен писать обо всем, что ему вздумается. И как ему пожелается. Монография Булдакова имеет подзаголовок "Природа и последствия революционного насилия". Можно ли эту природу и эти последствия рассматривать лишь с точки зрения психопатологии? Можно, конечно. Но как тут не вспомнить незабвенного Козьму Пруткува: специалист подобен флюсу, т.е. односторонен. А истина, в том числе и историческая, требует всестороннего подхода, изучения, анализа. А флюс, что ж, флюс лечить нужно.

АЛЕКСАНДР ШУБИН: ЗА РАДИКАЛИЗМОМ СУЖДЕНИЙ – НЕСВОБОДА ОТ ПРОШЛОГО!

Книгу В.П. Булдакова "Красная смута" я брал в руки с надеждой. Известно, что автор с недавнего времени критически относится к рамкам марксистских догм, экспериментирует в сфере социопсихологии, отрицательно относится к околонушной публицистике, которая со времен генерала Д.А. Волкогонова вытесняет с прилавков собственно научную литературу. Уж не настал ли час появления комплексных и непредвзятых исследований о революции и Гражданской войне?

Увы, "Красная смута" не выходит за рамки "постмодернистской" струи в развитии нашей историографии с ее презрением к логике, смешением жанров, кричащей предвзятостью и увлечением "психиатрией". Вероятно, многие наши историки, сводящие счеты со своим марксистским прошлым, не могут пока быть объективными и спокойно аналитичными. Они предпочитают писать эссе и памфлеты. Что же, не переболеешь – не вылечишься. Я и сам прошел через сходный психологический этап в конце 80-х гг., и состояние Булдакова мне знакомо. Эта "революционная" стадия в развитии человека очень похожа на соответствующую эпоху в развитии обществ. Не случайно Булдаков так напоминает своих героев – он радикально отрицает почти все, что сделано до него, с презрением обрушивается на деятелей революции, будто разгоряченный борьбой и личными обидами современник Чернова и Троцкого, неспособный простить и понять. Даже высказывая вполне справедливые посылки (о необходимости изменения иерархии источников, о частичной цикличности истории, о необходимости взгляда на политику с точки зрения массовой психологии и т.д.), Булдаков не удерживается на "золотой середине" комплексного подхода и с большевистской категоричностью предлагает "кончать" со "вздорными представлениями" (т.е. с теми взглядами, которые он не разделяет), отбросить методы, которые ему не интересны (вплоть до анализа социальной стратификации и воздействия межпартийной борьбы на социальные макро-процессы).

СЕРГЕЙ ПАВЛЮЧЕНКОВ: НЕ БУДЕМ ПЛАТИТЬ ЕМУ ТОЙ ЖЕ МОНЕТОЙ...

В среде имеющих отношение к исследованиям эпохи революции давно и с некоторым любопытством ожидали выхода книги В.П. Булдакова. Во всяком случае ожидали те, кому не раз приходилось слышать его едкие замечания решительно обо всех элементах мироздания. Было любопытно, на каком мощном стволе может процветать такая вселенская ирония? Итак, теперь у мироздания есть все необходимое и достаточное, чтобы отплатить автору той же монетой. Но следовать этому не хочется, поскольку работа Булдакова получилась действительно весьма интересной...

**АЛЕКСАНДР ЛОГУНОВ:
ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА ТЕАТРАЛЬНЫМИ ЭФФЕКТАМИ ИСТОРИКА?**

Первое, что привлекает внимание при чтении монографии В.П. Булдакова, это явно выраженная театральность в организации и подаче материала. Театральность в том ее классическом понимании, когда герои и действующие лица не могут и слова сказать иначе, чем принимая перед началом особую театральную позу, и говорят только с элементами красивого завывания, чтобы не только у зрителей первых рядов, но и у галерки мороз пробегал по коже. А уж сделать шаг на сцене и вовсе невозможно попросту, без особой жестикюляции. Но театральность Булдакова, конечно, не сценическая, а интеллектуальная, от чего она не становится менее заметной.

Мало того, что работа имеет интригующее название, которое больше под стать названию драматического произведения – "Красная смута". Она имеет еще и уточняющий подзаголовок, не менее поэтично-философский: "Природа и последствия..." Мало того, что монография имеет именно посвящение, она открывается эпиграфом из М.Е. Салтыкова-Щедрина... Мало того, что вместо предисловия она начинается лирическими авторскими размышлениями, она и заканчивается грустно-уставшим эссе, посвященным печальной судьбе современников.

Не менее театрален и язык автора. Текст как бы зажимается между фразами-символами, фразами такой степени обобщения, что они напоминают сценические всплески эмоций. Перелистаем только первые страницы... "История – это всегда история представлений человека о самом себе..." (с. 6); "История – внутри себя бесчувственна..." (с. 7); "История не феноменологична, а мифологична..." (с. 9). И так далее, и так далее...

Педалируемая театральность в театре сценическом нередко скрывает слабости либо актера, либо режиссера, либо пьесы. Что же скрывается за театральными эффектами историка? Сам он несколько раз дает подсказки, то извиняясь перед своими предшественниками за то, что решился их похвалить ("в контексте данной работы признание его заслуг может показаться странным, если не хуже того" – с. 299), то предчувствуя удивление своих коллег по Научному совету, критика которых не помешала, а помогла завершению работы (с. 10), то заявляя совершенно неожиданно, что фантазмагоричность избранной темы способна усмирить "любую интеллектуальную гордыню" (с. 11). В результате невольно формируется представление, что автору понадобились все эти и другие ухищрения, чтобы отвести читателя от главного, от того, что и определяет историографическую значимость исследования. Бог даст, ухватится читатель, особенно профессионал, за непривычную его взгляду красоту или несвойственную академической культуре резкость и проглядит главное, что сказано и сделано автором.

Для меня вполне очевидно, что, хотел того или нет В.П. Булдаков, им создано произведение, обреченное стать историографическим явлением и отнюдь не только в изучении октябрьских событий 1917 г. Собственно само революционное насилие начала века (даже если я не согласен с его датировкой – убийство Распутина как начальный этап) – это всего лишь удобное поле для решения гораздо более значительной и крупной проблемы. По сути, исследователь ставит и решает задачу, которая во многом предопределяет профессиональные искания историков вот уже на протяжении двух столетий: как писать историю народа? Как ее писать так, чтобы получилась не история власти, не история образованного меньшинства, не история государства, а именно история народа? Не отсюда ли и размышления об "интеллектуальной гордыне", не отсюда ли стремление к театральной вычурности, необходимой для того, чтобы скрыть подлинный масштаб исследования?

До сих пор в истории исторической науки было не так много успешных опытов решения подобной задачи. Наиболее продуктивные, реализованные в работах школы "Анналов" и их российских последователей, все же были связаны с иным качеством вопросов, потому что исследовали состояние народа, описываемое как качество, свойство "безмолвствования". В.П. Булдаков не только напоминает, что история народа – история двух состояний: либо состояния "безмолвствования", либо состояния "бунта", но и берется анализировать именно состояние бунта. При этом для В.П. Булдакова вполне очевидна доминанта иррационального в социальной психологии вообще и в состоянии бунта особенно, что проявляется в преобладании мифологического, в строительстве иллюзорного мира иллюзорных ценностей (с. 276, 277, 281 и др.). Меняется и характеристика личностей, определявших персонафикацию изучаемых событий – Милюкова (с. 205), Ленина и Троцкого (с. 218 и др.).

На фоне столь масштабно заявленных проблем совершенно по-иному воспринимаются четвертая-шестая и заключительная части работы. Как мне представляется, речь идет о попытке прочитать историю XX в. опять-таки как века своеобразной народной истории. Поэтому вполне закономерно, что В.П. Булдаков исследует не феномен советского государства

и государственности, а эволюцию "социальной архаики", по его мнению, определившей весь ход XX в. (с. 321). В цепи событий XX столетия 1917 год приобретает совсем иную систему измерений.

Торжество архаики, выделенное в качестве ключевого элемента, определяющего "советскую" историю, не могло не выработать своеобразного типа безмолвования советских народных масс, бывших строителей "светлого будущего". Автор демонстративно отказывается от использования как привычных стереотипов и образов советской историографии, так и опорных идей западной историографии Октября. Естественно, что он не может высказаться иначе, чем используя оценки, весьма далекие от принятых в академической историографии. Чего стоит, например, его сравнение усилий коллег по профессиональному цеху с "попытками тараканов раскрутить глобус" или оценка некоторых современных интеллектуальных интерпретаций Октября как "шизоидных усилий" (с. 307). Однако, чем образнее становится язык историка, тем очевиднее проступает его стремление за этой живостью образов скрыть собственное отношение к народности XX столетия.

**АЛЕКСАНДР КУСТАРЕВ:
КРИК ДУШИ. КРИК УМА...**

Русское общество может служить примером катастрофической неадекватности общественного сознания актуальным общественным проблемам. Острое осознание этой возмутительной ситуации, кажется, и подвигнуло В.П. Булдакова написать "Красную смуту". Это крик души. Крик ума. Отчаянная попытка втянуть современников в некое умственно-аналитическое предприятие, которое по идее должно бы вывести русское общество из тупика через понимание своей истории.

Это труд огромной интеллектуальной плотности и напряженности. Со всеми вытекающими из этого неприятными последствиями. Читать книгу трудно. Ее плотность и напряженность по ходу дела нарастают, а не падают, как хотелось бы. Две-три-четыре главные темы-идеи – это уже слишком много, на одну книгу хватило бы и одной. Эти темы-идеи разнообразно варьируются, каждый раз с привнесением новых оттенков и, соответственно, новой и новой терминологии, порой недостаточно точно отобранной. Булдаков копает очень глубоко, но нередко бродит на этой глубине на ощупь, что неудивительно, потому что почти болезненный аналитический инстинкт (впору говорить о своего рода аналитическом садизме) властно тянет его к самым границам постижимого и поддающегося рациональной артикуляции. Булдаков видит пространство объекта изучения во всей его чудовищной многомерности. Такой визуальный образ нелегко перевести в словесный ряд, сохранив при этом полноценную коммуникацию с читателем.

**АЛЕКСАНДР АХИЕЗЕР:
ПРЕДМЕТ КНИГИ – КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ СТРАНЫ**

Не следует буквально принимать утверждение автора (с. 5), что книга по преимуществу посвящена только одному аспекту – насилию. Это понятие у автора не только предмет исследования, но не в меньшей степени фокус концепции, охватывающей российский исторический процесс по крайней мере XX в. Автор пытается выявить духовный субстрат России. И следовательно, предметом книги в известном смысле является концепция истории страны, по крайней мере XX в.

Трактовка автором революции означает, что общепризнанное в советское время ее понимание как политического и социального переворота, ведущего от устаревшей, реакционной системы к прогрессивной, к новому справедливому порядку жизни, заменяется на прямо противоположное, т.е. на определение революции как взрыва архаичных древних ценностей, разрушающих более продвинутое общество, уничтожающих силы, ведущие к нему. Революция – это катастрофический шаг архаизации общества, взрыв массового насилия. "Революционный порыв на глазах оборачивался всеми мерзостями запустения, включая зловоние от нечистот" (с. 227).

Таков, по сути, фокус радикальной смены концепции истории России, который в рамках исторической науки представляет собой результат поворота самой России. И книга – важная веха этого поворота.

**ОЛЕГ БУДНИЦКИЙ:
ЕСТЬ НЕМАЛО СВЕЖИХ ИДЕЙ**

"Красная смута", – пожалуй, самая успешная на нынешний момент попытка перевести разговор о революции на качественно иной уровень. В.П. Булдаков стремится проникнуть в суть событий, "сдернув" с них покров политических форм и идеологической риторики.

Автор считает, что русская революция – дело рук не "вождей", а этого самого "маленького" человека, потерявшего себя вне привычных социумов, доведенного до отчаяния непонятными для него "объективными" обстоятельствами. "Это погромная реакция того, кому нечего стало терять" (с. 350). Маленький человек потерял доверие к власти, оказался выбитым из привычного бытия; вследствие этого у него развился "психоз бунта"; в поисках власти, отвечавшей его стереотипам, он отыскал видимость идеала (с. 284). Наблюдения, на мой взгляд, во многом верные.

В книге Булдакова немало свежих идей и оригинальных подходов. Весьма плодотворным мне представляется изучение психологии и роли солдат в революции; это ведь не просто "рабочие и крестьяне", одетые в солдатские шинели; а люди, поставленные в нечеловеческие условия и лишившиеся "сдержек" традиционного социального окружения, которые, несомненно, сыграли решающую роль в смуте 1917 г. К сильным сторонам исследования относятся тщательный анализ роли маргиналов в революции (что автор предпринимал и в ранее опубликованных статьях). Конечно, давно назрел и анализ ложных представлений в ходе революции (шире – в истории, в том числе современной). Найдется ли новый Эразм, чтобы написать "Историю человеческой глупости" на материале перестроечных и постперестроечных мифов?

Бесспорным мне представляется вывод об архаизации жизни как результате столкновения модернизаторства и традиционализма. Вполне справедливо Булдаков пишет, что "весь цикл новейшей русской смуты и даже всей последующей советской истории можно описать по схеме возобладания крестьянской психоментальности в той среде, которая была ей враждебна по определению – в городе и даже в имперски-коммунистической власти". Это и является, по мнению автора, «основным содержательным итогом "красной смуты"» (с. 339).

Несомненно, интеллектуально вызывающее исследование В.П. Булдакова – серьезный вклад в изучение русской революции 1917 г., и относится оно к числу тех, которые принято называть "историографически стимулирующими".

**АЛЕКСАНДР ЛИВШИН:
РАБОТА "ОБРЕЧЕНА" СТАТЬ КАТАЛИЗАТОРОМ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

"Красная смута" буквально завораживает широкой панорамой событий и явлений, глубиной и тщательностью анализа, охватом литературы и источников, новизной и нестандартностью подхода. Книга В.П. Булдакова, несомненно, станет явлением в отечественной исторической науке. Убежден, что мы имеем дело с новаторской работой следующего, "постперестроечного" поколения. В центре внимания автора находятся проблемы истории менталитета и социальной истории, до сих пор, к сожалению, являющиеся "нетрадиционными" для нашей науки. Кроме того, книга методологична в хорошем смысле этого слова: теоретическая основа исследования фундаментальна и находится в магистральном русле мировой исторической науки. В этом убеждает продемонстрированное автором основательное знакомство с зарубежной литературой и ее основными теоретико-концептуальными достижениями. Вместе с тем книга основана на обширном фактическом материале и прочной документальной базе, она отнюдь не набор лишь общетеоретических абстрактных рассуждений.

Не сомневаюсь, что эта работа вызовет оживленную дискуссию в профессиональной среде, она буквально "обречена" на то, чтобы стать катализатором интереса к важнейшему периоду нашей истории.

**ТАТЬЯНА ЛЕОНТЬЕВА:
НАЛИЦО ПОПЫТКА "ПОДТОЛКНУТЬ" ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС**

Всем, кто знаком с творчеством автора, очевидно, что он лишь свел воедино ряд гипотез и идей, отстаиваемых им многие годы (попытки "вписать" революцию в общий кризисный ритм российской истории, отождествив ее с системным кризисом империи; перемещение внимания на стихийность массовых действий и т.д.). Фрагменты исследования можно обнаружить в предыдущих публикациях В.П. Булдакова. Вместе с тем в монографии заметны и результаты

многолетней работы международных и общероссийских конференций, проводившихся Научным советом РАН "История революций в России" и сделавших упор на изучение "революции снизу". Особенно выделяется цикл конференций, объединенных общей темой "Революция и человек". Пожалуй, нет ни одного их участника, выводы которого не получили бы отражения в данном труде. Это обстоятельство позволило автору расширить географические рамки исследования и вынести проблематику революции за пределы столиц. Стоит заметить, что в монографии использованы новейшие наработки ряда провинциальных исследователей, которые, к сожалению, известны лишь небольшому кругу лиц, принимавших участие в региональных конференциях.

И все же есть нечто, выделяющее эту монографию из всего написанного Булдаковым ранее. Данная работа посвящена исключительно проблеме насилия. Революция представлена едва ли не как коллективное безумие. В отечественной историографии вряд ли найдутся аналоги подобному подходу, да и в западной литературе к этому деликатному вопросу подходят также достаточно осторожно.

Судя по всему, автор предвидел "степень риска", связанного с выдвижением своей концепции революции, и намеренно подчеркнул односторонность своего подхода и общий гипотетический характер исследования.

Книга Булдакова поможет избавиться от "карамельного" образа прошлого, что практикуется как "слева", так и "справа". Налицо оправданная попытка "подтолкнуть" историко-графический процесс.

ЮРИЙ ИГРИЦКИЙ: НАУКЕ НУЖНЫ ИНЪЕКЦИИ НЕОРТОДОКСАЛЬНОСТИ

Меня вовсе не шокирует постановка автором вопросов об "общей психопатологии смуты", "коллективном бессознательном" и "энергии хаоса" в революции, а также выводы о "стадной ярости" масс, "мазохизме" и "доктринальной шизофрении" российской интеллигенции. Научная мысль всегда нуждается в провоцирующих инъекциях неортодоксальности, нестандартности и даже абсурдности, а отечественная мысль в нынешних условиях – особенно. Это естественно: ведь и советский догматический марксизм, особенно в своем истпартовском разделе, провоцирует недогматическое мышление. Еще более классический пример – религия. Становясь книжным учением, она провоцировала рациональное светское мышление (что отмечал еще Макс Вебер); бескрылый рационализм, в свою очередь, стимулировал эмоциональное начало, побуждал людей обращать мысленные взоры к вере, духовности, нравственности. Эти циклы бесконечны, и книга В.П. Булдакова занимает свое место в их ряду. Коротко говоря, она побуждает к раздумьям.

Стихия автора – синтез имажинизма и знания, воображение исторических фигур и людских масс в определенных исторических контекстах, параметры которых задаются не только общественной статистикой и фактологией, но порой трудноуловимым духом времени, исторической памятью народа, бесплотной борьбой традиционалистских начал и модернизационных импульсов. Кто скажет, что здесь нет места для науки или, напротив, науке все ясно, пусть бросит в меня камень. Десятки мыслителей, включая Гегеля, Фихте, Ницше, Ортега-и-Гассета, Февра и Тойнби, видели за событийной канвой времен проявления духа и энергии как героев-одиночек, так и больших людских континентов. В истории России Витторио Страда, Джеймс Биллингтон, Лев Гумилев (если назвать только некоторых наших современников) также стремились разглядеть субстанции духовной культуры и выявить роль психофизических факторов. С этой точки зрения стремление В.П. Булдакова анимировать исторический путь России и ее имперскую судьбу, вдохнуть "жизнь" в абстрактно-схематические формулы, описывающие взаимоотношения власти и населения, можно только поддержать. Поддержать не в том смысле, что наконец-то найден ключ к познанию малопонятной истории Отечества, а в том, что есть человек, который, видя, что все (вроде бы все) углы здания теории истории обшарены, смело зашел поискать в темную комнату, где этого ключа (подобно пресловутой черной кошке) может в конце концов и не оказаться.

В РАКУРСЕ МЕТОДА И КОНЦЕПЦИИ

**СЕРГЕЙ ПАВЛЮЧЕНКОВ:
СКВОЗЬ МОЛОДЕЦКУЮ УДАЛЬ ПРОГЛЯДЫВАЕТ ТОСКА ПО РАЦИОНАЛЬНОМУ**

Автор "Красной смуты" сделал удачную попытку проникнуть в психологию выдающейся эпохи, заставить читателя чувствовать и думать, так, как это делали действующие лица революции – солдат, крестьянин, рабочий. Словом, налицо стремление нарисовать то самое древо жизни, которое пышно зеленеет в противоположность догматизму и сухим теориям. Но это не снимает вопроса о теории, поскольку она есть выяснение закономерностей, т.е. в конечном счете и является наукой. А в книге чувствуется, что автор подвержен модной "французской" болезни (с. 305), ее строки насыщены нигилизмом к теории в принципе. Следствием не замедлила явиться и некоторая субъективность подхода в интерпретации событий. Описание переживаний и упрощенного образа мыслей революционной публики – это еще не все. Требуется объяснение, и автор это понимает. Психологическая эмпирика тоже нуждается в обобщениях, в теоретическом фундаменте, а это удается пока мало, несмотря на попытки автора ввести в исторический обиход термины из арсенала психологов. Это уже эклектика. Позитивная наука, если она хочет оставаться таковой, должна следовать в порядке своих имманентных категорий и понятий, иначе все превращается в механическое соединение, неспособное к развитию.

Видеть за деревьями лес – это значит видеть за массой приведенных в "Красной смуте" образных фактов и сюжетов правомерность постановки вопроса в традиционном теоретическом плане – о классах, их интересах, о государстве, т.е. о том, от чего так хочет отмежеваться автор книги как от ненужных вещей. Несмотря на стремление удержаться на своем критическом пятке по отношению к этатизму, он то и дело оказывается в его объятиях, и тот принимает Булдакова как родного, поскольку у него сквозь молодецкую удаль проглядывает сильная тоска по рациональному, по порядку.

В результате революции произошло оздоровление старой системы. В книге есть верное замечание, что после Октября страна продолжала жить в рамках прежней хозяйственной структуры (с. 13). Но это еще не все. Структуру вывели на новый виток. Даже русская эмиграция, ее наиболее умная часть, несмотря на личную трагедию, связанную с революцией, вынуждена была сказать устами Милюкова: "Русская революция есть патологическая форма подъема России на высшую ступень культурного существования" (Последние новости. 1927. 11 января). И вывело ее на эту ступень именно государство, которое Булдаков стремится списать в расход, а заодно и всех историков-этатистов.

Русская революция в "Красной смуте" характеризуется как столкновение модернизма с традиционализмом и победа архаики (с. 339). Это не "архаика", это возобладание коренной закономерности – находить общее и осуществлять прорыв, опосредованно соединяясь в государственной воле. Революция победила, очистившись от действительной архаики, от угасшего крепостнического дворянства, наносного либерализма и одряхлевшей династии.

«Есть ли перспектива у отечественной историографии традиционно политического (этатистского) типа?» – спрашивает автор "Смуты". По его мнению, последние публикации не дают повода для особенного оптимизма (с. 322). Повторяем, если это и так, то это проблема самих публикаций и их авторов, но не истории. Не нужно подменять объективную тенденцию ее отражением на бумаге. Этатистское направление строится не на желаниях историков, а на объективной закономерности, которая рельефно проявляла себя 300, 80 лет назад, проявляет и в настоящее время.

Если какую торную дорогу и следует хоть на время прикрыть на капитальный ремонт, так это дорогу в направлении "советская трагедия". И здесь очень к месту острые реплики Булдакова в адрес тех, кто не знает иных забот, кроме бесконечного "разоблачения" большевизма (с. 183), и характеристика вырождающейся антиленинианы как стремление дикарей наказать не оправдавших их надежд идолов (с. 306). Книга ценна еще и тем, что, кажется, помимо воли автора наглядно показывает, что политикой "военного коммунизма" государство в лице большевиков уплатило массам по счету сполна за кровавый анархизм 1917–1918 гг.

В отношении к вопросу о государстве и власти заключается главное противоречие "Красной смуты". С одной стороны, автор всеми силами стремится к уничтожению государства и политиков, а с другой – его рука выводит лейтмотив книги: смущенная и разнузданная масса в безобразиях и зверстве ищет свой идеал (с. 284), ищет ту власть, перед которой она могла бы преклониться и сложить к ее ногам свое бунтарство. "Охлос искал... перебирая вождей" (с. 202).

Излишнее доверие к тяжелым и противоречивым думам масс и приобретенная на ис-

следовании 1917–1918 гг. инерция приводят автора "Смуты" к легкомысленному отношению к некоторым фундаментальным фактам эпохи. Так, например, о повороте настроения крестьянства в пользу советской власти в ходе Гражданской войны говорится, что он был более провозглашаем большевиками, нежели имел место в действительности (с. 117). Внимательное отношение к социальной динамике показывает, что поворот все же был. Но можно, конечно, отыскать и массу доказательств противоположного, особенно если обратиться к Центральной России, откуда советская власть не уходила. Надо сравнить настроения крестьянства в конце 1919 г. с тем, что было в 1918 г., и спросить себя: разве не очевидна большая разница в отношении к советской власти и в состоянии ее самой? 1918 год – это полный распад, слабая Красная армия, в промышленных центрах форменный голод. А 1919 год – это уже система, власть и массы. Только ли террором все было создано? Не надо скатываться на примитивы советологов. Все познается в сравнении. Когда в умах не было ясного представления о белых, то большевики, конечно, были плохи. Для крестьян вообще всегда были плохи все городские: "Не сеють, не косяют и чем жить?" Когда познакомились с белыми, то красные показались намного симпатичнее.

Еще хотелось бы остановиться на некоем, как кажется, недоразумении, возникшем между уважаемым автором "Красной смуты" и его покорным слугой, которому принадлежат эти строки. Недоразумение, возникшее от недоговоренности. Автор "Военного коммунизма в России" вовсе не склонен принижать роль идей и "до бесконечности иронизировать над "наивностью" коллег, которые считают «идеи самостоятельным основанием для общественного движения»" (с. 229). Боже, упаси! Напротив, в указанной работе есть слова, которые прямо предостерегают от легкомысленного отношения к идее только как к более или менее "туманному" отражению реальности. "Идея не только отражает объективную реальность, она сама является реальностью и способна эту реальность создавать" (П а в л ю ч е н к о в С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 54). В мире вечно носится бесчисленное множество идей – от палаты № 6 до Сионской горы, но далеко не все они приобретают историческое значение, "овладевают" массами, становятся фактором общественного развития. Идеальное намного плотнее вуалирует секреты своей природы, нежели грубая материя. Определенно можно утверждать, что идея цепляется за классовые реальности, как говаривал Троцкий. Без этого она бессильна, как бессильна и гнила материя без диктатуры идеи. Значит, опять никуда не уйти от "устаревшего" классового анализа, называй это хоть "отрыжкой" марксистского метода (с. 229).

ЮРИЙ ИГРИЦКИЙ: ТЯГОТЕНИЕ К ПСИХОАНАЛИЗУ ДОЛЖНО ИМЕТЬ ПРЕДЕЛ

Некоторые разделы и пассажи книги читаются на одном дыхании. Авторские характеристики многих исторических фигур и ситуаций привлекают одновременно яркостью и точностью. В общем и целом автор довольно последовательно воплощает в тексте свое кредо (не исключаю, заявленное ненароком): "Образ всегда посрамит логику, даже не оборачиваясь к ней лицом" (с. 295). Но броские метафоры удачны большей частью в книге как раз потому, что соответствуют логике истории (процесса, события, эпизода). Именно с этой точки зрения в оценке Керенского представляется существенным вывод о его способности "угадывать вектор эмоционального ожидания массы" (с. 61). Интересна и небезосновательна мысль о мотивации решения Троцкого признать главенство Ленина в большевистском движении: "Он понял, что именно Ленин изоморфен русской смуте, вероятно, надеясь, что сам больше годится на роль лидера «перманентной» революции" (с. 215). В послесловии – "Российская смута сегодня" – остро критическом по отношению ко всем без исключения политическим силам и лидерам нынешнего этапа, привлекает внимание своей смачностью и одновременно простотой формула взаимоотношения режима и левой оппозиции: "Власти держат их в качестве пугала в назидание тем, кто никак не может поверить в их собственную прогрессивность" (с. 357).

Напротив, там, где нарушается логика, броский образ становится претенциозным и даже вульгарным. Это относится, в частности, к параллели между крахом самодержавия и концом правления племенных вождей. Данный пассаж заслуживает того, чтобы привести его целиком: «В патерналистских системах "дети" больше всего тяготеют опекой "отца" в период своего ускоренного взросления. Попытка модернизации России осуществлялась в условиях невиданного роста народонаселения, т.е. на фоне неупорядоченного омоложения страны. Но, право, не стоило бы российский модернизационный процесс уподоблять ходу неудавшегося возмужания народа, полностью идентифицируя революционную смуту с антипатерналистским

бунтом. Народ скорее "добил" самодержавие, которое предстало вконец омаразмевающим – это весьма напоминает ритуальное убийство вождя в доисторических обществах» (с. 53). Весь данный отрывок алогичен и противоречит другим оценкам автора. "Возмужавший" народ постоянно предстает на страницах книги то искателем властной опеки и протекции, не выносящим десакрализации власти, то полубезумцем, управляемым лишь собственными низменными страстями. Собственно, это соответствует традиционным европейским представлениям о двойственной натуре россиян, обуреваемых то любовью, то ненавистью, смиренных, но время от времени взрывающихся бунтом. Только дело вовсе не в том, что "отцовская" забота начинает раздражать "детей" – дело в том, что, как не раз постулирует сам автор (и на мой взгляд правильно), утрачивается традиционный для России баланс отношений власти и подданных. Десакрализация власти, вызванная поражениями в войнах XX в. и критикой немыслимой ранее оппозиции, справедливо акцентируется автором и действительно служит одной из важнейших причин растущего равнодушия народа к судьбам монархии. Не случись войны, не случилось бы и близкой революции. Но другая важнейшая причина, не слишком жалуемая в книге в силу своего марксистского происхождения и затасканности как в советской, так и в западной литературе, все-таки состоит в том, что социальные противоречия (уровень "власть – подданные" представляет лишь один их аспект) в начале века нарастали, а материальное положение низов в годы Первой мировой войны резко ухудшалось. Никакой ритуальности в падении монархии в феврале–марте 1917 г. не было. Да и "народ" в широком смысле слова имел к этому весьма малую причастность.

Данный пример показывает, что тяготение к психоанализу должно иметь свои пределы. И перспективы, и тупики психоанализа особенно предметно высвечиваются в наиболее, на мой взгляд, талантливо написанной главе "К общей теории кризиса империи". Снова употреблю метафору черной кошки в темной комнате – такая теория еще не создана, но это не значит, что в попытках ее создать нет рационального зерна. Мне кажется обещающим постулат о том, что "каждое властно-доктринальное начинание в России провоцирует смуту ровно в той мере, в какой оно пытается поставить себя выше природы российского бытия и навязать ей чуждую ее природе телеологичность... Любые невнятные и нравственно противные народу реформаторские начинания, а равно и бездействие власти, в критический момент оборачиваются блокированием тонкой обратной связи и создают оперативный простор для революционеров, мобилизующих традиционализм с помощью новейших лозунгов" (с. 340). Пожелаем автору развернуть этот тезис в специальное исследование, не ограничивающееся XX в. и не отвлекающееся на историографические стычки и побочные сюжеты.

В данной главе именно таким сюжетом выглядят ссылки на "исторический генотип homo rossicus". Здесь предостережение Конфуция и его последователей начинает работать в полной мере. Можно не соглашаться с "общей теорией смуты", но смута, как феномен, неопровержима. Можно оспорить "общую теорию кризиса империи", но сам кризис (или серия кризисов), несомненно, существовал. А что это такое: "русский генотип"? Кто его научно исследовал, чтобы ответить на вопросы, откуда, почему и как он возник, чем отличается от генотипов других народов? Не стоит ли подождать с принятием его как данности, пока антропологи, этнографы, психологи, культурологи, и уж не знаю, кто еще, внесут ясность в данную проблему?

Конечно, для психоаналитического изучения смуты было бы важно установление "генотипа" или "национального характера" русского народа в ракурсе сопоставления с другими народами. Но пока это не более чем умозрительная конструкция, востребованная для нестандартного объяснения хода истории. Исходя из презумпции ее доказанности, автор существенно ослабляет свои методологические позиции. Хотя он и заявляет, что только ленивый не прибегает к антропологии для постижения российской истории, ему присуще понимание методологической зыбкости этого, что видно из следующих строк в заключительной части главы: "Приходится учитывать, что при таком подходе возникает риск конфуза. История, выстроенная на неуловимостях болезненно-изменчивой людской психики, становится не просто чрезмерно вероятностной, но и антифеноменологичной. Прошлое при таком подходе рискует стать непредсказуемым. Кому же нужна историография, которая, воюя со старыми мифами, не умеет соперничать с ними на почве общепризнанных фактов? Кто докажет, что такая история – и без того наука неточная по определению – может чему-то кого-то научить?" (с. 353). Упаси меня Бог от резонерства, но действительно история – такая профессия, где польза сомнения неизмеримо ценнее пользы самомнения.

**АЛЕКСАНДР ШУБИН:
ОДИН ЖЕСТКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ ЗАМЕНЕН НА ДРУГОЙ**

Справедливо отрицая социально-экономический детерминизм, Булдаков с презрением отбрасывает социальную стратификацию как таковую, к месту и не к месту сводит явления к массовым психозам. Конкретный механизм связи между психикой и социальными явлениями остается втуне. Попытка найти глубинные причины революции в "десакрализации власти" выглядит неубедительно, так как сама десакрализация обусловлена социальными причинами. Булдакова губят крайности: вместо того, чтобы исследовать тонкие взаимосвязи и баланс психологического, психического, социально-экономического, социально-политического, идеологического и других факторов, он просто подменяет один жесткий и прямолинейный детерминизм другим – еще более смутным и недосказанным, чем марксистская схема.

**АЛЕКСАНДР КУСТАРЕВ:
ИСПУТ ПЕРЕД НАПЛИВОМ "ФРЕЙДИСТСКОЙ"
ЛЕКСИКИ ПРОХОДИТ. ИСТОРИК ОСТАЕТСЯ ИСТОРИКОМ**

Заметим, что В.П. Булдаков даже не обсуждает, были ли агенты русской революции и если были, то кто и в какой мере, "доктринерами", а их доктрины "утопичными". Он считает это очевидным. Его интересуют вовсе не они (во всяком случае вначале), а роковая склонность к "утопическому доктринерству" как поведенческий стереотип. Одно из следствий такого поворота состоит в том, что уже не поведение есть следствие каких-то идей, а идеи есть эманация определенного типа психического состояния-поведения. Таким образом, институциональное творчество русской революции имеет очень малое отношение к социальным и политическим проектам (марксистским, славянофильским, либеральным и т.д.), но очень большое отношение к инстинктивным движениям души массы стереотипных индивидов, одновременно впавших в некое патологическое состояние.

Перенос главного интереса с политической, социальной, экономической и т.п. фактуры на психическую субстанцию при всей элегантности новой схемы поначалу пугает. Для моего, например, вполне сциентистского сознания экскурсы в психологию представляются опасными и стерильными. Стратегия науки, кажется, должна заключаться в том, чтобы (в идеале) свести вообще к нулю то, что покрывается понятием "психологии". Психология как наука, с моей вульгарной точки зрения, паразитирует на "серой зоне" между физиологией и культурой, т.е. между двумя вполне ощутимыми материями. Как только мы из "серой зоны" извлекаем ранее неизвестную фактуру, она тут же отходит либо к сфере физиологии, либо к сфере культуры. Но внимательно читая книгу Булдакова, мы от испуга избавляемся, потому что автор, громко объявив тему, в общем-то в чисто психологические рассуждения не пускается. Временами в книге мелькают обрывки психологической, психиатрической и психоаналитической терминологии, но перед нами вовсе не очередной поток фрейдистских спекуляций и мифов. На проверку оказывается, что автор вспомнил про такую вещь, как "психическое состояние масс", только для того, чтобы поставить ее в центр схемы. На языке психологии это состояние может называться "истероидным", "эпилептоидным", "суицидальным", "садомазохистским" – это неважно. Важно то, что между истоками кризиса (информация на входе) и общественным порядком-строем-структурой или культурой после революции (информация на выходе) лежит сама революция, или, образно говоря, "общество-масса" в расплавленном состоянии. И из этой вулканической купели получается нечто, чему не сразу и имя подберешь.

Можно все же настаивать, что исходный материал, поступивший в расплав, как-то узнается в установившемся после революции вулканическом ландшафте. Такое впечатление, однако, что Булдакову этот сюжет кажется малопродуктивным, и он предпочитает думать, что состояние расплава важнее для понимания итогов революции.

**АЛЕКСАНДР ЛИВШИН:
ВСЛЕД ЗА "ОПЬЯНЕНИЕМ"
ЖЕСТОКОСТЬЮ НАСТУПАЛО И "ОТРЕЗВЛЕНИЕ" КРОВЬЮ**

Изучение документов по истории менталитета революционного и постреволюционного времени, в частности, столь массового источника, как "письма во власть", заставляет меня с осторожностью подходить к проблеме "коллективного бессознательного" в революции. Действительно, события той поры, равно как и их отражение в менталитете, часто оставляют ощущение массового умопомрачения. Впрочем, зачастую причиной были не только иррациональные структуры социальной психологии, но и мифологизация и мифологизированное

искажение фундаментальных понятий, составляющих основу культуры – свободы, справедливости, равенства и т.д. Так, понимание свободы было мифологизировано в направлении понимания ее как производной величины от революции. Справедливость и равенство воспринимались сквозь призму лозунга "Все поделить!" и культурную легитимацию насилия по отношению к "угнетателям – богатеям". Абсурдистские мифы революционной эпохи, а не только "психопатология смуты", обуславливали характер времени и особенности поведения социальных групп.

Вместе с тем массовое сознание периода революции, Гражданской войны и нэпа представляется намного рациональнее, чем это может показаться. Вернее сказать, оно содержало, в том числе, рациональные и прагматические элементы. Причем это относится ко всем социальным группам, включая крестьян.

Взять хотя бы крестьянский менталитет нэповской эпохи, отразившийся в письмах в органы власти и на имя большевистских вождей. Если попытаться суммировать высказываемые в письмах, заявлениях, обращениях, жалобах и т.д. требования, то они выстраиваются в некое подобие политической и экономической платформы; впрочем, достаточно аморфной с точки зрения способа ее формулирования. Еще более туманными были у крестьян представления о возможностях и методах политической реализации их требований. Сами же условные пункты этой платформы таковы: 1) разумные налоги, снижение налогового бремени. Крестьянство регулярно жаловалось "во власть" на чрезмерность налогообложения. Невыгодность положения сельских жителей в этом плане особенно проявлялась по сравнению с городскими рабочими; 2) разумные цены, ликвидация диспаритета цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности; 3) эффективная и демократически формируемая система кооперативных организаций. Советская кооперация вызывала возмущение крестьян своей неповоротливостью, расточительством ресурсов, практической бесполезностью; 4) более эффективная и предсказуемая местная власть, борьба с произволом, коррупцией, праздностью и бюрократизмом низовых "ответственных".

Таким образом, налицо весьма ощутимый элемент рационального мировосприятия у крестьянства. Конечно, речь идет о нэповской эпохе с ее относительной "нормальностью" и большей предсказуемостью. Между тем даже в годы Гражданской войны, как представляется, структуры народного менталитета не были до конца поглощены стихией "коллективного бессознательного". Возможно, Булдаков несколько преувеличивает архетипический, инерционный и неподвижный характер менталитета (отсюда, возможно, высказываемая в книге посылка (с. 320): российский человеческий архетип противоположен западному и никак не совмещается с ним). Безусловно, менталитет выступает в качестве наиболее инерционной, "замедляющей" величины в истории. Принадлежащие к определенной культуре люди действуют, говорят и пишут в соответствии с ней; они не могут выйти за пределы, очерченные культурой. Однако нельзя забывать, что все изменяется, в том числе и массовое сознание, хотя и медленно. В периоды бурных исторических перемен, гигантских сдвигов тектонического масштаба (революции и гражданские войны) происходит ускорение трансформации менталитета, психология народа обретает новые, часто неожиданные черты. Нечто подобное происходило и в годы Гражданской войны в России. Например, историческая драма революции и Гражданской войны зримо очерчивает совершенно новый аспект восприятия такого фундаментального понятия как свобода массовым народным сознанием. В трагические первые послереволюционные годы новая власть осуществляла массовые нарушения личных, гражданских прав, ущемляла свободу индивидуума. Огромные массы людей (а не профессиональные революционеры и уголовники, как это было до революции) познакомились с тюрьмой, лагерем, государственным беззаконием и насилием. Как показывает изучение больших массивов писем той поры, в качестве реакции на эти потрясения на уровне рядовых граждан появляется некоторое ощущение ценности личной свободы (а не свободы класса, крестьянского мира и т.п.), ценности личных прав, порочности унижения достоинства личности лишением ее свободы. Практика взаимоотношений с новой властью оживляла почти полностью задавленное архаическим сознанием понимание связи законности и свободы, неразрывности твердого правопорядка и прав человека. Все это можно расценить как масштабную рационализацию сознания миллионов людей (существует феномен опьянения жестокостью, а в данном случае, наоборот, происходит "отрезвление" кровью революции). Разочарование в мифе, построенном на ожидании скорого рая на земле, также испытывавшееся миллионами уже в годы "военного коммунизма", – еще один признак рационализации (как и крушение или эрозия любого мифа). Драматические коллизии первых послереволюционных лет выявили противоречивое сочетание в российском менталитете традиционного и либерального понимания свободы. При этом на начальном этапе революции (в первую очередь

в 1917–1918 гг.) происходит глубочайшая дискредитация в массовом сознании именно либерального понимания свободы личности. Булдаков справедливо очерчивает значимость этой проблемы, говоря о восприятии революции как прорыве к "безграничной свободе" (с. 260), т.е. "воле", очищенной от формально-юридических ограничений. Однако массовость государственного насилия во время Гражданской войны, сведение личности до уровня материала, необходимого для социального экспериментаторства, вызывают пусть и ограниченную, но явно выраженную обратную реакцию. Генетически заложенное в человеке стремление к сохранению своего "я", а следовательно, и к свободе, начинает проявляться в новом виде, частично очищается от эгалитарно-материальной составляющей. В общественном сознании начинает формироваться и укрепляться не классовый, а универсалистский взгляд на права человека. Поражающее исследователей обилие петиций в органы власти с жалобами на нарушение политических, имущественных, религиозных и иных прав в годы Гражданской войны свидетельствует о сказанном.

Думается, что автор "Красной смуты" несколько недооценил мозаичность и многокомпонентность массового сознания в революционную эпоху. Принеся гигантские, глобальные изменения в общественно-политическое бытие, революция вместе с тем включает в себя и проблему столкновения нового со старым: новых институтов с многовековыми управленческими традициями, новой властной элиты со старыми "спецами", государства и общества, значительно более инертного и менее подверженного быстрым изменениям и т.д. Иными словами, первое послереволюционное десятилетие характеризуется причудливым и многообразным сочетанием и конфликтом традиции и новации во всех сферах жизни.

Мне импонирует постановка В.П. Булдаковым проблемы диалоговой формы обращения народа к власти (с. 265). Правда, автор относит ее лишь к годам нэпа, полагая, что именно в тот период власть нуждалась в связи с массой. Однако, изучая письма, заявления, жалобы, доносы и т.д. начиная с 1917 г., можно сделать вывод, что диалог при помощи различных форм апелляции народа к власти шел непрерывно. Разумеется, "диалогичность", о которой идет речь, весьма условна и нетрадиционна. Однако проситель – простой рабочий, крестьянин, интеллигент – был не до конца бесправен, а даже наделен определенной политической инициативой, ибо мог рассчитывать и даже спрогнозировать желаемую реакцию на свой "сигнал" со стороны государства. В целом любой тип государственного управления, как показывает исторический опыт, несет больший или меньший элемент динамического взаимодействия власти и общества, диалога, обмена информационными импульсами.

В книге часто в качестве исходной точки для многих умозаключений приводятся такие (по всей вероятности, близкие в смысловом отношении) характеристики российского государства и общества, как "патерналистское государство", "патерналистски-идеократическая система", "имперски-патерналистская система". Представляется, что подобная терминологическая вариативность может подразумевать и значительные смысловые различия. Может быть, следовало бы в контексте анализа патерналистского характера российской общественно-государственной структуры уделить больше внимания парадоксам сочетания в российском менталитете элитизма и анархии (хотя эта проблема и затронута в книге)? И как сочетается с патерналистской системой ожидание от власти разумных, понятных, предсказуемых и полезных действий, причем основанных на законе, столь часто встречающееся в "письмах во власть" и иных массовых источниках того периода?

ОЛЕГ БУДНИЦКИЙ: МНОГОЕ МОЖНО ОБЪЯСНИТЬ И БЕЗ ПСИХОАНАЛИЗА

Булдаков пытается понять происходящее на более глубоком – психопатологическом и даже биологическом уровне, – по существу пытаюсь исследовать историю как "естественно-исторический" процесс. Здесь, на мой взгляд, проходит черта, переступив которую можно вступить в мир умозрительных положений и произвольных конструкций. Так, автор считает революцию массово-историческим проявлением генетически обусловленной суицидальности человека (с. 6). Мне приходилось кое-что слышать о врожденном инстинкте самосохранения, но никак не о врожденной склонности человека к самоубийству. Возможно, Булдаков опирается на некие исследования биологов или медиков, но ссылок на работы, подтверждающие его "суицидальную" гипотезу, он не дает.

Автор оперирует термином "пассионарность" как общепринятым. На мой взгляд, построения Л.Н. Гумилева остались не более чем изящной теорией, недостаточно подкрепленной конкретно-историческим материалом. И если автор "Красной смуты" пользуется соответствующими понятиями, следовало бы, вероятно, как-то это обосновать.

Кстати, многие действия или слова героев 1917 г. вполне можно объяснить, и не прибегая к психоанализу. Так, Булдаков считает известные слова в одной из речей Керенского о "взбунтовавшихся рабах" "оговорками по Фрейду" (с. 207). На самом деле это была ораторская "домашняя заготовка". Фразу К.С. Аксакова о "взбунтовавшихся рабах" подсказал Керенскому В.А. Маклаков, а тот несколько изменил ее: "Вы не дети свободы, а взбунтовавшиеся рабы". Маклаков, которого трудно заподозрить в особых симпатиях к Керенскому, много лет спустя, когда страсти улеглись, отдавал бывшему премьеру справедливость за то, что тот не пошел за толпой, "когда она истинное лицо свое стала показывать", и сознательно шел на непопулярность (письмо В.А. Маклакова А.Ф. Керенскому, 12 апреля, б/г. // Архив Гуверовского института, собрание В.А. Маклакова, коробка 8, папка 14).

Другое дело, что в условиях разгорающегося русского бунта толпе, как совершенно справедливо указывает Булдаков, импонировали вожди совсем иного склада. Так, Троцкий, обещавший отнять ботинки у буржуа и раздать их нуждающимся, имел гораздо больше шансов на успех, нежели все легитимные правители, вместе взятые.

ВИКТОР ШЕВЫРИН: ВСЕ БЫЛО ПРОСТО, КАК В ЦИРКЕ...

Революция при всех проявлениях стихийности и элементарности не сводится к "клеточному уровню" "эпилептоидного" и "бессознательного". Она представляла собою и всплеск, озарение массового сознания, сходное и со вспышкой молнии в ночи, и с гениальным пророчеством. Не отразилось ли это в замысловатой сентенции Булдакова: "Полуинтеллигенция и интеллигенция повсеместно пыталась идейно-политическими манифестациями заполнить стратификационные «дыры» социальной структуры воображаемого классового строя. Дело шло к революции ложных представлений. В этом, вероятно, и заключалась важнейшая особенность всей «красной смуты»" (с. 60). Разумеется, интеллигенция без ереси – как протопоп Аввакум без костра. Но и прочитав обсуждаемую книгу, трудно сказать, что знаменовал собой 1917 год – отголоски ли революционных бурь, сотрясавших Европу в XVIII–XIX столетиях, или провозвестие будущего, или сплав того и другого? Ясно одно: утопическая для многих идея социализма, внедренная в рабочие массы радикальной интеллигенцией, "наложилась" на российские реальности и немало способствовала тому, что страна пришла в движение.

Все силы, участвовавшие в "красной смуте", – под сильнейшим микроскопом Булдакова как "психопатолога" революции. Правда, анализ этих сил следует по традиционной схеме: рабочее, крестьянское, солдатское, национальное движения. У автора складывается представление, что пролетариат в относительно незначительной степени был заражен духом насилия, предпочитая реформистский путь развития в рамках привычной патерналистской системы. К признанию необходимости устранения "буржуазной" власти его вынудило ощущение полной бесперспективности существования в условиях "чужой" власти, а не сознательный "социалистический выбор". Конечно, загони человека в угол, и он начнет штурмовать небо. Когда всё невозможно, то возможно всё. Но не слишком ли много в "коллективистские образцы поведения" пролетариата автор включил элементы "общинности", "полукрестьянства" рабочих, их "запредельной бунтарской архаики"? Может быть, те "замашки класса-мессии, навязанные ему идеологизированным окружением", не были "сусальным золотом" в 1917 г., если еще в 1906 г. газета "Речь" с тревогой констатировала, что будущее России зависит от того, кто возобладает в социал-демократии (большевики или меньшевики), ибо уже тогда либералы замечали, что "социал-демократические идеи начали царствовать в рабочей среде". Российские рабочие в XX столетии всегда играли заметную роль в революционных выступлениях. И не один объективный историк этого очевидного факта не отрицает. В том числе и Булдаков.

Интерпретация крестьянского движения как "черного передела" имеет в книге "Красная смута" во многом иное "наполнение", чем в публикациях коллег Булдакова. Но все же смысл "общинной революции" отражался в известном лозунге: "Земля и воля!". В "общинной революции", этом разгуле "неистового чернопередельства", безудержном разливе крестьянской стихии В.П. Булдаков находит не только элементы самоорганизации крестьянства, но и его стремление навязать свой "праведный" взгляд на мир всем прочим, – какая-то удивительно "самосознательная" стихия.

Первое впечатление от солдатского движения "по Булдакову" – это гротеск: не солдатские части, а прямо-таки бомж-формирования из упырей смутной генерации. Но неустойчивая стихия шинельного перекасти-поля схвачена верно: солдаты то готовы были удовлетвориться "харчами" и другим "удовольствием" и воевать до победного конца, то решительно, с "ножом к горлу" требовали мира, земли и воли. Все это было. Но в книге перед читателем предстает

распоясавшаяся, оголтелая солдатня с алкогольным синдромом и сознанием большой инфузории, что кажется явным авторским перебором. Главное для этой "серой скотинки" – неизбывная тяга к миру. Потому и срабатывал лозунг "Мир – хижинам, война – дворцам!". Стремление солдат к миру – излюбленный сюжет и в прежней "Октябрине".

Национальное движение в книге – сложное, "полихромное" изображение. "Революция выросла из войны империй, удивляться, что эскалация этнического насилия оказалась связанной с солдатами, не приходится". Но автор указывает и на многие другие факторы, влиявшие на развитие национального движения, в частности, справедливо его замечание о том, что империю разваливали деятели самой центральной власти, не умеющие совместить доктрины с реальностью.

Воссоздали "империю" большевики. Их партия выступила генератором нетерпения масс. Ленина делала толпа: масса желала найти "своего" вождя и нашла. Потом еще одного, сотворив себе кумира на 1920–1950-е гг., – во френче и с трубкой. Но сказала ли бы она о себе: "Ты этого хотел, Жорж Данден!?" Булдаков склоняется к тому, что она могла бы так сказать, но без иронии и самобичевания, на "полном серьезе". И Булдакова понять можно: он полагает, что Ленин, большевики постоянно подпитывались (любимое словечко автора) некоммунистическими идеалами и что Ленин "одержал победу вопреки доктрине". А дальше вообще все было просто, как в цирке: "Большевики повели за собой недоумевающий народ, как медведя за продетое в ноздри кольцо". Тем не менее, традиционализм одержал победу над модернизаторством, – даже с кольцом в ноздрях и шагая за побежденным:

Умом Россию не понять,
Ей все медведем бы шагать.

АЛЕКСАНДР ШУБИН: ВСЕ-ТАКИ "ХАОС" ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

Бросается в глаза и предвзятое отношение Булдакова к революции, которую он явно смешивает с более узким явлением – революционным насилием. Вместо сложного социального процесса рисуется карикатура психического срыва, основанная на давно устаревших догматах раннего фрейдизма.

"Смысл революции практичнее начать постигать не с того, как высоко способен воспарить человек в своих социальных мечтах, а как низко он может пасть на грешную землю, предаваясь им". Кому что ближе. Но начиная с одного, нельзя забывать и о другом. Садисты и убийцы есть в любом обществе и обычно представлены довольно обильно. Революция отличается от уголовщины и психоза результатом – изменением в жизни общества, которое не всегда ведет к худшему (особенно в долгосрочной и среднесрочной перспективе). Это признает и сам Булдаков, почему-то сводя такие изменения только к религиозным войнам. Далеко не всякое прозрение и прорыв к будущему заканчиваются деградацией и канибализмом – иначе любое развитие в истории было бы невозможным.

Чтобы доказать отсутствие конструктивного результата у русской революции, Булдаков сводит ее к октябрьской точке и пишет, что "после Октябрьской революции страна продолжала жить в рамках прежней хозяйственно-управленческой структуры". Но революция началась не в октябре и кончилась позднее. Великая революция 1917–1921 гг. изменила лицо страны весьма существенно (включая упомянутую структуру).

Настоящим заклинанием у Булдакова становится "традиционализм" крестьянства. Разумеется, в толще аграрной России присутствовал и консервативный элемент, но в то же время крестьяне некоторых губерний (сужу только по тому, что изучал; может быть, это явление носит всероссийский характер) показали высокую адаптивность к рыночным отношениям. Голосование за социалистиков-революционеров также не может быть доказательством "традиционализма", скорее уж наоборот.

Булдаков так упорно подчеркивает консервативную ("традиционалистскую", а то и "архаичную") составляющую событий, что сама революция (качественное изменение социальной структуры или хотя бы его попытка) уходит из поля зрения автора. Не удивительно, что в этом поле остается труднообъяснимое "буйство коллективного бессознательного" или загадочные "законы саморазвития хаоса". Несмотря на то, что материал, приводимый самим Булдаковым, показывает, что социальные потоки 1917 г. были вполне упорядочены, а не хаотичны, он продолжает то и дело упоминать "хаос" и видит в нем основной ресурс большевистской победы.

АЛЕКСАНДР АХИЕЗЕР:

СМУТА – ЭТО ПРОТИВОСТОЯНИЕ РАЗНЫХ ПЛАСТОВ КУЛЬТУРЫ

Хотя механизмы архаизации российского общества уже были предметом рассмотрения в научной литературе, однако впервые вышла специальная монография, нацеленная на переосмысление катастрофы 1917 г. и одновременно на концептуализацию способности общества возвращаться эмоциями, умом и действиями к архаическим пластам своей культуры.

Булдаков противопоставляет природное насилие цивилизации, цивилизованности. Она выступает как "рассредоточение, упорядочение и ограничение насилия, т.е. процесс, начинающийся с рационализации природной жестокости и кончающийся попытками свести ее к нулю в соответствии с определенными культурными кодами и пожеланиями слабосильного большинства" (с. 362). Вряд ли правильно интерпретировать это высказывание как констатацию абсолютного противостояния максимальной жестокости в природе и стремления свести ее к нулю в общественном развитии, подчас возвратом к господству животного насилия посредством "варварской формы творчества". На этом можно построить концепцию человеческой истории как протекающей между абсолютной жесткостью природного насилия и способностью цивилизации достигнуть высших уровней гуманизма, концепцию развития общества как уходящего и подчас возвращающегося к своим животным истокам.

Однако драмы человеческой истории, интересующие историческую науку, разыгрываются не между природной предисторией человека, но внутри самой истории. Иначе говоря, интерпретация истории как противостояния абстракции природы и абстракции общества является неадекватной для предмета исторической науки. Материал автора говорит о том, что насилие, с которым имела дело Россия, никак нельзя расценить как первозданно природное. Общество не имеет дела даже при своей дегенерации, распаде с замещением биологическими формами общественных. Историческая наука имеет дело с другим, т.е. с возвратом общества к, казалось бы, ушедшим формам своей жизни. Сталкивается не природное и общественное, даже если это природное заключено в самом человеке, но разные формы социокультурного, различно освоившего природу, природную жесткость. Автор осознает сложность этой проблемы. Он ставит вопрос о том, насколько исторически изменчив архетип (с. 352). Он как историк склонен решать эту проблему на путях "источниковедения и архивоведения" (с. 353). Но если встает проблема исторического архетипа, то это значит, что он продукт человеческой истории и является формой культуры, несущей в себе все ее этапы.

Историческая наука может иметь дело со столкновением традиционного общества с обществом, которое можно условно назвать цивилизованным, либеральным. При этом насилие применялось с обеих сторон. Борьба велась внутри общества между разными его уровнями, между разными типами, формами культуры, их носителями. Не следует забывать, что основная часть человеческой истории связана с архаичным догосударственным обществом, а послеархаичное общество – лишь тонкий налет на предшествующей истории. С учетом этого воспринимать насилие как попытку свести к нулю культурное освоение (у автора "рационализацию") природного в человеке, значит игнорировать качественные различия этапов человеческой истории, форм культуры, специфику явного и скрытого традиционализма. Булдаков пишет, что результат революции связан с укреплением позиций общины (с. 11). Иначе говоря, процесс архаизации практически описывается автором на конкретном языке понятий исторической науки, без обращения к природному подсознанию. Здесь ощущается определенное несоответствие между методологическими его идеями и его же методологией конкретного изложения материала.

Суть концепции автора хорошо видна при рассмотрении понятия революции, этого буйства "коллективного бессознательного" (с. 352). "Революция начинается тогда, когда насилие оказывается так или иначе лишено открытого или искусственно созданного пространства и начинает незримо буйствовать внутри социально стреноженного человека. В этом смысле революция – всего лишь извержение первозданной депрограммированности человека, который не обрел способности к достойному самовыражению" (с. 362).

Нельзя не обратить внимания на то, что автор противопоставляет первозданное природное буйство "стреноженному человечеству". Это можно интерпретировать, как рассмотрение истории в качестве прогресса рабства, насилия общества над человеком, против чего и восстает первозданная природная "воля". Однако существует иная трактовка человеческой истории. Она – прогресс свободы, рефлексии, творчества, противостоящий прежней несвободе. В этом понимании человечество оказалось "стреноженным" в начале своей истории. Поэтому и возникло понятие революции как пути свободы и пути к свободе. Другое дело, что то, что в

России называли революцией, в действительности оказалось бунтом архаики, пожелавшей укрепить пошатнувшееся общинное и государственное крепостничество. Можно не согласиться с этим подходом, но и игнорировать его невозможно.

**АЛЕКСАНДР КУСТАРЕВ:
СКОЛЬКО В РОССИИ "ОБЩЕГО" И СКОЛЬКО "ОСОБЕННОГО"?**

Сколько и чего именно в обществе, производном от русской революции, было от "России", а сколько от "революции" в ее собственно субстанциальном содержании, как его обозначает Булдаков? Это возвращает нас к кошмару типологического определения России, русского характера, русской исторической субстанции и т.п. На этом уже многие сломали себе зубы и шею, но, как видно, от этого интеллектуального приключения нам отмахнуться не удастся. Должен признаться, что я всегда считал российское общество не более чем запаздывающей периферией Европы. Но в последнее время у меня все чаще возникает соблазн признать типологическую самостоятельность российского, если угодно, "культурогенеза", хотя, может быть, и редуцированную до неполноценности. Постсоветский опыт и некоторые предложенные недавно идеи (скажем, "Русская система" А.И. Фурсова и Ю.С. Пивоварова) дают такой интерпретации русской субстанции сильный новый стимул. К тому же, судя по всему, склоняется и Булдаков.

Булдаков также совершенно прав, призывая нас снова углубиться в проблематику революции. В этом смысле русская революция дает материал для самых общих концепций истории человечества. Вообще, может оказаться, что в российском историческом опыте больше "общего", чем в опыте Европы. Это очень увлекательная перспектива.

АЛЕКСАНДР ШУБИН: МИФ О ЗАПАДЕ ПОРОЖДАЕТ МИФ О РОССИИ

Иногда историк в Булдакове теснит психиатра. Так, автор все же уделяет внимание социальным предпосылкам революции. Он тут же начинает звучать весьма убедительно (за исключением некоторых категорично-эмоциональных фраз), и выясняется, что это – типичные предпосылки революционного взрыва в социуме, переходящем от традиционного (аграрного) общества к индустриальному. Остается только недоумевать, почему Булдаков считает эти параметры российской спецификой (большая часть черт этой "специфики" может быть без труда обнаружена в истории Западной Европы). Вероятно, и здесь мотивы автора не научны, а идеологичны – отсюда презрительные нотки в адрес российской "архаики", мифологизированный образ общины как "квазитолпы". Либерально-западнические мифы автора об "общепринятой и социально благословенной предпринимательской этике", социальном взаимопонимании, "прогрессе индивидуализма" на Западе вновь мешают ему вернуться на ниву науки.

Крайне отрицательно высказавшись по поводу совмещения формационно-стадиального и цивилизационно-культурного подходов, Булдаков все же создает именно такую конструкцию. С одной стороны, линия прогресса: "архаика" (нечто дофеодальное) – "традиционализм" и "патернализм" (в привычной терминологии – феодализм) – современное общество (результат модернизации – индустриализм и гражданское общество). Но в то же время Россия, по Булдакову, – принципиально отличная от Запада цивилизация, органично традиционалистская, "нервно" реагирующая на попытки ее модернизировать. Культурные особенности России местами подмечены верно (хотя и не оригинально), а местами сильно преувеличены (в основном за счет идеализации Запада) в стиле Н.А. Бердяева, а то и Е.Т. Гайдара. Местами Булдаков даже превосходит своих учителей, по крайней мере в степени абсолютизации мифа о русском органическом авторитаризме.

К тому же автор постулирует "особый кризисно-волнообразный ритм российской истории", по ходу обвинив отечественных авторов в том, что они не могут связать с этим ритмом фактор мировой войны. Но для того, чтобы историки что-то связывали с каким-то ритмом, им нужно доказать, во-первых, что он есть, а во-вторых, что он "особый", неповторимый.

**ЮРИЙ ИГРИЦКИЙ: НЕ ПРИЕМЛЯ ИДЕИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ РОССИИ,
АВТОР ПОДКРЕПЛЯЕТ ЕЕ СВОИМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПРОШЛОГО**

Если психоанализ как методологическая основа изучения истории вызывает сомнения в принципе, то он еще более сомнителен в качестве набора познавательных инструментов, с помощью которых доказывается пресловутая российская исключительность. История каждой страны, каждого социума уникальна по-своему. Можно сказать, в нарушение канонов

семантики, что Россия особо уникальна (имея в виду более масштабное сочетание специфических черт истории и бытия), но исключительность подразумевает преобладание особенного над общим (общечеловеческим). Неужто обоснованы российское мессианство или, наоборот, отношение к России как к "империи зла"? Возможно, самое уязвимое место конструкций автора – ориентированность исключительно на историю России, несмотря на некоторые параллели с Великой Французской революцией. И имперство, и патернализм, и смута предстают в книге как специфически российские явления. Тем самым исследователь, не приемлющий идеологии "Третьего Рима" и "III Интернационала", по существу, подкрепляет ее своим видением истории Отечества. Это его право, но понимать внутреннюю противоречивость такой позиции он обязан. Тем более что ему приходится использовать аргументы, высвечивающие общность российской и европейской истории.

**МИХАИЛ КАРПАЧЕВ:
КАЖДЫЙ НАРОД ДОСТОИН СВОЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА?**

Русскую революционную интеллигенцию, отмечает В.П. Булдаков, вообще нельзя считать творцом Октября. В событиях 1917 г. она всего лишь сыграла роль провоцировавшей силы, своеобразного детонатора. Основная же энергия революции таилась в бомбе народной смуты. Взрывную массу последней, в свою очередь, составляли деклассированные слои общества, испытывавшие по разным причинам и именно в то время острое социальное беспокойство.

Лучшие страницы книги посвящены, несомненно, анализу зарождения социально-политической нестабильности в разных слоях населения Российской империи. Процесс расшатывания авторитарно-патерналистской системы самодержавия начал набирать опасные обороты с реформ 1860-х гг. Импульс к модернизации, заданный перестройкой Александра II, глубоко травмировал патриархальные устои жизни народа, в первую очередь крестьянства. Как совершенно справедливо полагает Булдаков, именно в положении послереформенного крестьянства таились главные угрозы целостности империи. К концу XIX в. русская деревня оказалась не только в тяжелом материальном, но и в противоречивом правовом положении.

Модернизаторская политика была несовместима с доминированием обычного (или общинного) права. Усиление принципов индивидуализма и рационализма не могло не тревожить крестьянскую жизнь. По-своему защищаясь от натиска новых экономических реалий, община могла резко активизироваться. Источники убедительно свидетельствуют о том, что в начале XX в. деревня выходила из-под контроля властей. Мощным стимулом разраставшегося брожения было чувство жгучей обиды, разжигавшей крестьянские сердца в связи с усилением разницы в экономическом положении города и деревни. Не просто бедность, а бедность на фоне успехов индустриального развития, ощущение того, что город развивался за счет деревни, создавали атмосферу острого недовольства крестьян.

Картины крестьянской общинной революции 1917 г. написаны Булдаковым очень убедительно. Авторскую аргументацию можно было бы дополнить анализом отношения общины к столыпинской программе рационализации аграрных отношений. Историки, привыкшие в свое время писать о безусловном крахе крестьянской политики П.А. Столыпина, неизменно сетовали на насильственный характер разрушения общины. Однако источники практически ничего не говорят о фактах принудительного перевода крестьян на индивидуальное хозяйствование. Зато сохранилось множество свидетельств агрессивного отношения общинников к своим соседям-отрубникам и хуторянам. Причем нередко особенно острую неприязнь вызывал хозяйственный успех ушедших из общины "умников". Стремясь к привычному равенству, общинник порой готов был забить свою корову, чем допустить, чтобы у соседа было две. А усиливавшаяся маргинализация крестьянства готовила социальную среду неудачников, жаждавших реванша. Крестьянское насилие было важнейшим, но не единственным компонентом "смуты". Булдаков дал несколько весьма рельефных зарисовок бунтарства солдат, рабочих, а также поборников насильственного разрешения национальных и этнических проблем. Стоит отметить принципиальное и в целом аргументированное утверждение автора о том, что рабочий класс не был и не мог быть "гегемоном" революции. Не сознательный "социалистический выбор", а ощущение полной бесперспективности власти беспомощных либералов-доктринеров вынудило рабочих после Февральской революции начать наступление на "буржуазную" власть (с. 87). Рабочие стали не авангардом, а одной из многих жертв "красной смуты" (с. 216). Процессы разрастания политического хаоса, охватившего страну после падения монархии, прослежены в книге очень убедительно. Автор не скрывает глубокой социальной и даже нравственной деградации фактически всех слоев российского общества во время разгула конфискационно-перераспределительных страстей. Народ вовлекся

в великий соблазн найти быстрый путь перехода в царство справедливой и обеспеченной жизни. Как показывает исследование, такие иллюзии характерны для социумов, адаптированных к жестким формам государственного патернализма и экономического опекунства. Утратившие традиционную империю народные массы в конце концов устали от смуты и разорения и стихийно, но настойчиво повели поиск "своих" вождей. Обуздать разыгравшуюся истребительную стихию можно было с помощью цепящего страха (с. 63). Естественно, что именно большевикам удалось укротить стихию революции. В.И. Ленин и его сподвижники сыграли свою роль не как политические интриганы, обуреваемые жаждой власти, а как востребованные самим народом носители патерналистской государственности. Массы, привыкшие связывать с государством свои надежды и разочарования, не могли не наделить харизмой радикалов, искренне полагающих, что основной вопрос революции – это вопрос о власти. В свою очередь, утвердившаяся на исходе смуты революционная диктатура приняла энергично восстанавливать привычные формы патерналистской опеки своего народа и не гнушалась во имя утверждения системы использовать безграничные формы насилия над ним.

**ВИКТОР ШЕВЫРИН:
СУБЪЕКТИВНОМУ ФАКТОРУ ДАН "ЗЕЛЕНЬ СВЕТ"**

Несмотря на проскользнувшее в книге "неприятие" альтернативности исторического развития России, В.П. Булдаков вполне допускает, что страна могла избежать рокового тупика в 1917 г., поскольку революция была вызвана мировой войной. В работе – это рефрен. Причем автор уточняет: "Россию потрясла не война, а поражения в ней русских армий". Насчет фатальной роли войны писали много белоэмигранты, а раньше них Ленин, обронивший фразу: "Не будь войны, Россия могла бы прожить годы и даже десятилетия без революции против капиталистов" (Л е н и н В.И. ПСС. Т. 32. С. 31). А накануне войны, в марте 1914 г., на заседании ЦК кадетской партии А.С. Изгоев пророчествовал, что в случае войны "не кадеты будут на гребне волны, а крайне левые, которые первыми утопят кадетов, а затем и меньшевиков". Но и задолго до войны, в 1907 г. Н.А. Бердяев, по его словам, "довольно точно предсказал, что когда в России настанет час настоящей революции, то победят большевики".

О "подверстке" событий в памяти этих современников говорить не приходится, как и о том, чтобы "списать на войну" 1917 год. "Психологической природе" революции от этого не легче, ибо революция – все-таки результат наложения невероятных тягот войны на то, что давно и глубоко "сидело" в организме России. Мне представляется, что трагедия России – в нестыковке происшедшего социально-экономического и политического развития, особенно заметного в предвоенное десятилетие и объективно так необходимого ей, с широкой амплитудой мнений в обществе, в целом критически воспринимавшим это развитие. Капитализм в России, несмотря на свой бурный рост, еще не "переплавил" сознание и психологию большинства россиян. За упущенное время и успехи догоняющей модернизации России приходилось платить высокую политическую цену. К тому же на общество воздействовала запретительная и нерешительная политика самодержавия, вызывавшая недовольство у многих. Она явно оправдывала афоризм Бисмарка, говорившего, что сила революционеров не в идеях их вождей, а в небольшой дозе умеренных требований, своевременно не удовлетворенных существующей властью. В этом крылатом выражении железного канцлера – универсальное объяснение той главной причины, которая вызывает революции и смены режимов. В России это прослеживается четко – от краха самодержавия и до конца "развитого социализма".

Николай II не был бы последним царем, если бы был первым в реформах, но для этого он должен был бы хоть чуточку чувствовать время. Десакрализация власти, в которой император сам принял посильное участие, стоила ему короны и головы, а стране – неисчислимым жертв. Февраль 1917 г. был "выстрелом в горах", вызвавшим лавину. Автор прав: "Народ платит не только за глупости, но и слабости королей", хотя у историка неоднозначное отношение к Февралю, который, по его мнению, "мог стать прививкой" от всеобщего кровопролития. Что же, для этого есть свои резоны. Ведь говорил же Керенский с запоздалым, правда, сожалением уже в эмигрантском далеке: стоило бы кончить войну, и большевикам пришлось бы ждать свою революцию до греческих календ. Булдаков пост-фактум находит и другие возможности избежать "красной смуты", в частности, использовать благо двоевластия, плодотворное для сотрудничества обеих сторон. Вообще субъективному фактору в книге дан "зеленый свет". Многие страницы содержат глубокий психологический анализ вершителей судеб России. За редким исключением "история в лицах" – это история глупости первых лиц. И не только первых. Например, убийственная характеристика П.Н. Милюкова так точна и справедлива, что поражаешься способности автора монографии так искусно ваять образ. То же можно сказать и

о Керенском. В работе есть ценное наблюдение: "большевизация" Петроградского совета в определенной степени была вызвана реакцией депутатов на Керенского, олицетворявшего в их глазах ничемно-безвольную власть. И не стимулировала ли слабость Временного правительства выступление большевиков? Испытание властью особенно серьезно для тех, кто ищет своих соперников собственным безвластием.

ОЛЕГ БУДНИЦКИЙ:

НАСКОЛЬКО СТИХИЙНЫМ БЫЛО НАСИЛИЕ В ГОДЫ "СМУТЫ"?

Еще один момент в концепции Булдакова требует, на мой взгляд, серьезной корректировки: говоря о насилии в революции, он выносит за скобки русскую революционную традицию. Революция началась, конечно, вне всякой связи с деятельностью революционных вождей, представлявших собой в то время не более, чем кучку мало кому интересных эмигрантов, и произошла она совсем не по тем рецептам, которые так тщательно выверялись на страницах партийной прессы в течение многих лет. Но, что было вполне закономерным в условиях русской смуты, вернувшиеся из-за границы или из Сибири революционные теоретики очень быстро оказались во главе взбунтовавшихся и ищущих себе вождей масс. И здесь-то их теоретические воззрения и революционный опыт начали играть весьма важную, иногда решающую, роль. Полвека русские революционеры отстаивали право на индивидуальные или массовые убийства по дороге к светлому будущему; и нет ничего удивительного, что теория, когда выпал случай, была претворена в практику.

Не говоря о таких "знаковых" фигурах, как П.Н. Ткачев или С.Г. Нечаев, напомним, что даже "европеец" Плеханов указывал своим оппонентам на предпочтительность пути "людей 93-го года" тому, который избрали "люди 1-го марта". Гильотина представлялась ему гораздо более эффективным орудием, нежели бомба. "Против русского деспотизма динамит недурное средство, – писал основоположник русского марксизма ровно за тридцать лет до провозглашения красного террора, – но гильотина еще лучше" (П л е х а н о в Г.В. Соч. Т. IV. М., б/г. С. 274).

Впрочем, претворяется в практику теория начала еще до 1917 г.: 1905 год в этом отношении действительно стал "генеральной репетицией". Насилие очень быстро вышло далеко за границы отводившегося ему теоретиками русла. П.Б. Струве пронизательно заметил, что произошло освобождение революционной психики от всяких нравственных сдержек, слияние "революционера" с "разбойником"; родился "новый тип революционера" (См.: Б у д н и ц к и й О.В. История терроризма в России. Ростов н/Д. 1996. С. 516). Напомним, что Нестор Махно, знаковая фигура Гражданской войны (я не берусь судить о его реальных деяниях и говорю только об "имидже" "бабки"), набирался революционного, а затем каторжного опыта в 1906-м и последующих годах.

В.И. Ленин вполне адекватно реагировал на настроения определенной части масс еще в 1905–1907 гг. и настаивал, чтобы партийцы инициировали насильственные действия, немедленно организовывали боевые отряды и практиковались на убийствах городских. "Пусть каждый отряд учится хотя бы на избитии городских: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни борцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч", – писал он в октябре 1905 г. (Л е н и н В.И. ПСС. Т. 11. С. 337–338). Эти идеи "проросли" в феврале–марте 1917 г., когда происходила настоящая "охота" на полицейских (Булдаков. С. 56–57). Конечно, не потому, что непосредственные убийцы читали статью Ленина. Однако несомненно, что десятилетия революционной пропаганды не прошли даром, и в нужный момент нашлись те "сотни борцов", которые повели за собой тысячи.

Ленин отлично понимал, что рекомендуемые им методы "партизанской борьбы" могут приблизить "рядовых революции" к "пропойцам и босякам", но был готов идти на риск потери "чистоты революционных риз" ради конечного результата (Л е н и н В.И. ПСС. Т. 14. С. 9–11). Отношение Ленина к революционному насилию в 1917 г. не претерпело существенных изменений. Ничего удивительного, что он оказался наиболее подготовленным для того, чтобы встать во главе движения, больше напоминавшего крестьянско-солдатский бунт, нежели "идеальную модель" пролетарской революции. В Ленине, по точному наблюдению Федора Степуна, слушавшего его выступление на первом съезде Советов, было "много бакунинской мистики разрушения... Этою открытостью души навстречу всем вихрям революции Ленин до конца сливался с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс. Не буди Ленин самой ухваткой своих выступлений того разбойничьего присвиства, которым часто обрывается скорбная народная песнь, его марксистская идеология никогда не

полонила бы русской души с такою силою, как оно, что греха таить, все же случилось" (Ст е п у н Ф. Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995. С. 384).

Булдаков пишет, что "история русской революции – это прежде всего история резко изменившихся отношений человека к власти, себе подобным, окружению, т.е. история насилия снизу" (с. 8). Вопрос в том, насколько стихийным было это насилие и какова была в нем роль идеологов и вождей?

Погромы также не были новостью для "русской смуты". Погромная волна в городах России в октябре–ноябре 1905 г. может рассматриваться как "модель" погромов эпохи Гражданской войны. Однако в данном случае, на мой взгляд, отличий больше, чем сходства. Несомненной заслугой Булдакова является внимание, которое он уделяет "еврейскому вопросу" в период Гражданской войны; бесспорно его заключение о том, что "наиболее ужасающей стороной "белого террора", как и всех обоюдных репрессивных акций Гражданской войны, являются еврейские погромы" (с. 236–237). Полагаю, что прав он и в том, что будь сведения о еврейских погромах на Украине, осуществляемых белыми в 1919 г., "правдивыми хотя бы на десятую часть", это значило бы, что за белыми "не было никаких шансов на победу в борьбе за российскую государственность" (с. 237). Звериный антисемитизм вел к разложению армии и окончательно замарал достаточно сомнительную чистоту "белого дела".

Однако думаю, что объяснение этого явления проще и страшнее. Массовая резня была идеологически подготовлена; агрессивный национализм, наиболее ярким проявлением которого был антисемитизм, как убедительно показал в своих исследованиях Питер Кенез, стал суррогатом идеологии белого движения (К е н е з P. The Ideology of the White Movement // Soviet Studies. 1980. Vol. 32. P. 58–63; см. также К е н е з П. Идеология белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 103–105). "Протоколы сионских мудрецов" переиздавались от Таганрога до Хабаровска; в том или ином виде идея о всемирном еврейском заговоре как первопричине всех бед России была донесена даже до верхнедонских казачьих станиц, население которых никогда ни одного еврея не видело.

Погромы 1919 г. скорее напоминали не хмельничину, а являлись предвестием Холокоста. Массовые убийства евреев на Украине в основном проводила армия; погромы, осуществляемые добровольцами, были наиболее организованными; шансов на спасение практически не было; если от банд можно было отбиться или спрятаться, то укрыться от многочисленной регулярной армии было почти невозможно. Никого, разумеется, не интересовала личная причастность к большевизму местечкового населения; трагический парадокс заключался в том, что жители местечек нередко встречали добровольцев как освободителей, с хлебом-солью; большевистский режим для торгово-ремесленного населения черты оседлости был особенно тягостен; в ряде случаев высылаемые навстречу "освободителям" делегации стали первыми жертвами убийц.

АЛЕКСАНДР ШУБИН: ПОБЕДА ЛЕНИНА НЕ БЫЛА ФАТАЛЬНА

Понять, что такое "хаос" по Булдакову, можно только по случайно оброненным фразам вроде противопоставления "хаоса" и "двухполюсности". Создается впечатление, что "хаос" и есть всякая многополюсность. Но тогда хаотична любая социальная система от гипотетической анархии до не менее гипотетического абсолютного тоталитаризма. Чем сыграть на хаос, стоило бы более внимательно присмотреться к направлению социальных процессов.

"Хаос" приобретает зримые черты только тогда, когда Булдаков рассказывает о результатах большевистского правления – разрухе, голоде и т.д. Но это – не причина, а следствие того срыва революции, который удалось произвести партии большевиков и ее вождю. И срыв этот носит не психопатический (что косвенно подтверждает сам Булдаков, говоря о пассивности населения во время октябрьского переворота), а социально-политический характер. Благодаря авторитарной сплоченности, отсутствию моральных ограничений, присущих другим партиям, радикалистской безответственности и тактическому мастерству большевиков им удалось сорвать попытки других сил выстроить социальный компромисс. Счет времени шел на месяцы (окончание мировой войны, выборы в Учредительное собрание и другие факторы стабилизации вступали в силу в близком будущем). Это не оправдывает медлительности вождей социалистов-революционеров и догматизма меньшевиков и кадетов. Но все же им противостоял неординарный противник. Субъективный фактор истории здесь оказался как никогда важен. Конечно, за спиной Ленина стояли агрессивные массы, но как показал июль 1917 г. и выборы в Учредительное собрание, – это было меньшинство. Его победа не была фатальна.

**ТАТЬЯНА ЛЕОНТЬЕВА:
ЛЕЙТМОТИВ О БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТИ НАСИЛИЯ НАСТОРАЖИВАЕТ**

Линия "политической истории" намеренно отвергается автором, но все же присутствует в тексте. Некоторые положения трудно принять безоговорочно. Так, настораживает пронизывающая всю книгу мысль о безальтернативности смены различных форм насилия и неотвратимости установления террористической государственности (сталинизма). Думается, такое утверждение все же нуждается в более веских доказательствах.

Автор стремится представить всю российскую политику своего рода "истерией депрограммированности", а виднейших политических лидеров выставить заложниками общего психоментального хаоса. В итоге весьма почитаемые сегодня либеральные и умеренно социалистические политики 1917 г. подаются едва ли не в карикатурном виде – при этом невольно оказываются возвышены Троцкий и Ленин. Стоит задуматься. Возможно, эта мысль навеяна современностью.

Спорным выглядит "обвинение" Николая II и Распутина в подталкивании страны к революции. Понятно, что десакрализация власти сыграла не последнюю роль в нарастании хаоса, но абсолютизация этого факта перекликается с современной публицистикой.

**ИГОРЬ ОРЛОВ:
ВОПРОС О ВЛАСТНОМ "ПОЛЕ ДЛЯ МАНЕВРА" ОСТАЕТСЯ ОТКРЫТЫМ**

При всей стройности, логической и фактической обоснованности авторская концепция все-таки очень жестко сцементирована идеей насилия, упорядочение которого предопределяет дальнейшее развитие страны. В стороне остается все многообразие социальной жизни "маленького человека" в условиях революционных катаклизмов. В этот период общество на глазах распадалось, а потом возрождалось, являя собой пример восстановления цивилизации и первичной аморфной социальности. Несколько односторонний характер придает работе и почти полный отказ от проблематики политической истории. Труд о "красной смуте" оставляет открытыми вопросы о властном "поле для маневра", о комбинации "голового принуждения" и идеологии и о степени их достаточности для "обмана" народа. В какой степени государственное господство отвечает стремлению народа, чтобы над ним властвовали? И вряд ли в истории "упорядочения насилия" можно найти ответы на поставленные вопросы. Соотношение насилия и согласия не статично, в одном случае оно может превращаться в активное сотрудничество, в другом – в пассивное сопротивление, в третьем – в восстание, способное перерасти в революцию. Для того, чтобы со стороны угнетенных возникла та или иная форма согласия, господствующие группы должны представить себя исполнителями полезной для угнетенных функции. Только в таких условиях господствующая группа может рассматриваться как "законная", следовательно, "долгом" угнетенных становится служить тем, кто служит им. Причем на политическое поведение людей зачастую гораздо более сильное влияние может оказать значение, придаваемое ими действиям правительства, политических партий и деятелей, чем действительное содержание этих действий. Все дело в том, что люди воспринимают лишь те символы, которые укладываются в систему координат их мировоззрения.

Вполне понятное желание автора "встроить" все многообразие процессов социальной жизни первых послереволюционных лет в общую картину кризиса и возрождения системы власти на практике иногда приводит к сужению характеристик тех или иных исторических фактов и явлений. Усиление государственной репрессивности уже в рамках нэпа Булдаков связывает прежде всего с опасностью десакрализации власти в связи с внутривнутрипартийными склоками. Трудно поверить, что уже в 20-е гг. можно говорить о сакрализации власти большевиков. По собственному выводу автора, русская революция завершится тогда, "когда произойдет подобие реставрации, под покровом которой стабилизируются взаимоотношения социумов и власти между собой", тогда как нэп скорее свидетельствовал о вынужденном соглашении народа с властью "по поводу минимально устраивающего низы облика и образа последней" (с. 257, 260, 321). Новые, более сложные властные взаимоотношения складывались не сразу. Последним "кирпичиком" воссозданной властной пирамиды можно считать завершившийся во второй половине 30-х гг. процесс сакрализации власти, т.е. то, с разрушения чего начался имперский кризис. Не случайно, из "Конституции победившего социализма" исчезает понятие такого законодательного акта, как декрет. Утвердившаяся система власти больше не нуждалась в формах "революционного правотворчества".

Для автора нэп выступает как победа архаики, но в таком контексте можно рассматривать революцию 1917 г. вообще. Однако у этого процесса существует и другая сторона – подчинение

самого многочисленного слоя населения России – крестьянства – большевикам. Свою роль здесь сыграла ориентация крестьян на соблюдение традиционного подчинения власти: власть – она и есть власть, какой бы ни была. Необходимо учитывать и активное использование большевистским руководством фискальных функций возрождающейся общины с целью подчинения крестьянского общества государству: введение круговой поруки при поимке дезертиров, выполнении продразверстки и иных натуральных повинностей.

МИХАИЛ КАРПАЧЕВ:

МНОГОЛИКИЙ ОБРАЗ НАСИЛИЯ НЕ ИМЕЕТ ОЛИЦЕТВОРЕННЫХ АЛЬТЕРНАТИВ

Бросается в глаза очевидная статичность в авторском понимании природы патерналистской (или имперской) государственности России. Сам по себе этот тип властвования больших симпатий у В.П. Булдакова не вызывает. Он не раз справедливо аттестует его и архаичным, и неэффективным. Однако факт возрождения в советское время традиционных начал централизации, санкционированного к тому же самим народом, производит на автора столь глубокое впечатление, что в его изложении становится заметен налет безысходности. Согласно концепции Булдакова, лишенное внутренней свободы и механизмов саморегуляции неконкурентноспособное российское государственное устройство время от времени сотрясается смутами, но всякий раз воспроизводится, притом нередко в еще более архаичном виде. Впрочем, и российская демократия – естественный антипод авторитаризма – остается у автора "Красной смуты" под большим подозрением. Бурное, но кратковременное пришествие демократии действительно обернулось Гражданской войной, а затем и воссозданием жесткой диктатуры. Этот очевидный факт дает автору основания резко негативно оценивать и реформы нашего времени.

Со страниц книги российский авторитаризм предстает как неизменно стабилизирующий фактор социально-политической жизни. Однако уже в XIX в. в русском обществе утвердилось ясное представление о том, что неограниченное самодержавие несовместимо с динамичным развитием экономики и культуры. Автору, видимо, стоило обратить внимание на неуклонное нарастание внутривнутриполитических диспропорций в России к концу XIX в. Земские и городские органы общественного самоуправления были несовместимы с принципами традиционной системы управления. Между тем к началу XX в. они все энергичнее вытесняли администрацию из сфер экономики и культуры. Требования общественного самоопределения становились неизбежным спутником борьбы за социальный и политический прогресс. Царизм накануне мировой войны оказался в тисках настоящей общественной блокады. Автор, очевидно, прав: не революционеры сами по себе таили главную угрозу системе; люди радикальных и даже экстремистских убеждений были и есть практически во всех странах, в том числе и в самых благополучных. Гораздо важнее то, что власть и общество в России все более определенно уклонялись от конструктивного взаимодействия. А это создавало редкостный шанс для революционеров крайних политических убеждений. Не зря же революционный террор в России неизменно пользовался стойкими общественными симпатиями начиная с 70-х гг. XIX в.

Никаких иллюзий по поводу возникшего на исходе "красной смуты" строя автор не питает. «Вся советская система, – заявляет он, – была попросту марксистски раскрашенным "латентным" черносотенством, базовым основанием которого было пресловутое, политически ничем, кроме забюрократизированных манифестаций, не атрибутированное единение партии (того же царя) с народом» (с. 284). Формула эта, видимо, грешит упрощением. Тем не менее автор уверенно подчеркивает, что крушение режима, основанного на ложной идеологии и централизованной экономике, было неизбежно, поскольку характер строя определяли не деловые и предприимчивые слои, а социальные иждивенцы. В итоге же получается, что, воспроизведя широкую историческую панораму, автор не нашел ни одной позитивной фигуры на политической сцене России. Слабаки-патерналисты, доктринально-безответственные либералы, фанатики революционного прожектерства, вожди коммунистической номенклатуры и, наконец, бездарные "прорабы перестройки" – от такой компании перестанешь уважать человечество. Надо полагать, острое желание автора взглянуть в ужасающую бездну низменных страстей сильно повлияло на настроение историка. Очередь до рассмотрения высоких помыслов и благородных порывов, надо думать, дойдет в недалеком будущем.

В АСПЕКТЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

АЛЕКСАНДР ШУБИН: ЕСТЬ "ТИПИЧЕСКИЕ" ИЛЛЮСТРАЦИИ, НЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ МАССОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Провозгласив приоритет исследования массовой психологии, Булдаков, впрочем, продолжает апеллировать к мнению представителей элиты либо авторов с выраженными нарушениями психики (вероятно, дабы подтвердить собственную догму о психопатическом характере революции как таковой).

"История не феноменологична, а мифологична", – пишет автор и, похоже, хочет сделать такой же и историографию. Впрочем, скрупулезного исследования массовых мифов времен революции в книге "Красная смута" нет. Есть иллюстрации, объявляемые "типическими" в полном соответствии с принципами "критического реализма". Забавно, когда признаком массовых "движений души" объявляется микроскопическая группа "социалистов-универсальеров", в истории практически не наследившая.

Даже там, где ростки науки пробиваются сквозь историософский эссеизм "Красной смуты", радикальная категоричность автора берет верх – из одного крестьянского приговора делается вывод, распространенный на все крестьянство (это не мешает Булдакову протестовать против гораздо более невинных аналогичных преувеличений М.М. Громыко).

ВИКТОР ШЕВЫРИН: СИМБИОЗ ИСТОЧНИКОВ И ТЕОРИИ ПЛОДОТВОРЕН

Для того, чтобы восстановить "психосоциальную ткань революции" В.П. Булдаков мобилировал огромный и разнообразный материал, предпочтение в котором явно отдается свидетельствам "маленьких людей", и оцениваются эти источники с позиций исследования "социальной истории снизу". Суждения автора густо настояны на теориях психологии, философии, социологии и т.д. Но они не "мозолят глаза" в книге, а скрыты в ее глубинах, органично переплавляясь в ее конкретике. Этот симбиоз источников и теории плодотворен – "психологическая канва" революции хорошо чувствуется в работе.

ТАТЬЯНА ЛЕОНТЬЕВА: БРОСАЕТСЯ В ГЛАЗА НАЛИЧИЕ ИСТОЧНИКОВЫХ ПУСТОТ

Обсуждаемая монография, на первый взгляд, поражает многообразием использованных источников. Но это преимущественно документы так называемого "человеческого" содержания. Разумеется, это не случайно: исследовательская мысль направлена на поиск "иной исторической реальности", скрытой внешней, событийной стороной прошлого. Такая позиция сколь привлекательна, столь и уязвима. В западной историографии для того, чтобы обратиться к социальной истории, была проделана гигантская источниковедческая работа. В данном же случае прорыв в психоментальную историю осуществляется скорее интуитивно, порой создается впечатление, что использование источников носит иллюстративный характер. Можно сказать и больше: иной раз на первый план выходит не анализ, а образ, что достигается скорее литературными, нежели логическими приемами. Правда, все это укладывается в определенную логическую канву: здесь и идеи М. Фуко об "иерархии" социального насилия, и общая синергетическая схема рождения "порядка из хаоса". Как бы то ни было, наличие источниковедческих пустот порой бросается в глаза.

Автор упорно добивается того, чтобы рядовые участники событий заговорили языком "неполитической" истории. Для этого на первый план выдвигаются мемуарные материалы. Но они использованы автором далеко не в полном объеме. Что, скажем, помешало обратиться к хранящимся в архивах воспоминаниям рабочих? Понятно, что в свое время комплектование фондов происходило с определенной целью, кое-что редактировалось, сыграла свою роль и подчеркиваемая автором последующая аберрация исторического зрения. Но работа историка в том и состоит, чтобы отделить зерно от плевел. В итоге в описании действий пролетариата в 1917 г. многое остается неясным: что преобладало в его поведении – стремление к самосохранению или социальная агрессивность, как были связаны потребности рабочих и мотивы их поведения и т.п.? И хотя выводы автора и выглядят убедительно, перечисленные сюжеты нуждаются в дальнейшей разработке.

Движение крестьянства представлено куда более основательно. Именно здесь автор сумел привлечь архивные документы, которые в полном смысле раскрывают динамику расстро-

ного революцией сельского традиционализма – от осторожных форм сопротивления до диких проявлений бунтарства.

При анализе поведения солдат автор, как видно из текста, опирался в основном на воспоминания, опубликованные в СССР в 20-е и 30-е гг. Они прочитаны и интерпретированы так, что отдельные сюжеты приобретают явный уклон. Так, например, явление солдатского пьянства представлено в грандиозных масштабах и рассматривается как источник агрессивности. Однако материалы архивов Тверской области показывают, что солдатское пьянство было типичной чертой армейского быта и вело не столько к социальной агрессивности, сколько к апатии и отупению.

Раздел об этническом насилии, пожалуй, наиболее интересен и убедителен с точки зрения источниковедения (фрагментарность оговаривается автором).

ВАЛЕРИЙ КАНИЩЕВ: ВИДНЫ ГРОМАДНЫЕ ИСТОЧНИКОВЫЕ РЕЗЕРВЫ

Книга В.П. Булдакова буквально поражает источниковедческой эрудированностью автора. На такой основе можно базировать весомые выводы. Но думается, что В.П. Булдаков все же недооценивает информационный потенциал советских документальных публикаций для изучения данной темы. К примеру, истпартовские сборники 20-х гг. содержат массу идеологически не препарированных фактов о бунтарской активности масс в 1917–1918 гг., а массовые публикации воспоминаний участников Октября конца 50-х (в силу недостаточной научной квалифицированности многих провинциальных публикаторов и малограмотной искренности большинства мемуаристов) включили в себя множество "проговорок" о проявлениях "коллективного и бессознательного" в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Следует учитывать и то, что многие советские публикаторы и авторы воспоминаний считали "антибуржуйский" бунтарский гнев праведным и не скрывали его в издаваемых документах.

Трудно объяснить сознательный отказ автора книги от использования огромных пластов сводок и подобных им материалов МВД Временного правительства и советского НКВД о политических происшествиях и политических настроениях в стране в 1917–1918 гг. Конечно, документы органов власти явно отражают определенную политическую позицию, а в рассматриваемый период и недостаточную осведомленность представителей власти о бурно и хаотично протекающих событиях. Но нужно учитывать и то, что любая власть для нормального функционирования стремилась иметь объективную информацию о положении в стране и настроениях населения, особенно опасных для нее. К тому же сведения нижестоящих органов управления для высших органов об обстановке в обществе имели закрытый характер и поэтому были достаточно откровенными.

Я вовсе не хочу сказать, что источниковая база работы недостаточна. Дело в другом. По прочтении книги видны громадные резервы, которые можно использовать для дальнейшей разработки проблемы "русской смуты" начала XX в. Одним из возможных направлений такой разработки могло бы стать создание многомерных баз данных массовых источников по отдельным аспектам темы (крестьянское, рабочее, солдатское бунтарство, погромное движение к городам, национальные конфликты).

В ОТНОШЕНИИ К ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

МИХАИЛ КАРПАЧЕВ: ИСТОРИК ВСЕГДА КРЕПОК ТОЛЬКО ЗАДНИМ УМОМ

Основной упрек демократам наших дней в книге В.П. Булдакова носит, так сказать, методологический характер. Как полагает автор, они оказались неспособными ощутить дыхание истории и поверили, что прогресс демократии в стране, столетиями уклоняющейся от нее, уже налицо (с. 358). За реформы, считает Булдаков, следовало бы принять только после глубокого осмысления природы и последствий "красной смуты", в противном случае страна рискует в очередной раз скатиться в пучину распада и социального хаоса.

Что и говорить, творцы нынешних преобразований достойны самой жесткой исторической критики. Справедливости ради, однако, стоило бы напомнить, что до начала демократизации В.П. Булдаков не предлагал на широкий суд своих изысканий по поводу варваризации революционного процесса в эпоху смуты. Поэтому до начала реформ у политиков были ограниченные возможности пополнить запасы своей исторической памяти.

**АЛЕКСАНДР ЛОГУНОВ:
АВТОР УПОДОБЛЯЕТСЯ МИФИЧЕСКОМУ ГЕРОЮ...**

Смена исследовательских приоритетов не всегда дается автору легко. В ряде случаев его собственная позиция выглядит не просто завуалированно-поэтизированной, а, что гораздо более уязвимо, – внутренне противоречивой. В частности, это весьма наглядно проявилось в размышлениях об историко-психологическом осмыслении проблемы "народ и власть" в контексте русской истории. Автору изменяет то, что он сам назвал "тонкой логикой" исследования (с. 59). В чем-то, быть может, это следствие и самой противоречивости проблемы в русской истории, но более, как мне кажется, результат некоторой поспешности и неизбежной категоричности, проистекающих из того, что интеллектуальное окружение, как и в целом окружающее российское интеллектуальное пространство, воспринимается историком как враждебно противостоящая среда. С ней он ведет сражение, подобно мифическому герою, призванному в одночасье решить все человеческие проблемы.

В то же время не могу не отметить, что меня приятно удивил факт появления подобной работы в Научном совете РАН "История революций в России", отличавшемся до этого сверхстрогим академическим консерватизмом в своих размышлениях.

**ОЛЕГ БУДНИЦКИЙ:
МИЛЮКОВ И ПАЙПС – "ЗАКЛЯТЫЕ"
ОППОНЕНТЫ И... НЕПРИЗНАВАЕМЫЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ**

На психологическую основу революции и на особую роль в ней "маленьких людей", утративших доверие к власти, не сумевшей соответствовать их представлениям и надеждам, указывали еще наиболее проникательные современники русской смуты 1917 г. Среди них был и Б.А. Бахметев, один из умнейших людей своего времени, который, размышляя в 1921 г. о возможности падения большевизма, писал: «Разные мелкие пичужки, разные маленькие люди, которые год тому назад называли себя большевиками, могут "переменить точку зрения" и стать "буржуйчиками" и демократами. Иначе и быть не может, так как вообще суть истории в замене различных фаз, характеризуемых тем или иным состоянием народного ума и ориентации. Но именно на верхах, где, по необходимости, известные принципы должны проводиться и поддерживаться с отчетливостью и целостностью, этот непрерывный переход от одного полюса к другому невозможен. Тут необходим разрыв непрерывности, выражаясь математическим языком, разрыв, который мы ежечасно видим в химии, физике, биологии, вообще во всех явлениях природы. Для того, чтобы этот социальный разрыв произошел, одна полюсность должна ослабиться до значительных пределов, другая, наоборот, должна укрепиться и организовать. Момент взрыва определить нельзя, и неправильно исключать его приход ссылок на слабость восстания, возможность подавления любого крестьянского беспорядка, организованного кучкой, и проч. Все это так, и было не менее правильно в 1917 г., вообще во времена всех революций; но я всегда Вам повторял, что революции совершаются не в силу организации и вообще представляют собой не результат столкновения каких-то материальных организованных сил, а относятся исключительно к области психологических явлений. Успешная революция связана с внезапным и бурным изменением массовой психологии, заражающей и увлекающей войска и другие органы охраны старой власти, внезапно, через психологическую заразу перенося фактическую власть в руки восставшего народа» (Письмо Б.А. Бахметева В.А. Маклакову, 6 июля 1921 г. // Архив Гуверовского института, коллекция В.А. Маклакова, коробка 3, папка 12).

Термины "архаизация" и "рурализация" по отношению к последствиям революции впервые употребил, по наблюдению Булдакова, американский историк М. Левин. Вероятно, это так, однако о сути происходящего в России впервые, по-видимому, написал столь нелюбимый Булдаковым "доктринер" П.Н. Милюков. Либералов автор "Красной смуты" явно "не любит", Милюкова не любит в особенности. В книге среди сотен ссылок на различные публикации по истории революции 1917 г. (а эрудиция автора вызывает искреннее уважение), кажется, нет упоминания об "Истории второй русской революции" Милюкова. А ведь Милюков как историк, пытавшийся не только объективно зафиксировать происшедшее, но и понять суть, содержание революции, в некотором смысле являлся прямым предшественником Булдакова.

«Тот, кто будет писать философию русской революции, – писал Милюков в 1918 г., – должен будет, конечно, искать ее корней глубоко в прошлом, в истории русской культуры. Ибо при всем ультрамодерном содержании выставленных в этой революции программ, этикеток и лозунгов действительность русской революции вскрыла ее тесную и неразрывную связь со всем

русским прошлым... То, что поражает в современных событиях постороннего зрителя, что впервые является для него разгадкой векового молчания "сфинкса", русского народа, то давно было известно социологу и исследователю русской исторической эволюции. Ленин и Троцкий для него возглавляют движение, гораздо более близкое к Пугачеву, к Разину, к Болотникову – к 18-му и 17-му векам нашей истории, – чем к последним словам европейского анархо-синдикализма" (М и л ю к о в П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. София, 1921. С. 11).

Милюков, не употребляя, разумеется, термина "психоментальность", указывал, что народ, "сохранивший мировоззрение иных столетий", находился в состоянии "психоза" (Там же. С. 15). Со свойственным ему хладнокровием Милюков не торопился, подобно некоторым ужаснувшимся происходящему современникам, объявлять народ "низшей расой". Он надеялся (как оказалось, напрасно), что катастрофа "послужит толчком, которым закончится доисторическое, подсознательное, так сказать, этнографическое существование народа и начнется исторический период связанного самосознания и непрерывной социальной памяти" (Там же. С. 16).

Два года спустя, в 1920-м, Милюков констатировал, что Россия разорена, "отброшена из двадцатого столетия в семнадцатое", разрушена промышленность, торговля, городская жизнь, высшая и средняя культура (Там же. С. 6). Правда, положительный итог происшедшего он усматривал в "окончательном", как ему казалось, решении вопроса о земле.

Кстати, Милюкову была ясна и решающая роль войны в происшедшей катастрофе: "В ряду факторов, – писал он, – определивших собой особую физиономию второй революции, войне 1914–1918 гг. принадлежит, конечно, первое место. Многие и многие из явлений, которые принято считать специфически революционными, фактически предшествовали революции и созданы именно обстоятельствами военного времени" (Там же. С. 21).

В.П. Булдаков на первой же странице своего исследования декларирует, что его книга посвящена, по преимуществу, только одному аспекту революции 1917 г. – насилию. На самом деле проблематика книги гораздо шире. Не думаю, что автор лукавил: насилие – это сердцеви́на, дух революции. Говоря о насилии, неизбежно приходится говорить и о многих других вещах. Книга Булдакова откровенно полемична, я бы даже сказал, провокативна (разумеется, в научном смысле этого слова). Пытаясь расправиться с историографическими мифами, автор раздает тумачи налево и направо – от него достается не только бывшим советским историкам (особенно тем из них, кто быстро и неуклюже "перестроился"), но и историкам-антикоммунистам; между ними Булдаков не усматривает принципиальной разницы.

Работа Булдакова полемична по отношению к автору фундаментальных трудов по истории русской революции Ричарду Пайпсу. Автор "Красной смуты" с неизменным уважением отзывается о постоянных пайпсовских оппонентах – так называемых ревизионистах и столь же неизменно критически – об историках-антикоммунистах, лидером которых считает Пайпса. Мне представляется малоудачным использование политического термина при оценке исторических работ; не очень ясно, в частности, какво историографическое содержание понятия антикоммунизм? Если речь идет о советской историографии, то ее, по крайней мере, отличало единство методологии; антикоммунистических же взглядов могли придерживаться историки, исповедующие достаточно различные подходы к своему ремеслу. Если допустить, что книга Булдакова была бы написана лет 15 назад, думаю, не миновать ей того же самого ярлыка (если, опять-таки, допустить, что ее обсуждение состоялось бы на страницах "Истории СССР"). Вообще, критика работ Пайпса, обвинения его в схематизме, выискивание фактических ошибок и неточностей в его исследованиях стало своеобразным спортом для некоторых наших историков (речь в данном случае не о Булдакове – он-то "борется" с Пайпсом по большому счету).

Между тем в поисках ответов на главные вопросы истории русской революции автор "Красной смуты" пришел к выводам, во многом аналогичным выводам Пайпса. Так, Булдаков считает важнейшим фактором, приведшим к революции, нарушение традиционных отношений между властью и народом (крестьянством), утрату властью непререкаемого авторитета. «Общинно-организованный народ понимает целесообразность "избыточного" насилия, ибо властитель издавна воспринимался как своего [рода] репрессивный гарант существования всех. Что бы ни говорили гуманнейшие из моралистов, историческое сознание масс никогда не поставит рядом "слезу невинного ребенка" и суровую необходимость выживания империи. Сам народ на этот счет рассудил своеобразно: царя-сыноубийцу он назвал "Грозным", последнего императора-чадолюбца – "крававым"» (с. 53).

По сути об этом же пишет Пайпс в "России при большевиках": «Конфуцианский принцип "мандата небес", который в своем первоначальном смысле устанавливал зависимость власти

правителя от праведности поведения, в России ассоциировался с силой: слабый, "терпящий поражение" правитель лишался "мандата". Крупнейшая ошибка – оценивать власть в России с позиций морали или по ее популярности, важно было лишь то, чтобы государь внушал страх врагам и друзьям, чтобы он, как Иван IV, заслуживал прозвания "Грозный". Николай II лишился трона не потому, что его ненавидели, а потому, что его стали презирать» (П а й п с Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 580; ср. у Булдакова: «Деспотию убивает смех, империи гибнут, когда короли предстают "голыми"» (с. 51)).

"Россию потрясла не война, а поражение в ней русских армий", – пишет Булдаков (с. 53). Пайпс, перечисляя поражения России, начиная с Крымской войны и заканчивая неудачами в Первой мировой, заключает: "Такая череда провалов могла бы подорвать репутацию любого правительства – для России же она оказалась роковой" (Там же. С. 580).

"Когда деспотизм теряет жизнеспособность, – пишет Пайпс, – его место занимает анархия, а вслед за анархией неизбежно приходит новый деспотизм" (Там же. С. 582). Нетрудно заметить, что, исповедуя совершенно другую методологию, В.П. Булдаков пришел к идентичным выводам. Задолго до справедливого наблюдения Булдакова о возобладании "крестьянской психоментальности" как результате революции Пайпс писал: «Как ни парадоксально, хотя революция 1917 г. совершилась во имя создания городской цивилизации и была направлена против "идиотизма деревенской жизни", на самом деле она усилила влияние деревни на русскую жизнь. После свержения и разгона старой европеизированной элиты занявший ее место новый правящий класс в массе своей состоял из крестьян в разных обличьях – земледельцев, лавочников и фабрично-заводских рабочих. Поскольку настоящей буржуазии в качестве образца для подражания не было, новая элита инстинктивно строила себя по образу и подобию деревенского верховода – кулака. И по сей день ей не удалось избавиться от следов своего деревенского происхождения» (П а й п с Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 188. Первое издание книги на языке оригинала вышло в 1974 г.).

Кстати, не является ли причиной новой русской революции 1991 г. то, что в жизнь вступило первое в истории России преимущественно городское поколение? Напомню, что впервые городское население превысило сельское в СССР в 1959 г. Вполне закономерной стала смена ценностных ориентиров и жизненных принципов. Деревенская "психоментальность" оказалась преодоленной и на этот раз без особо кровавых потрясений.

Книга Булдакова является своеобразным "анти-Пайпсом" еще в одном аспекте: работа американского историка о русской революции подчеркнута моралистична. Она посвящена "жертвам"; Пайпс заявляет, что "перед лицом трагедии историк вовсе не обязан оставаться совершенно бесстрастным наблюдателем" и это не следует «воспринимать как свидетельство "ненаучного" подхода». Пайпс отстаивает, ссылаясь на авторитет Аристотеля, свое право на "гнев" (П а й п с Р. Русская революция. Т. 1. М., 1994. С. 5). Булдаков же изначально декларирует, что подходить к революции с мерками «морализирующего обывателя – то же самое, что пытаться измерять слона ученической линейкой... Ход и исход "красной смуты" лежит за пределами обычных представлений о добре и зле» (с. 5). Я бы, честно говоря, предпочел остаться с обывателем. Думаю, что история (к счастью или несчастью) относится все-таки к humanities, нежели к science.

МИХАИЛ КАРПАЧЕВ:

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ПРИОРИТЕТ

В ВОССОЗДАНИИ МАСШТАБНОЙ КАРТИНЫ РОССИЙСКОЙ СМУТЫ?

Объект исследования В.П. Булдакова необычайно многогранен. За изучение социально-психологических характеристик бурлившего народа способен взяться только исследователь незаурядной силы. И все же отказ от объяснений принципов отбора источников и от их классификации не выглядит убедительно. Некоторые же вольности в использовании источникового материала толкают автора порой к чрезмерным генерализациям. Скажем, о том, что история не феноменологична, а мифологична и что "слух, предрассудок, ложное представление в ней важнее реального факта". Однако, если апеллировать к несовершенству коллективной памяти, "которая пишет историю кривь и вкось", тогда надо признать, что автору "Красного колеса", а не автору "Красной смуты" принадлежит приоритет в воссоздании масштабной картины российской смуты с ее разгулом разрушения и насилия. Монументальный цикл А.И. Солженицына в контексте работы заслуживает куда более основательной оценки, чем малосодержательная фраза о нагромождении писателем кинематографических ужасов.

ЮРИЙ ИГРИЦКИЙ:

ДОЛЖНА ЛИ НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ СТРОИТЬСЯ НА КОСТЯХ СТАРЫХ?

Перефразируя Эдуарда Бернштейна ("цель – ничто, движение – все") и барона де Кубертэна (в состязании главное не победа, а участие), можно сказать, что в социальных науках важна не вечно ускользающая и относительная по своей природе истина, а пути к ней, то, как она постигается. Ясно, что в начале исследовательской тропы ступивший на нее сталкивается с необходимостью ознакомления с уже существующими представлениями. К ним можно и должно отнестись критически, ибо разум нерассуждающий либо догматически заикнется на первой попавшейся версии и не станет вникать в иные, либо безнадежно запутается в разногласиях научных школ. Но должна ли новая, даже сверхталантливая концепция строиться на костях старых? Этот вопрос я прямо адресую автору, ибо, во-первых, он представил на суд читателей бесспорно талантливый труд, а во-вторых, по существу отвергнув или поставив под сомнение все концептуальные подходы в мировой исторической мысли, так изрядно поизмывал над их приверженцами, что в книге, во всех ее главах, как бы вырос еще один пласт – сатирико-иронический. Из прочтения предшествующей исторической литературы автор вынес впечатление о "редкостном непонимании природы красной смуты", "мифологическом сознании" не только советских, но и зарубежных ученых, даже их "маразме". Вердикт в адрес литературы: она "немногого стоит". Вердикт в адрес историков еще круче: самые delicate выражения – "капризные недоросли" и "вундеркинды перестройки".

Вообще авторам эпохи "перестройки" и "постперестройки" достается больше всех, что во многих случаях имеет основания. Объявляя войну конъюнктурщине, В.П. Булдаков заслуживает всяческой моральной поддержки. Но здесь возникают вопросы. Во-первых, будучи жестко идеологизированной, практически вся советская литература по проблемам истории России XX в. служила конъюнктуре – только это была одна конъюнктура, меняющаяся в деталях, но неизменная в своей основе. Автор не щадит, естественно, ту интеллектуальную среду, в которой он вырос (как и все мы), но мне было любопытно отметить, что трехтомный труд по Октябрьской революции академика И.И. Минца удостоен скорее позитивной оценки.

Во-вторых, как вообще определить конъюнктурщину и, что немаловажно, ее масштабы и степень осознанности? Как должны реагировать разум и этика ученого на кардинальную общественную трансформацию, произошедшую в СССР и России, с учетом устранения цензуры и фигуры умолчания, которое и само стало фактором воздействия на сознание? Имеет ученый право на пересмотр своих позиций, и если да, то где грань между приспособленчеством и творческим мышлением? Вариантов реагирования научного сознания на крах советской коммунистической идеологии много, но три основные видятся следующими. Первый из них: радикально и целиком отвергаются не только явные мифологемы, но также когнитивно-методологические основы всей советской исторической науки, т.е. марксизм с его универсалистской теорией общественного развития и классовой борьбы в центре парадигмы. Второй вариант: отвергаются постулаты и выводы, наиболее не соответствующие современным представлениям мировых социальных наук, но сохраняется эпистемологическая приверженность марксистской теории как главному инструменту познания истории. Третий вариант: все существующие подходы и концепции прочитываются "с чистого листа", причем в каждой из них допускается наличие рационального зерна. Два последних варианта представляются как преимущественно неконъюнктурные, хотя фундаментально конъюнктурное сознание способно и в них найти свою нишу, свой способ самовыражения. Что касается первого варианта, то носитель негативистской в отношении прошлого ментальности в конце концов приходит либо ко второму, либо к третьему вариантам, и один Бог ему судья, если он руководствуется при этом шкурными мотивами.

Фокус, однако, в том, что отвержение всего и вся также может быть конъюнктурным! Я ни в коем случае не хочу заподозрить в этом автора. Зная Владимира Прохоровича, уверен, что он искренен в обличении своих коллег по профессии и несогласии с их взглядами. И, следовательно, в его инвективах и диатрибах скорее отражается простой интеллектуальный снобизм, который может вырасти даже на почве освоения, казалось бы, весьма "антиснобистской" проблематики – психологии народа, низов, массового бунтарства. Есть два принципиально различающихся подхода к моральной оценке человека и человечества. Согласно одному из них (это подход Джонатана Свифта), человечество погрязло в пороках, но к окружающим следует относиться с пониманием и сочувствием. Согласно другому (подход Льва Толстого), человечество надобно любить, но близких можно презирать и тиранить. Перечитывая "Красную смуту", я поймал себя на мысли, что, выявляя неприглядные черты характера и модели поведения маргиналов, бичуя российскую интеллигенцию и политиков,

высмеивая современных историков, автор, возможно, руководствуется одними и теми же побудительными импульсами. Импульсами, рожденными из горького осознания, что мир несовершенен, и умный, порядочный, живущий по совести человек одинок. Если так, то от этого нет лекарства.

Тем не менее ученый, на мой взгляд, имеет больше возможностей преодоления всех и всяческих фобий в силу того, что он постоянно наращивает свое когнитивное оснащение, а поэтому его отношение к старым и новым теориям, подходам, точкам зрения со временем хоть чуточку, хоть неуловимо, но меняется.

Мне кажется, что категоричность и нетерпимость не являются главными формами проявления таланта историка. Историкам, как и философам (в отличие от, скажем, юристов и экономистов), свойственно большее понимание относительности сущего. Это касается и фактов, и суждений о фактах. Вероятно, будучи относительными, все теории (т.е. суждения высшей ступени абстракции) несут в себе каждая хоть малейшую крупницу истины, иначе они даже на короткое время не были бы признаваемы хотя ограниченным числом людей. С этой точки зрения марксизм как анализ социальных конфликтов, продолженный после смерти Маркса во всем мире, не заслуживает полного забвения, да он и не будет предан забвению. С этой же точки зрения, в каждой теории можно найти нечто, согласующееся с другими теориями. Да, формационная схема абстрактно-умозрительна, линейна и претенциозна, а цивилизационные исследования многолики и противоречивы. Но это не значит, что использовать их в рамках одного исследования нелепо, как считает автор (с. 303). Если полное их совмещение немислимо по определению, то отдельные аспекты и ракурсы столь же корреспондируются друг с другом, как в истории Европы корреспондировались на протяжении веков христианско-либеральный, социокультурный, капиталистический и индустриальный компоненты. Может быть, в выявлении таких концептуальных стыковок (и нестыковок) заключается главная миссия философии истории.

Уже в наше время Фернан Бродель призвал историков и социологов не фокусироваться на единственной концепции, а "суммировать" их все. И правда, позитивная задача стимулирования нестандартных направлений научного поиска не решается методом отлучения других направлений от науки.

ВИКТОР ШЕВЫРИН: "КРАСНАЯ СМУТА" – СТАРАЯ НОВЬ?

Может быть, я не вижу в работе В.П. Булдакова того, что видит он сам, но то, что я вижу, я не "усматриваю", а вижу. Владимир Прохорович больше все-таки объясняется в любви к своему "коньку" – психологии, чем любит ездить на нем, и больше дискутирует с прежней историографией, чем не соглашается с ней. Мне даже порой кажется, что его книга – некий "розыгрыш", талантливая "подделка" мастера, превзошедшего лучшие оригиналы своих предшественников. И если мэтры отечественной науки почувствовали себя обиженными "ренегатством" своего бывшего единомышленника, то это недоразумение: "свой своего не познаша". Книга Булдакова притягивает к себе, как пропасть путника, впервые оказавшегося в горах. Этот эффект – не только от глубины ее содержания, радикально обновленной "старинны", но и от своего рода платоновского (Андрея, конечно) "письма", порой утрированно корявый, наукообразный флер которого не только не скрывает пронзительной точности и ясности мысли автора, но и сообщает ей какую-то свою "булдаковскую" особость, легко различимую среди сонма творений об Октябре. И за строкой Платонова, и за строкой Булдакова – "оптимистическая трагедия" России. Ее история не кончается "Котлованом".

Булдаков верит, что время окропит Россию "живой водой". Грозовые тучи, которые на столетие заволокли все небо России, не смущают Булдакова: ему видится в далекой перспективе, что страна расцветет в евразийском культурогенезе.

Вот этот оптимизм, вера в "светлое будущее" роднит книгу Булдакова со всей отечественной историографией. И еще очень важный "связующий" тезис: Октябрь, при всем его своеобразном понимании в работе В.П. Булдакова, открыл "эпоху становления гражданственности в России". Это не то, что "революция, открывшая новую эру", но известное "приближение" к этому определению. Автор признает "конструктивное начало" в революции. И разве не пролет балзам на душу "правового" историка фраза Булдакова, как бы оживляющая приснопамятный тезис о "закономерности революции": "Пора забыть о случайностях истории. Последние всего лишь напоминание о ее пока не постигнутых закономерностях" (с. 372). Булдаков мыслит универсальными категориями, и это блестящая мысль. Но в контексте революции она обрастает и "бахромой" более конкретных заявлений, например, о "внутренних закономер-

ностях революции", о революции 1917 г. как исторической неизбежности. Характерно и подчеркивание роли государства в истории России. Все это – "мостик" между обсуждаемой книгой и прежней историографией. Кстати, она едва ли могла бы появиться без многолетней работы Научного совета РАН по истории революций в России, – столь мощный пласт источников и идей (старых и новых) аккумулирован в ней.

Разумеется, в наше время грандиозных перемен и переоценок прошлого странно было бы появление книги на "животрепещущую" тему без переосмысления прошлого. И этого в книге Булдакова в избытке. В ней есть много такого, что делает ее и труды историков советского периода почти "антиподами", по крайней мере на первый взгляд. Подобное впечатление только усиливается критикой "наотмашь", сопровождаемой вторжением в благолепный храм музыки истории оглушительной "какофонии" новейших "рваных" ритмов смежных наук.

Но Булдаков просит всех особенно не беспокоиться и слишком уж все не принимать всерьез: "книга является попыткой дать несколько гиперболизированную картину катастрофического прошлого". Так что вздохнем с облегчением в родной и привычной атмосфере "гиперболизации" – "принципа", который "изоморфен" исторической литературе со времен Геродота и "подпытывает" труды даже истинно великих ученых. И не естественно ли в таком случае разделить точку зрения автора о том, что его "книга представляет собой академическое исследование" со своим углом зрения на события?

Критика и библиография

В.А. АРУТЮНОВА - ФИДАНИЯН. АРМЯНО-ВИЗАНТИЙСКАЯ КОНТАКТНАЯ ЗОНА (X–XI вв.). РЕЗУЛЬТАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР. М.: Наука. Издательская фирма "Восточная литература", 1994. 236 с. Тир. 1000

Проблема политического и культурного взаимодействия различных цивилизаций всегда была принципиальной для исторической науки. Каждое общество и государство базируется на достижениях предков и заимствованиях от соседей. Выяснение степени соотношения "национальной" основы и привнесенных элементов – одна из самых сложных задач, стоящих перед исследователем. Контакты и взаимовлияние народов принимали различные формы. К ним относится в том числе и образование специфических регионов, где сосуществуют общие черты и особенности соседствующих этносов. В истории России ярким примером подобного рода были южнорусские степи XVI–XVIII вв. с их своеобразной славяно-тюркской казачьей культурой. Историки еще только приступают к подробному изучению этих явлений. В последние годы для обозначения территории, где происходило взаимодействие культур, введено понятие "контактная зона". Оно требует дальнейшего осмысления и разработки, привлечения конкретных материалов по разным странам и периодам. Анализ одной из таких зон – армяно-византийской – и предприняла В.А. Арутюнова-Фиданиян.

Византиноведческие исследования, как показывает опыт отечественных и зарубежных публикаций последних десятилетий, выходят на более высокий уровень теоретических обобщений¹. Успешное продвижение в этом направлении, видимо, объясняется прежде всего хорошо известными, давними и богатыми традициями источниковедения и историографического изучения. В пользу такого заключения может свидетельствовать и рецензируемая монография, посвященная одной из актуальных и сложных проблем истории средневекового восточно-христианского мира. Результаты культурного взаимодействия соседствующих христианских (а также христианских и мусульманских) народов на определенной географической и историко-культурной территории представляют огромный интерес для современной ориенталистики. Захаридская Армения, Грузия эпохи царицы Тамары, когда "церковь и мечеть стояли рядом", период так называемой "трансформации" мусульманской цивилизации X–XII вв. – примеры, свидетельствующие о крупных масштабах духовного взаимовлияния различных народов. Налицо необходимость изучения конкретно-исторических контактов. В современных медиевистике и востоковедении, к сожалению, очень мало фундаментальных исследований тех или иных аспектов данной проблемы. Книга В.А. Арутюновой-Фиданиян в значительной мере восполняет существенный пробел в изучении исторических контактов, происходивших

в одном из древних регионов Передней Азии. Глубокое знание исторических материалов, использование довольно широкого круга разнообразных источников обеспечили высокую степень достоверности выводов и наблюдений.

Рецензируемый труд отличается уникальностью темы и новизной подхода к источникам и специальной литературе. В его основу положены памятники армянской историографии, изучаемые не как сумма фактов, а как совокупность идей (с. 11–13). Результаты изысканий В.А. Арутюновой-Фиданиян затрагивают почти не изученные аспекты истории Армении, и в конечном итоге – глобальный вопрос о роли византийской культуры в истории мировой цивилизации.

Монография посвящена выявлению специфики существования контактной зоны на трех уровнях: социально-административном, этноконфессиональном и ментальном. В ней три главы: I – Социально-административная структура контактной зоны; II – Этноконфессиональная ситуация; III – Армяно-византийская контактная зона в зеркале армянской историографии.

Термин "контактная зона" впервые употреблен В.Д. Королюком. Исследователь этим понятием обозначил области, где генезис феодализма проходил под влиянием "античного наследия"². В последнее время в работах отечественных ученых этот термин приобретает более широкое значение³. В контактную зону включают целый ряд областей Восточной Европы, где на протяжении длительного времени взаимодействовали различные по происхождению и уровню развития этнические группы. Однако тенденция рассматривать Восточную Европу в целом как одну контактную зону предполагает такой высокий уровень обобщения, который не позволяет выделить особенности разных регионов. Главная заслуга В.А. Арутюновой-Фиданиян – в строгом ограничении рамок термина. Она вводит ряд достаточно жестких условий, которым должен отвечать соответствующий регион, и тем самым определяет новую модель пограничного общества (с. 10–11).

Важное место в работе занимает анализ социально-административной структуры контактной зоны, которая рассматривается на общем фоне истории армяно-византийских отношений в X–XI вв. (с. 14 и др.). Привлекает внимание наблюдение автора о восточных феодах Византии, которые, хотя и не назывались армянскими, но фактически были крупными частями военно-административных округов империи (с. 16, 26–45). В этом отношении интересна также прослеживаемая связь между административным устройством и этническими про-

цессами в исследуемом регионе (с. 22–25). Интересно наблюдение, что "терпимость, проявляемая Византией к феодальным тенденциям, привнесенным армянскими владельцами в управление ее восточными провинциями, пролонгировала существование этих провинций в составе империи, но, с другой стороны, те же тенденции обеспечивали успешную борьбу за самостоятельность владельцев, наделенных властью как над собственной этерией, так и над византийскими военными гарнизонами. Появляются полузависимые, а иногда и совершенно независимые владельцы, захватывающие большие территории в период ослабления позиций империи на Востоке: это феномен Филарета Варажнуни, Вурца, Феодора Гавры и наконец Рубенидов" (с. 41–42).

Исследовательница доказывает, что "магистральные социокультурные процессы в контактной зоне определялись синтезом армянских и византийских общественных, политических, хозяйственных институтов и форм идеологии (существовавших в этом регионе в чистом виде). Преобразование этих институтов привело к обретению ими нового качества, в результате чего появилась новая структура, в рамках которой адекватно объясняются загадки армяно-византийских отношений этого периода (бескровные акции присоединения к Византии армянских политических образований, отсутствие антивизантийских восстаний, почти столетнее продвижение Византии на армянские земли, переселение армянских владельцев в Византию и назначение на ключевые посты в восточных округах представителей армяно-халкидонитской аристократии и т.д.).

Глубоко детерминированная взаимосвязь трех компонентов (ментального, этноконфессионального, социально-административного) конституировала контактную зону как диалектическое единство, выявляющее логику своего существования через сложные, противоречивые и находящиеся в постоянной динамике феномены, порожденные взаимодействием двух культур.

Армяно-византийская контактная зона X–XI вв. являлась и кульминацией многовековых армяно-византийских отношений, и новой исторической реальностью. На территории армяно-византийских лимитрофов в X–XI вв. исторический процесс был не только сложным, но и многослойным: здесь продолжалась история армянского народа, история Византийской империи и армяно-византийских отношений и, наконец, здесь возникла история армяно-византийской контактной зоны послеарабского периода – наиболее глубокий уровень исторических процессов, являвшийся результатом действия первых трех и, в свою очередь, оказывавший на них влияние" (с. 151).

В центре исследования находится исторический феномен контактной зоны – армяно-халкидониты, противостоявшие основной массе своего этноса, исповедовавшего христианство монофизитского толка (II глава монографии). Обобщив большой историко-культурный материал, автор приходит к важному выводу о динамике конфессионального сознания армян-халкидонитов. Становится очевидным, что при определенных исторических условиях такое развитие может привести к осознанию

сформировавшейся этноконфессиональной общности как новой "народности" или "племени" ("азг") (с. 64–71). В этом отношении весьма любопытно наблюдение о группе "цат" армянского происхождения, обратившейся в греко-православную веру (с. 71–73). Армянская знать, поступая на службу к византийским императорам, меняла свое вероисповедание, но сохраняла язык, письменность, бытовые особенности. Однако в ходе религиозно-культурной интеграции сформировалось особое представление об армяно-грузинах и армяно-греках халкидонитской веры. В.А. Арутюнова-Фиданян считает их особым типом армянского этноса, подвергшимся культурному и религиозному влиянию соседних православных народов (с. 74).

Следует подчеркнуть, что материалы и наблюдения автора представляют большой интерес с точки зрения теории этноса, так как позволяют выделить недооцениваемый многими исследователями специфический подтип этнокультурной исторической общности. Главным отличительным признаком таких этноконфессиональных образований было идейное, духовное начало, с одной из важных функций – посредническая культурно-историческая деятельность. В процессе многовековой эволюции они значительно отходили от своего исходного стереотипа и воспринимались как субэтнос, чуждый основной массе собственного народа.

Отмечая заслуги В.А. Арутюновой-Фиданян в разработке важной этноконфессиональной проблемы, следует вместе с тем выразить сожаление по поводу того, что автор не сделала попытки шире обобщить использованный материал. Между тем исследованные ею процессы вполне укладываются в общеэтническую типологию, разработанную отечественными этнологами. Рассматривая эту проблему под углом зрения этносоциальных процессов, они выделили иерархию метаэтнических, микроэтнических и субэтнических общностей. При этом отмечаются и аналогичные проанализированным в монографии явлениям билингвизма и бикультуризма при одновременном унифицировании в рамках одного этноса традиционных и заимствованных элементов культуры (с. 72–74). Впрочем, в последнее время В.А. Арутюнова-Фиданян, выступая со статьями в печати и с докладами на научных форумах, демонстрирует в первую очередь именно теоретическое осмысление феномена контактной зоны⁴.

В рецензируемой монографии весьма благоприятное впечатление оставляют разделы о сравнительном анализе политических доктрин Армении и Византии. Автор подробно исследует известную теорию идеального правителя, выделяя черты сходства и отличия на армянской и византийской почве (глава III). Главными компонентами византийской доктрины, по ее мнению, было сочетание императорской власти с греческим православием. В течение многих веков создавался образ благочестивого кесаря и эталона христианского государства в виде могущественной Византии (с. 96–98). Армянская общественная мысль за редкими исключениями восприняла эту политическую идею, содействовавшую политическому союзу с империей в борьбе против арабского владычества и

нашествия турок-сельджуков (с.99 и сл.). Образ великой христианской державы-защитницы стал основой позитивного отношения армян к политическим и идеологическим ценностям Византии. В.А. Арутюнова-Фиданян вносит несомненный вклад в изучение проблемы проникновения византийской теории политической власти "в систему армянских политических воззрений". Проведенный анализ средневековых армянских источников позволил считать, что комплекс имперских концепций царской власти оказал большое влияние на общественно-политическую жизнь армян (с. 93–140). Происходило также проникновение византийской политической терминологии, а вместе с ней и идеи "Нового Рима". Восточно-Римское государство со столицей в Константинополе воспринималось как часть бывшей Римской империи, воплощавшей идеал "царства Божиего" и покровителя-сюзерена восточнохристианского мира (с. 141–150). Однако это восприятие значительно ослабевает в ходе сельджукских завоеваний, разрушивших армяно-византийскую контактную зону. Постепенно становится негативным и образ Византии, что отражается в соответствующих политических, этнических, религиозных представлениях армян.

В исследовании затрагиваются также вопросы истории Армении и Византии, связанные с возникшей около середины XI в. державой Сельджуков. В этом плане весьма примечательны разделы о статусе и положении в период сельджукского нашествия Ивирии и Великой Армении. Автор резонно отмечает, что в этом регионе существовала иерархия власти армянских и грузинских владетелей, над которыми стояли наместники византийского императора. Почти непрерывные раздоры и междоусобные столкновения в этом крае ослабили обороноспособность восточных рубежей империи. Распри среди знати, наряду с наличием старых мусульманских эмиратов в Ахлате и других областях, значительно облегчили успех сельджукских завоевателей в Передней Азии (с. 38–45). Однако следует заметить, что в этом интересном разделе имеются некоторые спорные утверждения. В частности, утверждается, будто в разноплеменной армии Романа IV Диогена в битве при Манцикерте наряду с прочими имелись отряды сельджуков (с. 41). При этом дается ссылка на работу В.П. Степаненко, в которой содержится это заведомо неверное положение. Согласно исследованиям К. Каэна и других востоковедов, в византийской армии имелись наемные ополчения из разных народов, в том числе и из тюрок (в основном, печенегов и огузов). Однако их нельзя причислять к тем племенам, которые входили в сельджукское объединение. Отметим также, что автор вполне справедливо увязывает понятие "контактная зона" с внутренними процессами, но используемые ею термины иногда нуждаются в уточнении и дополнении. Прежде всего остается не совсем ясным соотношение между применяемыми в книге поня-

тиями "контактная зона", "лимитрофная зона", "анклав (энклав)". В некоторых случаях они выступают как синонимы, в других – в качестве соподчиненных терминов.

Эти замечания носят частный характер и не могут повлиять на общую позитивную оценку рецензируемой работы, которая является фундаментальным исследованием, базирующимся на большом корпусе источников. В ней раскрыты глубинные социально-экономические процессы, протекавшие в одной из контактных зон средневекового восточнохристианского мира. Основное их содержание определялось этнокультурным синтезом в условиях определенного типа отношений в сфере государственной, политико-административной, социально-экономической жизни и менталитета. Исследованные автором историко-культурные явления показаны в динамике как часть истории двух взаимодействовавших этносов. Синтез традиций этих народов рассматривается в аспекте развития основных черт православия и православной культуры.

Исследование, предпринятое В.А. Арутюновой-Фиданян, отличается оригинальностью избранной тематики, новизной использованного фактического материала и его научного осмысления. Оно представляет интерес не только для изучения истории византийско-армянских контактов, но и значительного круга вопросов истории народов Закавказья и Малой Азии в X–XI вв. Монография имеет значение и в общетеоретическом плане, обогащая методику познания маргинальных явлений эпохи средневековья.

С.Г. Агаджанов, **В.В. Трепавлов**
(Институт российской истории РАН)

Примечания

¹ См., например, материалы секции "Границы и пограничные регионы в VII–XII вв." на XIV Международном конгрессе византинистов (1971). *Rapports du Congrès International des études byzantines*. Bucarest, 1971. Part II. P. 7–101. Ср. также материалы конференции "Границы в русской истории" – *Russian History / Histoire Russe*. 1993. V. 19. № 1–4.

² К о р о л ю к В.Д. О так называемой "контактной" зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья // *Юго-Восточная Европа в средние века*. Кишинев, 1972.

³ См.: Контактные зоны в истории Восточной Европы. Сб. статей. М., 1995; А г а д ж а н о в С.Г. Основные проблемы и задачи изучения контактных зон Восточной Европы // Там же. С. 7–22.

⁴ См.: Материалы второй конференции "Контактные зоны в истории Восточной Европы" (март 1997 г.) (в печати).

С.М. КАШТАНОВ. ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ИСТОЧНИКА. Акты X–XVI вв. М.: Наука, 1996. 266 с. Тир. 700

Новая монография С.М. Каштанова – третья работа автора в области, в которой он является признанным авторитетом, – русской дипломатике. Если первая книга была посвящена в основном методике исследования актов и типам формуляров, то вторая при максимально широком их охвате (тематическом и концептуальном) ставила целью создание учебного курса этой специальной исторической дисциплины¹.

Актовое источниковедение в русской науке всегда носило главным образом прикладной характер, в основном касаясь отдельного источника, типа или группы документов, выделенных по какому-либо признаку. Исключение составляет, по мысли С.М. Каштанова, только одно направление источниковедческого изучения частноправовых актов – "клаузуально-статистическое – собственно дипломатическое (А.С. Лаппо-Данилевский и его ученики)"².

Последние обобщающие курсы по дипломатике были изданы в начале XX в., советская же наука отказалась от формулярного анализа как основного метода в актовом источниковедении. С.М. Каштанову принадлежит огромная роль в возрождении этой дисциплины на современном базисе. Усовершенствованная им методика позволяет эффективнее реконструировать современные акты социально-политические реалии. "...Анализ формы документа, – указывает ученый, – сам по себе является методом обогащения исторической фактуры новыми важными данными" (с. 122).

Основную часть рассматриваемой работы составляют очерки, являющиеся плодом исследований последних лет, отчасти уже известных по предыдущим публикациям³, однако значительно переработанные и приведенные в систему, которая подчинена задаче формулярно-текстологического анализа нескольких групп актов, связанных хронологически или тематически и отобранных по принципу значимости для отечественной истории X–XVI вв. Вторая часть книги – это издание актов XV–XVI вв. Публикация и описание каждого акта иллюстрируют теоретически обоснованные в предыдущих главах принципы исследования.

Целью всей работы является "история складывания и развития актов", автор стремится проследить эволюцию их формуляров, терминологии и содержания путем анализа состава и происхождения. Книга, не будучи систематическим курсом по всем разновидностям актов, охватывает некоторые ключевые комплексы документов. Помимо результатов формулярного анализа большое значение имеет ряд историко-текстологических наблюдений.

Исследуя типы формуляров русско-византийских договоров, С.М. Каштанов сопоставляет их структуру с летописными текстами и приходит, например, к выводу, что договор 911 г. соответствует схеме византийских хрисовулов, заключавшихся без предварительных переговоров "в чужой стране". Значительные коррективы он вносит и в датировку договора 911 г. "Месяца

сентября 2 недели" следует понимать не как "2 сентября", а как "2 воскресенье" сентября, приходившееся в 911 г. на 8-е число. Сравнивая порядок элементов конечного протокола договоров 911, 944, 971 гг., исследователь подвергает сомнению дату договора 944 г., приводимую только В.Н. Татищевым, так как порядок элементов даты не соответствует двум другим.

Интересны наблюдения над процедурой переговоров Святослава и Иоанна Цимисхия в Доростоле 971 г. Так, термин "пинехроса" ("пинехруша") истолковывается как "грамота на коже" (пергамен), являвшийся не договорной грамотой, "харатьей", а менее важным, предварительным актом. В отличие от других исследователей, С.М. Каштанов считает, что проект договора 971 г. был письменным, а не устным. Касаясь известного вопроса о несоответствии текста договора в изложении русских и византийских источников (например, об отсутствии упоминаний в летописях выгодного для русской стороны пункта о свободном приезде для торговли в Константинополь), он делает предположение, что условие это могло войти в тот текст договора, который был записан в лагере Святослава. Однако позиция автора все же остается не вполне проясненной. В целом, опираясь на изучение договоров Руси с Византией X в., исследователь приходит к выводу, что возникновение русского публичноправового акта проходило под влиянием византийских императорской и патриаршей канцелярий (с. 122).

В главе, посвященной русским внешнеполитическим договорам XII–XIV вв., рассматриваются только акты между Великим Новгородом и Ганзой и Орденом. Анализируя 18 сохранившихся документов (до 1380 г.), С.М. Каштанов выделяет три основных момента в порядке заключения договоров: 1) заключение договора в Новгороде; 2) привешивание печати ко всем экземплярам там же; 3) ратификация договора в резиденции другой договаривающейся стороны, привешивание печатей последней и передача экземпляра новгородским посланцам. Детально исследуется и дипломатическая структура документов, выданных как от имени князя, так и от имени властей республики. При этом оговаривается, что внешнеполитические акты смоленских и полоцких князей требуют специального рассмотрения, выходящего за рамки исследования. Автор полагает, что достигнутый к настоящему времени высокий уровень их изученности в публикациях и специальных работах текстологического, лингвистического и палеографического характера создает надежную базу для будущего формулярного анализа.

Глава "Русские великокняжеские грамоты XII–XIV вв. по вопросам внутреннего управления" объединяет более разнотипный актовый материал. Это духовные и жалованные княжеские грамоты, договоры между князьями, церковные уставные грамоты и т.п. Разбирая протокол ранних жалованных грамот, исследователь отмечает их построение в форме послания монарха местным

властям, которое имело общие черты с аналогичными западноевропейскими актами. Прослеживая дальнейшее развитие формуляра, он отмечает появление в XIV в. наряду с прежними санкциями, новых, связанных с упрочением аппарата княжеской власти. Угроза небесной кары постепенно уступает место угрозе княжеской "казни".

Анализируя духовные грамоты, автор объясняет сохранение документов, относящихся только к Московскому дому, тем, что духовные других князей, возможно, уничтожались по мере присоединения их княжеств к Москве. Из жалованных указных грамот московских князей XIV в. до нашего времени дошли преимущественно те, содержание которых относилось к территориям, порубежным с Новгородом и Тверью, а не к центральному району Московского княжества; исследователь истолковывает этот факт необходимостью укрепления там московского влияния.

С.М. Каштанов показывает, что к концу XIV в. выработались формуляры ряда разновидностей публичноправовых актов, ранее – в Новгороде, затем – в Москве, Рязани, Твери, Ярославле. При этом преобладает сделочная форма (грамота договорная, духовная, жалованная); меньшее, чем на Западе, распространение имела форма послания. Автор указывает на необходимость дальнейшего исследования актов этой эпохи: и в контексте понимания их как составной части общеевропейской традиции, и более широко – применяя сравнительно-исторические методы к восточному актовому материалу.

В главе о частных актах, исследуется структура древнейших из них: духовной и данной (купчей) Антония Римлянина, духовных Варлаама Хутынского и новгородца Климента. С.М. Каштанов отмечает новгородское происхождение большинства древнейших частных актов, видя в этом доказательство более интенсивного развития феодализма в Новгородской земле. Наименее развитым феодально было, по его мнению, Московское княжество, где не выдавались жалованные грамоты на земли; вместе с тем, именно в этом княжестве в XIV в. происходил интенсивный рост великокняжеской собственности, что подтверждается составлением княжеских духовных. В слабости частнофеодального и отсутствии крупного монастырского землевладения в Московском княжестве XIII–XIV вв. исследователь усматривает основные причины усиления княжеской власти, обусловившие роль Москвы как объединительного центра России.

Более развитые феодальные отношения автор фиксирует в Рязани, одном из старейших центров выдачи жалованных грамот.

Особое внимание уделяется рассмотрению терминов "удел", "уезд", "раздел". Если в наиболее ранних актах это скорее обозначение действия по размежеванию ("уездник" – представитель княжеской администрации, осуществлявший размежевание), то позднее, с середины XIV в., термин начинает обозначать определенную территорию вокруг населенного пункта. Далее термин эволюционирует, все более приближаясь к понятию "удела", в договорных грамотах XIV в. В духовных Ивана Калиты появляется и термин "раздел", что, по

мысли исследователя, свидетельствует о разделе княжества – новшестве, введенном московскими князьями.

Завершает первую часть монографии глава, хронологически и тематически несколько выбивающаяся из общего ряда, поскольку посвящена исключительно жалованным грамотам великих князей и царей афонским монастырям XVI в. Работа эта проводилась на источниковой базе сложившегося правительственного делопроизводства. Грамоты разделяются на четыре группы по адресатам: всему собору афонских монастырей, монастырям Пантелеймонову, Хиландарскому и Ватопедскому. Усиление или ослабление связей правящих кругов России с тем или иным религиозным центром сказывалось на частоте отправок туда грамот. Так, в начале царствования Василия III интенсивны связи с Афоном в целом и с Пантелеймоновым монастырем. При Иване IV вплоть до середины 1550-х гг. также теснее связи с Пантелеймоновым монастырем, затем – с Хиландарским. Влияние сербской династической идеи, олицетворяемое Хиландарским монастырем, прослеживается и в царствование Федора Иоанновича, Борис же Годунов вернулся к связям с Пантелеймоновым монастырем.

Обращенные к монастырям русские акты, отмечает автор, приобретают все большую торжественность. Под влиянием греческих грамот в царскую титулатуру вводится слово "самодержец" (в кратком титуле – с 1589 г., в полном – с 1591 г.), возможно после смерти "последнего удельного князя" – царевича Дмитрия. Богословие хиландарских грамот, по-видимому, повлияло на преамбулу духовной Ивана IV, составленной вскоре после выдачи очередной грамоты этому монастырю.

В "Заключении" С.М. Каштанов знакомит читателя с рядом дополнительных выводов, сделанных на основе изучения формуляров грамот. Так, богословская преамбула "проводила в религиозной форме идею сюзеренно-вассальной взаимности" (с. 124), игнорирование же ее в жалованных грамотах Ивана III свидетельствует об изживании подобных отношений. На актовом же формуляре прослеживается и динамика ограничения податных привилегий. Автор отмечает, что наиболее последовательная борьба с податными привилегиями приходилась на 1491–1513 гг.; основные массивы монастырских земельных владений не имели постоянного податного иммунитета, что облегчило отмену тарханов в 1550 г. Анализ грамот 1551–1560 гг. показал, что они не освобождали от большинства казенных сборов и повинностей, объем судебного иммунитета также был сужен по сравнению с 1540-ми гг.

В Приложениях опубликованы 45 грамот, обнаруженных ученым в различных архивохранилищах страны. Они оснащены обширными описаниями и комментариями, многие из которых приближаются по масштабу и глубине к самостоятельной исследовательской статье. Именно в этой части книги автор осуществляет на практике разработанную им методику, включающую, например, палеографические приемы, применявшиеся ранее лишь для исследования книжности (соотнесение

знака филигранны с вержерами и понтюзо). Сам опыт публикации по этой методике имеет эталонное значение и весьма важен для развития отечественной археографии.

В заключение несколько замечаний. Отдельные главы книги – это результат достаточно автономных исследований, поэтому понятно желание автора при компоновке монографии как-то тематически систематизировать изученный актовый материал. Но не вполне ясно разделение актов на внешнеполитические и грамоты по внутреннему управлению. "Внешней политикой" автор, видимо, считает только отношения Новгород с ганзейскими и орденскими правительствами, отношения же его с Тверью или Москвой – уже "внутренним управлением", таковым же – и отношения между другими русскими княжествами. Однако можно ли считать "внутренней политикой" ситуацию, когда, скажем, одно княжество заключает союз против другого – с сугубо "иностранным государством", например с Литвой? Следуя такой логике, "внутренним управлением" являются и отношения между государствами, входившими в Священную Римскую империю. Ввиду этой нечеткости понятны проскальзывающие у автора сомнения, когда он включает в этот раздел смоленские и полоцкие акты. Какие из них внешние, а какие внутренние, особенно применительно к Полоцку? То же – применительно к грамоте Ивана Берладника (независимо от ее подлинности). Почему она отнесена к внутренним актам, а жалованные грамоты афонским монастырям – к внешним делам?

Интересны замечания С.М. Каштанова о степени сохранности актов. Так, чрезвычайно важно наблюдение о полном отсутствии жалованных грамот за XIII в. (хотя они известны уже в XII в.). Возможно, это свидетельствует об административно-хозяйственной разрухе и об общей архаизации форм собственности в результате монголо-татарского нашествия. В другом случае, правда, из факта отсутствия жалованных грамот в Московском княжестве исследователь вывел интересную гипотезу о более низком, по сравнению с Новгородом, уровне развития там феодализма при наличии сильной верховной власти. Лучшая сохранность новгородских актов объясняется им более высокой степенью развития феодализма. Не подвергая сомнению основной тезис о степени развития феодализма, отметим, что следовало бы учесть и чисто "технологический" элемент – в Новгороде все лучше сохранялось ввиду лучших условий хранения в менее подверженном вражеским набегам и пожарам регионе. Недаром и ряд подлинных актов, связанных с Тверью, как правило, имеет отношение к Новгороду и, возможно, просто происходит из его архива⁴.

Может быть, следовало бы проверить и тезис о преимущественной сохранности московских актов, относящихся к тверскому и новгородскому по-

граничьям. Гипотеза о намеренном уничтожении в Москве духовных грамот из архивов присоединенных княжеств основана только на факте их отсутствия, что, на наш взгляд, не вполне достаточно, ибо среди них могли быть и вполне политически выгодные Московскому дому документы.

Сказанное отнюдь не умаляет значения этого уникального труда, который благодаря филигранной исследовательской технике, широкому концептуальному подходу и огромной эрудиции автора уже самим фактом своего выхода в свет поднимает общий уровень наших вспомогательных исторических дисциплин, прокладывая дорогу к новым исследованиям на базе методики, основанной на применении дипломатического анализа в сочетании с синтетическим осмыслением полученных результатов.

Ю.М. Эскин
(Российский государственный архив древних актов)

Примечания

¹ Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970; его же. Русская дипломатика. М., 1988.

² Его же. Русская дипломатика. С. 89.

³ Его же. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972; его же. Богословская преамбула жалованных грамот // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 5. 1973; его же. Русские княжеские акты X–XIV вв. // Археологический ежегодник за 1974 год. 1975; его же. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV – начала XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 11, 1979; его же. О подлинности и достоверности актовых источников // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991; его же. К вопросу о расшифровке имени "Игѣшь" в Уставе вел. кн. Всеволода – Гавриила Мстиславича // Образование Древнерусского государства. Спорные вопросы. Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1992; его же. Эволюция великокняжеского и царского титула в грамотах афонским монастырям XVI в. // Россия и христианский Восток. Вып. 1. М., 1997.

⁴ См.: Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Опись / Сост. В.Н. Шумилов. М., 1971. № 2–12, 23, 24, 26, 50, 70. По крайней мере известно, что не существует ни одного "тверского" документа, не связанного с Новгородом (или, позднее, с Москвой).

Т. ПРУСИ С. РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И ГРЕЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. Де Калб: Норс Иллинойс Пресс. 1994. 259 с.*

В критические моменты истории России Балканы служат для нее зеркалом особого рода, вглядываясь в которое русское общество пытается разглядеть собственные черты. До сих пор полуостров является для нашей страны полигоном испытания на прочность идеалов героического романтизма. "Русские добровольцы на Балканах" – эта фраза не потеряла актуальности со времен Карагеоргия и Ипсиланти. Уже этого достаточно, чтобы вызвать интерес к книге Прусиса, тем более, что он исследует самое начало балканских увлечений русского общества.

Здесь уместна следующая цитата из К.Н. Леонтьева: "Один из лучших и умнейших наших говорил мне: «Я очень боюсь вашей России, но я очень уважаю ваш народ». Я знал, например, этого вертопраха Кельсиева и много беседовал с ним: он очень умный человек. Правду говорил он, что русские на Дунае занимаются политикой для религии; а болгары и греки смотрят на религию большею частью как на политическое орудие"¹. Что бы ни было религией для русского общества на разных этапах его развития – собственно православие, свобода, наследие Эллады и Рима или славянское единство, но принцип, о котором говорил Леонтьев, проявляется в каждом конфликте на Балканах, как в зеркале мифотворчества и русского национального самосознания. Понятно, насколько сложен анализ этого процесса для историка, но Т. Прусис смог его проделать с талантом и изяществом.

Автору удалось верно передать картину противоречий на Балканах к началу греческого возмущения. Проблема состояла в том, что этот полуостров, традиционно развивавшийся в рамках имперской государственности (Римской, Византийской, Османской), предполагавшей наднациональный подход к региональным проблемам, с Первым Сербским (1804–1813 гг.) и Греческим (1821–1828 гг.) восстаниями вошел в период национально-освободительных движений, целью каждого из которых было не просто освобождение от ига иноверцев и иноязычников, но и осуществление Великой Национальной мечты. Для всех православных народов полуострова мечта эта так или иначе была связана с наследием Византии. Думается, более других на него могли претендовать именно греки, однако и они (как, впрочем, и их соседи) прежде всего стремились к форме (территории), а не содержанию (имперская политика) этого наследия. Именно это расхождение проявилось уже в начале движения Ипсиланти в Дунайских княжествах, когда греческие повстанцы встретили активное сопротивление местного валахского населения – восстание Тодора Владимиреску (1821 г.). Эта взаимная неприязнь естественных, казалось бы, союзников неоднократно

проявлялась и проявляется на Балканах. Прусис весьма добросовестно исследует причины этого явления, не обходя вниманием такой феномен как Фанар и его роль в турецкой администрации региона.

Любое из национально-освободительных движений имеет налет романтизма, в области же реальной политики романтизм тождествен безответственности. Не случайно и одно из первых воззваний Ипсиланти прямо указывало на близкую поддержку со стороны "Могучей Империи", т.е. России (с. 27). Здесь возникает и другая проблема – насколько соответствует эта повстанческая романтика жизненным интересам государства, с которым никто не советуется в начале восстания и к помощи которого призывают при его крахе? Считаю, что автор абсолютно прав, детально исследуя дилемму, вставшую перед Александром I в 1821 г. и перешедшую затем по наследству к Николаю I. Однако выбор императора был более сложным, и кроме расхождения между традиционной политикой покровительства православным подданным султана и обязательствами перед Священным Союзом, он должен был учитывать еще одно противоречие: между долгом России (в общественном понимании – ее освободительной миссией) и долгом перед Россией, измученной и разоренной бесконечными войнами начала XIX в. Так называемое общественное мнение в нашей стране почти всегда перед войной оперировало первым постулатом, а после войны – вторым. Правительство же действовало наоборот, и это расхождение, как мне представляется, ускользает от взгляда американского историка. В связи с этим хотелось бы отметить, что тезис Прусиса о том, что "русские агенты традиционно подталкивали балканских христиан на восстания" (с. 28), мягко говоря, небеспорен. Подобные призывы действительно имели место при Петре I (Прутский поход) и Екатерине II (военно-морская экспедиция в Архипелаг), но традиционность использования этого инструмента русскими политиками на Балканах следует еще доказать и уж во всяком случае в пользу этого тезиса никак не свидетельствует тот материал по Греческому восстанию, который приводит автор. Вообще же, в оценках некоторых русских государственных деятелей Прусис, к сожалению, оказался не в состоянии выйти за пределы либерально-западнической традиции. Так, например, при чтении его работы создается впечатление, что он преувеличивает степень влияния К.В. Нессельроде на внешнюю политику империи, или, если угодно, степень его самостоятельности в принятии решений. Особенности характера русского государственного механизма и самого министра иностранных дел делала его скорее исполнителем, чем творцом имперской

политики. И именно эти особенности были далеко не последними по важности причинами политического долгожительства этого видного русского дипломата – ведь Нессельроде был исполнителем этой политики не только в начале греческого восстания, но и в начале русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

Вряд ли следование традиции может быть поставлено в укор автору и в вопросе о "партии войны", т.е. о сторонниках вооруженного вмешательства России на стороне греков. Автору замечательно удастся показать и круг этих людей, и их прогрессивные по большей части устремления, романтическую готовность искать в движении следы великого наследия Эллады. Идеи военной революции (Испания), открытого мятежа против тирании, конечно, воодушевляли будущих декабристов, но, как мне представляется, был и еще один побудительный мотив в пользу вооруженного вмешательства в балканские дела. Значительная часть будущих борцов за "Конституцию – жену императора Константина" были детьми двенадцатого года в буквальном смысле. Они не принимали участия в Великой войне по молодости лет, они на нее опоздали и жаждали получить возможность совершить нечто, сравнимое с подвигами отцов и старших братьев. Они, не в меньшей степени, чем известный персонаж "Войны и мира", искали свой Тулон. Подобные стремления полностью укладывались в рамки модных романтических увлечений общества, как, впрочем, и патристического подъема победителей Наполеона. Вспомним такую деталь описания кабинета Евгения Онегина: "И лорда Байрона портрет, И столбик с куклою чугунной Под шляпой, с пасмурным челом, С руками, сжатými крестом". Однако эти стремления закончились для "партии войны" не триумфом у батарей Эгильет и Балагье, а карточными залпами у Исакиевского собора, похожими на те, которыми молодой артиллерист расстрелял роялистов 13 вандемьера у церкви Св. Роха близ Тюильри.

Странным (а может быть, и нет?) образом жажда деятельности и поиск своего Тулона накладывались на систему образов древней Греции, которую все больше открывало для себя русское общество. Роль греческой диаспоры в этом процессе показана автором убедительно и бесспорно. Однако в основе этих образов находился Герой, жаждущий подвига и обретающий его в борьбе. Подобная трактовка наследия Эллады была, может быть, несколько прямолинейна, но исключительно точно подходила к духу времени, символом которого стала фигура человека в треуголке со скрещенными на груди руками. Такие неожиданные всходы дали посеянные еще Екатериной II идеи эллинофильства на европеизированном сознании русского дворянства.

Весьма детально Прусис исследует и другую тему – оказание гуманитарной помощи греческим

беженцам, жертвам турецкого геноцида со стороны русского правительства и общества. Убедительно показана картина широкого общественного резонанса на события 1822 г. в Турции (резня в Хиосе, повешение патриарха Константинопольского Григория) и то огромное участие, которое приняли в судьбе жертв произвола представители всех христианских общин империи, независимо от сословной принадлежности. Последнее не ограничилось материальной поддержкой, но и, пожалуй, впервые достаточно широким по тому времени добровольческим движением, нашедшим, кстати, отражение и в классической русской литературе ("Выстрел").

Безусловным успехом автора следует признать главы "Русские писатели" (5) и "Пушкин и Греция" (6). Выделение в отдельную главу темы Пушкина оправданно, и сама глава отличается скрупулезным подходом к наследию поэта, тщательным анализом развития его отношения к восстанию и восставшим. Это отношение было неоднозначным. Пушкин встретил его с восторгом, но акты жестокости, допущенные Ипсиланти по отношению к мирному населению, а затем и бегство князя, покинувшего своих людей в один из самых драматических моментов движения, привели поэта к серьезной переоценке произошедших в Дунайских княжествах событий. Здесь опять возникает проблема соответствия идеала и действительности. Общество было готово поддержать национально-освободительную борьбу, но без эксцессов насилия, ей свойственных. Резня, кровь, месть за убийство близких людей, принцип коллективной ответственности, возведенный в ежедневную практику, – все это было довольно далеко от романтических представлений о том, как должна развиваться "справедливая" борьба. Между тем, ничем другим борьба за национальное государство в пространстве традиционной имперской государственности пока что, увы, не кончалась. Еще одна незамеченная особенность подобных движений – это механизм вовлечения масс в восстание помимо их воли. Отсутствие у простого торговца, ремесленника и т.д. воли к борьбе, готовности пожертвовать всем вызывало не понимание, а скорее раздражение, и вслед за этим презрение. Однако для русских писателей-современников греки оставались единоверцами, имеющими право на поддержку России. После разочарования они вновь и вновь возвращались к романтическому воспеванию подвига героев борьбы за свободу Эллады.

Вывод автора о том, что освобождение Греции не являлось целью царской политики в начале 20-х гг., думается, также небесспорен, ибо политика Александра I в последний год его царствования представляла собой попытку выйти из тупика, который олицетворялся невозможностью не только оказания поддержки восставшим, но и защиты собственных интересов (закрытие турками Проливов для русских судов, на большинстве которых

были греческие команды). В России не было института, законодательным образом оформлявшего влияние общественного мнения на политику правительства, однако отрицать влияние атмосферы на человека, вдыхающего ее порой помимо собственной воли, невозможно. Может быть, именно этот воздух вдыхал и вел. кн. Николай Павлович, которому в 1828 г. Пушкин посвятит следующие строки: "Россию вдруг он оживил Войной, надеждами, трудами"?

Время романтизма приходило к концу, но время романтиков в политике не кончилось до сих пор. Добросовестный труд американского историка дает надежду на торжество реализма хотя бы в исторической литературе. Непредвзятость и высокий профессионализм, проявленный Прусисом в столь

сложной теме, должны вызвать интерес к его работе у историков русистов и балканистов.

О.Р. Айрапетов
(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова).

Примечания

* T. P r u s i s. Russian society and the Greek revolution. De Kalb: North Illinois University Press. 1994. 259 p.

¹ Л е о н т ь е в К.Н. Собр. соч. Т. 5. М., 1912. С. 305.

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ. Вторая половина XIX века. М.: "Международные отношения", 1997. 384 с. Тир. 2 000

Рецензируемое издание является четвертой книгой пятитомника "История внешней политики России (конец XV в. – 1917 г.)". Непосредственно оно продолжает вышедший ранее труд об истории внешней политики России первой половины XIX в.^{*} Монография подготовлена коллективом ученых Института российской истории РАН, МГУ и МГПУ – профессионалов высокого уровня, известных в нашей стране и за рубежом¹. Хронологически она охватывает период от Парижского мира 1856 г. до середины 1890-х гг. – времени заключения русско-французского союза.

Несмотря на наличие обширной историографии по отдельным вопросам исследуемой темы, потребность в обобщающей работе давно назрела. Отличительная особенность рецензируемой монографии – стремление авторского коллектива осмыслить основные процессы и события истории российской внешней политики во второй половине XIX в., связав их с внутривнутриполитическим развитием страны и ходом общественной жизни. Авторы справедливо полагают, что только исследуя в комплексе всю совокупность социально-экономических, внутривнутриполитических и международных проблем, возможно показать глубинные истоки и движущие пружины внешнеполитических решений, понять механизмы их выработки и реализации.

Внешняя политика России анализируется в монографии с позиций современных научных требований и представлений как система взаимосвязанных действий и процессов на различных направлениях – в Европе, Азии, на Дальнем Востоке, в Америке. При этом убедительно показано, что главному из них – европейскому – были подчинены внешнеполитические акции в Средней Азии и на

Дальнем Востоке, которые лишь к концу рассматриваемого периода приобрели самостоятельное значение.

В работе отчетливо прослеживаются два этапа в развитии российской внешней политики с рубежом, приходящимся на 1870–1880-е гг., когда в Европе начали складываться противостоявшие друг другу международные политические блоки. Создание в 1879 г. австро-германского союза, направленного против России и Франции, предопределило борьбу Германии за гегемонию на континенте. Угроза европейскому равновесию обусловила создание в начале 1890-х гг. русско-французского союза.

Рассматривая российскую политику на двух указанных этапах, авторы сочли целесообразным выделить в самостоятельные главы проблемы, обладающие определенной спецификой: внешнеполитические акции России в Средней Азии, на Дальнем Востоке, воззрения российских общественных деятелей по вопросам внешней политики.

В монографии использована обширная отечественная и зарубежная литература, многочисленны опубликованные источники, привлечено немало материалов из архивохранилищ России, что позволило по-новому взглянуть на, казалось бы, уже известные факты.

Первая, очень важная, на наш взгляд, глава посвящена внутривнутриполитическим сюжетам. В ней рассмотрено влияние реформ и контрреформ на развитие внешней политики, положение внешнеполитического ведомства. Последнее, несмотря на некоторые изменения в структуре и кадровой политике, и в конце века сохраняло закрытый, кастовый характер, а роль монарха в определении внешнеполитического курса и принятии решений

даже усилилась. Материалы, приведенные исследователями, убедительно свидетельствуют о том, что экономика и финансы страны не могли обеспечить должного состояния ее военного потенциала, необходимого для реализации внешнеполитических планов, что и предопределяло проведение осторожной и сдержанной внешней политики. Этот вывод наглядно подтверждается в главах о политике России в Европе, Азии и на Дальнем Востоке.

Внешнеполитическая программа России после Крымской войны одной из главных задач ставила выход из международной изоляции и отмену унижающих достоинство страны статей Парижского трактата 1856 г. о нейтрализации Черного моря. В основном она была выполнена к началу 1870-х гг. и мирными средствами – отказом от прежнего внешнеполитического курса, ориентированного на легитимизм и реакцию, большим учетом национально-государственных интересов, использованием благоприятной международной обстановки.

Политика России в Средней Азии и на Дальнем Востоке обуславливалась прежде всего необходимостью решения стратегических задач. В монографии справедливо подчеркивается, что в этих регионах основная роль в реализации внешнеполитических акций принадлежала не дипломатам, а представителям военного и морского ведомств (генералы Н.П. Игнатьев, К.П. Кауфман, адмирал Е.В. Путягин, генерал-губернаторы Н.Н. Муравьев, А.А. Катенин и др.). По роду своих занятий они были хорошо знакомы с местными условиями, действовали решительно и без оглядки на "Европу", что нередко вызывало недовольство МИД, опасавшегося дипломатических осложнений.

В работе вскрыты глубинные причины, побуждавшие Россию расширять свою территорию в Средней Азии и на Дальнем Востоке: развитие капиталистических отношений в стране, экспансия западных держав в этих регионах, угрожавшая российским владениям, наконец, потребности внутреннего рынка. Авторы считают, что присоединение среднеазиатских и дальневосточных территорий отвечало национальным интересам страны. Можно также согласиться с их мнением, что, несмотря на негативные моменты, сопровождавшие царскую колонизацию, включение в состав России новых земель на Востоке способствовало экономическому и культурному продвижению этих земель по пути прогресса.

Являясь одновременно европейской и азиатской державой, Россия, как показано в книге, варьировала методы своей политики в разных регионах: так, если на Дальнем Востоке укрепление позиций было достигнуто дипломатическим путем, а в Средней Азии – с помощью военной экспансии, то на Балканах дипломатические и военные средства сочетались.

Во второй половине XIX в. балканское направление являлось определяющим во внешней

политике России, и ему в книге закономерно уделено значительное внимание. Восстановление утраченных после Крымской войны позиций на Балканах и изменение режима проливов в пользу России – вот главные задачи ее балканской политики в этот период. Поддерживая национально-освободительную борьбу балканских народов, Петербург стремился предотвратить революционный взрыв в этом регионе, который бы могли использовать в своих интересах другие державы и, в первую очередь, Австро-Венгрия. Поэтому длительное время российский МИД предпочитал действовать в рамках пресловутого "европейского концерта".

В главе о Восточном кризисе 1870-х гг. во всех деталях представлены попытки российской дипломатии мирным путем разрешить конфликт между Портой и ее христианскими подданными. Этот курс встречал возражения сторонников активной политики в придворных и общественных кругах. Под влиянием широкого движения сочувствия борьбе братских народов правительство было вынуждено в 1877 г. начать войну с Турцией. События Восточного кризиса 70-х гг., и это очень важно, прослежены в книге на фоне внутривнутриполитических осложнений в стране, что, безусловно, помогает понять причины дипломатических неудач России. Оценки Сан-Стефанского и Берлинского договоров даны в традиционной для отечественной историографии трактовке. Вместе с тем следует подчеркнуть важность и обоснованность вывода, прозвучавшего в этой главе, о том, что в случае реализации Сан-Стефанского договора на Балканах был бы создан новый очаг напряженности в отношениях между Болгарией, Сербией и Грецией.

Балканская тема занимает центральное место и в главе о внешней политике России в 1880-е гг. Здесь рассматриваются попытки России решить свои внешнеполитические задачи в условиях новых международных реалий, сложившихся после Берлинского конгресса. Однако в рамках возобновленного Союза трех императоров Петербург не достиг своих целей. Австро-русское соперничество делало этот союз непрочным, а болгарские кризисы 1880-х гг. привели к его распаду. В главе показана связь внутривнутриполитической реакции 80-х гг. с усилением реакционного характера внешней политики, что сказалось и на методах действий российских представителей в Болгарии. Опека и диктат Петербурга в сочетании с амбициями и непродуманными решениями Александра III привели в конечном итоге к разрыву российско-болгарских отношений. Анализируя эту главу, нельзя, однако, не отметить, что обстоятельно и подробно осветить борьбу России за сохранение Болгарии в орбите российского влияния, автор раздела М.Ю. Золотухин не уделил достаточного внимания общеполитическим сюжетам в политике Петербурга после 1878 г. и прежде всего такому важному направлению, как российско-сербские отношения.

Болгарские кризисы 1880-х гг. (отметим, что М.Ю. Золотухин обосновывает точку зрения о наличии двух кризисных ситуаций в Болгарии, в то время как ранее в историографии эти события объединялись в один кризис, более краткий по времени) способствовали переориентации внешней политики России и ее сближению с Францией. В книге подробно исследуется история складывания русско-французского союза и его оформления, что было нелегким делом вследствие сопротивления министра иностранных дел Н.К. Гирса – сторонника прогерманской ориентации. При этом справедливо подчеркивается оборонительный характер этого объединения, его значение в восстановлении европейского равновесия и повышении международной роли России. Представляется, однако, что в работе недостаточно показаны политика Франции и позиция французской общественности по вопросу русско-французского сближения. Кроме того, следовало бы, на наш взгляд, отметить, что включение России в противостоящий Германии блок впоследствии сыграло роковую роль в ее судьбе.

Монография завершается главой, освещающей развитие внешнеполитической мысли в России во второй половине XIX в. (автор В.М. Хевролина). Это совершенно новый аспект в исследовании истории внешней политики России и в том виде, как он рассмотрен в монографии, представляет важный вклад в историографию проблемы. Глава органично вписывается в текст книги. Впервые в литературе последовательно рассмотрены внешнеполитические концепции представителей общественной мысли различных направлений – консерваторов, либералов, демократов (И.С. Аксаков, Н.Я. Данилевский, М.Н. Катков, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, В.А. Гольцев, А.Н. Пыпин, А.И. Герцен, М.А. Бакунин, П.Л. Лавров и др.); показаны влияние взглядов этих деятелей на рост политического сознания российского общества, реакция правящих кругов на выступления прессы по вопросам внешней политики. Убедителен вывод о том, что идеологическая борьба в области внешней политики явилась новым фактором в общественной жизни страны, способствовавшим росту оппозиционности общества и его противостоянию власти. Материалы главы также свидетельствуют о влиянии, оказываемом представителями консервативного внешнеполитического курса на политику правительства, побуждая его к проведению внешнеполитических акций, не обеспеченных в достаточной мере внутренними возможностями страны. Совершенно справедливо констатируется, что идейный фактор наиболее заметную роль играл в балканской политике, где наряду с традиционными этническими и конфессиональными соображениями выдвигалась задача поддержки национально-освободительных движений поработанных Турцией народов.

Одним из многочисленных достоинств книги является большое внимание к личностному фак-

тору. Ее страницы наполнены живыми портретами участников тех далеких событий – политических деятелей, дипломатов и военных, осуществлявших политику России, – канцлера А.М. Горчакова, министра Н.К. Гирса, российских послов Н.П. Игнатъева, Ф.И. Бруннова, А.Б. Лобанова-Ростовского и многих других. Издание дополняется прекрасным иллюстративным материалом.

Книга не свободна от некоторых недостатков. Вне внимания авторов остались политика России в ряде не главных, но все же значимых международных вопросов, как, например, Балтийский, и взаимоотношения России со скандинавскими странами, ее позиция в итальянском объединении. Достаточно полно осветив политику России в славянских странах, особенно в Болгарии, авторы почти ничего не сказали о других государствах региона – Греции, Румынии. В результате полного освещения балканская политика России не получила. Представляется, что следовало бы сказать и об отношении Петербурга к действиям западных держав в Азии и Африке, его стремлении использовать в своих интересах возникавшие при этом конфликты (например, египетский кризис 1882 г.). Наконец, целесообразно было бы проследить влияние внутриполитической борьбы в ряде стран (Франция, Германия, Великобритания) на развитие их отношений с Россией. Как известно, русофобская ориентация и националистическая позиция многих органов печати и отдельных политических деятелей Запада создавали зачастую трудности для российской внешней политики. Эти же моменты в большой степени определяли внешнеполитическую позицию консервативных общественных кругов России в ряде вопросов, что также следовало бы отметить.

Итак, перед нами серьезный аналитический труд, объединенный общей концепцией, написанный на уровне требований современной науки и на основе обширного корпуса опубликованных и архивных источников, труд, который нужен очень многим специалистам по истории внешней политики России и международных отношений как в нашей стране, так и за рубежом.

Положительно оценивая данное издание, следует выразить надежду, что другие тома этого пятитомника вскоре также увидят свет.

С.И. Данченко

(Институт славяноведения и балканистики РАН)

Примечания

* История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., "Международные отношения". 1995.

¹ Редколлегия тома: В.М. Хевролина (отв. ред.), А.В. Игнатъев, Н.С. Киняпина, Ю.Ф. Субботин (отв. секретарь). Авторы: М.Ю. Золотухин, Н.С. Киняпина, Г.В. Мелихов, И.С. Рыбаченок, В.М. Хевролина, Н.И. Хитрова, К.Е. Черевко, Ю.Ф. Субботин.

ДИНАСТИЯ РЯБУШИНСКИХ. Автор текста и составитель Ю.А. Петров. М.: "Русская книга", 1997. 198 с. Тир. 10 000

Новая, прекрасно изданная книга известного историка российского предпринимательства Ю.А. Петрова завершает серию его работ, посвященных Рябушинским – замечательной династии русских промышленников, финансистов, меценатов и политиков¹. На сей раз в центре внимания автора – не отдельные отпрыски этой семьи, справедливо названной "эпохой в промышленной жизни России", а вся династия, начиная с ее основателя – калужского мужика Михайлы Яковлева, – в 1802 г. "прибывшего в московское купечество", и кончая представителями современного поколения Рябушинских, родившимися и живущими на Западе, но сохранившими память о своих русских корнях. По богатству используемых источников и разнообразию сюжетов рецензируемая книга выгодно отличается от многих появившихся в последнее время биографий российских предпринимателей и меценатов. Автору удалось избежать и апологетики своих героев – искуса распространенного, объяснимого и даже извинительного, учитывая многообразие и масштаб деятельности представителей этого славного рода.

Книга Ю.А. Петрова – увлекательный, но далеко не "святочный" рассказ об "устоях", традициях, нравах, религиозных, политических и эстетических взглядах разных поколений московской старообрядческой купеческой династии. Важно, что эта история не вырвана из контекста деловой, политической и государственной жизни России тех лет. То обстоятельство, что Рябушинские находились в родстве или тесном партнерстве с многими знатными фамилиями делового мира (Морозовыми, Носовыми, Мазуриными и др.), дает автору право и повод поговорить и о них. Полученный коллективный портрет московского купечества разительно отличается от описанных А.Н. Островским мрачных обитателей "темного царства" и от созданного советской пропагандой образа купца-кровососа, ради сохранения собственного богатства готового задушить революцию "костлявой рукой голода". Впечатляют характеристики А.И. Коновалова, С.Н. Третьякова и особенно С.И. Четверикова, крупного промышленника и одного из основателей Умеренно-прогрессивной партии, "европейски просвещенного", "тонкого ценителя искусства", первым в России введшего на своей фабрике 9-часовой рабочий день и систему участия рабочих в прибылях предприятия.

Широко оперируя таким сравнительно новым и мало используемым видом документации, как материалы по наследованию имущества, автор приводит сведения о личных состояниях практически всех представителей исследуемой им династии. И дело тут, конечно, не столько в желании приоткрыть завесу "коммерческой тайны", которой

всегда окутана подобного рода информация, сколько в стремлении показать истинные масштабы возможностей и деятельности его героев, памятуя, что "округление" капитала никогда не было их самоцелью. Единственное, в чем можно упрекнуть автора в источниковедческом плане, так это в труднообъяснимой привязанности к устаревшим документальным публикациям и игнорировании новых. Так, программа Умеренно-прогрессивной партии цитируется по публикации 1906 г., хотя значительно более полный сборник партийных программ был издан всего 3 года назад², материалы январского 1906 г. совещания ЦК "Союза 17 октября" автор предпочитает изучать по далеко не идеальной публикации конца 20-х гг., игнорируя документальный сборник двухлетней давности³, и т.д.

Основное внимание автора уделено третьему поколению династии – восьмерым сыновьям Павла Михайловича Рябушинского, среди которых первое место по праву занимают старшие – Павел и Владимир как наиболее яркие представители новой генерации московской буржуазии. Ю.А. Петров подробно рассматривает многочисленные, разнообразные, часто новаторские и неизменно успешные торгово-промышленные и банковские начинания этого поколения Рябушинских (текстильное, льняное, лесное дело, автомобилестроение, создание банковских домов и холдингов, операции с ценными бумагами и т.д.), тем самым иллюстрируя жизненное кредо этих крупнейших представителей российского бизнеса, главной целью которых была "не нажива, а само дело, его развитие и результат" (с. 58). Этот раздел книги представляется наиболее удачным. Несколько страниц его посвящено остро стоявшему в России "рабочему вопросу", названному "важным препятствием" для развития отечественной предпринимательской инициативы (с. 40). Автор приводит ряд фактов, свидетельствующих о стремлении Рябушинских ослабить социальную напряженность на своих предприятиях (сокращение рабочего дня, строительство училищ, больниц, ясель и т.д.), однако ничего не говорит о том, в какой степени подобные улучшения соответствовали требованиям ткачей, ограничиваясь констатацией, что "угли" рабочего недовольства продолжали "тлеть" вплоть до 1917 г.

Особая глава книги раскрывает политическую и общественную деятельность Рябушинских, на ниве которой общероссийскую известность приобрел все тот же лидер семейного бизнеса Павел Павлович. Автор приводит интересные сведения о политических настроениях в кругах московской буржуазии в середине – второй половине 1905 г. и выдвигавшихся ими требованиях, о деятельности П.П. Рябушинского как публициста и издателя оппози-

ционных газет ("Народная газета", "Утро", "Утро России"), основателя и активного деятеля ряда умеренно-либеральных партий (умеренно-прогрессивной, мирного обновления, прогрессистов). Жаль, что слабее других в работе представлен короткий, но важный "октябристский" период политической биографии старших представителей знаменитого семейства.

Значительное внимание в книге уделено "экономическим беседам", проходившим в 1908–1912 гг. в московском доме Павла Павловича с участием видных представителей российской интеллигенции А.А. Мануйлова, М.М. Ковалевского, С.Н. Булгакова, П.Б. Струве. От себя добавим, что особняк Рябушинского на Пречистенском бульваре был не единственным местом в Москве, где ставились и широко обсуждались проблемы русской промышленности в тесной увязке с вопросами общей политики. Нечто подобное в 1910–1911 гг. происходило и в московском отделении ЦК "Союза 17 октября". Лейтмотивом повествования на тему об общественно-политической деятельности текстильных королей является их противопоставление тем представителям либеральной российской буржуазии, которые, самоустранившись с политической арены, привели буржуазно-либеральное движение "к проигрышу битвы за будущее страны" (с. 79), в то время как сам П.П. Рябушинский, "цельный в своей купеческой классовой психологии", выступал сторонником борьбы с "приказным строем" под лозунгом: "Купец идет!". Однако в условиях общенационального кризиса 1917 г. "социальную изоляцию" своего класса не было дано преодолеть и ему.

Трудно не согласиться с утверждением автора о том, что "фамилия Рябушинских была богата людьми, одаренными в различных сферах" (с. 124). Помимо широкой благотворительной деятельности Рябушинские прославились как собиратели и коллекционеры книг, живописи, старинной мебели; двое из восьми братьев – Павел и самый младший Федор – финансировали научные экспедиции: в Сибирь и Среднюю Азию на поиски радия и гео-

графическую для исследования Камчатки. Одним из первооткрывателей древнерусской иконописи, собирателем и большим ее знатоком был Степан Павлович, чья коллекция является ныне украшением собрания икон Третьяковской галереи. Николай снискал известность как издатель литературно-художественного журнала "Золотое руно", Дмитрий – как основатель и бессменный руководитель подмосковного Аэродинамического института. Даже те представители династии, которые, казалось, с головой ушли в предпринимательскую деятельность, находили время для занятия наукой (Павел Павлович) или искусством (Михаил и Сергей Павловичи). Наконец, именно этой династии Москва обязана появлением ряда великолепных зданий.

В общем, книга удалась. Остается надеяться, что исследование о "хозяйственных мужиках", как называли себя сами Рябушинские, попадет в руки и их исторических преемников, которым есть с кого брать пример.

Д.Б. Павлов

(Российский независимый институт социальных и национальных проблем)

Примечания

¹ См.: Петров Ю.А. Братья Рябушинские: групповой портрет русской финансовой олигархии // Встречи с историей. М., 1990. Вып. 3. С. 29–45; е го ж е. П.П. Рябушинский // Исторические силуэты. М., 1991. С. 106–152; е го ж е. Рябушинские – целая эпоха в промышленной жизни России // Наука и жизнь. 1992. № 7. С. 20–28; е го ж е. Евфимия Носова // Кентавр. 1992. № 9–10. С. 132–142 и др.

² См.: Программы политических партий России. Конец XIX–XX вв. М., 1995.

³ См.: Партия "Союз 17 октября". Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1996.

Л. ТОМАС. СТРЕМЛЕНИЕ К ВЕЛИКОДЕРЖАВИЮ. РОССИЙСКИЙ ТОРГОВЫЙ ФЛОТ. 1856–1914 гг. Берлин, 1995. 240 с.*

Книга профессора Гумбольдтского университета в Берлине Людмилы Томас не имеет аналогов в российской историографии. Имперское "стремление к великодержавию", вынесенное в название монографии, в дореволюционной и советской исторической литературе рассматривалось прежде всего через призму создания военного флота и военной промышленности в целом. Автор же ставит задачу

проследить на протяжении всего пореформенного периода возникновение и развитие торгового флота – не менее важного фактора морского могущества. Всему миру второй половины XIX в. в условиях перехода от парусного к паровому флоту была свойственна смена политических парадигм: прежде оставшийся заботой отдельных предпринимателей или торговых компаний, торговый флот

стал восприниматься как необходимый атрибут морской державы, существенное дополнение флота военного и средство расширения внешнеторговой экспансии. К концу же прошлого века в обстановке усилившейся борьбы за колонии наличие торгового флота для европейских держав превратилось в вопрос национально-государственного престижа.

В последнее десятилетие, подчеркивает автор, в среде западных историков усилилось сомнение, можно ли рассматривать историю России как вариант европейской социально-экономической модели, не является ли она особым типологическим случаем? Л. Томас, как представляется, не разделяет подобного взгляда, и потому свою исследовательскую задачу ставит достаточно широко: она не только излагает историю отдельных судоходных компаний, но главным образом анализирует те политические и социальные условия, в которых протекало становление русского торгового мореплавания с середины XIX в., те импульсы, и правительственную политику прежде всего, которые дали толчок его развитию в общеевропейских формах (с. 9–10). Вместе с тем, автор, чья научная карьера начиналась еще в ГДР, решительно порывает с ленинской теорией империализма применительно к России, вслед за Д. Гайером отмечая, что империи не были свойственны кризисы перепроизводства и связанное с ними стремление к внешнеторговой экспансии. Развитие российского торгового флота обусловили скорее геополитические и военно-стратегические факторы, нежели чисто экономические, хотя наиболее успешно действовали компании, соединявшие политический расчет с коммерческим.

Работа германского историка опирается на добротную источниковую базу, заложенную еще в "доперестроечные" времена (названия некоторых российских архивов даются еще в советском написании). Документы ведомств, курировавших торговый флот (Министерств финансов и торговли и промышленности), из Российского государственного исторического архива в Петербурге, материалы российского Министерства иностранных дел из Архива внешней политики России в Москве и Государственного архива Российской Федерации, а также донесения германских консулов в России, обнаруженные в германских архивах, позволили автору обстоятельно проследить историю торгового флота страны за полвека его существования – с окончания Крымской войны и до начала Первой мировой. Отметим, что книга снабжена ценными приложениями – статистическими таблицами о развитии торгового судоходства, перечнем архивных и библиографических источников, а также именным указателем, облегчающим читателю поиск отдельных персоналий и сюжетов.

Структурно исследование состоит из четырех разделов (глав), в которых история торгового флота рассматривается в узловых хронологических срезах. В первой главе речь идет об эпохе после

Крымской войны, когда России было запрещено держать военный флот на Черном море. Создание торгового флота стало попыткой обойти унижительные условия Парижского мира и сохранить присутствие в черноморском бассейне (торговые суда в случае необходимости предполагалось легко переоборудовать в военные). Анализируя роль Морского министерства в ходе подготовки преобразований рубежа 1850–1860-х гг., автор приходит к обоснованному выводу, что именно от морского ведомства во главе с вел. кн. Константином Николаевичем исходили импульсы многих реформ царствования Александра II, и не только в морском деле. Опираясь в данном разделе в основном на российскую исследовательскую литературу, автор, правда, не использует некоторые значимые работы, специально посвященные деятельности Морского министерства эпохи реформ¹.

Помимо государственных амбиций, фактором, обусловившим появление русских пароходных компаний в эпоху Александра II, стал предпринимательский дух, освобожденный от гнета николаевского правления. На стыке имперской геополитики и коммерческого расчета возникли ведущие судоходные общества, определявшие лицо отечественного торгового флота вплоть до Мировой войны. В исследовании Л. Томас подробно рассмотрено возникновение таких компаний, как Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ, основано в 1856 г.), "Кавказ и Меркурий" (1858), Добровольный флот (1878), Общество Дунайско-Черноморского пароходства (1886).

Общим моментом для всех них являлась правительственная поддержка в форме субсидий (особенно это касалось Добровольного флота и Дунайско-Черноморского пароходства), следствием которой стало обслуживание акционерными по форме предприятиями государственных потребностей. Не обходилось и без конфликтов частного капитала с государством, поскольку казенные заказы не всегда (точнее сказать – достаточно редко) оказывались выгодными с коммерческой точки зрения.

РОПИТ, действовавший в Азовско-Черноморском бассейне, с самого начала ориентировался на вывоз главной экспортной культуры – хлеба – и потому в меньшей степени зависел от правительства. Именно нежеланием руководителей РОПИТ содержать невыгодные линии, связывавшие Одессу с дунайскими портами (Измаил, Галац), было вызвано появление на свет Дунайско-Черноморского пароходства. Общество это существовало целиком на казенный счет, поскольку правительство было заинтересовано в поддержании морского сообщения с придунайскими славянскими государствами и в противодействии тем самым австро-венгерской и германской экспансии на Балканах. "Затратный метод" деятельности компании привел к ее фактическому банкротству на рубеже 1890-х гг., от которого пароходство было спасено очередным вливанием казенных средств.

"Кавказ и Меркурий" сосредотачивал деятельность в Каспийском бассейне, где перевозки, за исключением Волги, поначалу были убыточны и носили выраженный экспансионистский характер (например, линия Баку–Красноводск была открыта для завоевания и последующей колонизации среднеазиатских областей). Л. Томас полагает при этом, что в налаживании паромных сообщений с Закаспийским краем немалую роль сыграли расчеты российских текстильных предпринимателей на развитие среднеазиатского хлопкового рынка. Действительно, хлопок со временем стал главным предметом вывоза на судах "Кавказа и Меркурия", но все же, думается, главным фактором возникновения каспийского паромства была правительственная политика, ориентированная на присоединение Средней Азии к империи. Туда – солдат, оттуда – хлопок: вот грубая схема деятельности этого общества.

Наконец, последняя из рассматриваемых в главе компаний – Добровольный флот – появилась на свет как средство освоения дальневосточных владений. Можно сказать, что Добровольный флот был чисто государственным предприятием. Примечательно, что фактическим его главой на протяжении многих лет являлся сам К.П. Победоносцев. С 1880-х гг. действовала линия Одесса–Владивосток. На случай войны, по замыслу Александра III и Победоносцева, суда Добровольного флота должны были служить угольной базой для морских крейсеров (с. 56). Таким образом, гражданский по форме флот призван был прокладывать путь к утверждению российского военно-морского господства на Тихом океане.

Рубежом в истории отечественного торгового флота стало время министерства С.Ю. Витте, когда вопрос о торговых судах стал предметом ожесточенной полемики в верхах. Политика правительства на рубеже XX в., рассмотренная во второй главе, определялась, по наблюдению автора, треугольником Витте–Николай II – вел. кн. Александр Михайлович. До 1902 г. торговое судоходство находилось в ведении Министерства финансов, т.е. Витте, а затем по указу императора было передано в специально образованное Главное управление торгового мореплавания и портов во главе с великим князем, близким другом и родственником царя (Александр Михайлович был женат на сестре Николая II Ксении). Именно конфликт Витте с царским родственником стал стержнем правительственной политики в области торгового флота, и без того не отличавшейся последовательностью. Германский исследователь, заметим, в отличие от многих сегодняшних отечественных и зарубежных апологетов "романовской" темы, достаточно критически оценивает государственные способности оппонента Витте.

При всей, казалось бы, изученности экономической политики всеявного министра финансов, автор на основе новых архивных документов находит интересный нюанс, уточняющий систему

приоритетов Витте. В его экономической программе вопрос о торговом судоходстве стоял на втором плане, поскольку главной целью Витте являлось достижение общеэкономического роста, затем расширение экспортных возможностей и потом уже налаживание работы торгового флота, действующего благодаря как правительственной поддержке, так и на основе частной предприимчивости (с. 112). Сознание того, что торговый флот может развиваться только на базе рентабельности, сближало Витте с отечественными предпринимательскими кругами, желавшими извлекать из морских перевозок реальную прибыль, а не только казенные субсидии. Вместе с тем, поскольку частных инвестиций в России не хватало, Витте был целиком за допущение в русское торговое судоходство иностранного капитала, компенсирующего нехватку собственных средств и стимулирующего развитие экспорта.

Именно этот пункт программы Витте и вызвал резкое расхождение с вел.кн. Александром Михайловичем, который придерживался линии на "национализацию" (по его собственному выражению) русского торгового флота, иными словами настаивал на вытеснении из этой отрасли иностранного предпринимательства. Витте же ратовал за привлечение иностранцев вплоть до предоставления им права использовать русский торговый флаг, за иностранные инвестиции в отечественное судостроение и т.п. Конкретным примером его курса, анализируемым в книге, стало основание в России дочернего предприятия датского Общества Восточноазиатского паромства (1899), в котором были заинтересованы члены датской королевской фамилии – родственники вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Общество это, эксплуатировавшее датские суда, брало на себя фрахты на Владивосток, с которыми не справлялся Добровольный флот.

Однако противостояние с вел.кн. Александром Михайловичем закончилось для Витте поражением. В области торгового судоходства возобладал псевдопатриотический курс, воплотившийся в создании упомянутого Главного управления торгового мореплавания и портов, официальной целью которого провозглашалось устранение "зависимости от иностранных предпринимателей и торговых флотов" (с. 108). Автор полагает, что эта мера стала звеном интриги против Витте со стороны "безобразовской" клики, к которой примыкал и великий князь. Интрига завершилась отставкой Витте с поста министра финансов, но победа эта в конце концов оказалась пирровой: всего через три года после своего создания Главное управление было ликвидировано, а торговое судоходство по настоянию того же Витте, занявшего к тому времени пост премьер-министра, передано в ведение вновь созданного Министерства торговли и промышленности.

Причиной тому стала крайняя неэффективность нового ведомства, особенно обнажившаяся под

влиянием русско-японской войны и экономического кризиса начала 900-х гг., которым посвящена третья глава монографии. Государственное регулирование, служившее основой экономической политики Витте, под руководством великого князя, по оценке автора, превратилось в фарс. Профессиональный военный моряк и славянофил, мечтавший о союзе Балканских славянских государств, Александр Михайлович рассматривал свое назначение по ведомству торгового флота как временный этап в военной карьере. Единственной значимой мерой за время его правления торговым флотом стало преобразование Дунайско-Черноморского пароходства в чисто казенное Русско-Дунайское пароходство (1903) для активизации русского пароходства на Балканы. Возобладавшая при великом князе тенденция "национализации", не находившая, кстати, поддержки ни в финансовом ведомстве после Витте, ни в Морском министерстве, обрела воплощение в проекте указа 1904 г. о русском торговом флаге. В программе руководителя Главного управления причудливо сочетались как разумные протекционистские меры (поощрение отечественного судостроения), так и националистические утопии о выкупе в казну "не чисто русских" судоходных компаний.

Автором обстоятельно рассмотрено и расхождение Витте и "безобразовцев" по вопросу экспансии на Дальнем Востоке, обернувшейся военным столкновением с Японией. Противники министра финансов делали ставку на создание военного порта на базе Порт-Артура, а Витте возлагал основную надежду на торговую экспансию через Китайско-Восточную железную дорогу и торговый порт Дальний, к которому от Владивостока должна была перейти роль главного торгового форпоста империи на Дальнем Востоке. Позиция эта тоже была не безукоризненна, поскольку на обустройство Владивостокского порта было уже затрачено немало средств, но все же, по заключению автора, она была менее взрывоопасна, нежели безумная военная экспансия ближайшего царского окружения.

В период войны с Японией торговый флот России, представленный на театре военных действий судами Добровольного флота, не смог стать оперативной базой военно-морских сил, как на то рассчитывали. Для этого просто не хватало кораблей, пришлось срочно закупать недостающие у иностранных компаний, но на Дальний Восток они успели только к моменту эвакуации русской армии из Маньчжурии. Полная потеря тихоокеанской флотилии означала, что на широкую государственную поддержку торговому флоту рассчитывать не приходится – основное внимание правительства привлекала проблема воссоздания военно-морской мощи империи.

Последняя глава – "Между думским контролем и иностранной конкуренцией" – посвящена кануну Первой мировой войны. Автор обоснованно заключает, что события русско-японской войны и рево-

люции 1905 г., приведшие к реорганизации административного строя, в целом благоприятно сказались на управлении торговым флотом: компетенция руководителей Министерства торговли и промышленности была на уровне их европейских коллег, а участие Государственной думы в разработке политики торгового мореплавания придало обсуждению проблемы гласный и поддающийся общественному контролю характер. Хотелось бы, правда, увидеть в книге сюжет о том, насколько повлияли на политику в сфере торгового судоходства обсуждение и принятие тех обширных программ строительства военно-морского флота, которые были разработаны правительством и утверждены Думой незадолго до мировой войны. Вопрос этот в монографии вообще не упоминается.

По материалам двух ведущих российских компаний (РОПИТ и Добровольного флота) автор проанализировала изменение деятельности торгового флота под влиянием новых реалий начала XX в. Добровольный флот остался инструментом колонизации Дальнего Востока и пользовался значительными казенными субсидиями (помильная плата за каждый рейс), но в условиях столыпинской реформы объем его перевозок значительно возрос, равно как и район плавания, включивший Охотское и Берингово моря. В отличие от "политического" флота, каковым по существу являлся Добровольный, РОПИТ оставался предприятием рентабельным и менее зависимым от государства, хотя также пользовался казенной поддержкой.

Обширный параграф отведен автором проблеме "торговый флот и эмиграция". Эмиграция, в особенности экономическая, так называемая трудовая, связанная с длительным отъездом из страны в поисках заработка, на рубеже XIX–XX вв. стала поистине золотым дном для пароходных компаний, обслуживающих трансатлантические рейсы. В начале XX в. основной поток эмигрантов в Америку направлялся из Восточной Европы, в особенности из России, которая стала мировым лидером эмиграции. Значительную долю среди покидавших страну составляла этническая или "еврейская" эмиграция, но в начале века стала преобладать именно "трудовая" из числа жителей западных губерний. Проблема "трудовой" эмиграции, на которой подробно останавливается автор, достаточно освещена в отечественной литературе, о которой, к сожалению, нет упоминания в тексте монографии².

Проблема для российского флота заключалась в том, что на трансатлантических линиях господствовали германские компании, и основной поток русских эмигрантов в Америку шел поэтому через Гамбург. Положение осложнялось и неразработанностью в российском законодательстве самого понятия "эмиграция", в связи с чем значительного размаха достиг нелегальный выезд из страны. Отставание отечественного судоходства попытался

ликвидировать Добровольный флот, с 1903 г. открывший заоканскую линию из Ливавы. Однако из-за противодействия международного синдиката (пула) судовладельцев перехватить основной пассажиропоток в США не удалось, половина всех эмигрантов из России в канун мировой войны продолжала пользоваться германскими судами. Законопроект об эмиграции, который позволил бы русскому торговому флоту расширить перевозки, был подготовлен еще в 1902 г., но так и не был утвержден вплоть до начала мировой войны. За бесконечными его обсуждениями, отмечает автор, ссылаясь на германские документы, внимательно следили в Берлине, поскольку проект содержал жесткие ограничения для иностранных судов. Бюрократическая российская машина так и не сумела довести до конца дело, сулившее многомиллионные прибыли самой казне.

В заключении к книге Л. Томас делает вывод, что общая политика содействия торговому флоту со стороны правительства отличалась концептуальной и практической непоследовательностью, ограничиваясь по большей части запретительно-регламентирующими мерами. Поэтому придерживавшиеся коммерческой ориентации РОПИТ и "Кавказ и Меркурий" процветали, тогда как полуказенные Добровольный флот и др. компании балансировали на грани краха, от которого спасались благодаря "помилной плате" со стороны государства, преследовавшего свои имперские цели (поддержка военного флота и колонизация окраин). В цифровом исчислении финансовая поддержка русского торгового флота государством была немалой, не меньше, например, чем в Германии, но из-за чисто казенной организации дела деньги уходили в песок, не принося должного экономического эффекта.

В конечном итоге, как показала русско-японская, а затем и Первая мировая война, главный расчет правительства на содействие торгового флота военному оказался несостоятельным из-за слабости казенных компаний. По этой причине, несмотря на стойкую тенденцию в верхах к "национализации" торгового флота, без услуг иностранных судоходных компаний царское правительство так и не смогло обойтись.

Безусловно новаторская, чрезвычайно богатая оригинальным архивным материалом, монография Л. Томас может быть оценена как достижение современной западной историографии социально-экономической истории пореформенной России. Остается лишь пожелать, чтобы состоялся перевод этой книги на русский язык, дабы сделать ее доступной отечественному читателю. По-немецки основательная и тщательно выполненная, монография Л. Томас безусловно вызовет интерес у российских специалистов и всех любителей отечественной истории.

Петров Ю.А.
(Институт российской истории РАН)

Примечания

* Ludmila Thomas. Streben nach Weltmachtpositionen. Russlands Handelsflotte 1856 bis 1914. Akademie Verlag GmbH, Berlin 1995. 240 S.

¹ См.: Ш е в ы р е в А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990.

² См.: Т у д о р я н у Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). Кишинев, 1986.

Х.Ф. Я А Н . ПАТРИОТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

В книге доцента Эрлангенского университета (Германия) Хубертуса Яана предпринята попытка разобраться в таком феномене исторического процесса, как патриотизм, и конкретно в патриотизме народных масс в условиях России на заключительном этапе существования монархии Николая II. Для этого использован необычный источник – иллюстративные, иллюстративные и другие материалы, рассчитанные на массового зрителя из низших слоев российского общества (лубочные картины, почтовые открытки, газетные и журнальные карикатуры, кинокартины, аудиозаписи и т.д.). Такая попытка применительно к рассматриваемому периоду предпринимается впервые (известны работы подобного типа, относящиеся ко времени

революции 1905–1907 гг.). Между тем война – это всегда больше, чем совокупность военных событий, и она оказывает громадное воздействие на все стороны жизни воюющих стран, в том числе и на их культуру. Ценность монографии Х. Яана состоит в попытке дать интерпретацию Первой мировой войны именно в ее культурологическом аспекте.

Используемый Х. Яаном термин "патриотическая культура" относится к патриотической деятельности людей, занятых в многообразной сфере развлечений, а также к реакции на эту деятельность общества в целом. В контексте мировой войны патриотическая культура предстает как выражение и поиск национальной идентичности через художественные и артистические средства. Она отражает

систему идей и определенных ассоциаций, а также стереотипы поведения или общения. "Я не собираюсь, – пишет Х. Яан, – разрабатывать новую теорию патриотизма или писать новую историю мировой войны. Скорее я пытаюсь выявить понимание и конкретные плоды патриотизма в данном конкретном обществе в данное конкретное время" (с. 3).

Историки Первой мировой войны в основном анализировали ход боевых действий, людские и экономические потери, действия политиков, массовое рабочее и оппозиционное движения. Проблемы же культуры в основном освещались в трудах, посвященных Великобритании, Франции и Германии, тогда как в России подобная проблематика практически не исследовалась, что затрудняет проведение сравнительного культурологического анализа. Надо сказать, что автор мог бы значительно облегчить положение читателей, включив в книгу отдельную главу по историографии вопроса. Однако этот материал разбросан по всему исследованию от введения до примечаний, что вызывает сожаление.

Сегодня особенно важно разобраться в причинах, порождающих резкий подъем патриотизма и национализма в определенные периоды истории. Это тем более актуально, что современные российские националистические группы в пропагандистских целях во многом повторяют патриотическое наследие прошлого.

Один из способов "проникновения" в умы и сознание людей – анализ культурной жизни народа. Цирк, театр, кино и дешевые печатные издания служили основным источником богатой и разнообразной информации, которая, в свою очередь, создавала и укрепляла образы и идеи в сознании ее потребителей. Поэтому изучение народных увеселений как проявлений массовой культуры, которая, развиваясь, принимала все более разнообразные формы и была важным компонентом национального самосознания и одной из составляющих патриотизма, дает "основание" для характеристики патриотических настроений в эти годы. Войны не только сплачивают нацию и укрепляют национальное самосознание, но и формируют патриотические убеждения. Подъем патриотизма – неизбежное следствие войны, а колебания патриотических чувств, как и других составляющих настроения масс, зависит уже от хода военных действий. Патриотизм, проникая в мир развлечений и популярной культуры, несомненно, влиял на сознание народа в целом, независимо от классовой принадлежности, и в определенной степени воздействовал на судьбу нации во время войны.

Исследуя своеобразие русского патриотизма, автор отмечает, что русский народ, как и все народы Европы, приветствовал объявление войны в 1914 г. с большим энтузиазмом (что в советской историографии замалчивалось). В первые дни войны толпы людей собирались на улицах столицы и многих других городов страны, выражая предан-

ность трону и готовность воевать до победы. В Петрограде и Москве тысячи людей присоединялись к празднованию российских побед в марте 1915 г. Многие из восторженно настроенных участников были студентами, но были среди демонстрантов рабочие и представители других классов и слоев общества. Трудно сказать, насколько искренним было тогда отношение этих людей к самодержавию, хотя на демонстрациях всегда было несколько портретов царя. Однако не может быть никаких сомнений в подъеме громадной волны благотворительности, связанной с патриотизмом. Вместе с тем автор согласен с Э. Хобсоном, отмечавшим, что уже в 1914 г. российский патриотизм имел более одного значения: он был консервативен в традиционном смысле слова и одновременно революционен.

В дальнейшем война привела к кризису и крушению социально-экономической и политической системы в России, дискредитации династии Романовых, исчерпала кредит доверия народа к своему правительству. Без конца эксплуатировать народный патриотизм было невозможно, патриотический подъем сменялся апатией, безразличием, повседневной борьбой за выживание на фронте и в тылу. Патриотизм и революционность к февралю 1917 г. в глазах значительной части россиян, казалось, слились воедино, что и привело к падению самодержавия.

Монография Х. Яана состоит из трех глав. Первая посвящена отражению военной темы в изобразительном искусстве (лубок, графика, рекламные материалы, почтовые открытки), вторая – изображению войны в театре, музыке, цирке, на эстраде, третья – военному кино.

Наиболее четко и легко изменения содержания и формы прослеживаются в культурной жизни. Визуальное и театральное искусство, кинематограф создали своеобразную патриотическую ауру и выражали ее со всем богатством, характерным для быстро развивающейся культуры. Проявления патриотизма менялись и были различными в 1914 и в 1917 гг. После недолго длившегося энтузиазма, от которого и следа не осталось после катастрофических поражений 1915 гг., российский патриотизм стал более дифференцированным, отражая непохожие и зачастую противоположные настроения внутри общества.

Старые формы проявления российского национального характера – цирковая пантомима, ярмарочные балаганы, лубки и т.д. – пережили во время Первой мировой войны как бы свое второе рождение. Российская культура стала более зависимой от фольклора и ностальгии по прошлому величии страны. В массовом искусстве широко использовались сатира, карикатура и фарс. Почтовые открытки, плакаты, афиши, фильмы играли важную роль в распространении патриотических мотивов через сферу развлечений. Патриотическая культура создала новые технические средства

пропаганды, спустя короткое время сыгравшие на руку большевикам. Так, машины, поезда и корабли с водруженными на них плакатами стали важным компонентом в пропагандистской схватке красных с белыми во время Гражданской войны. Плакаты и фильмы широко использовались для поднятия патриотического духа и во время Второй мировой войны (с. 172).

Общей во всех воюющих странах стороной патриотизма в военное время являлось проецирование на враждебную страну, ее народ и правителей всевозможных негативных стереотипов, причем в самой доходчивой и упрощенной форме.

Так, германский кайзер стал главным персонажем патриотических открыток и комических лубков, пользовавшихся особой популярностью у простых людей. Вильгельм II изображался в виде разъяренного кабана или сидящим в клетке зоопарка. Если многовековое восприятие Востока как экзотического края создало образ глупого турецкого султана, живущего среди фантастической роскоши, а образ слабой империи ассоциировался с фигурой старого и немощного Франца-Иосифа, то Вильгельму приписывался сатанинский характер, что отражало восприятие немцев как самого опасного врага России. Его образ ассоциировался с германской милитаристской наглостью, жестокой педантичностью и отсутствием всякого великодушия и человечности. Во время цирковых представлений кайзер становился постоянным объектом насмешек клоунов, вызывавших бурный восторг публики. Таким же шутовским персонажем или злодеем был Вильгельм и в низкопробных кинофильмах, которые в начале войны широко тиражировались для малограмотных зрителей и напоминали собой движущиеся лубки. Подобные фильмы, которые достаточно образованный человек воспринимал как низкопробную поделку, в глазах простонародья приобретали определенную "патриотическую" респектабельность.

Те же мотивы присутствовали, однако, и в элитарной культуре высших классов, хотя формы их выражения были более "утонченными". Так или иначе, ненависть к кайзеру и симпатии к подвергшимся нападению бельгийцам были популярны среди всех слоев населения. Но если русские достаточно ясно понимали, против кого они воюют, то ради чего шла эта кровопролитная война, было уже не очень ясно, и единства здесь не было. Во всяком случае в России не оказалось общенациональной символической фигуры типа дяди Сэма у американцев. Царь и его предки, исторические герои прошлых войн (Александр Невский, Суворов, Кутузов и др.) и мифологические русские богатыри – эти образы широко использовались в целях национальной идентификации. Особенно популярны, отмечает автор, были Козьма Крючков и другие казаки, поскольку они были ближе народной аудитории по своему социальному облику и культурному уровню. В годы Первой

мировой войны казаки стали главными фигурами, воплощавшими народный патриотизм. В патриотических цирковых спектаклях казаки демонстрировали джигитовку, а в многочисленных печатных изданиях вновь и вновь изображалась в картинках их лихая расправа с кайзером, пронзание копьем дирижабля и т.п. В газетах и дешевой популярной литературе без конца повторялись истории о подвигах казаков.

Первая мировая война расширила сектор массовых развлечений, занимаемый кинематографом, число приверженцев которого росло с невероятной быстротой. Кинофильмы вводили человека в мир грез и иллюзий. Помимо патриотического репертуара, особой популярностью пользовались фильмы "про шпионов", любовные мелодрамы и сюжеты на социальную тему, в особенности о головокружительном восхождении героев по социальной лестнице. Привлекала широкую публику и военная кинохроника. Фильмы о вампирах, убийствах, самоубийствах, апокалипсические представления о смерти и разрушении, доступные прежде только элитарной культуре, теперь позволяли уходить от реальности значительно большему числу людей. Погружение в мрачный пессимизм и ожидание конца света стали отличительными особенностями российских фильмов военного времени. Уход от реальности увеличивался по мере расширения масштабов войны и поражений на фронте. После австро-германских побед в конце весны 1915 г. оптимистические образы исчезли из визуальных искусств так же, как и лубки с героическими сюжетами и экстравагантные патриотические пантомимы. Их место заняли открытки с сентиментальными сценами фронтовой жизни и медсестрами, ухаживающими за ранеными. Критические карикатуры на сюжеты из российской жизни заменили антикайзеровские картинки в сатирических журналах, а клоуны и куплетисты начали "продергивать" спекулянтов и мародеров.

Сдвиг к более натуралистическому отображению войны и увеличивавшийся критический настрой народа сопровождался волной благотворительной деятельности. Вместо пропаганды победных лозунгов и насмешек над врагами люди, занятые в сфере развлечений, собирали теперь деньги и одежду для солдат, а также давали концерты для раненых в госпиталях. Так они выражали свой патриотизм, сконцентрированный на человеке, а не на березках и прочих отвлеченных образах. В то же время они являли собой пример гражданской ответственности, резко контрастировавшей с некомпетентностью официальных лиц.

Х. Яан не претендует на то, чтобы вывести некую формулу патриотизма в России периода Первой мировой войны, которая позволила бы сделать четкие выводы относительно будущего развития страны. С одной стороны, российская рево-

люция не была очевидным следствием отсутствия широко признанной национальной идентичности или отсутствия национального единения, на которые так рассчитывали русские славянофилы и консерваторы. С другой – революция вряд ли произошла бы без утраты в российском обществе иллюзий относительно самодержавия. Национализм, даже если бы он был основан на таких понятиях, как Святая Русь, царь-батюшка или республика, не смог бы преодолеть в России социальную поляризацию общества и экономический упадок страны, как это произошло, например, в Германии в XIX в. В феврале 1917 г. национальной идентичности не было. В то время как многообразие патриотических тенденций примиряло людей различных взглядов, единая патриотическая доктрина, так в сущности и не сложившись, не смогла привести к сближению классов и социальных групп российского общества (с. 177).

В адрес этой оригинальной работы можно высказать и некоторые критические замечания. У российского читателя остается ощущение, что автор, хорошо знакомый с западной литературой, недостаточно использовал конкретно-исторические работы наших авторов, в которых так или иначе затрагивалась тема патриотизма. В этой связи можно указать, в частности, на статью одного из авторов настоящей рецензии, посвященную майским беспорядкам в Москве в 1915 г. и опубликованную в журнале "Вопросы истории" (1995. № 12).

Трудно согласиться и с тезисом Х. Яана о том, что настоящий патриотизм может существовать только в индустриальных обществах с высоким уровнем мобильности, грамотности и индивидуализма. Автор полагает, что это положение объясняет, почему патриотическая культура в России

преобладала в городах и почему городские "низы" отозвались на войну с большим пылом, чем крестьяне. В России базой патриотических настроений и поведения в широком смысле (защита родины) была прежде всего деревня. Оговорка Х. Яана во введении о том, что он не имеет должной информации о патриотических настроениях крестьян лишь усиливает это замечание.

В целом же выход рецензируемой книги – безусловно интересное явление в современной историографии. Знакомство с ней будет полезно и поучительно для российских историков, которым следует расширять тематику своих исследований и углублять свое понимание роли социокультурных факторов в истории.

В.С. Коновалов, Ю.И. Кирьянов
(Москва)

Примечание

* J a h n H.F. Patriotic culture in Russia during World War I – Ithaca, London, 1995. 229 p.

Уже после выхода этой книги в России были опубликованы некоторые тематически сходные работы Х. Яана на русском языке: Русские рабочие. Патриотизм и Первая мировая война // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб., 1997. С. 379–396; Образ немецкого предпринимателя в представлениях рабочих России конца XIX – начала XX вв. // Предприниматели и рабочие и их взаимоотношения. Вторая половина XIX – начало XX в. Вторые Морозовские чтения. 5–7 сентября 1996 г. Ногинск–Богородск, 1996. С. 172–175.

ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

По утверждению С.А. Павлюченкова, эти книги* – исследования "военного коммунизма с точки зрения социально-экономических противоречий, развитие которых и привело к краху военного коммунизма и переходу к нэпу, освобождению рыночных отношений из-под спуда государственной регламентации" (кн. 1, с. 5).

На первый взгляд, было бы не совсем правомерно заключать военно-коммунистическую, да и нэповскую тематику лишь в рамки "социально-экономических противоречий". Речь, по нашему мнению, должна идти скорее о более глобальных проблемах – пересмотре трактовки содержания основных этапов развития российской государственной институциональности, обусловленных Октябрем 1917 г. Да и сам автор склонен к подобным

же рассуждениям: военный коммунизм и нэп – это "две принципиально всеобъемлющие системы, и борьба между ними идет на протяжении всей советской истории, в каждом общественном звене по любому вопросу социально-экономической политики" (выделено мной – В.Т.) (кн. 1, с. 162). А для того, чтобы иметь по возможности наиболее полное представление о развитии этих двух тенденций, необходимо взять определенный срез общественных процессов, выделить принципиальные моменты и на основе анализа последних очертить вектор социального движения. Совершенно ясно, что осуществить такое всеохватывающее исследование – задача невероятно сложная, а может быть, и невыполнимая. Поэтому С.А. Павлюченков в книге "Крестьянский Брест, или

предыстория большевистского нэпа" ограничился по сути дела анализом отношений двух различных хозяйственных укладов: государственной промышленности и крестьянского хозяйства – отношениями, которые являются стержневыми "в понимании истории этого периода (военного коммунизма – В.Т.) с точки зрения борьбы противоположностей" (кн. 1, с. 162).

Каждая из шести глав работы характеризует определенный этап социально-экономических противоречий, порожденных перекосом общественных отношений, наиболее выпукло выразившихся в продовольственной проблеме. Сами названия глав («Революционные рецепты и "грозная катастрофа"», "Метаморфозы ленинской политики", "Перелом в крестьянстве", «"Оттепель" начала 1920 г.», "Точка возврата" и "В поисках выхода") свидетельствуют о нетрадиционности подхода к теме, что, однако, не дает ни малейшего повода к оценке работы как некоего конъюнктурного памфлета. Исследование осуществлено на солидной источниковой базе. Автор привлек документальные материалы, выявленные в более чем 20 фондах центральных российских архивов (ГА РФ, РГАЭ, РЦХИДНИ), Центрального государственного архива Московской области, а также в отделе рукописей Института российской истории РАН. Грамотно сопоставляя факты, суждения и обобщения, представленные в сводках ВЧК, обращениях местных органов власти к центральным, служебной и частной переписке, текстах выступлений и докладов, различных заявлений "ответственных" и "безответственных" товарищей и граждан, протоколах и резолюциях съездов и совещаний, С.А. Павлюченков всегда пытается дойти до сути интересующих его вопросов.

Свое исследование автор начинает с периода Первой мировой войны. Разбалансирование хозяйственного механизма и связанные с ним негативные явления были присущи всем участвовавшим в ней странам, причем в качестве основного инструмента борьбы с экономическим развалом все они выбирали принудительное регулирование отношений в сфере производства и потребления. Однако в каждой стране была своя специфика. Так, если в Германии государственная диктатура осуществлялась в рамках компромисса между правительственными структурами и гражданским обществом, то в России пути достижения этой цели во многом определялись многовековым опытом стихийной оппозиции авторитаризму собственного государства (кн. 1, с. 12). Отсюда, по мнению автора, следует, что "военный коммунизм" есть ни что иное, как российская модель немецкого "военного социализма" (как окрестили его немецкие социал-демократы), хотя большевики и отрицали право такой системы называться "социализмом". В 1917 г. В.И. Ленин характеризовал ее как "военно-государственный, монополистический капитализм или, говоря проще и яснее, военная

каторга для рабочих"¹. Вместе с тем Ленин считал, что государственно-монополистический капитализм полностью обеспечивает материальную подготовку социализма и последний "есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет"².

В определенном смысле, если и можно провести параллели между "военным коммунизмом" российского образца и немецким государственным капитализмом³, то лишь с той существенной оговоркой, что большевики утверждали эту систему с помощью штыков, причем особенно наглядно это проявилось на уровне взаимоотношений государства и крестьянства, т.е. того общественного слоя, который давал в России 70% солдат и кормил всю огромную страну.

Акцентируя внимание на последнем обстоятельстве, нельзя не согласиться с С.А. Павлюченковым в том, что российский голод – странное явление, которое "терзает страну" не одно десятилетие, неизменно определяя политические перемены на территории России (кн. 1, с. 5). Как точно подметил один из лидеров левозсеровской партии В.А. Карелин, "голод и был той апельсиновой коркой, на которой и поскользнулся старый режим"⁴. Это же "препятствие" не смогло преодолеть и Временное правительство. По убеждению С.А. Павлюченкова, оно "оказалось слишком подвержено влиянию буржуазии, чтобы возвысить национальный интерес над интересами отдельных классов и повести активную политику социально-экономического регулирования" (кн. 1, с. 9). Иными словами, Временное правительство не смогло преодолеть своего уважения к "священной частной собственности".

Это так и не так, ибо в любом случае С.А. Павлюченков чересчур категоричен. В самом деле, как быть, например, с постановлением Временного правительства от 25 марта 1917 г. о государственной монополии на хлеб? Это ли не первый шаг к подчинению рынка сельскохозяйственных продуктов и промышленных товаров государству? Другое дело, что на практике все ограничилось этой единственной мерой. Временное правительство сознательно не пошло на обострение противоречий в деревне, не поддавшись искушению применить силу при решении продовольственного вопроса и тем самым, как это ни парадоксально, подписало себе смертный приговор. Но в течение 1917 г. Россия не знала, что такое продразверстка и продотряд, "выкачка хлеба" и полуторапудничество, каннибализм, голодные бунты и мятежи доведенных до отчаяния крестьян и городских обывателей.

А что же большевики? Один из современников Октября и Гражданской войны в России А. Изгоев, на наш взгляд, довольно удачно подметил: "Большевики лишь последовательно осуществили все то, что говорили... другие. Они лишь поставили точки

над "i", раскрыли скобки, вывели все последствия из посылок, более или менее красноречиво установленных другими. Добросовестность велит признать, что под каждым своим декретом большевики могут привести выдержки из писания не только Маркса и Ленина, но и всех русских социалистов и сочувственников как марксистского, так и народнического толка... В области идей должно быть твердо установлено, что между большевизмом и всеми леворадикальными и социалистическими течениями русской мысли существует тесная и неразрывная связь"⁵.

Продовольственную ситуацию качественно изменил Октябрь 1917 г. И автор указывает, что "Октябрьский переворот самым непосредственным образом отразился на продовольственном снабжении армии и городского населения" (кн. 1, с. 18). «"Голова" и "сердце" России моментально покрылись пятнами голода, увеличивающимися в количествах и размерах» (кн. 1, с. 23).

По мнению С.А. Павлюченкова, сама жизнь подсказывала выход из продовольственного кризиса: "сосредоточить всю политэкономю на кончике матросского штыка, тем более что подобное решение могло бы стать удачным развитием теории классовой борьбы и диктатуры" (кн. 1, с. 26). Оставим ненадолго в стороне вторую часть цитаты о развитии марксистской теории и обратимся к исходной точке – продовольственной диктатуре пролетариата. С.А. Павлюченков считает, что мысль о ее введении с упором на вооруженное насилие созрела у большевиков уже в январе 1918 г., а фактически она родилась в феврале того же года. Юридическое же оформление продовольственной диктатуры произошло в мае 1918 г.

Соглашаясь в целом с этой точкой зрения, стоит указать, однако, на постановление СНК о расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле от 27 октября 1917 г.; предписание СНК Военно-революционному комитету о принятии решительных мер к искоренению спекуляции и саботажа от 10 ноября 1917 г. и на обращение ВЦИК ко всем Советам об организации продовольственной комиссии от 22 декабря 1917 г.⁶. Согласно этим документам, продовольственное дело должно было быть "демократизировано и передано в руки беднейших слоев населения с устранением цензовых элементов, которые заинтересованы в повышении цен на предметы первой необходимости". На местах предлагалось немедленно приступить к созданию при Советах продовольственных комиссий с привлечением "всех активных сил революционной демократии с тем, чтобы эти комиссии тотчас же взяли в свои руки контроль над местными продовольственными организациями..."⁷ Классовая подоплека заявлений видна здесь, что называется, невооруженным взглядом.

Иными словами, идеи большевиков о принудительном изъятии продовольствия претворялись в жизнь уже с первых дней революции. А если коп-

нуть чуть глубже, то можно привести убедительные свидетельства того, что большевики позаимствовали идею продовольственной диктатуры у великих утопистов XVII и XVIII вв. Амана Базара, Константина Пекера, Этьена Кабе и Гракха Бабефа⁸. Это еще раз подтверждает предположение А. Изгоева о полной тождественности мировой леворадикальной теории и послеоктябрьских действий большевиков.

В доказательство того, что продовольственная политика представляла собой развитие теории классовой борьбы и пролетарской диктатуры, С.А. Павлюченков приводит инструкцию Наркомата продовольствия к декрету от 26 марта 1918 г., согласно которой индивидуальный обмен с отдельными крестьянскими хозяйствами прекращается и не допускается даже покупка хлеба у организаций, могущих его поставить. Товары отпускались по волостям или районам для равномерного распределения среди граждан в случае сдачи хлеба всей волостью или районом. Составители инструкции подчеркивали, что "к этому делу должна быть привлечена деревенская беднота, которая хлебом не владела". Другими словами, промышленные товары служили не орудием обмена, а "премией не имущим хлеба за содействие в выкачке хлеба от более крепких хозяйств..." (кн. 1, с. 35). Это могло означать одно: власти искусственно раскалывали деревню, настраивая одни социальные группы против других. Важно в этом отношении ценное признание самого В.И. Ленина: "Да, мелкие хозяйчики, мелкие собственники готовы нам помочь скинуть помещиков и капиталистов. Но дальше пути у нас с ними разные. Они не любят организации, дисциплины, они враги ее. И тут нам с этими собственниками, с этими хозяйчиками придется вести самую решительную беспощадную борьбу"⁹.

Сказано это было ранней весной 1918 г., а уже в мае было заявлено о "крестовом походе" в деревню, что, по сути своей, открывало новый этап Гражданской войны – уже не только против откровенных противников большевиков (буржуазия, помещики, либерально настроенные общественные деятели), но и бывших союзников, колеблющихся мелких собственников-крестьян, не желающих расставаться со своим единственным богатством – хлебом (земля к этому времени была уже "национальным достоянием").

Другим доказательством того, что военно-коммунистические меры (даже на примере одной только продовольственной сферы) были изначально запрограммированы, будет служить приведенный в книге С.А. Павлюченкова интереснейший факт, ранее не замечавшийся советскими историками. Осенью 1918 г. Временное сибирское правительство обратилось к Совнаркому с предложением обеспечить быструю и непрерывную отправку продовольствия в голодавшие центры России в обмен на отказ от вооруженного вторжения советских частей в Зауралье (кн. 1, с. 61). Но большевистское

руководство от этого предложения отказалось, так как для него было важнее продолжение Гражданской войны, которая стремительно продвигалась с запада на восток, захватывая все новые и новые регионы, и без которой всякая революция, а социалистическая в особенности, была немыслима¹⁰.

Отказавшись по идеологическим соображениям от помощи (какие можно вести переговоры с классовым противником?), советская власть способствовала разрастанию голода в геометрической прогрессии. К концу Гражданской войны в России не было ни одного района, не испытывавшего катастрофического недостатка в продуктах питания, а продовольственную проблему не удалось решить и в первые годы нэпа.

С.А. Павлюченков не возводит в абсолют какой-либо отдельно взятый эпизод продовольственной политики времен "военного коммунизма", так как различные ее аспекты уже стали предметом исследования ряда историков¹¹. Автор пытается проследить эволюцию этой политики как совокупности весьма многообразных и противоречивых явлений, выделяя при этом два основных ее этапа, "точнее две формы, в которых находило воплощение стремление государства к собственности на продукты крестьянского труда" (кн. 1, с. 89).

Первая форма – это принципы, изложенные в декрете ВЦИК от 13 мая 1918 г., согласно которым государство объявлялось абсолютным собственником хлеба, оставляя крестьянству лишь такое его количество, какое (по мнению властей) было бы достаточным для поддержания собственного существования. Для осуществления этого госструктурами и был разработан набор соответствующих мер – нормирование потребления, подворный учет и реквизиции (кн. 1, с. 89).

Ни для кого не секрет, что подворный учет и нормирование потребления уже летомосенью 1918 г. доказали свою непригодность в условиях борьбы с крестьянами за хлеб. Бесспорность этого факта признают сегодня, как нам думается, и последние из адептов ленинской концепции "военного коммунизма"¹². Спорно, по нашему мнению, другое – оценка С.А. Павлюченковым непригодности учетно-нормировочного принципа как одной "из причин перехода продовольственной диктатуры в ее вторую, более мягкую форму, известную под названием *продразверстки*... Если в первом варианте пытались исходить из установления норм крестьянского потребления, то декрет от 11 января 1919 г. отталкивался от противоположного" (выделено мной – В.Т.) (кн. 1, с. 89). По мнению автора, разверстка, будучи явлением более прогрессивным, чем нормирование и подворный учет, представляла собой тем не менее "для государственных аппетитов почву столь же плодотворную, как и монополия образца 1918 г." (кн. 1, с. 91). Исследователь считает, что как первая, так и вторая формы заключали в себе известное противоречие (кн. 1, с. 89). На наш взгляд, никакого противоречия здесь

нет. Главное для крестьян заключалось не в словесной оболочке декретируемых мер (будь то хлебная монополия, продразверстка или продналог), а в том, насколько тяжесть обложения соответствовала реальным возможностям хозяйства. Ведь недаром и сам С.А. Павлюченков говорит о нескольких переломных периодах в сознании крестьянства по отношению к советской власти, главным критерием в определении которых стали объемы повинностей, возложенных на крестьянское хозяйство.

Период первый – 1918 г., когда крестьянин вообще не понимал, для какой цели существует аппарат советской власти. Период второй – 1919 г. – начало 1920 г., когда крестьянин "стал понимать значение существования советского аппарата, но к платформе советского строительства присоединялся туго". Третий период наступает со второй половины 1920 г., когда уже можно было реально сравнивать советскую и белую власти.

Несмотря на явное увлечение автором бихевиоризмом, с данной постановкой вопроса нельзя не согласиться. Мы рискнем добавить к трем периодам еще один – начало 1921 г. Именно тогда стало ясно, что большевики переоценили и степень поддержки со стороны крестьянства, и степень терпения последнего. "Союз военный не стал союзом экономическим, и виной тому было не крестьянство" (кн. 1, с. 109).

Знаменательно то, что С.А. Павлюченков за массой частных эпизодов увидел множество фактов "борьбы за альтернативную военному коммунизму политику" (кн. 1, с. 132). Но, как думается, критическая позиция ряда советских политиков (Ю. Ларина, Л. Троцкого, М. Фрумкина) по вопросам продовольственной политики носила явно конъюнктурный характер. Стоило только ситуации чуть-чуть измениться в пользу властей, как раздумья об "ослаблении вожжей", накинутых на деревню, забывались. Даже к концу 1920 г., когда все большему числу рядовых большевиков становилось понятно, что сельское хозяйство идет к окончательному разорению, ЦК партии, используя политику продовольственной диктатуры в качестве средства непосредственного перехода к социализму, уже не допускал возможности пересмотра или отступления от нее (кн. 1, с. 214).

Лишь только обозначилась угроза *всеобщего* социального и политического краха, явные признаки которого замаячили на фоне Кронштадта, "Антоновщины", Западно-сибирского крестьянского восстания и массовых рабочих выступлений в крупнейших индустриальных центрах, большевистская власть вынуждена были заключить с крестьянством своеобразный "Брестский мир" (т.е. вынужденный, невыгодный и ко многому не обязывающий), который "стал обозначать вообще любую капитуляцию революционной власти перед преобладающими внешними обстоятельствами" (кн. 1, с. 3).

В книге "Крестьянский Брест..." отсутствует историографический раздел. Лишь в заключении упоминаются работы В.И. Биллика и В.П. Дмитренко¹³. Довольно добротный разбор исследовательских работ, посвященных "военно-коммунистической" тематике, представлен автором в других его трудах¹⁴. Однако, на наш взгляд, было бы правомерно объединить историографический синтез с анализом богатейшего архивного материала, что позволило бы выявить малоизученные моменты, сопоставить разные точки зрения и наметить наиболее интересные для исследования аспекты темы.

Подобный историографический раздел мы находим и во второй книге С.А. Павлюченкова "Военный коммунизм в России: власть и массы", представляющей своеобразный итоговый труд, в котором обобщены результаты исследований за последние несколько лет. Итоговый и в прямом, и переносном смысле, поскольку каждая из шести глав работы – "Военный коммунизм: идея или необходимость. Вехи историографии", "Метаморфозы большевистской политики", "Между революцией и реакцией – крестьянство в Гражданской войне", «Рабочий класс и "диктатура пролетариата"», «Необъятная власть: вожди, "верхи" и "низы" в партии», "Социальная хирургия – массовый террор", «"Тени" военного коммунизма – спекулятивный рынок и спецраспределение» – являются (за исключением введения и заключения) лишь несколько подредактированными ранними работами этого автора¹⁵. Справедливости ради отметим, что, как и предыдущие исследования, последнее осуществлено на солидной источниковой базе, причем С.А. Павлюченков привлек документальные материалы, выявленные в фондах центральных российских архивов.

Следует остановиться на сюжете, который привлек внимание автора во введении. Я имею в виду метаморфозы большевистского учения¹⁶. Октябрь 1917 г. вошел в российскую историю как исходная точка того периода, который получил несколько позднее условное название "военный коммунизм", тогда как в период, когда эта политика осуществлялась на практике, подобное словосочетание если и употреблялось, то без условностей и кавычек¹⁷.

Вопрос о кавычках в термине "военный коммунизм" для С.А. Павлюченкова принципиален, так как их наличие призвано было подчеркнуть переносно-условный смысл употребления термина "коммунизм" (кн. 2, с. 7). Та политика, которая проводилась советской властью на просторах бывшей Российской империи в 1917–1921 гг., лишь по ряду второстепенных (и незначительных) признаков напоминала действительно коммунистические начала, а по сути дела была порождена Первой мировой войной и осуществлялась в экстраординарных условиях социально-экономического кризиса в стране. Данная аргументация в защиту кавычек по праву принадлежит сторонникам коммунистической идеи, которые не могут поз-

волить приравнять "коммунизм" к бесспорно отталкивающим неприятным явлениям общественной и экономической жизни 1918–1920 гг., не соорудив ему неприступной ограды из кавычек¹⁸. Их оппоненты же, как правило из среды либерально настроенных интеллектуалов, напротив, стараются раскавычиванием акцентировать внимание на изначально органической взаимосвязи истинного коммунизма с ужасами большевизма¹⁹.

Отмежевываясь, по собственному признанию, от современных политических спекуляций с понятием "коммунизм", С.А. Павлюченков останавливается на том, что при исследовании событий периода 1917–1921 гг. важно учесть, какое конкретное содержание имела идея коммунизма в данное время, как именно она преломлялась в доктрине и послереволюционной политике большевизма (кн. 2, с. 8). Даже когда в начале 1920-х гг. термин "военный коммунизм" стал активно входить в общественно-политический лексикон, большевики употребляли его, как правило, без кавычек. Они не испытывали угрызений совести за миллионы погибших в годы Гражданской войны, ибо жертвы на пути общества к своему бесклассовому и несомненно "светлому" будущему, по их мнению, были совершенно неизбежны. Лидеры большевизма, в отличие от своих более поздних адептов, не стремились упрятать политику первых послереволюционных лет за плетень условностей и откровенно декларировали приверженность основным постулатам марксизма – уничтожению частной собственности, ликвидации эксплуататорских классов, всеобщей национализации, установлению планового хозяйства, регламентированного распределения и т.д. Политика военного коммунизма складывалась также и из принудительного изъятия продуктов крестьянского хозяйства, внедрения милитаризованной трудовой повинности, выдавливания всего многообразия социокультурных связей всеохватным государственным регулированием и централизованным обменом. Все это вело к социально-хозяйственной нивелировке (естественно, по самому низшему витальному показателю) и построению всех граждан в одну шеренгу перед самодержавным государственным Левиафаном²⁰. Исключительная роль при такой системе отводилась государственному насилию, причем не над отдельными индивидуумами, а над целыми социальными стратами (кн. 2, с. 9).

Как бы ни открещивались от изначальной обусловленности военно-коммунистической политики последователи ее творцов, у этой системы имелись и специфические черты, которые позволяли считать ее имеющей *бесспорное родство с марксизмом*, а после ее *временной*, по мнению С.А. Павлюченкова, кончины в 1921 г. (а по нашему мнению, – после временного отступления от ряда ее основных принципов в 1921 г.) характеризовать как результат практического осуществления идей эгалитаризма на практике.

В своей программе большевики, будучи представителями радикальной партии коммунистического толка, исходили из одного, безусловно базисного для них пункта, точно сформулированного еще в "Манифесте коммунистической партии" и ряде других работ основоположников марксистского учения: коммунисты выражают свою теорию одним положением – уничтожение частной собственности²¹. Марксизм концентрировал свою критику на негативных ситуациях в обществе, строящем взаимоотношения своих членов на праве частной собственности и рыночных отношениях, предрекая ему неминуемую смерть в результате эскалации внутренних противоречий. Добавим от себя: экстраполируя чисто умозрительные выводы на реальную почву, мы сможем подойти к обоснованному утверждению о том, что коммунизм, возникший как чисто догматическое отрицание права личности на частную собственность и товарные отношения, увязывал освобождение индивидуума от их деструктивных пороков с беспощадной ликвидацией частной собственности и свободой торговли. Очередная социальная утопия? Несомненно! Всемирная история не знала, не знает (и не будет, надеемся, знать) примера, когда бы уничтожение упомянутых институтов стимулировало развитие той или иной цивилизации.

Справедливым представляется замечание С.А. Павлюченкова о том, что при сохранении разделения труда и частного характера производственного процесса остается и неизбежность обмена (кн. 2, с. 10). А если производственные структуры утрачивают статус частной собственности и запрещается рыночная система, возникает вопрос, что может прийти взамен? *Tertium non datur*, считает С.А. Павлюченков. Альтернатива свободному рыночному обмену лишь одна – только централизованный обмен, централизованное распределение и регулирование (кн. 2, с. 11). Все остальные варианты (рыночный социализм, кооперативный социализм, регулируемый рынок и т.д.) могут представлять собой лишь комбинацию этих двух принципов в различных соотношениях, неразберихи от которой больше, чем от жесточайшего централизма.

"Сторонники марксизма, каковыми считали себя большевики, – пишет С.А. Павлюченков, – во главу угла обязаны были ставить характер материальных, прежде всего хозяйственных, отношений и поэтому, вставая ногами на твердую почву, не могли избежать обобщающего вывода, что коммунизм, как система общественных отношений, как отрицание частной собственности, находит свое последовательное воплощение в централизации, во всеобъемлющей государственной собственности. Все остальные формы собственности, которые блуждают в сознании социальных преобразователей под названием коллективной, кооперативной, муниципальной, личной и прочая, располагаются на дороге от частной собственности к государственной

или наоборот". Показателями степени вращающегося коммунизма в жизнь могут служить самые разнообразные понятия, привнесенные коммунистическим идеалом, такие, как счастье, благополучие, эгалитаризм и т.д. (кн. 2, с. 10–11).

Следовательно, для большевиков, как приверженцев марксизма (согласно Н.И. Бухарину, большевики "ни на йоту, ни на один волосок" не отступали от Маркса и всегда стремились точно следовать его помыслам и идеям²²), те основы, которые они хотели утвердить политикой "военного коммунизма", были *истинным* коммунизмом. Лишь спасая свое лицо, они были вынуждены присвоить к *существительному* "коммунизм" *прилагательное* "военный", списав все на сложность военного времени и хозяйственной разрухи.

Я, вслед за С.А. Павлюченковым (кн. 2, с. 11), снимаю кавычки со слов военный коммунизм, поскольку он был *настоящим* коммунизмом большевистской партии. Но ему были присущи и оригинальные черты, обусловленные особенностями исторического прошлого России. В качестве отечественных источников, питающих *советский коммунизм* (кн. 2, с. 14), выступали, с одной стороны, государственное крепостничество, с другой – казенная промышленность, выросшая за счет тяжелых государственных поборов с населения. Только такая страна, как Россия, в состоянии была сохранить к началу XX в. рудименты доцивилизационного общества и экономики и подготовить питательную почву для осуществления широкомасштабного опыта по всеобщему государственному производству и распределению, глубочайшему проникновению государства во все процессы социального развития. Никакое иное государство не могло бы предоставить потенциальным радикалам столь мощные и грозные рычаги власти над массами. Советский коммунизм – это колоссальные усилия в последовательном освоении вершин управления обществом, констатирует С.А. Павлюченков (кн. 2, с. 14). В конкретно-исторических формах этот прорыв осуществлялся с огромным напряжением и нагрузкой на доктринальные факторы. Именно доктринеры возвели идею государственного регулирования в жестко очерченные системные рамки коммунизма, а идеократию – в ранг бесспорного фетиша.

И еще одно, на чем заостряет внимание автор. Социальные революции и их порождения (термидор, военный коммунизм, зэп и проч.) – явления сложные и противоречивые. Сторонник той или иной мировоззренческой доктрины сможет отыскать среди них и объекты для поклонения, и объекты для лютой ненависти. Как и в начале века, сегодня образованное общество «погрузилось в морализаторство, немало любящее своим отражением в "слезинке ребенка"» (кн. 2, с. 12). И, как и прежде, выдвигаются ставшие уже традиционными вопросы: "Кто виноват?" и "Что делать?". Что ж, этого избежать не дано. Необходимо лишь помнить,

что общество всегда было разделено на тех, кто, внимательно отслеживая реакцию скрытых от глаз социальных механизмов на внешние раздражители, мог здраво судить о причинах того или иного явления, и тех, кто, беспричинно рефлексировав в рамках утопической доктрины, лишь наводил "тень на плетень".

Необходимо уяснить, – последователен в своей настойчивости автор, – что последнее не имеет никакого отношения к научному историческому знанию. Для науки единственную ценность представляет открытие и исследование тех объективных закономерностей, которые существуют помимо человеческой воли и при приближении к которым "быстро обгорают крылышки у всякого идеального фантазирования и легковесного морализаторства" (кн. 2, с. 12). Присовокупим от себя: для науки, стремящейся к объективному познанию, значение имеет лишь вопрос: почему произошло именно так, а не иначе?

В.Л. Телицын
(Институт российской истории РАН)

Примечания

* Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или предистория большевистского нэпа. М., Русское книгоиздательское товарищество, 1996. 299 с. Тир. 1 000 экз.; Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Русское книгоиздательское товарищество – История, 1997. 272 с. Тир. 1 500 экз.

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 191.

² Там же. С. 192.

³ См.: Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 342–343.

⁴ См.: Знамя труда. 1918. 16 мая.

⁵ Изгоев А. Социализм, культура и большевизм // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 152–153.

⁶ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 26–29, 69–70, 71, 282–284.

⁷ Там же. С. 283.

⁸ См.: V a z a r d A. Exposition de la doctrine de Saint-Simon. V. 1. Paris, 1828; P e s g u e u r C. Theorie nouvelle d'economie sociale et politique. Paris, 1842; К а б е Э. Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман. Т. 1–2. М.; Л., 1935; Б а б е ф Г. Учение равных. СПб., 1906.

⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 265.

¹⁰ Там же. С. 416, 417, 470, 474.

¹¹ См., напр.: Присяжные Н.С. Эко-

номическая чума: Военный коммунизм в России (историко-экономический анализ. 1918–1921 гг.). Ростов н/Д., 1994.

¹² См., напр.: Г им п е л ь с о н Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг. М., 1995.

¹³ Б и л л и к В.И. В.И. Ленин о сущности и периодизации советской экономической политики в 1917–1921 гг. и о повороте к нэпу // Исторические записки. 1967. Т. 80; Д м и т р е н к о В.П. Некоторые вопросы нэпа в советской историографии 60-х годов // Вопросы истории. 1972. № 2.

¹⁴ См.: П а в л ю ч е н к о в С.А. Военный коммунизм – в плену большевистской доктрины // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 222–238.

¹⁵ См.: П а в л ю ч е н к о в С.А. Указ. соч.; е г о ж е. Военный коммунизм: свобода или необходимость // Наше отечество. Опыт политической истории. Т. 2. М., 1991; е г о ж е. Политика военного коммунизма – "великий поход" за идею // Политическая история. Россия – СССР – Российская Федерация. Т. 2. М., 1996.

¹⁶ Вместо заключения автор представил на суд читателей коротенькое эссе под довольно броским названием "Еврейский вопрос в революции, или о причинах поражения большевиков на Украине в 1919 году", в котором попытался обосновать тезис о том, что "без еврейского вопроса нет истории революции" вообще. Думается, что такую серьезную проблему на двенадцати страницах прояснить просто невозможно, и поэтому попытка автора представляется нам неудачной. Было бы более продуктивным подвести в заключении итоговую черту под своим исследованием.

¹⁷ См., напр.: Б о г д а н о в А.А. Указ. соч.; К р и ц м а н Л.Н. Героический период русской революции (опыт анализа так называемого "военного коммунизма"). М., 1925.

¹⁸ Б о ж е н к о Л.И. Актуальные проблемы "военного коммунизма" в публикациях конца 80-х – начала 90-х гг. // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). Вып. 2. Томск, 1996.

¹⁹ См.: М е т е л ь с к и й Н.Н. X съезд РКП(б): шаг к нэпу или защита военного коммунизма // Историческое значение нэпа. М., 1990.

²⁰ См.: Л е н и н В.И. ПСС. Т. 35. С. 61, 101; Т. 36. С. 104, 123, 124, 175, 209; 74–75.

²¹ М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. Т. 4. С. 332–333, 446–447.

²² Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959. С. 39.

В.Б. ЖИРОМСКАЯ. ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ БУРЬ: НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГОДОВ. М., "Наука", 1996. 158 с. Тир. 500

Книга посвящена одному из ключевых периодов российской истории, который в настоящее время вызывает острый интерес и жаркие споры в научной и публицистической литературе. Автор – историк-демограф, известная своими работами по истории переписей населения 20–30-х гг. и публикациями документов переписей 1937 и 1939 гг., рассекреченных лишь в недавнее время, приглашает читателя к размышлению над неизвестными и уже знакомыми фактами. В центре внимания исследователя несколько проблем: произошла ли демографическая компенсация к середине 20-х гг. после пережитых населением России социальных потрясений; была ли российская деревня в рассматриваемый период "средняцкой" и в чем заключалась суть такого явления как "осереднячивание"; каковы были тенденции развития социального состава российских городов, в чем их противоречивость?

Книгу отличает использование обширного статистического материала, новизна теоретического подхода к решению поставленных проблем.

Первая глава монографии освещает демографический состав населения страны в общем и региональном планах. Выбор регионов, рассматриваемых в работе, обусловлен наиболее ярко выраженной спецификой возрастнополовой пирамиды их населения. На архивных и опубликованных материалах исследуется вопрос о понесенных Россией людских потерях в годы войн и революций, их последствиях. Выявлены глубинные деформации в возрастнополовой структуре и процессе воспроизводства населения. Основываясь на убедительных данных, автор приходит к выводу о нарушении соотношения полов в пользу женщин молодых детородных возрастов. В среднем доля мужчин в стране упала до 45%, а женщин возросла соответственно до 55%, а в возрастных группах 20–24 и 25–29 лет мужчин было всего 43%. В возрастной структуре населения заметно сократился удельный вес 20–29-летних, понесших наибольшие потери. Утраты коснулись и подростков 10–14 лет, на которых сказались сокращение рождаемости и повышение смертности. То же можно сказать и о детях 5–9 лет. Безусловно пострадали, хотя и в меньшей степени, средние возрастные группы населения страны. Автору удалось показать структурные изменения в возрастнополовом составе разных народов России и разных социальных групп населения.

Автор отмечает, что несмотря на высокую рождаемость в середине 20-х гг. и обозначившуюся, хотя и не повсеместно, тенденцию снижения смертности, рождаемость так и не поднялась до довоенного уровня, а смертность, особенно детская, продолжала оставаться довольно высокой для мирного

времени. Глубинные деформации возрастнополовой структуры ощущались на протяжении нескольких поколений. Следует подчеркнуть, что потери людей в работоспособных и детородных возрастах в столь больших масштабах не могут быть восполнены вообще.

Во второй главе, не претендуя на всестороннюю характеристику российской деревни 20-х гг., автор затрагивает ряд сложных проблем, среди которых – результаты "социализации" земли, социальная и демографическая дифференциация деревни и т.д. Привлекая новый, не исследованный массив документов, содержащийся в архиве известного советского статистика А.И. Хрищевой и отражающий итоги социально-экономических обследований деревни начала 20-х гг. в черновом, нескорректированном варианте, автор показала негативные последствия "социализации" земли для крестьянского хозяйства, устойчивое нивелирование крестьянства по уровню бедности. На этом фоне середняк за всю первую половину 20-х гг. не мог стать и не стал преобладающей фигурой российской деревни. В связи с этим термин "осереднячивание", по мнению автора, можно применять лишь условно, как момент общего процесса дифференциации крестьянства. Этот момент кратковременен и ведет к накоплению потенциала для дальнейшей поляризации крестьянства, а следовательно, и не является какой-либо специфической чертой российской деревни в 20-е гг., противоречащей обычному расслоению деревни в условиях рыночных отношений. Эта мысль автора убедительно аргументирована обширным статистическим материалом. Новым моментом в исследовании проблемы является подробное рассмотрение изменений в структуре крестьянской семьи и связанных с ними дроблением и соединением хозяйств (эти процессы получили в 20-е гг. название "органических изменений"). Глубоко исследовано при этом тесное переплетение демографической и социальной дифференциации.

В третьей главе показаны тенденции и противоречия в развитии социального состава городского населения. Эта проблема давно и успешно исследуется автором, опубликовавшей монографию и ряд других работ по этому вопросу.

Перед нами возрождающаяся в мирных условиях социальная структура российских городов периода рыночного хозяйства со всеми присущими ей элементами – предпринимателями, рабочими, служащими, бюрократией, ремесленниками, торговцами, интеллигенцией, рантье, пенсионерами, безработными, нищими и проч. Автор показывает, как препятствовала этому естественному развитию города развертывавшаяся система государственного диктата и администрирования, разрастание госсектора и связанных с ним социальных групп.

Глава изобилует новым материалом, потребовавшим от автора скрупулезной обработки. Однако хотелось бы заметить, что текст местами перегружен цифровыми данными, особенно, когда речь идет о занятиях некоторых категорий населения в периферийных городах.

Достоинством книги является то, что в ней специально рассматриваются характерные особенности социальных отношений в городах разных регионов России – Европейской части, Урала, Сибири, республик Поволжья, Дальнего Востока, Северного Кавказа и др. Для сопоставления привле-

каются материалы по Средней Азии, Казахстану и Киргизии. Особенно интересны характеристики слоев населения, связанных с укладом доиндустриальных городов, с их патриархально-родовым и средневековым обликом.

Книга вызывает несомненный интерес. Автор вводит в научный оборот обширный новый фактический материал и теоретически осмысливает его.

Д.К. Шелестов
(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова)

Л.Н. ДЕНИСОВА. ИСЧЕЗАЮЩАЯ ДЕРЕВНЯ РОССИИ: НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ В 1960–1980-е ГОДЫ. М., 1996. 216 с. Тир. 500

Автор рецензируемой работы известна своими трудами широкому кругу специалистов-аграрников¹. В определенном смысле монография подводит итог многолетним изысканиям Л.Н. Денисовой в области послевоенной истории нашей страны. О высоком профессионализме автора свидетельствуют солидная источниковая база монографии (в работе использован большой комплекс архивных и фольклорных материалов, статистических выкладок, данные 4-х всесоюзных переписей населения, периодической печати и пр.), взвешенные, далекие от конъюктурности оценки работ предшественников, оригинальные выводы.

Хронологические рамки работы – 1960–1980-е гг., – время преобразований, которые проводили три советских лидера – Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев и М.С. Горбачев. Это позволило Л.Н. Денисовой проследить преемственность их аграрной политики, выделить характерные черты каждого из периодов реформ. Такой подход является и новаторским, и плодотворным.

Следует помнить, что многие новации брежневской политики, связанные с мартовским 1965 г. пленумом ЦК КПСС (это особо подчеркивает автор книги), были разработаны еще при Н.С. Хрущеве. В свою очередь и М.С. Горбачев опирался на опыт своих предшественников, и если его аграрным начинаниям не сопутствовала удача, значит, болезни российской деревни имели более глубокие и застарелые "корни", чем они виделись всем нам еще недавно. Поэтому закономерен тот факт, что сегодня многие историки переходят от изучения локальных тем к "сквозным", избирая предметом анализа всю аграрную историю России XX в.²

Вполне оправданно, что книга начинается с освещения состояния сельской экономики, где выделены такие ее аспекты, как материальная и техническая оснащенность деревни, кадры, результаты производственной деятельности колхозов

и совхозов. Рассматривая политику капиталовложений в сельское хозяйство Нечерноземья, Л.Н. Денисова показывает причины, которые сдерживали эффективность этих вложений. Не обойден вниманием и такой важный вопрос, как низкий стартовый уровень региона, отставание его от других районов страны по стоимости основных производственных фондов, наличие энергетических мощностей и другим важнейшим показателям.

Оценивая должным образом реформаторскую деятельность Н.С. Хрущева, Л.Н. Денисова делает обоснованный вывод о том, что для Нечерноземья освоение целины обернулось "невосполнимыми потерями в производстве и населении" (с. 37). Показана половинчатость аграрных реформ 60–80-х гг., их историческая ограниченность и (наряду с этим) закономерность: давая деревне одной рукой (значительный рост государственных капиталовложений в сельское хозяйство при Брежневе), правительство тут же забирало другой (сохранение знаменитых "ножниц цен" на промышленную и сельскохозяйственную продукцию). Интересен вывод автора, раскрывающий существо советской аграрной политики: "Регулярной поддержки сельское хозяйство от государства не имело никогда" (с. 116). По мнению Л.Н. Денисовой, государственная поддержка сельского хозяйства должна была осуществляться не только в сфере производства, но и в сфере деревенской инфраструктуры. Между тем, подчеркивает автор, "структурная и инвестиционная политика не учитывала исторических, экономических и экологических особенностей края, ...не была нацелена на воспроизводство двух решающих факторов – человека и земельных ресурсов" (с. 112).

Содержателен анализ поселенческой системы Нечерноземья и причин, способствовавших усилению миграции в города. Успешной следует признать попытку Л.Н. Денисовой нарисовать

социальный облик сельского мигранта. В книге отмечается интересная закономерность, связанная с тем, что в высокоурбанизированных областях и районах темпы сокращения численности сельского населения замедляются, а начиная со второй половины 80-х гг. приток населения в города пошел на спад (с. 126). Названы и причины подобных явлений.

Особое место в книге отведено социально-культурным проблемам села. Оплата и условия труда, жилищная проблема, медицинское обслуживание, образовательная система – вот далеко не полный перечень поднятых в монографии проблем сельской жизни.

В целом монография Л.Н. Денисовой вносит

существенный вклад в изучение проблем российской аграрной истории и будет полезна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Э.М. Шагин, В.П. Попов
(Московский педагогический
государственный университет)

Примечания

¹ См., напр.: Денисова Л.Н. Невосполненные потери: Кризис культуры села в 60–80-е годы. М., 1995.

² Судьбы российского крестьянства. М., 1995.

Н.М. АЛЕЩЕНКО. МОСКОВСКИЙ СОВЕТ В 1977–1993 гг. КРИЗИС ВЛАСТИ? М.: "Солидарность Паблшер", 1997. 512 с. Тир. 2 000

Сейчас о Советах народных депутатов историки предпочитают не высказывать ни положительных, ни отрицательных суждений. Тем отраднее отметить факт выхода в конце 1997 г. новой монографии доктора исторических наук Н.М. Алещенко, где исследуется широкий спектр вопросов, связанных с деятельностью Моссовета с 1977 до августа 1993 г.

Используя большое количество в основном архивных документов и материалов, впервые введенных в научный оборот, Н.М. Алещенко завершил свое продолжавшееся около 30 лет исследование деятельности крупнейшего в стране местного Совета*. Круг вопросов, рассмотренных в рецензируемой книге, очень широк. Здесь и состав Совета, и его конкретная работа по улучшению бытовых условий и повышению культурного уровня москвичей, и выполнение Генерального плана развития нашего великого города. Н.М. Алещенко уделяет также внимание работе исполкома Моссовета и его отделов, реализации депутатами наказов избирателей. Особенностью новой монографии Н.М. Алещенко является то, что в ней впервые анализируется деятельность Моссовета в условиях многопартийности, рассматриваются взаимоотношения между различными партийными фракциями, сложности, связанные с острым экономическим и политическим кризисом 1990–1993 гг. Не будем также забывать, что деятельность Моссовета была фактически прекращена чисто административным путем.

В монографии Н.М. Алещенко дал также краткий обзор деятельности Моссовета за все годы советской власти. Автор не отвечает прямо на вынесенный в заглавие книги очень острый вопрос

– были ли в начале 1990-х гг. в Москве кризис власти, – предоставляя читателям возможность самим решить его.

К сожалению, Н.М. Алещенко практически не нашел недостатков в работе Советов вообще и в деятельности Моссовета, в частности, хотя о них говорилось и писалось в последнее десятилетие достаточно много. Что в этих утверждениях правда, какие обвинения в адрес Советов надуманны и вызваны политическими баталиями? А разве мало было в деятельности Моссовета и его органов формализма, бюрократизма, прожектерских планов, изначально обреченных на невыполнение? Чего стоит знаменитый лозунг: "Сделаем Москву образцовым коммунистическим городом!" Подобные примеры можно было бы продолжить. Таким образом, история Моссовета требует своего продолжения. Жаль, что, издав монографию и став ее собственником, Московская городская дума почему-то не только не направила ее в торговую сеть, но даже не обеспечила этой интересной книгой библиотеки Москвы.

В.П. Бутт

(Институт российской истории РАН)

Примечание

* Ранее вышли в свет его монографии: Московский Совет в 1917–1941 гг. М., 1976; Московский Совет в 1941–1945 гг. М., 1980; Московский Совет в 1945–1961 гг. М., 1988; Московский Совет в 1961–1977 гг. М., 1993.

НОВАЯ ХРЕСТОМАТИЯ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ*

Для глубокого и всестороннего усвоения истории Отечества необходимо широкое информационное поле. Оно позволяет взглянуть на прошлое не только глазами авторов учебников, но и глазами современников изучаемых событий и явлений. Это помогает творчески мыслящему человеку, в том числе будущему историку, на основе изучения различных источников самостоятельно вырабатывать, выражаясь языком математиков, "равнодействующую", которая приближает историческую науку к адекватному освещению фактов и событий.

Разностороннюю информацию для студентов вузов, учащихся старших классов средней школы, для всех, интересующихся историей, дает "Хрестоматия по отечественной истории" в двух томах общим объемом более 100 п.л., подготовленная в Московском педагогическом государственном университете.

Составители хрестоматии выявили, систематизировали и ввели в научный оборот большое количество документов из Архива Президента РФ, Государственного архива Российской Федерации, Российского центра хранения и изучения документов новейшего времени, Российского государственного архива экономики, Российского государственного военного архива, С.-Петербургского государственного архива литературы и искусства, а также государственных архивов ряда областей России. В хрестоматию включены документы органов законодательной и исполнительной власти дореволюционной России, СССР и Российской Федерации, документы КПСС, материалы периодической печати, многочисленные зарубежные источники, различные воспоминания и т.д. Многие из них публикуются впервые и уже поэтому имеют значительную познавательную ценность.

Отрадно стремление составителей к взвешенному, сбалансированному отбору документального материала. Из бесчисленного количества документов предстояло отобрать наиболее характерные для исследуемых периодов и проблем. В рецензируемой хрестоматии официальная, "просеянная через идеологическое сито" директива соседствует с эмоциональным обращением диссидента, статья известного политического деятеля – с донесением одной из иностранных разведок, корявые строки горемыки-колхозника – с суровым и жестким решением исполнительных органов. Через эти источники читатель познает действительность во всей ее многомерности. В конце каждой главы находятся примечания, кратко комментирующие малоизвестные понятия, исторические факты или сообщающие краткие биографические сведения об упомянутых в документах лицах. Документы размещаются в томах по проблемному принципу, что имеет свои положительные и отрицательные

стороны (так, например, материалы о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. распределены по семи главам хрестоматии, и без их хронологического перечня читателю нелегко найти нужный текст).

В первый том вошли документы и материалы по истории России с июня 1914 по сентябрь 1945 г. Впервые публикуются протокол заседания Петербургского комитета РСДРП(б) от 1 ноября 1917 г., приказ Реввоенсовета Республики № 1 от 6 сентября 1918 г., телеграмма председателя РВСР Троцкого Ленину и Свердлову от 4 октября 1918 г., резолюция III съезда участников махновского движения от 10 апреля 1919 г., записка и письмо Ф.Э. Дзержинского от 4 февраля и 26 марта 1926 г., извлечения из записи секретной беседы Каменева с Бухариным в ночь с 11 на 12 июля 1928 г., докладная записка заместителя председателя ОГПУ Ягоды председателю СНК СССР В.М. Молотову от 27 июля 1931 г. и др.

Сложные чувства возникают при чтении пятой, может быть, наиболее сложной главы первого тома, где сосредоточены 88 документов, связанных с кануном и начальным периодом Великой Отечественной войны. К сожалению, в главе явно недостает документов, которые отвечают на вопрос: каков был уровень советского военного искусства к началу и в конце войны, как сражались воины Красной Армии, почему им удалось переломить неблагоприятный вначале ход вооруженной борьбы и разгромить нацизм? В этой связи можно было бы привести мнения маршалов Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева, адмирала Н.Г. Кузнецова, некоторых авторитетных зарубежных деятелей.

Без каких-либо комментариев в главу вошел "безымянный" текст записки на имя председателя СНК СССР И.В. Сталина от 15 мая 1941 г. под названием "Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза". Известно, что ее автором был начальник Генштаба генерал армии Г.К. Жуков. Но свидетельствовал ли этот черновой документ о каких-либо агрессивных намерениях СССР? На наш взгляд, нет, ибо Генштаб обязан был разработать соответствующие документы на все случаи жизни. Однако общего плана развертывания армии у нас тогда не было, а Сталин на эту записку никак не отреагировал.

Как документ подан в томе "Взгляд военного историка на степень готовности Красной Армии к войне в июне 1941 г.". Имя А. Филиппова, автора этого "взгляда", в научных кругах неизвестно, а сомнительных положений в его тексте более чем достаточно. Укажем хотя бы на бездоказательное утверждение о том, что "в боевую готовность до нападения немцев были приведены... 225 из 237 ди-

визий Красной Армии, предназначенных для обороны" (т. 1, с. 500). Или еще один декларативный тезис, согласно которому просчетов в определении сроков вероятного нападения Германии на СССР у Сталина не было, как и не было якобы просчета и "в предвидении вероятного направления главного удара вермахта" (там же).

В предисловии к пятой главе "СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны" его автор опровергает свидетельства маршала Г.К. Жукова и А.И. Микояна о растерянности Сталина в первые дни войны ссылкой на список лиц, принятых Сталиным 21–28 июня 1941 г. (т. 1, с. 477). Но ведь скупые записи фамилий посетителей кабинета хозяина Кремля еще не раскрывают его состояния. Кроме того, в подтверждение указанных свидетельств мы можем сослаться и на мнение В.М. Молотова, записанное одним из авторов настоящей рецензии. Наконец, видимо, не случайно отсутствует журнальная запись за 29 июня, когда Сталин после посещения Наркомата обороны и получения сообщения о падении Минска действительно оказался в крайне подавленном состоянии. Уединившись на Кунцевской даче и отключив все телефоны, он оставался там до середины дня 30 июня, пока к нему не приехала по своей инициативе группа членов политбюро ЦК ВКП(б).

Слабо представлен в главе подвиг тружеников тыла, которые, несмотря на понесенные страной огромные потери и имея в начале войны по сравнению с Германией втрое меньше металла и вчетверо меньше угля, сумели произвести военной продукции в два с лишним раза больше, чем противник. Вне поля зрения составителей, к сожалению, оказались вопросы всенародной помощи фронту, связанные с героическим трудом советских людей в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте. Не названы и конкретные имена героев тыла.

При знакомстве с материалами второго тома чувствуется повышенный интерес составителей к международным делам. На этом фоне освещение

внутриполитических проблем, особенно сложных и болезненных в наше время, представляется явно недостаточным.

В ряде случаев вызывает сожаление отсутствие необходимых комментариев к публикуемым источникам. В этой связи показательным извлечение из "Обращения крымско-татарского народа к XXIII съезду КПСС" (с. 290), в котором некоторые цифры о гибели крымских татар на фронте и в тылу явно неточны и были впоследствии опровергнуты специальной государственной комиссией во главе с А.А. Громыко. В хрестоматии же по этому поводу нет никаких примечаний.

Характеризуя социально-экономическое развитие страны в послевоенный период, составители справедливо уделили большое внимание голоду 1946 г. Однако они не рассказали о движении рационализаторов и изобретателей в этот период и не назвали имен А. Чутких, М. Рожневой, Л. Кононенко, П. Болотова и др., о которых говорила в то время вся страна. А ведь это широкое движение было очень показательным для народа, стремившегося в кратчайшие сроки ликвидировать последствия войны и внести свой вклад в подъем народного хозяйства.

В целом же, несмотря на отмеченные недостатки и неиспользованные резервы, составителям удалось выполнить поставленную перед собой творческую задачу и выпустить полезное учебное пособие.

Г.А. Куманев, Н.И. Кондакова
(Москва)

Примечание

* Хрестоматия по отечественной истории. Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М., Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. Т. 1. 1914–1945 гг. 896 с. Тир. 30 000 экз. Т. 2. 1946–1995 гг. 600 с. Тир. 30 000 экз.

А. АЭР. ПАТЕНТЫ В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ. ИСТОРИЯ РУССКОЙ СИСТЕМЫ ПРИВИЛЕГИЙ НА ОТКРЫТИЯ В ПЕРИОД СТАРОГО РЕЖИМА*

Монография финского историка А. Аэр, написанная по материалам российских архивов (прежде всего – РГИА в Санкт-Петербурге, где автор использовала документы Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства внутренних дел, Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов, Комитета по

техническим делам, Русского технического общества, Ученого комитета Министерства государственных имуществ, Общей канцелярии министра финансов, Департамента законов Государственного совета и др.), разрабатывает практически не исследованный в исторической литературе вопрос о патентной системе и охране прав изобретателей в

царской России. Как показывают материалы прошедшего в июне 1995 г. российско-американского симпозиума, эта тема вызывает большой интерес у специалистов по экономической истории в различных странах. Причем проблемы охраны прав на изобретения не только в России, но в США и в других странах пока изучены лишь фрагментарно.

Тем ценнее высоко профессиональное исследование А. Аэр. Монография состоит из предисловия, введения, семи глав, где вопросы патентного права в России в его исторической эволюции рассматриваются в хронологических рамках с XVI в. до 1917 г., а также краткого заключения; в книге приводятся солидный перечень использованных работ, статистические таблицы и графики. Автор отмечает, что "патентная система является интересным примером судьбы, постигшей в России институт, ведущий свое начало из западного капитализма" (с. IX). В этом смысле заслуживает полной поддержки мысль Аэра о том, что "введение патентной системы в начале XIX столетия было выдающимся примером заимствования Россией иностранных институтов и приспособления их к своим условиям" (с. 197).

А. Аэр считает, что базой патентной системы в Западной Европе была концепция "интеллектуальной собственности", происшедшей из средневековых западноевропейских цехов и гильдий и ставшей постепенно составной частью так называемого обычного права. По ее мнению, подобного рода элементы, центральные и определяющие для западноевропейского патентного права, в России были в историческом плане либо неимоверно слабы, либо отсутствовали вовсе ("западноевропейская система цехов и гильдий так в собственном смысле слова и не сформировалась в России". Там же). А из-за отсутствия подобных традиций "относительно слабо развились чувство профессиональной гордости и самоуважения, а также предпринимательская и рабочая этика" (там же).

Именно это обстоятельство, полагает автор, было одним из наиболее живучих и длительно воздействующих факторов, сковывавших экономическое развитие страны и утверждение в ней патентной системы современного для своего времени типа. Не возражая принципиально против ее высказываний, хотелось бы одновременно обратить внимание на то, что даже в конце XIX – начале XX в. охрана изобретательных прав в Западной Европе обеспечивалась явно недостаточно, несмотря на широко внедренную и исторически укоренившуюся патентную систему. В этой связи показательной является судьба изобретателя Рудольфа Дизеля, получившего в феврале 1892 г. германский патент на свой двигатель – знаменитый патент № 672P7, – вызвавший впоследствии немало споров. Р. Дизель был вынужден отстаивать свой приоритет, в частности, в тяжбах с О. Келлером и

Э. Капитеном, также претендовавшими на пальму первенства в изобретении¹.

А. Аэр обращает внимание на важную роль, которую имело для России приобретение патента Р. Дизеля на производство дизельных двигателей (с. 191), однако недостаточно освещает вопрос о нарушении прав на их производство в России и незаконном их импорте в страну рядом западных фирм – "Крупп", "Бр. Зульцер" и Герлицкий машиностроительный завод, – в связи с чем в России были начаты судебные процессы².

Несмотря на то, что российская непрактичность давно стала притчей во языцех, автор книги все же несколько преувеличивает национальную неспособность российских изобретателей поставить свои идеи на практическую ногу, а также их "отношение к любым формам маркетинга и рекламы" (с. 151). Отсутствие практической жилки для внедрения своих изобретений характерно, как показывает практика, для изобретателей любой страны. На этот факт, в частности, обращал внимание учредитель Нобелевских премий А. Нобель, который, как он сам признавался, основывал свои премии именно для того, чтобы помочь талантливым людям, плохо ориентирующимся в реалиях практической жизни, сделать свои изобретения достоянием общества³.

Чрезвычайный интерес представляет материал о деятельности императорского Русского технического общества в области защиты прав изобретателей в России. Автор отмечает, что в Европе с середины XIX в. сторонники либерализма в экономической теории подвергали сомнению полезность существования патентной системы, упирая при этом на ее "монопольные черты", а также ограничения, налагаемые ею на свободную конкуренцию в области изобретательства и изобретательских прав. Подобные суждения, при всех своих противоречивых и подчас парадоксальных чертах, явились мощным толчком к реформированию и совершенствованию патентного права и Европе. В этой связи важен анализ взглядов российского предпринимателя Ф.В. Чижова, издателя "Вестника промышленности", считавшего, что русская система привилегий на изобретения также нуждалась в реформировании с целью сближения ее с практическими потребностями промышленности и национальными особенностями страны. При этом Чижов полагал, что привилегии на изобретения играли (или во всяком случае могли играть) в России значительно большую роль, чем политика протекционизма.

В целом автор монографии приходит к заключению, что русская система привилегий на изобретения (вариант западноевропейского патентного права) была весьма неповоротливой и слишком тесно связанной с господствовавшей в царской России мало склонной к стратегическому мышлению бюрократией. Предоставление подобного рода привилегий было тесно связано с Ми-

нистерством финансов России, не упускавшим случая грубо вмешиваться в предпринимательскую и изобретательскую деятельность.

Финским исследователем А. Аэр написана важная и интересная книга по русской экономической истории, которая, надеюсь, будет внимательно прочитана специалистами в данной области.

И.А. Дьяконова
(Институт российской истории РАН)

Примечания

* A e r A. Patents in Imperial Russia. A History of the Russian Institution Privileges under the Old Regime. Helsinki: Suomala lainen Tiedeakatemia, 1955. 232 p.

¹ D i e s e l E. Die erste Zündung. Wie der Dieselmotor entstand. Hamburg, 1937–1939.

² Rudolf Diesel und das russische Erdöl // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. Berlin, 1986, № 1.

³ Alfred Nobel och hans släkt. Minnesskrift utgiven av Nobelstiftelsens styrelse. Stockholm, 1926.

КНИГИ О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ДАНИИ*

До недавнего времени послереволюционная русская эмиграция в Скандинавии вообще, а в Дании в частности, не была предметом исторических исследований. И это понятно: по численности русская диаспора в Копенгагене несопоставима с массой беженцев из России, осевших в Берлине, Париже, Белграде... Оставшихся в Дании было вряд ли больше двух тысяч. Остальные по разным причинам не смогли (или не захотели) прижиться здесь. Для многих Копенгаген (как Гельсингфорс или Стокгольм) был лишь транзитным пунктом на пути из Петербурга в Западную Европу. С.В. Рахманинову, например, здесь было тяжело в материальном отношении, хотя он и полюбил страну (у датчан, по его выражению, "еще осталось сердце"). Одновременно с Рахманиновым в том же самом пригороде Копенгагена жил и балетмейстер Михаил Фокин. И он тоже покинул Данию.

Чтобы остаться в Дании, нужно было получить разрешение на жительство. Но и в тех случаях, когда такое разрешение предоставлялось, срок его действия ограничивался обычно тремя месяцами, а потом нужно было снова и снова ходатайствовать о его продлении. А что касается гражданства, то его давали через 15–20 лет. Многие из тех, кто приехал в Данию сразу после революции, получили датское подданство лишь в 30-е и 40-е гг. Не имея же гражданства, нельзя было получить пенсию.

Среди тех, кто остался в Дании, не было ни композиторов, ни философов, ни писателей, ни политических деятелей. В этом еще одна из причин того, что так мало работ о "русском Копенгагене".

Между тем, "русский Копенгаген" был, и следы его остались до сих пор.

Подтверждением этого являются две книжки датского историка Хенрика Бертельсена. Общее название обеих книг (они вышли на датском языке и вряд ли в обозримом будущем будут переведены на русский) – "Русские беженцы в Дании". В первой речь идет о 1917–1924 гг., во второй – проследживается судьба эмигрантов "первой волны" вплоть до наших дней.

Автор приводит многочисленные архивные сведения о десятках семейств, оказавшихся в Дании. Сопоставляя эти данные, можно делать обобщения, касающиеся всей русской послереволюционной эмиграции в этой стране.

О русской эмиграции "первой волны" нельзя сказать, что она была сплошь "белогвардейской" (в эмиграции оказались и меньшевики, и эсеры, и анархисты). Что же касается русских беженцев в Дании, то тут определение "белогвардейцы" будет более уместным.

По социальному положению подавляющее большинство эмигрантов относилось к двум категориям: офицерство и те, кого сейчас называют "деловыми людьми", т.е. промышленники и финансисты. Бертельсен считает, что офицеры по численности были на втором месте после предпринимателей.

В силу своего географического положения Дания притягивала эмигрантов из балтийского региона. Поэтому неудивительно, что большинство беженцев происходило из прибалтийских губерний бывшей царской России и из Петербурга. Среди них преобладали обрусевшие остзейские немцы или их потомки, продолжавшие носить немецкие фамилии. Немало было и офицеров, в том числе морских. Крестьян же, рабочих, купцов, духовенства в Дании почти не оказалось. При этом в эмиграции, будучи не у дел, офицеры часто уходили в коммерцию, т.е. становились "деловыми людьми". В Дании было несколько страховых обществ, руководство и персонал которых были почти сплошь русскими. Наиболее крупными из них были страховые общества "Россия", возникшее в Дании в 1918 г., "Саламандра", созданное в России, но переместившееся после революции в Данию. Здесь-то и трудились Борис Каменка, Михаил Плотников, Борис Дерюжинский, генерал Михаил Лазарев, полковник Николай Куликовский, кн. Даниил Мышецкий, Николай Белоцветов и многие другие. Наиболее известен в дореволюционной России был крупный банкир Борис Каменка. Именно он и возглавлял страховое общество "Россия" (в 30-е гг.

он переехал в Париж). Кн. Д.П. Мышецкий (1891–1981) окончил незадолго до революции Царскосельский лицей, служил недолго в Генштабе и был направлен в Данию на службу в посольство после Февральской революции, т.е., строго говоря, эмигрантом он не был. Его родителям после революции удалось выехать из России и получить въездную визу в Данию. Б.В. Дерюжинский (1887–1955) тоже формально не был эмигрантом: известный петербургский юрист, он еще до Первой мировой войны стал секретарем русской миссии в Копенгагене.

Конечно, в страховых компаниях не могли работать все русские эмигранты. Многие нашли работу в различных сферах промышленности, торговли и сервиса, хотя уровень безработицы в Дании в 20-е гг. достигал 20%.

Капитан второго ранга А.А. Транзе (1880–1959), участник похода Юденича на Петроград, оказался в эмиграции в 40-летнем возрасте. Он изучил переплетное дело и зарабатывал им на жизнь, а его жена стала портнихой. Сын генерал-майора Е.Б. Павловский создал известный в Дании балалаечный ансамбль, существующий до сих пор. Другой генеральский сын Д.Д. Шевич (1913–1982) работал по найму в разных имениях, а затем был надзирателем в тюрьме (работа эта в Дании не считается одиозной). Бывшие кавалеристы давали уроки верховой езды или служили конюхами, как полковник Владимир Котляревский. Единственный представитель социалистов, бывший левый эсер Владимир Спиро, занимавший высокие посты при Керенском и в первом правительстве при Ленине (русская эмиграция относилась к нему очень враждебно), владел фабрикой по производству сухого молока.

Бедные и обнищавшие русские могли надеяться, что в тяжелый час они не останутся без куска хлеба: в Дании было создано "Русское благотворительное общество", оказывавшее, по словам Бертельсена, неоценимую помощь нуждавшимся соотечественникам и существующее в наши дни.

Что касается русского посольства, то оно вплоть до 1924 г. было вполне официальным учреждением, хотя и представляло не существующее уже Временное правительство. А затем, когда Дания де-юре признала СССР, сотрудники русского посольства и консульства сами превратились в беженцев. Впрочем среди них была одна яркая фигура – военный атташе генерал Сергей Потоцкий. С его ходатайствами датчане считались и после того, как его дипломатические полномочия прекратились. Он много сделал для русских военнопленных в период обеих мировых войн. Во время Второй мировой войны он помогал скрываться тем советским военнопленным, кому грозила выдача в СССР. Поэтому в глазах СМЕРША он был, видимо, матерым преступником.

Был еще один человек, с рекомендациями которого в визовых делах датские власти считались, пожалуй, даже больше, чем с просьбами генерала

Потоцкого: это вдовствующая императрица Мария Федоровна, бывшая датская принцесса Дагмара. Выехавшая из Дании в Россию за полвека до революции, она вернулась из России на родину в 1919 г. Мария Федоровна была поистине самой известной и самой видной фигурой русской эмиграции. И если она обращалась в полицию с ходатайством о разрешении на жительство тому или иному беженцу из России или о въездной визе, просьбу ее обычно удовлетворяли.

Принявшая в свое время православие, Мария Федоровна появлялась порой в русской православной церкви в Копенгагене, которая была построена для нее в 80-е гг. прошлого века Александром III. Там же ее и отпевали.

Автор рассказывает о том, что на похороны Марии Федоровны собрались, видимо, в первый и последний раз после революции, все жившие тогда в разных странах Романовы. Ими было принято совместное "копенгагенское заявление". О престолонаследии? Нет, об этом как раз Романовы и не могли договориться. Их всех на какой-то момент объединил протест против Анны Андерсен – молодой авантюристки, выдававшей себя за якобы уцелевшую дочь Николая II Анастасию. Все Романовы заявили в Копенгагене в 1928 г., что эта женщина – не Анастасия. Бертельсен пишет, что это заявление было подтверждено позже анализом ДНК, произведенным в 1994 г.

Вместе с Марией Федоровной жила и ее дочь – вел. кн. Ольга Александровна, которой тоже удалось выехать в свое время из России и избежать таким образом участи своих родственников, убитых в Екатеринбурге, Перми и Алапаевске. В Дании Ольга Александровна жила со своим вторым мужем полковником Николаем Куликовским и с детьми – Гурием и Тихоном.

Сестра царя Николая II вел. кн. Ольга была яркой и самобытной натурой. Она разорвала свой первый брак с принцем Ольденбургским, навязанным ей матерью, и вышла замуж – вопреки воле матери – за "обыкновенного" полковника. Вполне естественно, что ее мать не могла терпеть своего зятя, и отношения в доме были напряженными. Позднее Ольга Александровна жила в местечке Баллеруп под Копенгагеном, где сейчас есть посвященный ей музей. Она была неплохой художницей, иллюстрировала детские книги.

Во время и после Второй мировой войны она вместе с генералом Потоцким помогала русским военнопленным, в том числе и тем из них, кто носил немецкую форму. Эта ее деятельность была известна советским органам, и в первые послевоенные годы советское правительство не раз выражало недовольство тем, что в Дании находятся советские граждане, которых эта страна не торопится выдавать СССР. Судя по всему, имя Ольги Александровны так или иначе фигурировало в этой связи. Датское правительство уступило нажиму: практически все советские граждане – кроме многих при-

балтов – были возвращены в СССР (в основном – в лагерь), а Ольге Александровне датские власти дали понять, что ей лучше из Дании уехать. Бертельсен пишет: "Нервозность, охватившая [датское] министерство обороны весной 1948 г., перекинулась на датский королевский дом и побудила Фредерика IX рекомендовать великой княгине и ее семье немедленно покинуть Данию". И семейство Куликовских выехало в 1948 г. в Канаду, где Ольга Александровна скончалась в 1960 г. Дети и внуки Тихона и Гурия живут и сейчас в Канаде и Дании.

В окружении Марии Федоровны и вел. кн. Ольги выделялся выходец из России (православный, родился на Алтае), ставший датским офицером в королевской гвардии и фанатичным нацистом – Константин фон Шальбург (1906–1942). Свою военную карьеру он начал еще в кадетском корпусе в Петрограде. Во время оккупации Дании Шальбург возглавил датский добровольческий корпус, посланный на Воточный фронт, погиб у озера Ильмень. Его имя было присвоено датскому корпусу, а в Копенгагене немецкие власти устроили пышную траурную церемонию, на которой вынуждены были присутствовать представители датского правительства. Вел. кн. Ольга и ее муж Куликовский были также приглашены, но в последний момент были вычеркнуты из списка гостей как "слишком русские".

Вернемся, однако, к послереволюционным временам.

Как верно отмечается в книге Бертельсена, православный храм в Копенгагене (единственный в Дании) был тем местом, где собирались русские эмигранты. С 1911 г. священником Александровского храма был Иван Щелкунов (1870–1966). Вскоре после октября 1917 г. он к величайшему удивлению и возмущению прихожан во время службы призвал молиться за большевиков. Несколько дней спустя, рассказывает Бертельсен, он нашел на алтаре записку, в которой его предупреждали, что если он, Щелкунов, появится еще раз в церкви, то будет убит. Священник собрал приходской совет и объявил, что при сложившихся обстоятельствах он вынужден отказаться от служения, что было воспринято собравшимися с одобрением. После этого Щелкунов переехал на остров Борнхольм, где преподавал русский язык и переводил с русского на датский (перевел "Анну Каренину" Л. Толстого). Он – автор ряда книг на исторические темы и составитель русско-датского словаря, которым пользуются до сих пор. Во время оккупации Борнхольма советскими войсками

Щелкунова привлекали в качестве переводчика, и, по словам Бертельсена, он дружил с советскими командирами на острове.

После Щелкунова в русской церкви священником стал Леонид Колчев (1871–1944), происходивший, как и Щелкунов, из духовенства. Колчев был священником в Крыму и там в Ливадии познакомился с императрицей Марией Федоровной, стал ее духовником. После революции он с семьей бежал в Константинополь, а затем благодаря императрице попал в Данию. Во время немецкой оккупации Дании Колчев занял четко выраженную антинацистскую позицию и заявил, что немцам в военной форме вход в русский храм запрещен.

После его смерти священником стал Алексей Ципурдеев (род. в 1902 г.), сын морского офицера из Керчи, младший лейтенант, воевавший у Каледина, Деникина и Врангеля. Он принял священнический сан в Риге, где окончил духовную семинарию. И Колчев, и Ципурдеев принадлежали к "патриаршей" юрисдикции и не признавали "синодальную" церковь.

В помещении храма находится русская библиотека, где имеется несколько тысяч книг на русском языке. В основном это эмигрантские издания. Здесь же зал, где после богослужений под портретами Александра III и Марии Федоровны и сейчас собирается публика – нечто вроде русского клуба.

Заканчивая книгу, Хенрик Бертельсен пишет, что появление русских эмигрантов в Дании после 1917 г. радикально изменило стереотипное мнение датчан о русских в лучшую сторону. Интеграция русских в датское общество произошла не только безболезненно, но и просто удачно. Подзаголовок второй части книги Бертельсена так и гласит: "Хорошо удавшаяся интеграция".

Многое можно было бы сказать о недостатках книги. Но лучше отметить, что как бы там ни было, это первая работа на данную тему, и уже этим она знаменательна.

Борис Вайль

(Королевская Библиотека в Копенгагене)

Примечание

* Henrik Bertelsen. Russiske flygtninge i Danmark: 1917–1924. En indvandring der skabte indenrigs – og udenrigspolitiske problemer. Forfatterforlaget Attika, 1992. 108 s.

Henrik Bertelsen. Russiske flygtninge i Danmark: 1925–1995. En vellykket integration. Forfatterforlaget Attika. 1996. 133 s.

СТРАНИЦЫ ВОЕННОГО НЕКРОПОЛЯ СТАРОЙ ОДЕССЫ. Биографический справочник. Сост. И.В. Дивный. Киев, 1996. 216 с.

Справочник является отдельным выпуском издательской серии "Некрополи Украины", осуществляемой Институтом украинской археологии и источниковедения им. М. Грушевского Национальной академии наук Украины. Выход в свет в последнее десятилетие подобного рода справочников, появление исследований, посвященных истории кладбищ, – свидетельство возрождения интереса к той отрасли вспомогательных исторических дисциплин, которая получила наименование некрополеведение.

В пору расцвета, в первые годы XX в., эта отрасль знаний была представлена такими фундаментальными справочными изданиями, как "Петербургский некрополь", "Московский некрополь", "Русский провинциальный некрополь" и др. Содержавшиеся в этих справочниках сведения о погребенных служили источниками для проведения историко-биографических и генеалогических исследований. Следует заметить, что в дореволюционных справочниках нет сведений о захоронениях на кладбищах городов Украины. Это обстоятельство определяет значение первых работ в области украинского некрополеведения: монографии Л.А. Проценко "История Киевского некрополя" (Киев, 1995) и рецензируемого справочника И.В. Дивного.

В издании приведены биографические сведения о 300 генералах и штаб-офицерах, служивших в армии, полиции и пограничной страже Российской империи и погребенных в Одессе – на Старом и Новом кладбищах, в православном и католическом соборах и на церковных погостах. Здесь обрели покой ветераны суворовских походов, Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода 1813–1814 гг., войн первой половины XIX в. против Турции, Швеции, Персии, многолетней войны на Кавказе, Крымской войны, русско-турецкой 1877–1878 гг., русско-японской и Первой мировой войн, Гражданской войны на территории Украины. Среди военных, упомянутых на страницах справочника, названы офицеры, оставившие память о себе ратными подвигами, военачальники и администраторы, внесшие значительный вклад в дело управления и обустройства Северного Причерноморья и его столицы – Одессы. В этом городе были похоронены новороссийский генерал-губернатор и наместник Бессарабской области, позднее – наместник на Кавказе генерал-фельдмаршал князь М.С. Воронцов (1782–1856), новороссийский генерал-губернатор и наместник Бессарабии генерал-лейтенант И.Н. Инзов (1786–1845; в 1846 г. его прах был перезахоронен в придунайском городе Болграде); градоначальник Одессы и новороссийский генерал-губернатор, генерал от инфантерии граф А.Ф. Ланжерон (1763–1831); крупный военачальник и администратор, занимавший первые

посты в Министерстве внутренних дел, служивший генерал-губернатором Черниговской, Подольской, Харьковской и Петербургской губ. и завершивший многолетнюю служебную карьеру на посту новороссийского и бессарабского генерал-губернатора – генерал от артиллерии граф А.Г. Строганов (1795–1891); легендарный военачальник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерал от инфантерии Ф.Ф. Радецкий (1820–1890); основоположник отечественного военного воздухоплавания генерал-лейтенант А.М. Кованько (1856–1919), а также другие видные военные и административные деятели. На Старом кладбище Одессы погребен майор в отставке Лев Сергеевич Пушкин (1805–1852) – родной брат А.С. Пушкина, успевший за свою недолгую жизнь отличиться на военном поприще и потрудиться на гражданской службе, завершив карьеру на посту чиновника одесской портовой таможни.

Как видно из вводной статьи, реальные следы подавляющего числа захоронений военных (сами могилы, надгробные камни, памятники, ограды) на одесских кладбищах давно исчезли: разрушены не столько временем, сколько утрачены по людскому нерадению и по произволу властей (особенно в советское время), а порою они становились жертвами актов вандализма. О многих некогда существовавших воинских захоронениях остались лишь свидетельства, отраженные в литературных и архивных источниках, которые и использовал И.В. Дивный для частичной реконструкции одесского воинского некрополя.

Справочник И.В. Дивного шире и разнообразнее по составу источников, нежели российские дореволюционные издания. Если составители последних опирались в основном на сведения, содержащиеся в надписях на надгробных плитах и памятниках, то И.В. Дивный при создании "Страниц военного некрополя старой Одессы" использовал наряду с эпитафиями биографические сведения, почерпнутые из "Русского биографического словаря", "Адрес-календарей", "Памятных книжек", "Списков" генералов и офицеров, других справочных печатных изданий, из некрологов, опубликованных в одесских газетах, а также из документов, хранящихся в государственных архивах Киева и Одессы. В ссылках на архивные источники автор указывает лишь глухие их шифры, не сообщая, к сожалению, данных о наименованиях архивных фондов и о видах документов. Чаще всего встречаются ссылки на документы из фонда № 37 Государственного архива Одесской обл. Читатель может лишь догадываться, что в этих ссылках речь идет, по всей видимости, о фонде Одесской духовной консистории и о записях в метрических книгах какого-либо кладбищенского или городского храма.

Издание снабжено различного рода списками, перечнями и таблицами, облегчающими пользование основным материалом. К книге приложено 78 иллюстраций, воспроизводящих портреты генералов и офицеров, погребенных на одесских кладбищах, групповые снимки, снимки надгробий, памятников, оград и т.п.

Как сказано, в справочнике приведены биографии генералов и штаб-офицеров. К сожалению, в него не включены сведения об обер- и унтер-офицерах и рядовых солдатах, не названы офицеры и матросы военного флота, не указано общее число старинных воинских захоронений на территории Одессы. Можно надеяться, что со временем усилиями ученых и краеведов будет подготовлен полный "Одесский некрополь", содержащий поименный перечень погребенных на кладбищах Одессы в конце XVIII – начале XX в., независимо от их сословного происхождения, служебной карьеры.

И последнее замечание. На страницах справочника И.В. Дивного представлена галерея людей различных национальностей и вероисповеданий. Все они верно служили общему Отечеству – Российской империи, и все, уйдя из жизни, обрели последнее пристанище на одесской земле. Поэтому в работе, посвященной их памяти и ратным подвигам, совершенно неуместным выглядит предпосланное в качестве эпиграфа к книге высказывание украинского историка и публициста М.П. Драгоманова (1841–1895) о "Московском царстве", принесшем немало лишений украинскому народу. Неужто в этом основная идея книги? К чему "ссорить" между собой воинов, обретших вечный покой?

Р.В. Овчинников
(Институт российской истории РАН)

Научная жизнь

1917 ГОД В СУДЬБАХ РОССИИ И МИРА. ОКтябрьСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ОТ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ К НОВОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ

Международная научная конференция

Конференция, организованная Научным советом РАН "История революций в России", Институтом российской истории РАН, Музеем революции и Государственным архивом Российской Федерации, состоялась 21–22 октября 1997 г. Участие в ее работе приняли более 100 ученых из научно-исследовательских центров и высших учебных заведений Москвы, Тамбова, Ставрополя, Казани, Екатеринбургa, Перми, Оренбурга, Магнитогорска, Майкопа, Нижнего Тагила, Кемерово, Ростова-на-Дону, Кимр, зарубежные коллеги из США, Великобритании, Югославии, КНР, а также Украины. Конференция была посвящена памяти безвременно ушедшего из жизни в сентябре 1997 г. академика П.В. Волобуева, который почти полвека отдал служению российской исторической науке. Шесть последних лет он возглавлял Совет по истории революций в России (в декабре 1997 г. Совету исполнилось 40 лет).

В.П. Булдаков (ИРИ РАН) в докладе: "Октябрь и XX век: история и источники" отметил, что любые теории революции в нынешних условиях рискуют остаться бесплодными, если они будут ориентироваться на старый, по преимуществу политически-событийный источниковый ряд, совершенно не учитывающий особенностей, психоментальности и политической культуры той социальной среды, в которой разворачивалась революция. Более того, существует опасность, что новая волна абстрактного социологизаторства, пришедшая на смену марксизму, подавит слабые ростки исторического антропологизма и тем самым создаст дополнительный простор для той вульгарной "демонизации" революции, которая уже поразила массовое сознание. Поэтому необходимо привлечь новые источники, объясняющие те подвиги в общественных настроениях и поведении, которые привели в движение многомиллионные массы людей в 1917 г. В частности, исследователи до сих пор не обратили внимания на тот факт, что в начале XX в. налицо было невиданное "омоложение" населения, которое и усилило действие фактора "человеческой деструктивности". Русская революция неотделима от глобальных подвижек, происходивших в мире. Ее можно и нужно ставить в контекст того грандиозного столкновения модернизаторства и традиционализма, которое определило весь облик XX в. При этом важно выделить элементы специфически российской "человеческой" реакции на императивы эпохи. Понять ход и, особенно, последствия революции нельзя без анализа того, как менялись представления не только о власти и государстве, но и времени, пространстве, человеческих возможностях и потребностях. А это требует совершенно новой источниковой базы, характеризующей не только "сознание", но и стихию подсознания революционного времени, хотя изучать нужно и "старые" источники.

П. Дьюкс (Великобритания, Абердинский университет) в докладе "К тотальной истории Октябрьской революции" отметил, что революционный процесс в России должен быть поставлен в контекст глобальных изменений, имевших место в начале XX в. В связи с этим необходимо компаративистское изучение всех революций, предшествовавших Октябрьской и последовавших за ней. Вместе с тем уместно вписать Октябрьскую революцию в общий кризисный ритм российской истории. В любом случае нужен многомерный подход к революции, требующий соразмерного сочетания документов "обыденной" истории и анализа динамики утверждения новых идей.

В докладе С. Жиана (Югославия, Белградский университет) "Динамика революции и реформы в событиях 1917 г." была предпринята попытка оспорить традиционное противопоставление реформ революциям. Ведь революции и реформы – неотъемлемая часть мирового исторического процесса в новое и новейшее время. При этом реформы (особенно запоздавшие и половинчатые) часто не спасают общество от революций, а сами революции вызывают последующую цепь реформ. Так было, в частности, и в России после свержения самодержавия. Однако Временное правительство упустило возможность довести начатые реформы до их логического завершения, предоставив тем самым леворадикальным политическим силам возможность перехватить инициативу и свергнуть власть, установленную всего 8 месяцев назад, но не

оправдавшую надежд народа. Иными словами, запоздавшие в России реформы "сверху" явились причиной революции "снизу".

А. Рабинович (США, Индианский университет) в докладе "Большевики и политическое самоубийство левых эсеров в июле 1918 г.", освещая борьбу двух леворадикальных партий, попытался осмыслить ход этого политического противостояния и его последствия, взяв за исходную точку анализа убийство немецкого посла Мирбаха. Что толкнуло левых эсеров на ставшее для них роковым июльское выступление? По мнению А. Рабиновича, опирающегося на впервые вводимые в оборот документы архивов, большую роль сыграло здесь их убеждение в том, что если "порабощению" революционной России германским милитаризмом не будет немедленно положен конец, то революция погибнет. Однако более весомым фактором выступал своего рода "голгофизм" левозерских лидеров, их уверенность в том, что сама история обрекла их на положение жертвы в борьбе с большевиками, но что жертва эта будет принесена не напрасно.

Д.О. Чурakov (МПГУ), представивший аудитории доклад "Октябрьский переворот и фабзавкомы", отметил, что исследовательский интерес к различным аспектам рабочего движения упал в последнее время до критически низкого уровня. Между тем оно оставалось важнейшим фактором обострения кризиса власти 1917 г., причем особая роль здесь принадлежала именно фабзавкомам. Несмотря на то, что существовали две принципиально различные формы перехода власти в руки Советов (докладчик условно характеризовал их как "петроградскую", для которой было характерно использование Красной гвардии и силовое решение всех проблем, и как ненасильственную – "иваново-вознесенскую"), можно проследить и некоторые общие моменты, связанные с участием фабзавкомов в октябрьских событиях 1917 г. Докладчик показал, что фабзавкомы в большинстве случаев не были центрами вооруженного восстания. Если дело и доходило до оружия, то, как правило, его использовали лишь в локальных конфликтах. Фабзавкомы в целом и в дни Октябрьской революции продолжали заниматься хозяйственными и бытовыми проблемами. Для осуществления более глобальных мероприятий, связанных с общей стратегией борьбы, создавались экстраординарные структуры, связь которых с фабзавкомами могла варьироваться от чисто символической до очень тесной. Природу этого явления еще предстоит изучить.

В.Ф. Верстюк (Институт истории Украины Национальной Академии наук Украины) в докладе: "Октябрьский переворот и рождение украинской государственности" на конкретных примерах показал, что свержение Временного правительства свидетельствовало о неразвитости демократической традиции в стране, о доминировании в сознании российских политиков модели "единой и неделимой" России. Сама власть упорно провоцировала центробежные тенденции в распадающейся империи. История украинского национально-государственного движения показывает, что последовательное развитие демократии в многонациональной стране в имперских формах сделалось невозможным.

Л.Г. Протасов (Тамбовский государственный университет) в докладе "Предвыборные блоки Всероссийского Учредительного собрания (латентные характеристики)" подчеркнул, что история Учредительного собрания неотделима от общеполитической обстановки в стране в 1917 г. Особенно сложный и противоречивый характер эта связь приобрела после 25 октября: и предвыборная кампания, и сами выборы развертывались на фоне бескомпромиссной борьбы за власть и начала Гражданской войны. Предвыборная кампания была, образно говоря, войной всех против всех. Меньшевики и правые эсеры вели ее на два фронта: против левых (большевиков, левых эсеров, народных социалистов) и кадетов. Но если первые для умеренных социалистов были хотя и узурпаторами власти, но все же "неразумными друзьями революции", то кадеты – ее убежденными классовыми врагами. Разгон Учредительного собрания ускорил внутреннюю эволюцию самой большевистской партии в замкнутую военно-политическую организацию, превратившуюся вскоре в часть государственного аппарата. С другой стороны, в массовое сознание стало внедряться пренебрежение к "формально-демократическим" институтам вроде всеобщего избирательного права, свободы личности и т.д. Это было важнейшее звено в системе мер, ознаменовавших переход к военно-коммунистическим идеалам и практике.

А.Л. Литвин (Казанский государственный университет) в докладе "От анархо-коммунизма к ГУЛагу: к биографии Генриха Ягоды" на примере судьбы одного из руководителей советской карательной системы показал, как стихия насилия трансформировалась в репрессивную машину и какой крови это стоило и палачам, и жертвам. В антитезе "палач – жертва" оказалось заключено нечто жестко детерминирующее, предопределяющее стремительность взлета и неизбежность падения той или иной исторической личности.

По мнению В.И. Бакулина (Кировский государственный университет), выступившего с докладом "Стихийно-анархистский компонент событий 1917 г. в Вятской губернии", большевизм внес свой заметный вклад в развитие анархических тенденций, набравших силу в провинциальной глубинке на протяжении всего 1917 г. Однако дополнительного изучения требует (и не только применительно к Вятской губ.) и та роль, которую играли в "раскачивании" ситуации местные эсеры и меньшевики. Тяготы затянувшейся войны, чехарда в органах центральной и местной власти, хлебная монополия и реквизиции продовольствия, революционная агитация и обычное политиканство, разгул индивидуального и группового эгоизма в течение нескольких месяцев 1917 г. радикальнейшим образом изменили ситуацию в провинции.

Исследованию ситуации, сложившейся в саратовской деревне в 1917 г., был посвящен доклад Г.А. Герасименко (Академия госслужбы при Президенте РФ) "Политическое положение саратовской деревни в октябрьские дни". Основываясь на материалах докладных записок о ситуации на местах, составившихся эмиссарами местных советских структур, докладчик подчеркнул, что вооруженное восстание в Петрограде усилило напряженность в деревне и буквально раскололо крестьянство на два лагеря, один из которых выступал за власть Советов, другой – за сохранение власти Временного правительства и укрепление земских учреждений.

А.Л. Филоненко (Магнитогорский металлургический институт) в докладе «У истоков "военно-коммунистической" экономики: центр и органы хозяйственного управления на Урале (конец 1917 – первая половина 1918 года)» обобщил факторы, способствовавшие становлению мощного регионального объединения, апробировавшего методы хозяйствования, преобладавшие в условиях "военного коммунизма": проведение быстрой национализации промышленных предприятий, сразу же сделавшей хозяйственные органы единоличными распорядителями государственного имущества; полная подконтрольность власти фабзавкомов и профессиональных союзов, позволявшая сдерживать все возрастающие экономические требования рабочих; подчеркивание существовавшей автономии. Это привело к тому, что постановления Уральского областного СНХ приобрели обязательный характер для всех местных совнархозов, экономических учреждений и предприятий. А УОСНХ мог и не согласовывать свои действия с постановлениями съездов местных совнархозов и с общими постановлениями Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов (т.е. с властью законодательной). Одно это уже, в сочетании с тем, что УОСНХ объявлялся "высшей инстанцией по всем вопросам экономической жизни Уральской области", создавало зоны деятельности, недоступные для центра. В результате президиум ВСНХ, действуя в данном вопросе в одном ключе с руководством не только главков и центров, но и Совнаркома, вырабатывает основную стратегическую линию по отношению к областным СНХ – берет курс на постоянное уменьшение их роли и значения, на большее подчинение центру.

По мнению Т.П. Хлыниной (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований), выступившей с докладом "Советы и традиционное общество юго-востока России", новый документальный пласт "обыденной событийности" дает возможность подойти к новому уровню осмысления закономерностей эволюции власти в аспекте соотношения ее ориентации и социальной адаптации населения. Советизация окраинных земель, внедрившая элементы классовой борьбы в ментальность и поведение масс, опустившиеся едва ли не до первобытного уровня, завершала "декларативный" период существования "независимых" региональных образований. Доктринальное стремление власти к абсолютной централизации вступало в прямое противоречие с эмпирикой этнического самоутверждения. Послеоктябрьский всплеск "творческой активности масс" в республиках подталкивал их к буквальному восприятию лозунга "Вся власть Советам!" как своего рода независимости. В ответ Центр начал осуществлять политику насаждения и поддержки Советов, установления прочной связи с периферией, введения единой, упорядоченной структуры власти, ликвидации волостных коммун, республик, местных Совнаркомов. Как результат, очень скоро началось атрофирование советской формы государственного управления.

В докладе В.В. Канищева (Тамбовский государственный университет) «"Мелкобуржуазная контрреволюция": сопротивление городских средних слоев становлению диктатуры пролетариата (октябрь 1917 – август 1918 г.)» предпринята попытка показать конкретный механизм сопротивления средних слоев города (на примере почти 200 провинциальных городов 14 губ. Центра России) становлению диктатуры пролетариата, выяснить причины сравнительно быстрого поражения городской "мелкой буржуазии" в борьбе с советской властью. Плохо организованная, рыхлая по составу, немногочисленная по числу участников, импульсивная контрреволюционность городских средних слоев не смогла стать серьезным противовесом диктатуре пролетариата. По мнению докладчика, слабость "мелкобуржуазной контрреволюции" определялась прежде всего незавершенностью процесса формирования в России городского "среднего класса". Средние слои российского города заметно теряли в силе из-за сословных перегородок и недоверия друг к другу привилегированных и "низших" по происхождению групп. Они скорее стихийно бунтовали, чем организованно восставали. Большинство из них исторически привыкло к жестким формам управления. Стоило власти обратиться к суровым мерам борьбы с "мелкобуржуазной контрреволюцией" (по данным докладчика, для подавления этих выступлений 64 раза применялись войска, в том числе в 15 случаях дело доходило до расстрела мятежных толп, 38 раз имели место аресты участников выступлений с последующим расстрелом части из них), как мешанство затихало и направляло энергию исключительно на экономическое приспособление к новому порядку.

В.М. Бухарев (Казанский государственный университет) и Д.И. Люкшин (Казанский технологический университет) в совместном докладе «Крестьяне России в 1917 году: Пиррова победа "общинной революции"» отметили роль крестьянского движения в победе левого радикализма, но акцентировали внимание на другом: была ли угроза со стороны крестьянства новой российской государственности действительной или мнимой? По мнению докладчиков, основная проблема жизнедеятельности общинников в этот

период состояла во все более углублявшемся разрыве между укрепившимся положением их хозяйств на базе традиционной "моральной экономики" и их более чем своеобразными финансовыми отношениями с государством. С одной стороны, угрозы голода не возникало, с другой – накапливалась задолженность по налогам. Отсюда вытекало стремление общины переложить тяготы собственного существования как целого на не вмонтированных в систему ее "моральной экономики" хозяйственных субъектов, включая город. В условиях постреволюционного "давления численно преобладающей массы" это оказалось возможно, что, в свою очередь, привело к общей архаизации общественной жизни. Но последнее вызвало к жизни усиление архаичных форм государственной репрессивности, что в конечном счете обернулось против самого крестьянства.

Тему "общинной революции" продолжил в своем докладе "Октябрь 1917 г. и крестьянство: поведенческий императив и хозяйственная обусловленность" В.Л. Т е л ы н (ИРИ РАН). По мнению докладчика, "общинная революция" означала, что общинники в процессе "черного передела", сами того не желая, оказывались в состоянии конфликта со всем окружающим миром – помещиками, местной администрацией, хуторянами, отрубниками, членами других общин, новообразованиями, создававшимися из бывших рабочих и сельских пролетариев, и, наконец, горожанами вообще. Вопрос о противостоянии с городским населением, особенно населением заводских поселков и окраинных районов индустриальных центров, требует специального пояснения. Дело в том, что значительный массив посессионных земель до 1917 г. находился в бессрочном владении заводов. Землей этой пользовались от 45 до 62% рабочих, как правило, малоквалифицированных и низкооплачиваемых. Именно на эту землю обращало свой взор крестьянство. Тысячи десятин казенной земли захватывались волостями, к которым они примыкали. И в то же время тысячи рабочих семей, лишившись своего земельного участка, были обречены на голодную смерть. В сознании рабочих вызревало представление: крестьянство – источник бедствия. Гражданская война превращалась в реальную неизбежность, подпитываясь леворадикальными утверждениями о том, что всякая революция без широкомасштабного социального противостояния немыслима.

По мнению А.Я. Л и ш и н а (МГУ) и И.Б. О р л о в а (Государственная Академия службы быта и услуг), выступивших с докладом "Революция и справедливость: послеоктябрьские письма во власть", развитие исторической науки требует как внимания к "нестандартным", т.е. практически игнорировавшимся прежде проблемам, так и введения в научный оборот нетрадиционных источников, в том числе и писем рядовых граждан в органы власти и на имя отдельных политических деятелей. Такие письма являются своего рода зеркалом меняющейся ментальности общества. Они дают богатый материал для анализа таких проблем, как отношение власти к человеку и человека к власти, отношение к наследию революции, внутренняя структура и иерархия ценностей и т.д. Письма и иные формы апелляции к государству являлись, с одной стороны, своеобразным барометром общественных настроений, с другой – клапаном для выпуска социальной энергии и недовольства "низов".

В докладе С.М. И с х а к о в а (ИРИ РАН) "Первые шаги Совнаркома и российские мусульмане" был сделан вывод о том, что мусульмане воспринимали те или иные акты СНК по-своему, руководствуясь своим историческим опытом, культурным наследием, влиянием ислама. Стремясь стать во всем равноправными с русским народом (в этом состоял национализм мусульман и выражавших это в своей политике их так называемых националистических правительств), они в первые несколько месяцев правления большевиков проявили себя, казалось бы, с неожиданной стороны: увидев расползание хаоса в государстве, пытались организовать собственными силами, чтобы не погибнуть в огне Гражданской войны. Это была тенденция не к разрушению государства, а, напротив, к его сохранению. Сначала в роли их руководителей выступили либеральные лидеры, которые к весне 1918 г. поняли, что не в состоянии противостоять стихии. Затем их место заняли другие, более молодые мусульманские политики-социалисты, приветствовавшие большевистскую агитацию в своих регионах, которая там воспринималась, однако, не как коммунистическое учение, а прежде всего как учение, призывающее к созданию такой национальной власти, которая на практике отвечала бы интересам всех народов, населявших то или иное мусульманское государство. Благодаря этому российские мусульмане, достаточно легко отказавшись от своей прежней идеологии джадидизма (реформаторства), стали переходить на сторону большевиков и явились, таким образом, стабилизирующим фактором, объективно противодействующим распаду России.

В заключительном слове председатель Научного совета РАН "История революций в России" С.В. Т ю т ю к и н отметил, что в общем и целом конференция удалась, хотя далеко не все доклады можно характеризовать как нечто принципиально новое в осмыслении Октября 1917 г., выработанное на основе новых источников. Октябрьская революция – объект многогранный, требующий кропотливой работы с источниками, серьезного анализа фактов и неспешного подхода к обобщениям. Соединение трех этих составляющих и позволит исследователям быть более объективными и беспристрастными в своих оценках.

В. Л. Леонидов
(Институт российской истории РАН)

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ НА УРАЛЕ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, ПРАКТИКА (1917–1980-е гг.)

Заметки с научной конференции

10–12 ноября 1997 г. в Нижнем Тагиле состоялась региональная научная конференция "История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.)". Она была подготовлена проблемной научно-исследовательской лабораторией "Банк данных: Нижнетагильский регион в XX веке" исторического факультета Нижнетагильского пединститута (руководитель В.М. Кириллов) и проводилась на грант Фонда Форда при поддержке администрации Нижнего Тагила. В работе конференции приняли участие исследователи из Москвы, Твери, Екатеринбурга, Перми, Челябинска, Нижнего Тагила.

Конференцию открыл В.М. Кириллов, отметивший, что в Нижнем Тагиле в 1940–1950-х гг. размещалась крупнейшая лагерная система – Тагиллаг – и значительная часть его жителей является жертвами репрессий или их потомками. С 1989 г. здесь действует историко-просветительское общество "Мемориал", издан ряд книг по истории репрессий. Исследовательские работы по этой теме поддерживает руководство города и НТГПИ.

С приветственным словом к участникам конференции обратились: зам. главы администрации Нижнего Тагила Л.А. Задорин и проректор НТГПИ по научной работе С.А. Ноздрин.

Пленарное заседание началось с доклада А.В. Бакунина (Екатеринбург) "Основные этапы политических репрессий в СССР", обосновавшего необходимость исследования истории политических репрессий в СССР как одной из центральных проблем отечественной истории XX в. Массовые репрессии и террор, подчеркнул выступавший, являются главной чертой советского тоталитарного режима, поэтому при определении их основных этапов следует исходить из периодизации истории этого режима¹. Первый этап – формирование (генезис) тоталитаризма А.В. Бакунин относит к 1917–1929 гг., второй – господство (апогей) тоталитаризма – к 1929–1953 гг., третий – стагнация и крушение тоталитаризма к 1953–1991 гг. Докладчик остановился на теоретических, социально-экономических и политических предпосылках использования большевиками насилия по отношению к населению, создании аппарата ВЧК, его структуре, численности, принципах деятельности, становлении пенитенциарной системы и роли принудительного труда в функционировании политического режима.

Р.Т. Москвина (Екатеринбург) в докладе "Функции репрессий в тоталитарном политическом режиме" назвала основным фактором, определяющим механизм, причины, направленность, масштабы репрессий, политический режим, понимаемый как совокупность методов осуществления власти. В 1917 г. политический режим Советской России получил тоталитарный вектор развития, его формирование закончилось на рубеже 20–30-х гг. Массовые репрессии имели своей целью: достичь полной идентификации личности с политическим режимом; гарантировать успех массовой социалистической индоктринации населения; создать новые стимулы к труду (заменяя личный интерес общим) и армию труда (ГУЛаг); обеспечить индивидуальное подключение интересов личности к интересам власти за счет дробления, атомизации общества. В результате каждый член общества оказался один перед громадой властных структур, что определило его неспособность сопротивляться произволу режима.

Доклад Т.И. Славко (Тверь) был посвящен проблемам формирования банка данных по истории репрессивной политики советского государства в 20–30-е гг. Она подчеркнула, что сегодня опубликована серия работ, в которых методика использования компьютерных технологий позволяет раскрыть механизм лишения избирательных прав, социальный портрет лишенцев, а также последствия насильственной политики государства в отношении огромной массы людей. На основе изучения личных дел лишенцев предложена методика создания двух типов баз данных – источник-ориентированных (максимально полно учитывающих информационную насыщенность источника) и проблемно-ориентированных, подчиненных решению конкретных исторических проблем.

В.М. Кириллов в докладе "Репрессированные в Нижнетагильском регионе Урала" отметил, что в целях комплексного изучения темы была организована проблемная научно-исследовательская лаборатория "Нижнетагильский регион в XX веке", разработана методика и начато создание баз данных по темам: "Исправительно-трудовые учреждения Нижнетагильского региона 1920-х гг.", "Лишенные избирательных прав", "Спецпереселенцы",

"Репрессированные по контрреволюционным делам 1930–1940-х гг.", "Узники Тагиллага", "Карта ГУЛага".

В докладе Н.В. Стручковой (Екатеринбург) "Документальные материалы Государственного архива административных органов Свердловской области как источник изучения истории политических репрессий на Урале в период 1920–1980-х гг." раскрываются принципы комплектации документов, представляющих непреходящую ценность для будущих поколений, обеспечения их сохранности и доступности для исследователя. Выступавшая охарактеризовала архивно-следственные дела на репрессированных по политическим мотивам, в том числе на общественных деятелей, оставивших заметный след в истории Уральского края (И.Д. Кабакова, И.И. Гарькавого и др.). Отмечены значительный интерес ученых к документам ГААОСО, разнообразие тем исследований, проводящихся на базе архива.

В выступлении Л.В. Хохловой (Екатеринбург) "Советское уголовное законодательство как база для проведения политики дискриминации советских граждан (1950–1980 гг.)" было отмечено, что советское уголовное законодательство и деятельность по его применению были максимально политизированы и идеологизированы. Уголовная политика выступала в качестве необходимого инструмента обеспечения господства правящей элиты, сохранения политических, экономических, идеологических условий, поддерживающих это господство.

Два доклада участников конференции касались организации системы принудительного труда. Г.Я. Маламуд (Челябинск) в выступлении на тему "Генезис системы принудительного труда в СССР и Уральском регионе (1920–1930-е гг.)" показал, что идея использования принудительного труда как средства исправления заключенных стала претворяться в жизнь сразу же после победы Октябрьской революции. Лагеря принудительных работ с самого начала создавались не только как средство "трудового перевоспитания", но и как источник дешевой и мобильной рабочей силы для "народного" хозяйства. До начала 30-х гг. эксплуатация труда заключенных не рассматривалась как важная хозяйственная задача. Однако планы индустриализации страны поставили в повестку дня вопрос о перестройке системы мест заключения с тем, чтобы она стала не только самокупаемой, но и сыграла существенную роль в выполнении пятилетних планов.

В докладе Л.А. Обухова и М.В. Рубинова (Пермь) "Место и роль труда заключенных в период складывания советской пенитенциарной системы 1918–1921 гг." было показано, что в 1918–1921 гг. был создан комплекс правовых актов советской власти, важнейшим элементом которых являлась идея обязательного труда для заключенных в качестве универсального метода исправления или наказания преступников. В период становления советской пенитенциарной системы применение труда заключенных расширялось. Эти тенденции, по мнению докладчиков, постепенно готовили возникновение системы ГУЛага.

В ряде докладов участников конференции из Екатеринбурга рассматривалась одна из неизученных тем – лишение избирательных прав в 1920–1930-х гг.: Л.Н. Мазур "Лишение избирательных прав крестьян в 1920-е – первой половине 30-х гг. (по материалам личных дел)", Ю.А. Русина "Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–1930-е годы (по материалам личных дел)", Е.В. Байда "Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей", А.П. Клинин "Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (анализ инструкций о выборах в Советы)", Л.А. Фофанова "Бывшие государственные служащие Урала как жертвы репрессивной политики советской власти в 1920–30-е гг.". В них были рассмотрены правовая основа, механизм лишения избирательных прав, расширение социального состава "лишенцев" в рассматриваемый период, положение различных категорий лишенных избирательных прав и их социальный облик, методика обработки информации, содержащейся в личных делах "лишенцев".

В докладе В.В. Чевардина (Нижний Тагил) раскрыта тема "Тотальная борьба НКВД против религиозных общин Урала".

В.П. Мотревич (Екатеринбург) выступил с докладом "Деятельность органов НКВД по пресечению побегов спецпереселенцев с территории Урала и Сибири в годы Великой Отечественной войны". Он показал, что спецпереселенчество являлось колоссальным резервом дешевой рабочей силы, столь необходимой для развития производительных сил северных и восточных регионов страны. Побег, объективно обусловленные самим характером общественных взаимоотношений между официальной властью и спецпереселенцами, были неизбежны. Основная причина побегов была связана с крайне тяжелыми условиями жизни последних.

В выступлении Н.Н. Попова (Екатеринбург) рассказывалось о положении спецпере-

селенцев на севере Урала и Западной Сибири при сталинском режиме. Отношение к ним хозяйственных руководителей и комендантов, подчеркнул докладчик, было, за редким исключением, жестоким, бездушным. Местные власти не смогли обеспечить прием огромного количества ссыльных. Не хватало не только жилья и продуктов питания, одежды, обуви, но иногда и работы. Труд спецпереселенцев был малопродуктивным, уровень заболеваемости и смертности – высоким. И все-таки эти люди своим трудом внесли существенный вклад в освоение природных ресурсов Обь-Иртышья, в достижение победы над врагом.

В докладе В.С. Т е р е х о в а (Екатеринбург) "Политические репрессии против инженерно-технической интеллигенции Урала в 1930-е годы" подчеркивалось, что репрессии против этой части населения дезорганизовывали промышленное производство, замедляли темпы экономического развития, создавая крайне негативный фон страха и незащищенности людей, лишая инженеров и руководителей предприятий возможности работать творчески.

Доклад М.Е. Г л а в а ц к о г о (Екатеринбург) «Дело "Уральского инженерного центра"» раскрывал мало изученную страницу истории репрессий против технической интеллигенции. Только в начале 90-х гг., отметил он, исследователям стал доступен список инженеров, проходивших по делу "Уральского инженерного центра" («Уральский центр "Промпартии"»), но до сих пор нет ни одной статьи на эту тему. Инженеры, арестованные по делам членов так называемых региональных центров "Промпартии", осуждались не на открытых процессах, а заочно, по решениям Коллегии ОГПУ. На Урале было арестовано 19 человек: 15 инженеров, один техник, один профессор-химик, два бывших белых офицера. Причины массовых репрессий против инженерно-технических кадров, проводившихся в конце 20-х – начале 30-х гг., автор видит в следующем: власть не хотела терпеть наличие тысяч "агитаторов" в лице инженеров и техников, которые не скрывали своего отрицательного отношения к сворачиванию нэпа. Кроме того, старые инженерные кадры всегда оставались чуждыми советской власти, их самоценность не признавалась.

Теперь уже очевидно, что партийно-государственная политика, проводимая в отношении научно-технической интеллигенции в течение десятилетий, не была случайной. Советский политический режим искал и находил способы, позволявшие любой ценой удерживать власть. Репрессии для него были важнейшим инструментом управления.

Основная мысль доклада А.Б. С у с л о в а (Пермь) "Трудовая мобилизация советских немцев в годы Великой Отечественной войны (на примере Пермской области)" заключалась в том, что эта мобилизация являлась особой формой репрессий по национальному признаку. С ее помощью политическое руководство страны одновременно решало две задачи: обеспечение промышленности дополнительным контингентом рабочих и создание особого режима изоляции для потенциальной "пятой колонны".

В заключительном слове А.В. Бакунин отметил научный интерес представленных докладов, основанных на новом документальном материале, использовании современных методик обработки информации массовых источников.

В.М. Кириллов, О.С. Поршнева
(Нижнетагильский государственный педагогический институт)

Примечание

¹ См. также Б а к у н и н А.В. История советского тоталитаризма. Кн. 1. Генезис. Екатеринбург, 1995.

ВОЗРОЖДЕНИЕ "ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ СРЕД"

Научный совет по историографии и источниковедению РАН имеет давние традиции. В их числе – проведение "Историографических сред", на которых обсуждались наиболее значимые проблемы отечественной исторической науки. В настоящее время, спустя более двух десятилетий, Научный совет вновь возвращается к этой форме своей деятельности. 4 марта 1998 г. им совместно с центром "Историческая наука России" Института российской истории РАН проведена "Историографическая среда", в работе которой приняли участие как ученые Института российской истории, так и историографы и источниковеды МГУ и РГГУ. С докладом "Спецхран и советская историческая наука. 1920–1991 гг." выступила доктор исторических наук Г.Д. Алексеева.

Г.Д. Алексеева рассматривает проблему спецхрана как часть общей истории советской цензуры. Эта проблема долгое время была под запретом, вследствие чего до сих пор является малоисследованной. В основу доклада положены постановления и инструкции, регламентировавшие деятельность спецхранов, а также списки изъятой литературы и ее авторов, сведения о библиотечных фондах и др. Основное внимание было уделено следующим вопросам: причины и время возникновения спецхранов в системе научных библиотек, этапы их функционирования; факторы, влиявшие на комплектование и эволюцию книжных фондов центральных научных библиотек Москвы. Среди спецхрановской литературы, согласно подсчетам докладчика, лидировали издания, посвященные истории России XX в., в том числе важнейшим проблемам Октябрьской революции, Гражданской войны, социалистического строительства, по истории Коммунистической партии. На конкретных примерах в докладе показано, что изъятие литературы в 1937–1938 гг. нанесло громадный ущерб изучению истории России.

Г.Д. Алексеева считает, что положение дел не было полностью исправлено и в годы оттепели, когда часть изданий была "реабилитирована", но затем вновь возвращена в спецхраны. Значительная работа по восполнению этих пробелов была проделана авторским коллективом "Очерков истории исторической науки в СССР". Однако и до сегодняшнего дня многие книги из числа попавших в спецхраны не вошли в научный оборот, несмотря на ликвидацию системы спецхранов после 1991 г. Задача полного овладения этим комплексом документов и исследований весьма актуальна для историков и, в особенности, для историографов.

Подводя итоги заседания, председатель Научного совета по историографии и источниковедению РАН член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров отметил, что очередные заседания "Историографических сред" будут посвящены комплексным проблемам отечественной историографии и источниковедения на современном этапе.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВОЙ КНИГИ ПО ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА*

На нашей памяти впервые монография по истории стала фактом подобной презентации. Не бестселлер, не художественный альбом, а научный труд собрал в феврале 1998 г. в Актовом зале старого здания университета самую разнохарактерную публику. Сюда пришли журналисты и издатели, сотрудники ряда музеев, члены Дворянского собрания и Общества XVIII века, сотрудники институтов российской истории и истории естествознания и техники РАН, астрономы, художники, антропологи, гости из Петербурга и Берлина. Великолепный казаковский зал был полон.

Атмосфера праздника была задана самой темой книги, дорогой и близкой многим независимо от того, учились они в университете или нет. Видимо, в обществе назрела потребность и в такой книге, и в таком разговоре, вышедшем далеко за рамки чисто научного обсуждения и носившем нередко очень эмоциональный характер.

Выступавшие отмечали огромную диспропорцию между ролью Московского университета в отечественной культуре и ее отражением в отечественной исторической литературе. История российских университетов писалась преимущественно к их юбилеям, тогда как в западной историографии существует устойчивая традиция изучения роли университетов в истории культуры и исследования мельчайших подробностей университетской жизни, деталей поведения и быта профессоров и студентов.

Авторы ставили перед собой задачу написать историю Московского университета как историю русской культуры, поставив в центр внимания "историю университетского человека или университетского духа", а не "историю учреждения".

В главе "У истоков университета" рассматривается опыт западноевропейских университетов и традиционной русской школы (с XVII в. в России вдумчиво усваивали европейский опыт). Здесь показано, где и как русский юноша мог получить образование, дан очерк развития просвещения накануне возникновения университета. Помимо Академического университета и гимназии в Петербурге автор главы обращается к опыту Славяно-греко-латинской академии и Сухопутного шляхетного корпуса, долгое время выполнявших роль высшей, а не узко-профессиональной школы. В российском обществе существовали одновременно различные тенденции, и в университете утилитарное, практическое направление петровской школы было побеждено гуманистическим, основанным на воспитании и образовании одновременно.

Вторая глава, посвященная зарождению университетской системы образования в России, основана на скрупулезном изучении самого широкого круга источников. Автор прослеживает, каким образом при создании Московского университета был использован опыт западноевропейских университетов, анализирует связь с Академией наук и Академическим университетом в Петербурге и одновременно фиксирует уникальность опыта Московского университета как старейшего в России. Отмечаются быстрые сроки "созревания" Московского университета и одновременно его особенности, оправданное отсутствие на первых порах университетской автономии, свободы преподавания и т.д.

В монографии "Университет для России" впервые вводится понятие университетского пространства. Термин "пространство", подразумевающий не только материальную, но и духовную среду, становится привычным для культурологических и искусствоведческих работ. Но именно здесь он впервые применяется к университетской жизни. Авторы сочли это необходимым, чтобы отразить активную роль университета в развитии русской культуры. Как показано в главе "Университетское пространство", университет с первых лет своего существования становится творческим, созидающим центром русской культуры, причем появление этого нового европейского культурного феномена в Москве придает древнему городу совершенно иной характер. В главе дается широкая панорама московской жизни, увиденной глазами университетского человека второй половины XVIII века.

Автор главы о профессорах Московского университета отмечает, что предыдущая историография то недооценивала, то превозносила иностранных профессоров, принижая либо возвеличивая при этом профессоров отечественных. В новом труде этой односторонности нет. Здесь даны яркие психологические портреты университетских профессоров и сделана попытка показать их духовный мир и быт во второй половине XVIII в. В том же ключе написана и глава "Студенты", где дается коллективный портрет российских студентов и прослеживаются человеческие судьбы и духовные искания молодых людей той эпохи.

Заключительная глава "Университет в культуре XVIII века" содержит анализ многочисленных связей, которые университет создает в пространстве русской культуры. Он становится важнейшим системообразующим культурным центром: ведь благодаря университету и в связи с ним возникают первая московская

* Университет для России. Взгляд на историю русской культуры XVIII века. М., 1997. 351 с. Тир. 1000 экз. / Под ред. В.В. Пономаревой и Л.Б. Хорошиловой. Авт. колл. А.Ю. Андреев, И.П. Кулакова, Ф.А. Петров, В.В. Пономарева, Л.Б. Хорошилова.

Издание осуществлялось изд-вом "Русское слово" при содействии РГНФ.

газета, книжная лавка, городской театр, первая общественная библиотека, дочерняя гимназия в Казани, преподавательский корпус которой был составлен из выпускников Московского университета, и многое, многое другое.

Авторы делают вывод о том, что в XVIII в. в Московском университете происходило формирование нового типа личности и что не случайно "здесь нравственность, честь и внутренняя человеческая независимость ценились не меньше профессиональных знаний".

В ходе презентации сотрудник издательства МГУ Г.М. Степаненко представил присутствующим сигнальный экземпляр фототипического переиздания "Истории императорского Московского университета" С.П. Шевырева. Тем самым авторы новой книги об университете подчеркнули, что осознают себя продолжателями той прекрасной гуманистической традиции, которую заложил Шевырев.

Академик РАО С.О. Шмидт в своем выступлении отметил высокие достоинства нового труда. Его авторы поднимают вопросы, которые давно оставались без внимания, например, проблему русского масонства как составной части общественного сознания. Оригинально подошли они и к затянувшемуся в сущности бесплодному спору о старшинстве Московского и Петербургского университетов, провозгласив, что первым воистину университетским городом стала Москва. Как отметил С.О. Шмидт, книга хорошо и современно издана, прекрасно иллюстрирована. По его мнению, этот труд о культуре прошлого станет достойным памятником культуре настоящего.

Высокую оценку новой, прекрасно изданной книге о Московском университете дали доцент истфака МГУ Л.Н. Вдовина, видный искусствовед Д.О. Швидковскый, доктор исторических наук А.Л. Хорошкевич (ИРИ РАН), заведующий кафедрой Института стран Азии и Африки В.В. Ремарчук и заведующая отделом искусства XVIII в. Государственной Третьяковской галереи Л.А. Маркина.

В.В. Пономарева, Л.В. Хорошилова
(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова)

**ДОКТОРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ,
УТВЕРЖДЕННЫЕ ПРЕЗИДИУМОМ ВАК РОССИИ В ДЕКАБРЕ 1997 г.
И ЯНВАРЕ 1998 г. (специальность: 07.00.02 – отечественная история и 07.00.09 –
историография, источниковедение и методы исторического исследования)**

1. *Морозов Борис Николаевич*. "Развитие сельского хозяйства, промышленности и промыслов на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX веков (вторая половина 90-х гг. XIX в. – 1917 г.)". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Нижегородском государственном университете.

На основе материалов РГИА, ГА ДВ (Томск), Немецкого центрального архива г. Потсдама, различных опубликованных источников в работе анализируется уровень развития капитализма на Дальнем Востоке в предреволюционный период как в целом в экономике, так и в исследуемых отраслях хозяйства. Значительное внимание уделено автором вопросам сотрудничества и конкурентной борьбы российского и иностранного капитала в регионе, роли государства и частного капитала в экономическом регулировании отношений России с заграничьем.

2. *Штырбул Анатолий Алексеевич*. "Анархическое движение в Сибири (первая четверть XX в.)". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Омском государственном педагогическом университете, защищена в Омском государственном техническом университете.

Это первое обобщающее исследование, посвященное анархистскому движению в одном из крупнейших российских регионов за четверть века. В работе представлена авторская периодизация истории сибирского анархизма, проанализированы его программные и тактические установки, формы и методы революционной деятельности на всех этапах этого движения. Автору удалось найти оптимальное сочетание общероссийского и регионального материала, выявить местную специфику, показать историческую судьбу анархистского движения в России в целом. Работа написана на основе широкого круга источников, включающего материалы местных и центральных органов и общественных организаций, периодическую печать, большое число неопубликованных документов.

3. *Щелоков Олег Владимирович*. "РСДРП: проблемы лидерства и обновления руководства (1907–1912 гг.)". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском педагогическом государственном университете.

В работе на широкой источниковой базе, включающей малоизвестные произведения революционных деятелей – соратников и оппонентов В.И. Ленина, выяснены роль и место проблем лидерства и обновления руководства в истории РСДРП. Исследованы причины и ход философской дискуссии 1908–1911 гг., от политических результатов которой в значительной степени зависела расстановка сил в руководящем составе РСДРП. Впервые в историографии деятельность Каприйской и Болонской партийных школ вписана в комплекс данной проблематики.

4. *Звонарева Лола Уткировна*. "Симеон Полоцкий: мировоззрение и общественно-политическая деятельность". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Республиканском гуманитарном институте при Санкт-Петербургском государственном университете, защищена в этом же университете.

В работе реконструирована противоречивая интеллектуальная атмосфера в московских придворных кругах 60–70 гг. XVII в. и дана развернутая характеристика деятельности и творчества энциклопедиста Симеона Полоцкого в различных областях науки и культуры. Исследовательские задачи решаются автором на широком фоне взаимосвязей и взаимовлияния западной католическо-протестантской и восточно-православной культур, при этом он опирается на документы и материалы архивов и рукописных отделов книгохранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Киева, Львова и Вильнюса.

5. *Мосезинский Владимир Владимирович*. "Старообрядческое движение второй половины XVII века и общественная мысль России". Специальность 07.00.02. (Экспертный совет по отечественной истории ВАК определил, что диссертация соответствует специальности 07.00.09.)

Диссертация выполнена в Республиканском гуманитарном институте при Санкт-Петербургском государственном университете, защищена в этом же университете.

Работа основана на трудах не только авторов работ старообрядческих течений русской общественной мысли, но и историков духовно-академической школы и гражданской исторической науки государственно-православной ориентации, при этом проблема старообрядчества рассматривается как феномен русской

культуры. Автором раскрыта идейно-теоретическая и духовно-содержательная основа учения "старой веры"; изучены малоисследованные исторические воззрения первых старообрядцев, прослежена сложная эволюция старообрядчества – от богословских диспутов в кругу "боголюбцев" до распространения его по всей России и участия сторонников "старой веры" в противоцерковных и противогосударственных восстаниях и мятежах, а также в иных формах активного и пассивного неприятия "антихристовой" власти.

6. *Иванова Александра Георгиевна*. "Исторические корни и особенности политического развития России конца XX века". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Оренбургском государственном университете, защищена в Институте молодежи.

В работе прослеживается эволюция общества России на всех уровнях власти – от федеральных до муниципальных, анализируется практика функционального разделения законодательной и исполнительной власти, особое место уделено процессу становления местного самоуправления и его структурного разнообразия в российских условиях.

7. *Попов Александр Максимович*. "Политические партии и движения в России: история становления и идеология. 1985–1995 гг.". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Ярославском государственном университете.

На основе анализа архивов 15 партий, в том числе документов Аграрной партии, Социал-демократической партии, Партии социальной демократии, партии Демократический выбор России и др., исследованы основные этапы функционирования, идеологические основы политических партий и общественных движений в перестроечный и постперестроечный период. Всесторонне проанализирована социально-политическая обстановка, в которой они появились, показаны причины кризиса КПСС; раскрыто влияние электоральных предпочтений в период избирательных кампаний 1993 и 1995 гг. Деятельность партий и движений показана на фоне изменяющегося общественного сознания и мироощущения широких слоев населения.

8. *Карнишин Валерий Юрьевич*. "Общественно-политический процесс в Поволжье (1905 г. – февраль 1917 г.)". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском педагогическом государственном университете.

В работе предпринята попытка проанализировать специфику общественно-политического процесса в одном из крупнейших регионов Европейской России, прежде всего в Пензенской, Самарской, Саратовской и Симбирской губ. Источниковую базу исследования составили документы и материалы 7 архивохранилищ Москвы и Санкт-Петербурга и 6 архивов поволжского региона. Автором рассмотрена историография проблемы в 20–90 гг., изучена социально-экономическая и политическая жизнь провинциального общества в период модернизации. На основе проработки законодательных и нормативных документов, делопроизводственной документации, периодических изданий и воспоминаний участников событий автор анализирует действия власти в центре и на местах, а также массовые настроения в регионе в условиях Первой российской революции, третьяковской политической системы, Первой мировой войны.

9. *Люттов Лев Николаевич*. "Реформирование промышленности России в годы нэпа (1921–1929 гг.)". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Саратовской государственной экономической академии.

В работе рассмотрен ряд проблем, ранее не исследовавшихся отечественными историками: роль организационных форм в промышленности в приспособлении централизованно-плановых основ ее хозяйственного механизма к условиям рыночных отношений, тенденции в снабженческо-сбытовых, кредитно-финансовых связях и системе управления промышленностью; положение частного сектора в промышленности. Автор предлагает оригинальный подход к реформе как важнейшей части либерализации централизованно-плановой экономической системы, сложившейся в России в 1917–1920 гг.

10. *Алеврас Наталья Николаевна*. "Аграрная политика российского правительства на горнозаводском Урале в последней трети XIX – начале XX в.". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Челябинском государственном университете.

Это первый опыт комплексного изучения истории формирования и реализации правительственной политики реформирования аграрных отношений, сложившихся в системе уральского горнозаводского хозяйства, основанный на различных видах источников – законодательных актах, делопроизводственной документации, периодической печати, статистике.

11. *Баранова Наталья Борисовна*. "Власть и воздействие на массовое сознание в 30-е годы XX века (на материалах Среднего Поволжья)". Специальность 07.00.02 и 23.00.03 – политическая культура и идеология (исторические науки).

Диссертация выполнена и защищена в Московском педагогическом государственном университете.

Работа посвящена неизученной теме, связанной с разработкой и внедрением в массовое общественное сознание различных мифов о социализме партийно-правительственными кругами СССР. Объектом изучения удачно избран многонациональный регион с развитой экономической инфраструктурой, как индустриальной, так и аграрной. В заключении работы автором дан ряд рекомендаций современным политикам по формированию идейных и духовных ценностей общества.

12. *Демин Михаил Александрович*. "Коренные народы Западной Сибири в русской историографии конца XVI – первой трети XVIII века". Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена в Барнаульском государственном педагогическом университете, защищена в Томском государственном университете.

В работе на основе более 200 наименований нарративных источников выявлены основные особенности и тенденции формирования исторических представлений о коренных народах Западной Сибири в широком хронологическом диапазоне, прослежены возникновение и трансформирование этнических стереотипов и отражение этих явлений в историографии. Автором реконструирован процесс зарождения элементов научного подхода к теме сибирских аборигенов, исследованы взгляды авторов конца XVI – первой трети XVIII в. на проблемы вхождения северо-азиатских народов в состав Российского государства.

13. *Ремнев Анатолий Викторович*. "Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX в.". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Омском государственном университете, защищена в Санкт-Петербургском филиале Института российской истории РАН.

На примере сибирского региона автору удалось поставить и решить ряд оригинальных задач в освещении исторического опыта местного управления Российской империи в XIX – начале XX в., существенно скорректировать понимание значения сибирской генерал-губернаторской и губернаторской власти в административной иерархии. В работе показана эволюция и внутренняя противоречивость правительственного взгляда на Сибирь в XIX – начале XX в.

М.И. Копашева,
главный специалист ВАК РФ

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

(по материалам "Книжного обозрения" за январь – март 1998 г.)

Алтайский сборник: Вып. XVIII / Алт. гос. краевед. музей; Редкол. В.А. Скубневский и др. Барнаул, 1997. 306 с.

Белая книга: О жертвах полит. репрессий. Самар. обл. Т. 5. Самара: Самар. Дом печати, 1997. 496 с.

Бестужев-Лада И. Россия накануне XXI века. 1904–2004: От колосса к коллапсу и обратно. М.: Рос. печ. агентство, 1997. 230 с.

Блинов Н.М. Таможенная политика России X–XX вв.: Крат. научн.- попул. очерк. М.: Русина, 1997. 272 с.

Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: История и теория междун. отношений в Вост. Азии после Второй мировой войны (1945–1995) / Ин-т США и Канады РАН. М., 1997. 352 с.

Бологов А. Псков: Памятники древности. Путеводитель. Псков: Отчина, 1997. 124 с.

Быстренко В.И. Наемный труд в сибирской деревне в 20-е годы (партийно-государственная политика в отношении батрачества) / НГАЭиУ. Новосибирск, 1997. 286 с.

Волкогонов Д. Сталин: Полит. портрет. В 2 кн. Кн. 1. 4-е изд. М.: Новости, 1997. 622 с. (Вожди). При содействии изд-ва "Новая Волна".

Волкогонов Д. Семь вождей: Галерея лидеров СССР. В 2 кн. М.: Новости, 1997. При содействии изд-ва "Новая Волна". Кн. 1. Владимир Ленин. Иосиф Сталин. Никита Хрущев. 496. Кн. 2. Леонид Брежнев. Юрий Андропов. Константин Черненко. Михаил Горбачев. 480 с.

Вспомогательные исторические дисциплины. XXVI: К 60-летию со дня смерти акад. Н.П. Лихачева / Редкол. М.П. Ирошников и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 368 с.

- Гваньини А.** Описание Московии/Пер. с латин., введ. ст., коммент. Г.Г. Козловой. М.: Греко-латин. кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. 176 с. На латин., рус. яз.
- Горбачев М.С.** Размышления об Октябрьской революции. М.: Апрель–85, 1997. 120 с.
- Граф Г.К.** На "Новике": Балт. флот в войну и революцию. Флот и война. Смерть флота. 2-е изд. СПб.: Гангут, 1997. 488 с.
- Григорьев Г.Л.** Кого боялся Иван Грозный? К вопросу о происхождении опричнины/С предисл., ст. А.Л. Никитина "Соломония Сабурова и второй брак Василия III". М.: Интеграф Сервис, 1998. 128 с.
- Данилов А.А.** Рабочая тетрадь по истории России для студентов вузов. М.: ВЛАДОС, 1998. 164 с.
- Демин В.** От ариев к русичам: Концептуальный истор. очерк. М.: Журн. "Рус. Правда", 1998. 224 с.
- Депортация карачаевцев: Документы рассказывают/Карачаево-Черкес. ин-т гуманитар. исслед. при Правительстве КЧР; Сост. Р.С. Тебуев. Черкесск, 1997. 342 с.**
- Драган Г.Н.** История России. Учебное пособие для вузов / Ин-т упр. и права. М.: ИПО Профиздат, 1997. 208 с.
- Дубинина Н.** Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти / Приамур. геогр. об-во. Хабаровск, 1997. 206 с.
- Елисеев С.М., Смирных А.И.** Лоскут Сибири, Уралу отмеренный. Екатеринбург: Средн.-Урал. кн. изд-во, 1997. 176 с.
- Емельянов Ю.Н.** С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 350 с.
- Епифанов А.Е.** Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР: Ист.-правовой аспект / Волгогр. юрид. ин-т МВД РФ. Волгоград, 1997. 215 с.
- Земля Ленинградская: герои и судьбы/Авт.-сост. В.Б. Федоров. СПб.: ИПК "Вести", 1997. 176 с.**
- Зенькович Н.** Покушения и инсценировки: От Ленина до Ельцина. М.: ОЛМА-Пресс, 1998. 649 с. (Досье).
- Зенькович Н.** Тайны уходящего века: Власть. Распри. Подоплека. М.: ОЛМА-Пресс, 1998. 585 с. (Досье).
- Злоказов Г.И.** Меншевицско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. М.: Наука, 1997. 336 с.
- И прикнувшийся к ним Шепилов: Правда о человеке, ученом, воине, политике/Сост. Т. Толчанова, М. Ложников. М.: Звонница-МГ, 1998. 286 с. (XX век: История. Лики. Лица. Личины).**
- Иванов А.А.** Дома и люди. Из истории петербургских особняков. СПб.: Лениздат, 1997. 527 с.
- Иванов В.Ф.** Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М.: Ред. жур. "Москва", 1997. 544 с. (Пути рус. имперского сознания).
- Историки и история: Жизнь, судьба, творчество. Т. 2. М.: Остожье, 1998. 870 с. (Анатомия истории). При участии ГП ИПФ "Ставрополье".**
- История внешней политики России: Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции) / Редкол. В.А. Емец и др. М.: Международные отношения, 1997. 672 с.**
- История России: Атрибуты государственности. Учебн. пособие для вузов / А.А. Резник и др. СПб.: Петропресса, 1997. 280 с.**
- История России XIX – начала XX в.: Учебн. для ист. фак. ун-тов / Под ред. В.А. Федорова. М.: Зерцало, 1998. 744 с.**
- История России: XX век: Компьютерный (мультимедиа) учебник / Т.С. Антонов и др. М.: Клио Софт, 1997. 124 с.**
- История России: Учебн. пособие для вузов / М.М. Горинев и др. М.: ВЛАДОС, 1998. Т. 1. 256 с. Т. 2. 472 с.**
- История Русской Америки. 1732–1867: В 3 т. Т. 1. Основание Русской Америки. 1732–1799 / Под ред. Н.Н. Болховитинова. М.: Международные отношения, 1997. 480 с.**
- Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв.: Сб. ст./Ин-т российской истории РАН; Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 1997. 191 с.**
- Кабанов В.В.** Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М.: РГГУ, 1997. 385 с.
- Казань, Москва, Петербург: Рос. империя взглядом из разных углов / Ред. Б. Гаспаров и др. М.: О.Г.И. (Объединенное гуманитар. изд-во), 1997. 414 с. На рус., англ. яз.**
- Кандыба В., Золин П.** История и идеология русского народа. СПб.: Лань, 1997. Т. 1. 512 с. Т. 2. 350 с.
- Карамзин Н.М.** История государства Российского: В 3 кн. СПб.: Золотой век; Диамант, 1997. Кн. 1. Т. I–IV. 624 с. Кн. 2. Т. V–VIII. 720 с. Кн. 3. Т. IX–XII. 704 с.
- Кильсеев Е.И.** История Отечества. IX–XVIII вв.: Термины, понятия, персоналии. Метод. пособие / Волго-Вят. акад. гос. службы. Н. Новгород, 1997. 162 с.
- Ключевский В.О.** Происхождение крепостного права в России. Подушная подать и отмена холопства в России. М.: Хронограф, 1997. 155 с.
- Краснодарский край в 1937–1941 гг.: Документы и материалы / Упр. по делам архивов администрации Краснодар. края / Ред. совет А.А. Алексеева и др.; Сост. А.М. Беляев и др. Краснодар: Эдви, 1997. 120 с. (История без мифов).**
- Кузма Минин – Дмитрий Пожарский: Сб./Авт.-сост. В.А. Шамшуринов. М.: Новатор, Издатель К.В. Кренов, 1997. 398 с. (Рос. судьбы – РОСС).**
- Купцов Б.** Весьёгонск: Вехи истории. Тверь: Твер. обл. книж.-журн. изд-во, 1997. 320 с.

- Ли Ван Чон.** От Ленина к сталинизму. 1917–1939/Ин-т российской истории РАН. М., 1997. 458 с.
- Материалы "Особой папки" Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг.** / Ин-т славяноведения и балканистики РАН. М., 1997. 142 с.
- Минувшее:** Ист. альманах. 22/Гл. ред. В. Аллой. СПб.: Atheneum – Феникс, 1997. 654 с.
- Морозов Н.А.** ГУЛаг в Коми крае. 1929–1956 / Сыктывкар. гос. ун-т. Сыктывкар, 1997. 190 с.
- Нечволодов А.** Сказания о Русской земле. М.: Сварог и К, 1997. Кн. I. Ч. I–II. 848 с. Кн. II. Ч. III–IV. 849–1019 с.
- Никитин А.Л.** Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России: Исслед. и материалы. М.: Интеграф Сервис, 1998. 344 с.
- Нюрнбергский процесс:** Сб. материалов в 8 т. Т. 7. М.: Юридическая литература, 1997. 736 с.
- Орлов В.В.** П.Е. Ефремов: легенды и действительность. Чебоксары: Чувашия, 1997. 212 с.
- Отечественная история:** Учебник для вузов / Под ред. Ш.М. Мунчаева. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998. 412 с. (Б-ка жур. "Закон и право").
- Очерки истории российской внешней разведки:** В 6 т. Т. 2. 1917–1933 гг./Гл. ред. Е.М. Примаков. М.: Международные отношения, 1997. 272 с.
- Панарин А.С.** Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 350 с.
- Пашаева Н.М.** Москва в зеркале столетий: Очерки сохранившихся памятников. 1147–1917 / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 1997. 180 с. (Старая Москва).
- Петр I и Голландия:** Русско-голландские научн. и худож. связи в эпоху Петра Великого. Сб. научн. трудов / Под ред. Н. Копаневой и др. СПб.: Европ. Дом, 1997. 408 с.
- Петр Столыпин:** Сб./Сост. Г.И. Лысов. М.: Новатор, Издатель К.В. Кренов, 1997. 428 с. (Рос. судьбы – РОСС).
- Петров Ю.А.** Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. – 1914 г. М.: РОССПЭН, 1998. 368 с.
- Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века** / Ин-т российской истории РАН; Сост. Е.И. Колычева, Н.П. Воскобойникова. М., 1997. 309 с.
- Политическая история Российского государства:** Учебник для вузов / Под ред. Ш.М. Мунчаева. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998. 487 с. (Б-ка жур. "Закон и право").
- Практикум по истории России для студентов вузов** / Под ред. А.А. Данилова. М.: ВЛАДОС, 1998. 136 с.
- Пукинский Б.К.** Санкт-Петербург. 1000 вопросов и ответов. 3-е изд., перераб. СПб.: Норинт, 1997. 430 с. (Панорама Петербурга).
- Пятницкий В.** Заговор против Сталина. М.: Современник, 1998. 478 с. (Жестокий век.: Кремлевские тайны).
- Реввоенсовет Республики:** Протоколы, 1918–1919. Сб. документов. М.: Информ.-изд. агентство "Рус. мир", 1997. 640 с.
- Российско-эфиопские отношения в XIX – начале XX в.:** Сб. документов / Сост. А.В. Хренков. М.: Изд. фирма "Восточная литература" РАН, 1998. 583 с.
- Россия и США:** экономические отношения. 1917–1933: Сб. документов / Сост. А.Ю. Бахтурина и др. М.: Наука, 1997. 440 с.
- Россия – Сиам. 1863–1917:** Документы и материалы / Сост. Ю.В. Басенко и др. М.: Международные отношения, 1997. 318 с.
- Россия: 300 лет побед и поражений (войны и конфликты):** Краткий ист.-хронол. справочник / Карачаево-Черкесский ин-т гуман. исслед.; Авт.-сост. К.С.-Б. Урусов. Черкесск, 1997. 196 с.
- Русский Архив:** Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г.: Т. 13 (2–2)/Отв. сост. А.И. Барсуков. М.: Терра, 1997. 448 с.
- Русский биографический словарь:** Притвиц-Рейс. Репринт. воспроизведение. М.: Аспект Пресс, 1997. 560 с.
- Санкт-Петербург:** окно в Россию. 1900–1935: Материалы междуна. научн. конференции. Париж, 6–8 марта 1997. СПб.: Феникс, 1997. 244 с.
- Саратовской губернии черты:** К 200-летию Сарат. губернии / Сост. В.Х. Валеев. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1997. 544 с.
- Селезнев И.А.** Тайны российской истории XX века. Краснодар: Сов. Кубань, 1997. 128 с.
- Сергеев Е.К.** Реутов от хутора до града: Ист. очерк. М.: Изд. фирма "А.В. Туров", 1997. 238 с.
- Сергиев Посад:** Страницы истории. XIV – начало XX века / Текст К. Филимонова; Сост. Н. Соловьев, К. Филимонов; Предисл. Т. Манушиной. М.: Изд. дом "Подкова", 1997. 254 с.
- Серова О.В.** Горчаков, Кавур и объединение Италии. М.: Наука, 1997. 352 с.
- Сибирь в XVI–XX веках:** Экономика, обществ.-полит. жизнь и культура. К 70-летию чл.-кор. РАН Л.М. Горюшкина / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Изд-во СО РАН; Научн.-изд. центр ОИГГМ, 1997. 302 с.
- Сигаури И.М.** Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.: Изд. дом "Рус. жизнь", 1997. 366 с.
- Солодкин Я.** История позднего русского летописания. М.: МАЛП, 1997. 200 с.

- Смирнов Н.** Вплоть до высшей меры. М.: Московский рабочий, 1997. 220 с.
- Соловьев С.М.** Сочинения: В 3 т. Т.3. Император Александр I. Политика, дипломатия / Сост., коммент. А.А. Егорова, С.Г. Горяйнова. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 638 с.
- Средние века:** Вып. 60/Редкол. Н.И. Басовская и др. М.: Наука, 1997. 224 с.
- Степанов А.П.** Енисейская губерния. Красноярск: Горница, 1997. 224 с.
- Стецовский Ю.** История советских репрессий. В 2 т./Общественный фонд "Гласность". М., 1997. Т. 1. 599 с. Т. 2. 434 с.
- Страницы российской истории:** Путешествие по минувшим векам / Сост. В.В. Алексеев, В.А. Степанов. М.: Изд. Дом "Прибой", 1998. 480 с.
- Тархова Л.** Заложники Кремля. М.: АСТ-Пресс, 1998. 444 с.
- Тафаев Г.И.** Малая родина: Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. 190 с.
- Тимошина Т.М.** Экономическая история России: Учебн. пособие / Под ред. М.Н. Чепурина. М.: Филинъ; Юстицинформ, 1998. 432 с.
- Тобольский хронограф:** Вып. 3/Ред.-сост. В.Ю. Софронов. Екатеринбург: ИПП "Уральский рабочий", 1998. 512 с.
- Токарев А.И.** Изменения политической системы российского общества. 1861–1925 гг.: Учебн. пособие. 2-е изд., доп., перераб. Уфа: Вост. ун-т, 1997. 186 с.
- Тороцин П.П.** Сборник лекций по истории Великой Отечественной войны. М.: ПИК ВИНТИ, 1997. 240 с.
- Третьяков В.В., Третьяков В.Г.** Кадеты Восточной Сибири в 1905–1917 гг. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 240 с.
- Троицкий Н.А.** Россия в XIX веке: Курс лекций. М.: Высшая школа, 1997. 432 с.
- Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга:** Исследования и материалы. Вып. II. От Музея Старого Петербурга к Гос. музею истории Санкт-Петербурга/ГМИСПб.; Сост. В.А. Фролов. СПб., 1997. 206 с.
- 1917 год в судьбах России и мира.** Февральская революция: От новых источников к новому осмыслению / Ин-т российской истории РАН; Редкол. П.В. Волобуев и др. М., 1997. 400 с.
- У руба на Хопре:** Истор. очерки и хроника летописи г. Урюпинска. Волгоград: Ком. по печати и информации, 1997. 176 с.
- Устрялов Н.Г.** Русская история до 1855 года: В 2 ч. Петрозаводск: Фолиум, 1997. 957 с.
- Ушаков И.Ф.** Избранные произведения: Ист.-краевед. исслед. В 3 т. Т. 2. Кольская земля. Мурманск: Кн. изд-во, 1997. 648 с.
- Федоров О.А.** История реформ в России (с середины XVI по конец XX века): Моногр. / Орлов. юрид. ин-т. Орел, 1997. 334 с.
- Фролов Н.В., Фролова Э.В.** История земли Ковровской: Ч. 1. История г. Коврова с древнейших времен до 1804 г. Ковров: БЭСТ-В, 1997. 352 с.
- Фроянов И.Я.** Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 160 с.
- Хорькова Е.П.** История предпринимательства и меценатства в России. М.: Приор, 1998. 496 с.
- Хрестоматия по истории России:** Т. 2. Кн. II. Вторая четверть – конец XVIII в./Сост. И.В. Бабич и др. М.: МИРОС, 1997. 284 с.
- Шамиль:** Ил. энциклопедия / Гл. ред. Ш.М. Казиев. М.: Эхо Кавказа, 1997. 224 с.
- Шанин Т.** Революция как момент истины: Россия. 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. / Пер. с англ. М.: Весь мир, 1997. 556 с.
- Швейковская Е.Н.** Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М.: "Археографический центр", 1997. 286 с.
- Шейнин Л.Б.** Петербург и российский меркантилизм: Эпоха Петра I. М.: Наука, 1997. 110 с.
- Широнин В.** КГБ–ЦРУ: Секретные пружины перестройки. М.: Ягуар, 1997. 288 с. (Крестовые походы XX века).
- Штейн М.Г.** Ульяновы и Ленины: Тайны родословной и псевдонима. СПб.: ВИРД, 1997. 277 с.
- Эволюция и революция:** опыт и уроки мировой и российской истории: Материалы междунауч. конференции / Хабаров. гос. пед. ун-т. Хабаровск, 1997. 398 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Седов В.В. – Русский каганат IX века.....	3
Горский А.А. – Московско-ордынский конфликт начала 80-х годов XIV века: причины, особенности, результаты.....	15
Сахаров А.Н. – Александр I и Аракчеев.....	24
Исаев С.-А.А. (г. Грозный) – Аграрный вопрос в Нагорной Чечне в пореформенный период.....	40
Хеллер К. (Германия) – Отечественное и иностранное предпринимательство в России XIX – начала XX века.....	55
Журавская И.Л. – Полковник К.И. Рябцев. Страницы биографии.....	66
Сим Хон-Ёнг (Республика Корея) – К истории корейских общественных организаций в России в первой четверти XX века.....	74
Онегина С.В. – Пореволюционные политические движения российской эмиграции в 20–30-е годы. (К истории идеологии).....	87
Зубова Е.Ю. – Мир мнений советского человека. 1945–1948 гг. (Окончание).....	99
Зеленин И.Е. – Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской "сверхпрограммы" (сентябрь 1953 – начало 60-х годов).....	109
Версии и гипотезы	
Плимак Е.Г., Антонов В.С. – Тайна "заговора Тухачевского". (Невостребованное сообщение советского разведчика).....	123
Дискуссии и обсуждения	
"Красная смута" на "круглом столе".....	139
Критика и библиография	
Агаджанов С.Г., Трепавлов В.В. – В.А. Арутюнова-Фиданиян. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур.....	169
Эскин Ю.М. – С.М. Каштанов. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв.....	172
Айрапетов О.Р. – Т. Прусис. Русское общество и греческая революция.....	175
Данченко С.И. – История внешней политики России. Вторая половина XIX века.....	177
Павлов Д.Б. – Династия Рябушинских.....	180
Петров Ю.А. – Л. Томас. Стремление к великодержавию. Российский торговый флот. 1856–1914 гг.	181
Коновалов В.С., Кирьянов Ю.И. – Х.Я. Яан. Патриотическая культура в России в период Первой мировой войны.....	185
Телицын В.Л. – Военный коммунизм: новый взгляд на старые проблемы.....	188
Шелестов Д.К. – В.Б. Жиромская. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов.....	195
Шагин Э.М., Попов В.П. – Л.Н. Денисова. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы.....	196
Бутт В.П. – Н.М. Алещенко. Московский Совет в 1977–1993 гг. Кризис власти?.....	197
Куманев Г.А., Кондакова Н.И. – Новая хрестоматия по отечественной истории.....	198
Дьяконова И.А. – А. Аэр. Патенты в имперской России. История русской системы привилегий на открытия в период старого режима.....	199
Вайль Борис (Дания) – Книги о русской эмиграции в Дании.....	201
Овчинников Р.В. – Страницы военного некрополя старой Одессы. Биографический справочник.....	204
Научная жизнь	
Леонидов В.Л. – 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. Международная научная конференция.....	206
Кириллов В.М., Поршнева О.С. (Нижний Тагил) – История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Заметки с научной конференции.....	210
Возрождение "Историографических сред".....	213
Пономарева В.В., Хорошилова Л.В. – Презентация новой книги по истории Московского университета.....	214
Докторские диссертации по отечественной истории.....	216
Новая литература по отечественной истории.....	218